

Фредерик Дж. Тёрнер

ТЕМА

Фронтир
в американской
истории

ВСЁ
МИР

ТЕМА

Фредерик Дж. Тёрнер

Фронтир
в американской
истории

ВСЬ
МИР

Москва 2009

УДК 63.3(0)52+63.3(7)
ББК 930(7)
Т 35

Перевод с английского: *А.И. Петренко*

Ответственный редактор: *д.и.н., проф. В.В. Согрин*

Научный редактор: *к.и.н. Л.М. Троицкая*

Издание осуществлено при содействии
Отдела по вопросам печати и культуры Посольства США

Тёрнер Фредерик Дж.
Т 35 **Фронтир в американской истории** / Пер. с англ. — М.: Издательство
«Весь Мир», 2009. — 304 с.
ISBN 978-5-7777-0365-1

Книга всемирно известного классика исторической науки США Фредерика Джексона Тёрнера (1861–1932) «Фронтир в американской истории» является собранием его основных статей и выступлений с 1893 по 1918 г., в которых сформулирована и подробно разработана концепция «фронтира» («границы»). В центре внимания находится территориальная экспансия и американский Запад как ключевые, с точки зрения Тёрнера, факторы развития США в целом и роли демократических институтов страны в частности. Книга привлечет к себе внимание не только тех, кто интересуется историей американской цивилизации, но и тех, кто хочет расширить познание всемирно-исторического процесса. На русском языке публикуется впервые.

УДК 63.3(0)52+63.3(7)
ББК 930(7)

Перевод на русский язык выполнен по изданию:
Turner, Frederick Jackson. *The Frontier in American History*.
N.Y.: Henry Holt and Company, 1920.

Содержание

От редакторов	6
Предисловие	11
Глава I. Значение фронта в американской истории	13
Глава II. Первый официальный фронт Массачусетского залива	44
Глава III. Старый Запад	67
Глава IV. Средний Запад	115
Глава V. Место Долины реки Огайо в американской истории	140
Глава VI. Значение Долины реки Миссисипи в американской истории	156
Глава VII. Проблема Запада	177
Глава VIII. Доминирующие силы в жизни Запада	191
Глава IX. Вклад Запада в американскую демократию	208
Глава X. Идеалы пионеров и Университет штата	229
Глава XI. Запад и американские идеалы	247
Глава XII. Социальные силы в американской истории	265
Глава XIII. Демократия пионеров Среднего Запада	284

От редакторов

Выдающийся американский ученый Фредерик Джексон Тёрнер вошел в историю науки как создатель фундаментальной концепции «фронта» («границы»), без которой сегодня трудно представить осмысление не только американской, но и мировой истории. Особое значение имеет она и для понимания истории России в силу немалого числа параллелей в американской и отечественной истории. Парадоксально, но на русский язык широко известные работы Тёрнера никогда не переводились, оставаясь доступными только специалистам. Настоящее издание ключевых статей и выступлений историка о «фронтире» восполняет этот досадный пробел.

В 1893 г. профессор истории Университета штата Висконсин Фредерик Джексон Тёрнер представил на суд профессионального сообщества и широкой общественности концепцию «фронта» («границы») в американской истории, выступив с докладом на заседании Американской исторической ассоциации в Чикаго во время Всемирной выставки. Позднее на протяжении четверти века ученый развивал эту концепцию, оказавшую огромное влияние на понимание истории США и развитие американской исторической науки на протяжении всего XX в. И поныне интерес к «фронтиру» и американскому Западу продолжает сохраняться далеко за пределами Соединенных Штатов.

Историк уделил также очень большое внимание проблеме регионального развития страны, разработав концепцию «секций», которую ряд исследователей оценивал столь же высоко, как и теорию «фронта». Тёрнер стал одним из основателей «прогрессивистской» школы американской историографии и по праву считается классиком исторической науки США. Он придавал важное значение изучению социально-экономических факторов, призывал историков заимствовать некоторые методы из смежных дисциплин.

Термин «фронт» (от frontier — граница, рубеж) имел для Тёрнера прежде всего историческое значение и обозначал приграничную по-

лосу либо область так называемых «свободных земель» во внутренних районах североамериканского континента, которая на протяжении всей истории страны вплоть до конца XIX в. осваивалась белыми поселенцами и постепенно перемещалась («подвижная граница») в ходе территориальной экспансии на Запад, достигнув Тихоокеанского побережья. Постепенно этот термин прочно вошел в научный и общественно-политический словарь и приобрел более широкое толкование как область или сфера, открывающая новые возможности.

В центр своей концепции «фронтира» Ф.Дж. Тёрнер поставил Запад, сыгравший, по его убеждению, ключевую роль в формировании особенностей, которые придали США в целом и прежде всего американской демократии кардинальное отличие от других стран и форм государственного устройства. Историк утверждал, что американская демократия вышла из девственных лесов Америки, а не была ввезена в Новый Свет из Европы с ее классовыми, национальными, религиозными, пограничными и прочими конфликтами и войнами. В социальном плане «фронтир» был «предохранительным клапаном», который давал Соединенным Штатам уникальный шанс смягчить социальную напряженность в обществе. Тёрнер считал, что на «границе» формировались и постоянно воспроизводились идеалы свободы и демократии.

Исследователи последующих поколений подправляли концепции историка. Например, они показали, что на западные земли устремлялись и создавали там свои хозяйства по преимуществу не пролетарии восточных штатов, как полагал Тёрнер, а малоимущие или не получившие наследства от родителей фермеры обжитых районов. Было также признано, что ядром формирования американской политической демократии были все же восточные штаты, а ее архетипом, как и основным архетипом всей американской цивилизации, являлось англосаксонское наследие. Можно указать и на другие недостатки Тёрнера, например, тенденцию абсолютизировать роль Запада в качестве географического фактора. На этот недостаток хотелось бы обратить внимание по той причине, что он присущ и ряду российских исследователей, пытающихся в сравнительно-исторических трудах проводить параллель между свободными землями американского Запада и свободными землями Сибири и Дальнего Востока эпохи российской империи. В действительности Россия не смогла даже в малой мере извлечь из своих свободных восточных пространств такую пользу, какую извлекли из своих западных территорий Соединенные Штаты. Главная причина заключена в фундаментальном различии социально-политических основ двух обществ: феодально-монархическая Россия не могла дать своему населению тех возможностей в освоении свободных территорий, какие давали пусть и не всему, но значитель-

ной части своего народа радикально отличные по социальной природе Соединенные Штаты.

И все же при всех недостатках концепции Тёрнера сохраняют научное значение. Самое главное в том, что Запад действительно серьезно влиял на цивилизационное своеобразие США. Массовое переселение американцев на западные территории и обращение многих из них в самостоятельных собственников укрепляло демократические стороны американского капитализма, расширяло его социальную базу, обеспечивало ему преимущества, которых не было у других обществ западной цивилизации. Капитализм в сельском хозяйстве США развивался более динамично и успешно, нежели, например, в Англии, как и в большинстве других европейских стран, где нижние слои не располагали схожими возможностями продвижения в верхние социальные группы. Благодаря в первую очередь наличию «подвижной границы» на Западе, как она известна в исторической литературе, создавалась «подвижная граница» между классами. Важно отметить также, что в XIX в. многие американские рабочие, даже не имея возможности накопить деньги, чтобы переселиться на Запад в качестве фермеров, тем не менее, в своем большинстве мечтали именно об этом. Они разделяли то, что многие историки называют *эгалитарным мифом*: веру в возможность превращения в американских условиях в самостоятельного хозяина.

На рубеже XIX–XX вв. «фронтир» («граница») достиг своего естественного географического предела, но его цивилизационное значение не было исчерпано, ибо он сохранился в качестве социокультурного архетипа в американской национальной ментальности. В ней прочно укоренилось то представление, что каждый индивидуум должен иметь и имеет возможность преодолевать жизненные «фронтиры», не бояться «сниматься с места», если возможности имущественного или статусного роста исчерпаны или неудовлетворительны, устремляться на новые места, которые обещают новые, лучшие возможности. Все поколения американцев, даже после исчерпания географического «фронтира», демонстрировали гораздо большую, нежели другие народы, горизонтальную мобильность – в случае с гражданами США способность по несколько раз в жизни менять места проживания и трудовую деятельность.

Непосредственное знакомство с трудами одного из столпов американской историографии, давно ставшими достоянием мировой науки, будет полезно всем, кто, изучая прошлое, пытается понять сложные проблемы современности.

*Доктор исторических наук, профессор В.В. Согрин
Кандидат исторических наук Л.М. Троицкая*

Моей жене Каролине М. Тёрнер

Предисловие

При переиздании этих очерков в виде сборника мне показалось, что лучше всего будет напечатать их в той форме, в которой они были опубликованы первоначально, лишь сделав некоторые небольшие исправления ошибок, вкравшихся в текст, и устранив допущенные в нескольких местах повторения текста в различных эссе. В значительной мере ценность этих очерков может объясняться тем, что они представляют собой публиковавшиеся в различные периоды времени работы, концентрировавшиеся на одной главной теме — влиянии фронта на американскую историю. В связи с этим они могут иметь определенное историческое значение как попытки современного исследователя истории США, изучившего стадии нашего развития, последовательно сменявшиеся на протяжении последней четверти столетия, и стремившегося дать объяснение отношений между настоящим и прошлым. Я выражаю благодарность различным научным обществам и периодическим изданиям, разрешившим мне вновь опубликовать эти работы.

В настоящий сборник не включены различные исследования, затрагивающие вопросы связи между дипломатической историей и фронтиром, а также те, в которых подчеркивалось значение в американской истории секции, или географической провинции. Тематика данного сборника не включает проблемы фронтиров во французских или испанских владениях.

Лишь будущее сможет прояснить, насколько эти интерпретации оказались верны в отношении эпохи колонизации, которая постепенно подошла к концу с исчезновением и фронта, и свободных земель. Одно лишь будущее сможет открыть, сколь многое из мужественного созидательного американского духа и какая доля исторических американских идеалов должны быть перенесены в пришедшую

на смену эпохе свободных земель и относительной изоляции новую эпоху консолидированного и комплексного индустриального развития и все большего сродства и роста связей между Новым Светом и Старым Светом.

И тем не менее отличительный и ценный американский вклад в историю человеческого духа в большей своей части происходит из необычного опыта нашей страны, продвигавшей в новые районы фронтир своего типа и последовательно создававшей мирные общества с новыми идеалами в появлявшихся одна за другой обширных и разнообразных географических провинциях, которые все вместе образуют Соединенные Штаты. Прямо или косвенно этот опыт сформировал жизнь восточных, так же как и западных, штатов; этот опыт даже оказал воздействие на Старый Свет и повлиял на направление его мышления и его прогресса. Этот опыт лег в основание экономических, политических и социальных особенностей американского народа и его представлений о своей судьбе.

В конце 1796 г. посланник Франции в США г-н Адэ сообщил своему правительству, что нельзя полагаться на Т. Джефферсона в отстаивании французских интересов. Он добавил при этом: «Джефферсон, говорю я Вам, это американец, и как таковой он не может быть нашим искренним другом. Любой американец — это прирожденный враг всех европейских народов». Сколь бы очевидно ошибочны ни были эти слова, в них была доля правды. Если мы хотим осознать эту долю правды, то следует изучить преобразующее воздействие девственной природы Америки, столь далекой от Европы, которая своими ресурсами и свободно предоставленными возможностями создала те условия, в которых новый народ, со своими новыми социальными и политическими типами и идеалами, смог возникнуть для того, чтобы сыграть в мире собственную роль и повлиять на Европу.

*Фредерик Дж. Тёрнер
Гарвардский университет,
март 1920 г.*

Глава I. Значение фронта в американской истории¹

В одном из недавно вышедших бюллетеней федерального суперинтенданта по переписи населения за 1890 г. появились следующие примечательные слова: «Вплоть до 1880 г. включительно у страны имелся фронт для заселения, но в настоящее время в безлюдных районах появилось столько изолированных поселений, что вряд ли можно говорить о линии границы. Поэтому обсуждению проблем протяженности фронта, его продвижения на запад и т. п., больше не может быть места в цензовых докладах». Это короткое официальное заявление знаменует окончание великого исторического движения. Американская история вплоть до наших дней в значительной мере была историей колонизации Великого Запада. Существование значительной территории свободных земель, ее постоянное отступление и продвижение американских поселений на запад — вот объяснения развития Америки.

За институтами, конституционными формами и их модификациями таятся жизненные силы. Именно они порождают эти органы и вносят в них перемены, когда возникает необходимость соответствовать изменившимся обстоятельствам. Отличительное свойство американских институтов заключается в том, что они были вынуждены приспособляться к изменениям, происходившим в расширяющемся народе — изменениям, вызванным переходом через континент, освоением дикой природы и созданием на каждом этапе этого продвижения сложноорганизованной городской жизни, возникавшей из примитивных экономических и политических условий фронта. В 1817 г. Дж. Кэлхун заявил: «Мы великие, и мы быстро — я чуть не сказал ужасно быстро — растем!»² Этими словами он дал определение отличительной черты американской жизни. Все народы развиваются; теории зарождения политики придавалось достаточное значение. Однако в том,

что касается большинства наций, развитие происходило в ограниченных районах; и если нация расширялась, она встречалась с другими растущими народами, завоевывая их. Но в том, что касается США, мы имеем иной феномен. Если мы ограничим свое внимание только Атлантическим побережьем, то здесь перед нами предстают знакомое явление эволюции институтов на ограниченной территории, например, в форме возникновения представительного управления; дифференциации простых структур колониального управления в сложные органы; прогрессивного развития от общества примитивного производства, не имевшего разделения труда, до промышленной цивилизации. Но в дополнение к этому в каждом районе Запада, куда доходил процесс экспансии, повторялось одно и то же — там происходила эволюция. Таким образом, американское развитие демонстрировало не только восходящее движение в виде сплошной линии, но и возврат к примитивным условиям жизни на непрерывно продвигающейся вперед передовой черте поселения, а также развитие этих районов заново. Американское общественное развитие постоянно начиналось на территории фронта снова и снова. Это вечное возрождение, эта текучесть американской жизни, эта экспансия на запад с ее новыми возможностями и непрекращающимся соприкосновением с простотой примитивного общества — все это порождает силы, доминирующие в американском национальном характере. Верную точку зрения на историю США дает не Атлантическое побережье, а Великий Запад. Даже борьба с рабовладением, которой уделяют столь огромное внимание исследователи — такие, как профессор фон Хольст, — занимает важное место в американской истории из-за того, что она связана с экспансией на запад.

При этом продвижении фронтир представляет собой внешний край волны — место контакта дикости и цивилизации. Очень много было написано о войнах на границе, о погонях, но фронтиру не уделялось никакого внимания как предмету серьезных экономических и исторических исследований.

Американский фронтир резко отличается от европейского, представлявшего собой укрепленные пограничные линии, проходящие через густо населенные местности. Наиболее важной чертой американского фронта является то, что он находится на ближнем к нам крае свободных земель. В докладах о результатах переписей населения к нему относят пределы поселения с плотностью в два и более на квадратную милю. Это гибкий термин, но для наших целей не требуется четкое определение. Предметом нашего рассмотрения будет вся полоса фронта, включая территории индейцев и внешние границы «населенных районов», как их называют в этих документах. В настоящем

докладе не делается попытки исчерпывающего рассмотрения вопроса; в его задачу входит просто привлечь внимание к фронтиру как плодотворной области исследований и высказать предположения о некоторых проблемах, которые возникают в связи с этим.

Изучая процесс заселения Америки, мы должны проследить, как европейская жизнь проникала на наш континент и каким образом Америка вносила изменения в европейскую жизнь, как она ее развивала и реагировала на Европу. Наша ранняя историография изучала то, как европейские вирусы развивались в американской среде. Исследователи истории институтов уделяли чересчур много внимания их германским корням и слишком мало — американским факторам. Фронт — это полоса наиболее быстрой и эффективной американизации. Дикая местность подчиняет себе колониста. Он приходит туда европейцем — по одежде, трудовым навыкам, рабочим инструментам, способам передвижения, мыслительным привычкам. Дикая местность выводит колониста из железнодорожного вагона и сажает его в каноэ из березовой коры. Она срывает с него цивилизованную одежду и облачает в охотничью куртку и мокасины. Она селит его в бревенчатой хижине индейцев чероки и ирокезов и окружает это жилище индейским частоколом. Очень скоро колонист начинает сеять кукурузу, пашет землю заостренной палкой; он издает боевой клич и, следуя устоявшейся индейской традиции, снимает скальпы. Короче говоря, вся обстановка фронта на первых порах оказывает слишком сильное воздействие на колониста. Он должен либо принять все предъявляемые условия, либо погибнуть, и вот он приспособляется к жизни на расчищенных туземцами лесных полянах и крадется по индейским тропам. Шаг за шагом он преобразует дикую местность, но то, что возникает в результате, — это не старая Европа, не просто развитие германских вирусов; считать так столь же неверно, как рассматривать первый феномен проявлением возвращения к германской марке*. Дело в том, что появляется новый, американский продукт.

* От *Mark* (нем.), *Marke* (средневерхнем.) — граница, пограничная область. Соседская община в странах Западной Европы; начала складываться в V–VI вв. в основанных германцами государствах на территории Западной Римской империи. Первоначально была свободной как объединение дворов свободных крестьян для выполнения хозяйственных функций. Свободная марка являлась также органом общественной власти. Постепенно попала в зависимость от крупных феодалов. В империи Каролингов и в Священной Римской империи германской нации марка была органом общественной власти. Кроме того, маркой являлся крупный пограничный административный округ во главе с маркграфом. В X–XII вв. многочисленные марки были образованы на захваченных у славян землях на р. Эльба и на р. Дунай. Многие марки становились ядром крупных феодальных княжеств. — *Здесь и далее звездочками обозначены примечания переводчика и редакторов.*

Сначала фронтиром было Атлантическое побережье. Оно было в самом реальном смысле границей Европы. Передвигаясь на запад, фронтир все более и более становился американским. Так же как следующие одно за другим отложения моренных валунов остались от череды оледенений, так и каждая последующая приграничная область оставляет свои следы, и когда она превращается в населенную местность, то эта местность по-прежнему сохраняет характерные черты фронта. И таким образом его продвижение означало неуклонный уход от влияния Европы, неуклонный рост независимости на американских началах. И изучать это продвижение людей, вырвавшихся в таких условиях, политические, экономические и социальные результаты этого — значит изучать истинно американскую часть нашей истории.

В XVII в. фронтир находился в верховьях рек, впадавших в Атлантический океан, чуть-чуть выходя за «линию водопадов, и прибрежные районы стали населенными местностями. Следующее продвижение произошло в первой половине XVIII в. Уже в конце первой четверти столетия торговцы прошли в Огайо вслед за индейцами — делавэрами и шауни. В 1714 г. губернатор Виргинии Александр Спотсвуд организовал экспедицию через Голубой хребет (Блю Ридж)³. В тот же период шотландцы, прибывшие из Ольстера, а также немцы — выходцы из Рейнской области, пройдя вверх по Долине р. Шенандоа, достигли западной части Виргинии и плато Пидмонт в Северной и Южной Каролинах⁴. Немцы в колонии Нью-Йорк оттеснили границу населенной местности вверх по долине р. Мохок до района Джерман Флэтс⁵. В Пенсильвании аналогичная линия обозначена городом Бедфордом. Вскоре поселения появились на р. Нью-Ривер, или Грейт Канова, и у истоков рек Ядкин и Френч-Брод-Ривер⁶. Король предпринял попытку остановить продвижение колонистов, издав в 1763 г.⁷ прокламацию, запретившую им селиться за пределами истоков рек, впадавших в Атлантический океан; но все было напрасно. В период Революции фронтир пересек Аллеганские горы, достигнув Кентукки и Теннесси; были заселены верховья р. Огайо⁸. Когда в 1790 г. была проведена первая перепись, районы сплошных населенных местностей ограничивались полосой, проходившей вблизи побережья Мэна и включавшей Новую Англию за исключением части Вермонта и Нью-Гэмпшира; Нью-Йорк вдоль р. Гудзон и вверх по р. Мохок около г. Скенектади; восточную и южную Пенсильванию; Виргинию, уходившую далеко через Долину р. Шенандоа; обе Каролины и восточную Джорджию⁹. За пределами этого региона компактного проживания лежали слабозаселенные районы в Кентукки и Теннесси, а также в Огайо, отделенные от Атлантического побережья

горами, что придавало фронтиру новый и важный характер. Изолированность региона усилила в нем тенденции, присущие исключительно Америке, а необходимость в транспортных средствах для связи с восточной частью страны привела к осуществлению важных мероприятий по внутреннему улучшению, о которых будет сказано ниже. Началось эволюционное развитие «Запада» как отдельной секции, обладающей самосознанием.

Продвижение фронта шло от десятилетия к десятилетию в виде совершенно четко проявлявшихся событий. Согласно переписи 1820 г.¹⁰, заселенные районы включали Огайо, южную Индиану и Иллинойс, юго-восток Миссури и около половины Луизианы. Этими обжитыми территориями оказались окружены местности, где жили туземцы, и управление делами индейских племен стало вопросом политического значения. Область фронта того периода располагалась вдоль Великих озер, где принадлежавшая Дж.Дж. Астору «Американская меховая компания» вела торговлю с индейцами¹¹, и за р. Миссисипи, где торговцы с местными племенами распространили свою деятельность даже до Скалистых гор; условия жизни во Флориде были также характерны для фронта. Регион бассейна р. Миссисипи являлся районом типичных для пограничья поселений¹².

Развитие паровой навигации¹³ в западных водах, открытие канала Эри, распространение на запад территорий возделывания хлопка¹⁴ — все это добавило в этот период пять штатов фронта к Союзу. В 1836 г. Ф.Дж. Грунд (Гранд) писал: «Таким образом, представляется, что всеобщая склонность американцев к переезду в дикие местности Запада, чтобы расширить свое господство над неодушевленной природой — это в действительности результат неотъемлемо присущей им мощи, ведущей к экспансии, и эта мощь постоянно возбуждает все классы общества и значительная часть всего населения непрерывно устремляется в крайние пределы штата, чтобы завоевать пространство для их развития. Как только образованы новый штат или территория, вновь проявляется тот же самый принцип и он ведет к дальнейшей эмиграции; и таким образом ему предназначено продолжать действовать до тех пор, пока возникнет некое естественное препятствие, которое должно будет, наконец, остановить это продвижение»¹⁵.

В середине нашего столетия граница областей, населенных индейцами, обозначалась линией, проведенной по нынешней восточной границе Индейской территории, Небраски и Канзаса¹⁶. В Миннесоте и Висконсине по-прежнему проявлялись условия жизни фронта¹⁷, но ярко выраженное пограничье в этот период обнаруживается в Калифорнии, куда с открытием золотых месторождений совершенно внезапно хлынула волна старателей — искателей приключений, а так-

же в Орегоне и в поселениях в Юте¹⁸. И точно так же, как фронтир перепрыгнул через Аллегань, теперь он миновал Великие равнины и Скалистые горы; и так же, как продвижение переселенцев за Аллегань подняло важные вопросы необходимости транспортных связей и внутренних улучшений, так и теперь поселенцам, оказавшимся за Скалистыми горами, понадобились средства коммуникаций с восточной частью страны, что привело к заселению Великих равнин и развитию еще одной разновидности жизни на фронтире. Железные дороги, строительству которых способствовала безвозмездная передача государственных земель, перевозили все возрастающие потоки иммигрантов, стремившихся на Дальний Запад. Армия США участвовала в целой серии войн с индейцами в Миннесоте, Дакоте и на Индейской территории.

К 1880 г. населенные районы продвинулись в северный Мичиган, Висконсин и Миннесоту, вдоль рек Дакоты, в регион гор Блэк-Хилс и вверх по течению рек Канзаса и Небраски. Закладка рудников в Колорадо привела к образованию там изолированных пограничных селений, и новые жители появились в Монтане и Айдахо. Фронтир присутствовал в этих шахтерских лагерях и на ранчо Великих равнин. В докладах за 1890 г. федерального суперинтенданта по переписям, как упоминалось выше, сообщалось, что поселения на Западе так разбросаны по всему региону, что отныне невозможно говорить о наличии рубежа фронта.

В этих последовательно продвигавшихся границах мы обнаруживаем естественные пограничные рубежи, обозначавшие определенные характерные черты областей фронта и оказывавшие на них воздействие, а именно: «полоса водопадов», Аллеганские горы, р. Миссисипи, р. Миссури, где направление ее течения приблизительно соответствует северу и югу; полоса засушливых земель, идущая примерно по 99-му меридиану; и Скалистые горы. Линия водопадов обозначала границу XVII в.; Аллегань — XVIII в.; р. Миссисипи — первой четверти XIX в.; р. Миссури — середины нынешнего столетия (мы не говорим здесь о продвижении в Калифорнию); а пояс Скалистых гор и пространство засушливых земель — современный фронт. Каждая такая область была завоевана в результате серии войн с индейцами.

На примере границы у Атлантического побережья можно изучать вирусы — начальные стадии процессов, повторявшихся на каждом последующем фронтире. Мы видим, как сложно устроенная европейская жизнь сводится дикой местностью до простоты примитивных условий. Первому рубежу понадобилось решать свои вопросы, касающиеся индейцев, управления государственной собственностью, спо-

собов взаимоотношений с более старыми поселениями, расширения деятельности в сферах политической организации, религии и образования. То, как эти и другие вопросы решались в пределах одного фронта, служило руководством для следующего. За примерами применения законов преемственности и развития американскому исследователю нет необходимости отправляться «в маленькие чистенькие городишки Шлезвига». В частности, происхождение нашей политики в земельном вопросе он может изучать на материале колониального периода; он может узнать, каким образом система развивалась, последовательно адаптируя законодательство к обычаям сменявших друг друга фронтов¹⁹. Он может увидеть, как горнорудное законодательство в отношении горного района Сьерра-Невада опиралось на опыт деятельности свинцовых рудников Висконсина, Иллинойса и Айовы²⁰ и как наша политика в отношении индейцев была цепью экспериментов на сменявших друг друга фронтах. Каждая группа новых штатов находила материалы для составления своих конституций у более старых штатов²¹. Дальше будет рассказано о том, каким образом каждый последующий фронт вносил подобные этому вклады в американский национальный характер.

Однако несмотря на всю эту схожесть, имеются и существенные различия в силу действия элементов места и элементов времени. Ясно, что условия на фермерском фронте Долины р. Миссисипи отличаются от горнорудного пограничья Скалистых гор. Фронт, к которому дотянулись рельсы Тихоокеанской железной дороги, территория которого поделена на прямоугольники и находится под охраной армии США, а население пополняют иммигранты, прибывающие на пароходах каждый день, — такой фронт продвигается вперед гораздо быстрее и по-другому, чем тот, до которого добиваются на каное из березовой коры или на вьючных лошадях. Геолог терпеливо выявляет следы древних морей, наносит их очертания на карту и сравнивает старое и новое. Достойным для историка занятием было бы отметить эти различные фронты и провести их детальное сравнение. Результатом стала бы не только более адекватная концепция развития Америки и ее характерных черт, но и история общества была бы пополнена бесценными материалами.

Итальянский экономист Лориа²² призывал к изучению жизни колоний как способу понимания стадии развития Европы, утверждая, что колониальное поселение является для экономической науки тем же, чем горы для геолога: на свет выводятся первозданные напластования. «Америка, — заявляет он, — имеет ключ к исторической тайне, разгадать которую Европа тщетно пыталась несколько столетий, и земля, у которой не было истории, освещает ярким светом ход со-

бытий всемирной истории». И в этих словах большая доля правды. США — это большая страница в истории общества. По мере того как мы читаем строчка за строчкой, с Запада на Восток, эту раскинувшуюся на весь континент страницу, мы обнаруживаем перед собой историю общественной эволюции. Она начинается с индейца и охотника; ее продолжение — это разрушение первообытной дикости вследствие появления на сцене торговца, этого первооткрывателя, несущего цивилизацию; мы читаем анналы пасторальной стадии жизни скотоводческих ранчо; эксплуатации земли возделыванием кукурузы и пшеницы без применения севооборота в малолюдных фермерских общинах; интенсивного полеводства в более густо населенных фермерских поселениях; и, наконец, организации промышленного производства, появления крупных городов и фабрично-заводской системы²³. Эта страница знакома изучающим статистику переписей, но как мало она используется нашими историками. А что касается штатов Востока, то эта страница вообще представляет собой палимпсест*. Нынешний индустриальный штат в предыдущем десятилетии был районом интенсивного сельского хозяйства. Еще раньше здесь выращивали исключительно пшеницу, а еще раньше эти «уголья» привлекли сюда скотоводов. Так, Висконсин, где сейчас развивается промышленное производство, является также штатом с разнообразной сельскохозяйственной спецификацией. Но в прошлом здесь почти исключительно занимались зерноводством, как это в настоящее время происходит в Северной Дакоте.

Каждый из этих районов оказывал влияние на нашу экономическую и политическую историю; эволюция его с достижением каждой более высокой стадии развития приводила к политическим преобразованиям. Но предпринял ли какой-нибудь историк конституционных форм сколько-нибудь адекватную попытку дать интерпретацию фактов политической жизни в свете наличия этих социальных сфер и изменений?²⁴

В жизни фронта Атлантического побережья объединились усилия рыбака, торговца мехами, горняка, скотовода и фермера. Представители всех профессий, за исключением рыбаков, устремлялись на Запад, побуждаемые его неотразимой притягательностью. Одна за другой неслись их волны через весь континент. Встаньте у перевала Камберленд и наблюдайте за ходом цивилизации, представители которой вереницей пройдут перед вами, сменяя друг друга — бизон, скачущий по тропе к соленым ручьям; индеец; торговец мехами и охотник, скотовод,

* *Палимпсест* (греч.) — в древности и раннем средневековье рукопись, написанная на пергаменте (реже папирусе) поверх смытого или соскобленного текста.

пионер-фермер — и вот перед вами прошел весь фронт. Встаньте у перевала Саут-Пасс в Скалистых горах еще через столетие, и вы увидите точно такую же процессию, но только интервалы между появлениями ее участников будут больше. Неравные темпы продвижения заставляют нас различать фронтиры торговцев, скотоводов, горняков, фермеров. Когда рудники и коровьи пастбища еще находились около линии водопадов, караваны вьючных животных, снаряженные торговцами, звякая своими колокольчиками, уже шли через Аллеганские горы, а французы на Великих озерах укрепляли свои гарнизоны, так как у них вызывали тревогу британские торговцы, плававшие на каноэ из березовой коры. Когда трапперы уже преодолели Скалистые горы, фермеры все еще были только около устья р. Миссури.

Почему так получилось, что люди, торговавшие с индейцами, столь быстро пересекли континент? К каким последствиям привел их фронт? Коммерция разворачивалась одновременно с открытием Америки. Древние скандинавы, Америго Веспуччи, Джованни Веррацано, Генри Гудзон, Джон Смит — все они отправлялись за мехами. Плимутские пилигримы поселились на кукурузных полях индейцев; первый груз, отправленный ими в Англию, состоял из бобровых шкур и древесины. Документы различных колоний Новой Англии показывают, как в процессе этой торговли шло непрекращающееся исследование дикой местности. И то, что верно в отношении Новой Англии, является, как и следовало бы ожидать, еще более очевидным относительно остальных колоний. Вдоль всего побережья — от Мэна до Джорджии — товарообмен с индейцами открывал маршруты следования по руслу рек. Торговцы неуклонно продвигались на запад, используя более старые пути своих французских предшественников. Они дошли до р. Огайо, Великих озер, рек Миссисипи, Миссури и Платт — этих западных рубежей. Эти люди нашли проходы в Скалистых горах и были проводниками у Мэриуэзера Льюиса и Уильяма Кларка²⁵, Джона Чарльза Фремонта и Джона Бидуэлла. Объяснение быстроты этого продвижения связано с воздействием торговцев на индейцев. Торговая фактория оставляла невооруженные племена на милость тех, кто покупал ружья, — эту истину индейцы ирокезы написали кровью — и потому далеко расположенные племена, которые никто не посещал, оказывали торговцам самый дружелюбный прием. «Дикари, — писал Рене-Робер Кавелье, сьер де Ла Саль, — о нас, французах, заботятся лучше, чем о собственных детях; только у нас могут они получить ружья и товары». В этом и заключается объяснение силы торговца и быстроты его продвижения. Вот так разрушительные силы цивилизации проникали в дикие местности. Речные долины и индейские тропы стали разломами, которые пронизывали индейское общество и разруша-

ли его. Примитивный образ жизни туземцев исчез задолго до появления на сцене пионера-фермера. Фермеров встретили вооруженные ружьями индейцы. Торговый фронтир постепенно подрывал мощь краснокожих, сделав их племена в конечном счете зависимыми от белых. Но в то же время через продажу оружия торговцы усиливали возможности индейцев сопротивляться фермерскому фронтиру. Во французской колонизации доминировал торговый фронтир; в английской — фермерский. Между двумя этими разновидностями, как и между двумя государствами, существовал антагонизм. Абрахам Дюкен говорил ирокезам: «Неужели вам неизвестна разница между королем Англии и королем Франции? Взгляните на форты, поставленные нашим королем, и вы увидите, что вы можете по-прежнему охотиться прямо под их стенами. Форты были построены в ваших интересах в тех местах, где вы часто бываете. И наоборот, как только англичане завладевают каким-нибудь местом, дикие звери уходят оттуда. Продвигаясь, они валят лес и земля обнажается, так что вам вряд ли удастся найти, из чего соорудить убежище на ночь».

И тем не менее, несмотря на противоположность интересов торговца и фермера, торговля с индейцами прокладывала путь цивилизации. Бизонья тропа превращалась в индейскую тропу, та становилась «проторенной тропой» торговца; на месте троп строились дороги, они разрастались до шоссе, которые, в свою очередь, превращались в железные дороги. Можно показать, что происхождение последних в южных штатах США, на Дальнем Западе, в доминионе Канада одно и то же²⁶. Торговые фактории, к которым вели эти тропы, размещались на местах индейских поселений, положение которым выбиралось согласно подсказке природы. Эти фактории, расположенные так, чтобы контролировать водные системы страны, выросли в такие города, как Олбани, Питтсбург, Детройт, Чикаго, Сент-Луис, Каунсил-Блафс и Канзас-Сити. Цивилизация в Америке текла по артериям, рожденным геологией, вливая через них все более мощные потоки, пока, наконец, малозаметные тропинки, которыми туземцы пользовались для связей между собой, были расширены и соединены в сложные сети современных коммерческих систем; дикая местность была пронизана рубежами цивилизации, становившимися все более многочисленными. Для континента, который первоначально был примитивным и инертным, процесс похож на непрерывный рост высокоразвитой нервной системы. Если кто-нибудь хочет понять, почему мы сегодня являемся единым государством, а не скопищем изолированных штатов, он должен будет изучить эту экономическую и социальную консолидацию страны. Путь прогресса, пройденный от условий дикости, дает богатый материал для изучения специалистами в области эволюции²⁷.

Воздействие индейского пограничья как консолидирующего фактора нашей истории является очень важным. С конца XVII в. неоднократно созывались межколониальные конгрессы, на которых обсуждались вопросы ведения дел с индейцами и организации общих оборонительных мер. В тех колониях, которые не имели общих границ с туземцами, проявлялся сильнейший партикуляризм, но индейский фронт, протянувшийся вдоль западных рубежей колоний, буквально сшивал их воедино. Краснокожие были опасны для всех, и против этой опасности требовалось предпринимать совместные действия. Самый известный из этих конгрессов был проведен в 1754 г. в Олбани для обсуждения мер в отношении «Шести наций»* и рассмотрения планов образования союза. Даже беглого ознакомления с планом, предложенным конгрессом, достаточно, чтобы увидеть всю важность фронта. Полномочия генерального совета и его должностных лиц состояли в основном в определении вопросов мира и войны с индейцами, регулировании торговли с ними, покупке земель у них, создания новых поселений и управления ими как меры безопасности против туземцев. Очевидно, что объединительным тенденциям периода Революции способствовало происходившее в предыдущие годы сотрудничество в регулировании условий жизни в пограничье. В связи с этим можно упомянуть о важности фронта, сохраняющейся с тех пор и до сего времени как школы военной подготовки, поддерживающей мощь сопротивления агрессии и развивающей в колонистах, заселявших эту область, такие качества, как стойкость и силу.

В рамках настоящего доклада невозможно проследить историю других фронтов, пересекавших континент. Путешественники XVIII в. обнаруживали «коровьи загоны» среди зарослей сахарного тростника и поросших диким горохом пастбищ Юга, а «погонщики коров» пригоняли свои гурты в Чарльстон, Филадельфию и Нью-Йорк²⁸. В конце Войны 1812 г.** путешественники наблюдали, как стада, насчитывавшие каждое более тысячи голов крупного рогатого скота и свиней, из отдаленных районов Огайо пригонялись в Пенсильванию, где их откармливали для рынка Филадельфии²⁹. Неогороженные пастбища Великих равнин, с их животноводческими фермами, ковбоями и кочевой жизнью принадлежат как прошлому, так

* Первоначально в XVI в. был образован Союз (Лига) ирокезов, в состав которого входили племена могауков, онейда, онондага, кайюга, сенека (Пять наций); в 1722 г. к ним присоединилось племя тускарора и образовался Союз шести наций.

** Речь идет об англо-американской войне 1812–1814 гг. Официально она закончилась подписанием Гентского договора от 24 декабря 1814 г. Однако последнее сражение состоялось 8 января 1815 г. под Новым Орлеаном. Получила также название Вторая Война за независимость.

и настоящему. Опыт коровьих загонов в Южной и Северной Каролинах был использован владельцами ранчо Техаса. Одним из факторов, способствовавших быстрому расширению скотоводческого фронта, является то, что в отдаленной местности, где нет никаких транспортных средств, продукция должна быть очень небольших размеров или же способна передвигаться сама, а скотовод мог без труда доставлять свою продукцию на рынок. Следует изучить воздействие этих огромных ранчо на последующую аграрную историю тех районов, где они существовали.

Карты, приложенные к докладам о результатах переписей населения, показывают неравномерность продвижения фермерского фронта — «языки» населенных районов выдвигаются вперед, а между ними остаются большие пространства дикой местности. Частично это объясняется сопротивлением индейцев, а частично — расположением речных долин и перевалов, а также неоднородной силой притяжения различных центров пограничья. Среди таких важных центров можно перечислить следующие: плодородные и благоприятно расположенные земли, источники соленой воды, рудники и военные форты.

Последние, предназначенные для защиты поселенцев от индейцев, служили также клином, взламывавшим территорию, заселенную туземцами, и являлись ядром образования селений³⁰. В связи с этим следует упомянуть и о роли правительственных военных и исследовательских экспедиций в определении пределов области поселений. Однако все наиболее важные экспедиции очень многим были обязаны первопроходцам, проводникам-индейцам, торговцам и трапперам, французским вояжерам*, обязательно включавшимся в состав этих экспедиций со времен М. Льюиса и У. Кларка³¹. И каждая экспедиция становилась воплощением опыта всех ее предшественников в деле продвижения на запад.

Виктор Хен в своей интересной монографии³² проследил воздействие соли на ранние стадии европейского развития и указал на то, каким образом это вещество повлияло на границы расселения и формы управления. Такое же исследование можно было бы провести и в том, что касается источников соленой воды в США. Первые поселенцы были прикованы к побережью, так как они нуждались в соли, без которой не могли сохранять свои запасы продовольствия или жить с удобствами. В 1752 г. епископ Спэнгенберг писал о колонии,

* От *voyageur* (фр. — путешественник) — французский торговый агент-скупщик пушнины, странствовавший по прериям Северной Америки в XVII—XVIII вв. Агенты, действовавшие в лесной зоне, назывались «лесными скитальцами», «лесными бродягами» (от фр. — *couriers de bois*).

для которой он стремился получить земли в Северной Каролине: «Им [колонистам] понадобятся соль и другие предметы первой необходимости, которые они не смогут ни производить, ни выращивать. Они должны либо отправляться в Чарльстон, до которого 300 миль... Или же они [колонисты] должны ехать в Виргинию в Боулингс Пойнт, находящийся на притоке р. Джеймс, также в 300 милях отсюда... Или они должны отправляться в г. Роанок — не знаю, сколько до него миль, — куда привозят соль с р. Кейп Фиэр»³³. Это может служить очень характерной иллюстрацией. Таким образом, становилось жизненно необходимым совершать ежегодное паломничество за солью на побережье. Каждый год первые поселенцы после посевных работ отправляли туда стада овец или караваны, груженные мехами и корнями женьшеня³⁴. Это оказывало очень важное образовательное влияние, потому что для пионеров такие перемещения были почти единственным способом узнавать о событиях на Востоке. Однако после того, как были открыты источники соленой воды в районах рек Канова и Холстон, в Кентукки и в центральной части штата Нью-Йорк, Запад начал освобождаться от своей зависимости от побережья. Отчасти вследствие открытия этих источников началось заселение районов по другую сторону гор.

С того момента, когда пионеров от океанского побережья отделили горы, американизм стал действовать по новым правилам. Запад и Восток начали утрачивать взаимные связи. Селения, расположенные между океаном и горами, поддерживали отношения со своей глубинкой и проявляли определенную солидарность. Но поселенцы, оказавшиеся по другую сторону за линией гор, становились все более независимыми. Восток проявил ограниченность в своих взглядах на продвижение американских поселений и чуть было не потерял этих людей. В истории Кентукки и Теннесси есть немало доказательств истинности данного тезиса. Восток начал пытаться затруднять экспансию на запад и ограничивать ее. И хотя Даниэл Уэбстер мог заявлять, что для него в политике нет Аллеганских гор, в политике в целом они были очень важным фактором.

Охотник и торговец шли на запад за зверем, скотовод — к заросшим травой пастбищам, а фермера на запад влекло использование целинных земель речных долин и прерий. Хорошие земли были наиболее сильно действующим постоянным фактором притяжения на фермерский фронт. В начале колониального периода земельный голод, от которого страдали виргинцы, уводил их вниз по течению рек в Каролину; в поисках земель поселенцы из Массачусетса уходили в Пенсильванию и колонию Нью-Йорк. По мере того как земли на Востоке оказывались заняты, миграционные потоки, перекрестывая восточные

территории, потекли дальше на запад. Великий землепроходец Даниэл Бун совмещал занятия разными промыслами и профессиями — он был охотником, торговцем, скотоводом, фермером и землемером. И вот он узнал, вероятно от торговцев, о плодородии почв в долине верховьев р. Ядкин, где торговцы устраивали привал перед тем, как продолжать свой путь к индейцам. Бун покинул свой дом в Пенсильвании, оставил отца и пошел к этой реке по дороге через Большую долину (Грейт-Вэлли). Узнав от торговцев о том, что в Кентукки богатая охота и прекрасные пастбища, он проложил фермерам путь в эти места. Оттуда Бун перебрался на фронтир в Миссури, где основанное им поселение долгое время было достопримечательностью пограничья. И здесь он вновь помог открыть пути к цивилизации, находя соляные лизунцы, тропы и земли. Сын Д. Буна был одним из первых трапперов, появившихся в проходах Скалистых гор, и его отряд, как говорят, одним из первых разбил лагерь на месте нынешнего г. Денвер. Его внук, полковник А.Дж. Бун из Колорадо, был очень влиятелен среди индейцев Скалистых гор, и правительство США назначило его своим агентом. Мать Кита Карсона принадлежала к семье Бун³⁵. Таким образом, эта семья стала олицетворением того, как люди, вышедшие из лесных дебрей, прошли через весь континент.

Продвижение фермеров шло в виде четко выраженной череды волн. В вышедшей в 1837 г. в Бостоне книге Дж.М. Пека «Новый путеводитель по Западу»* есть такое многозначительное место:

Обыкновенно во всех переселениях на Запад три категории поселенцев катились одна за другой, как волны в океане. Первыми приходили пионеры, существование семей которых зависело главным образом от естественного роста посевов и от того, что они добудут охотой. Их земледельческие орудия были грубы, обычно собственного изготовления, и они прежде всего направляли свои усилия на получение урожая с кукурузного поля и огорода, который представлял собой примитивно обработанный участок земли, где сажали капусту, бобы, кукурузу, чтобы собрать молодые початки, а также огурцы и картофель. Бревенчатая хижина, иногда хлев и амбар и поле в дюжину акров, огороженный участок леса с окольцованными или «умерщвленными» деревьями, — вот все, чего достаточно было пионеру, чтобы поселиться.

* Полное название книги "A New Guide for Emigrants to the West: Containing Sketches of Ohio, Indiana, Illinois, Missouri, Michigan, with the Territories of Wisconsin and Arkansas, and the Adjacent Parts". Boston, 1836 (1st ed.). В 1848 г. в Цинциннати вышла в свет книга Дж.М. Пека под названием "A New Guide to the West: Containing Sketches of Ohio, Michigan, Indiana, Illinois, Missouri, Arkansas, Wisconsin and Iowa". (См. упоминание в сн. 16).

Совершенно не имеет значения, станет ли он когда-нибудь владельцем земли. На какое-то время он является обитателем, не вносит арендной платы и считает себя независимым, наподобие «владельца поместья». Имея лошадь, корову и одного-двух хряков-производителей, он устремляется со своей семьей в леса и становится основателем нового графства, а может быть, и штата. Поселенец строит свой домик, собирает вокруг себя еще несколько семей с такими же устремлениями и привычками и остается на месте до тех пор, пока растительность на его «выгоне» не поредеет, а охота не станет чуть беднее или, что случается чаще, соседи не обступят его тесным кольцом, не появятся раздражающие его дороги, мосты и поля и ему не будет хватать простора. Закон о преимущественном праве на покупку освоенного земельного участка позволяет поселенцу продать свою хижину и поле следующей категории эмигрантов; и, употребляя его собственные выражения, он «скрывался туда, где деревья выше», «освобождался для Нового Приобретения» или уезжал в Арканзас либо Техас, чтобы там повторить тот же самый процесс с самого начала.

Следующая категория мигрантов покупала земли, добавляла поле к полю, прокладывала дороги, перебрасывала через реки грубо построенные мосты, ставила дома из обтесанных бревен с остекленными окнами, с кирпичными или каменными печами, иногда разводила фруктовые сады, строила мельницы, школы, здание суда и т.п., и демонстрировала картину и форму простой, скромной и цивилизованной жизни.

Накатывалась следующая волна. Прибывали представители капитала и предприниматели. Переселенец был готов продать свою собственность и, получив прибыль от ее увеличившейся стоимости, отправиться дальше внутрь страны и самому превратиться в капиталиста и предпринимателя. Маленькая деревня разрастается в большой город, повсюду дивные прочные кирпичные дома, обширные поля, огороды, фруктовые сады, парки, колледжи и церкви. У жителей получает широкое хождение одежда из шелка или тонкого сукна с шелковистой отделкой, шляпы из итальянской соломки, вуали, всевозможные изысканные вещи, предметы роскоши, изящества, легкомыслия и просто модные вещички. И так одна волна сменяет другую в движении на запад, а наступающее Эльдorado по-прежнему остается где-то впереди.

Какая-то часть первых двух категорий остается на месте посреди общего движения, меняет свои привычки и жизненные условия и повышает свое общественное положение.

Автор много путешествовал там, где обитали представители первой категории — пионеры. Много лет он прожил, общаясь со второй категорией, а теперь он видит, как третья волна заливает обширные районы Индианы, Иллинойса и Миссури. На Западе миграция чуть ли не

стала обычным явлением. Можно встретить сотни людей, еще не достигших 50-летнего возраста, которые не раз и не два, а по четыре, пять или шесть раз принимались обживать новые места. Продать дом и землю и уехать всего лишь за несколько сот миль — все это добавляет некое разнообразие в жизнь и обычаи жителей глубинки³⁶.

Если не упоминать о фермерах-пионерах, которые перемещаются из любви к приключениям, продвижение более основательных фермеров легко понять. Ясно, что иммигрантов притягивают дешевые земли на фронтире, и даже уже оседлые фермеры ощущают сильное влияние этого фактора. Год за годом им, живущим на землях, урожай с которых падает из-за отсутствия севооборота, предлагаются целинные земли пограничья по номинальным ценам. Для их разрастающихся семей требуется больше земли, а она дорого стоит. Конкуренция с неистощенными, дешевыми и легко поддающимися возделыванию землями прерий заставляла фермера либо уезжать на запад и продолжать истощать землю на новом фронтире, либо переходить к интенсивным методам земледелия. Так, перепись 1890 г. показывает, что на Северо-Западе США во многих графствах наблюдалось абсолютное или относительное сокращение населения. Тамошные штаты посылали фермеров осваивать фронтир на равнинах, а сами начали обращаться к интенсивному земледелию и животноводству, а также к развитию промышленности. Десятилетием раньше признаки такой же переходной стадии проявил штат Огайо. Таким образом, спрос на землю и любовь к свободе в условиях дикой местности отодвигали пограничье все дальше.

Теперь, после того как рассмотрены в общих чертах различные виды фронта и способы их продвижения в основном под углом зрения действовавших там факторов, мы можем задаться вопросом о том, каково было их влияние на Восток США и на Старый Свет. Ограниченное временем, я смогу только бегло перечислить некоторые наиболее заметные последствия.

Во-первых, мы отмечаем, что фронтир способствовал формированию американского народа смешанного национального состава. Население побережья главным образом состояло из англичан, но в последствии волны континентальной иммиграции шли одна за другой на свободные земли, минуя побережье. С самого начала колониального периода положение было именно таким. Шотландцы из Ольтера и немцы из Пфальца или «пенсильванские немцы» стали основной частью жителей колониального фронта. Среди них находились также освобожденные законтрактованные слуги, взявшие по заключенным с ними договорам обязательство отработать свой проезд в Америку.

Выполнив эти обязательства, они уходили на фронт. В 1717 г. губернатор Виргинии А. Спотсвуд писал: «Население нашего пограничья состоит главным образом из тех, кто был привезен сюда в качестве слуг, и, исполнив свои обязанности, они селятся там, где можно обзавестись землей и, не утруждая себя тяжелым трудом, обеспечить себе все необходимое для жизни»³⁷. В большинстве случаев эти люди не были англичанами. В горниле фронта все иммигранты американизировались, становились свободными и сплавились в смешанную расу, теперь уже не англичан ни по национальности, ни по характеру. Этот процесс идет с самых первых дней и по настоящее время. Эдмунд Берк и другие авторы середины XVIII в. были убеждены, что Пенсильвании³⁸ «угрожает опасность стать полностью иностранной по языку, обычаям и, может быть, даже по наклонностям». Немецкое и шотландско-ирландское население на фронте Юга было не многим меньше. В середине нынешнего столетия в Висконсине число немцев было уже столь значительным, что влиятельные публицисты выражали надежду на создание в содружестве немецкого штата путем концентрации поселений колонистов³⁹. Эти примеры учат нас тому, чтобы на основании факта, что английский язык является распространенным в Америке, остерегаться делать неправильный вывод, будто и население по своему происхождению также является англичанами.

Продвижение фронта ослабило нашу зависимость от Англии еще и в другом отношении. На океанском побережье, особенно на Юге, не было развитой промышленности, и эти местности зависели от метрополии, откуда они получали основную часть необходимых им товаров. Юг зависел даже от поставок продовольствия из северных колоний. Губернатор Южной Каролины Джеймс Гленн писал в середине XVIII в.: «Наша торговля с Нью-Йорком и Филадельфией велась таким образом, что она отнимала у нас те небольшие суммы звонкой монеты и бумажных денег, которые нам удавалось набрать в других местах, чтобы заплатить им [Нью-Йорку и Филадельфии] за хлеб, муку, пиво, ветчину, бекон и другие товары их производства, и всем этим, кроме пива, теперь начинают снабжать наши новые города, заселенные весьма предприимчивыми и поэтому процветающими немцами. Это, несомненно, сокращает объем грузовых перевозок и внешние проявления нашей торговли, но отнюдь не причиняет нам ущерба»⁴⁰. Очень скоро фронтиру понадобились купцы. По мере того как граница отодвигалась все дальше от побережья, у Англии оставалось все меньше возможностей доставлять свои товары прямо на пристани покупателей и оттуда же забирать основные сельскохозяйственные товары. В какой-то момент выращивание главных культур начало заменяться многоотраслевым сельским хозяйством. Влияние на север-

ную секцию этого этапа действий в приграничье можно выяснить, если мы осознаем, каким образом продвижение фронта побудило приморские города, такие как Бостон, Нью-Йорк и Балтимор, развернуть конкурентную борьбу за, как ее называл Джордж Вашингтон, «обширную и ценную торговлю поднимающейся империи».

Законодательство, предоставившее наибольшие полномочия федеральному правительству и сыгравшее самую важную роль в его деятельности, разрабатывалось для нужд фронта. Историки обсуждали вопросы тарифов, земли, внутренних улучшений как вспомогательные по отношению к проблеме рабства. Но когда к рассмотрению американской истории начнут подходить с правильных позиций, то окажется, что эта проблема — всего лишь побочное обстоятельство. В период от конца первой половины нынешнего века до окончания Гражданской войны 1861—1865 гг. рабство приобрело главное, но далеко не исключительное значение. Однако это не оправдывает, например, д-ра фон Хольста, когда он в своей книге «Конституционная история Соединенных Штатов» отводит на рассмотрение периода формирования нашей конституционной истории вплоть до 1828 г. всего лишь один том, а истории рабства в 1828—1861 гг. посвящает шесть томов. Рост национализма и эволюция американских политических институтов зависели от продвижения фронта. Даже Родс в своей недавно вышедшей работе «История Соединенных Штатов после Компромисса 1850 года», рассматривал законодательство, появившееся в результате продвижения на запад, как второстепенное по отношению к борьбе вокруг проблемы рабства.

Этот подход неправильный. Пионеру нужны были товары с побережья, и поэтому началось осуществление великой серии мер по внутреннему улучшению и принятию законодательства по вопросам железнодорожного строительства, что имело мощное воздействие на сплочение нации. Принятие решений относительно внутренних улучшений сопровождалось бурными дебатами, в ходе которых обсуждались серьезные конституционные вопросы. В ходе голосований появляются секционные группировки, имеющие очень важное значение для историка. Широкое толкование Конституции США усиливалось по мере того, как нация вела наступление на Запад⁴¹. Но ему было недостаточно того, чтобы приблизить ферму к фабрике. Под руководством Г. Клея («Гарри с Запада») были приняты законы о протекционистских тарифах под лозунгом сближения фабрики с фермой. Третьим важным предметом общенационального законодательства, на которое повлиял фронт, являлась продажа государственных земель.

Государственная собственность была фактором огромного значения в вопросах превращения в нацию и развития управления страной.

Нет необходимости обсуждать воздействие борьбы между теми штатами, у которых была земля, и теми, где ее не было, а также Ордонанс 1787 г. о Северо-Западе⁴². Для решения административных вопросов фронта оказывались необходимы некоторые из наилучших и самых результативных видов деятельности федерального правительства. Покупка Луизианы (1803) была, вероятно, поворотным пунктом конституционного развития в истории Республики, так как появлялись новые районы для введения общенационального законодательства и возникал повод для поражения политики узкого толкования Конституции страны. Но эта покупка была вызвана нуждами и требованиями фронта. По мере того, как приграничные штаты вступали в Союз, возрастала мощь центрального правительства. В речи при открытии памятника Дж. Кэлхуну г-н Ламар дал такое объяснение: «В 1789 г. штаты создали федеральное правительство; в 1861 г. оно создало подавляющее большинство штатов».

Когда мы рассматриваем государственную собственность под углом зрения продажи и использования государственных земель, то снова встречаемся лицом к лицу с фронтиром. Политика США в отношении своих земель резко контрастирует с европейской системой научного управления. Тщетными оказались попытки сделать из этой государственной собственности источник доходов и не давать иммигрантам эту землю, чтобы добиться компактного расположения поселений. Ревность Востока и его страхи были бессильны перед требованиями, которые предъявляли переселенцы. Джону Куинси Адамсу пришлось признаться: «Моя собственная система управления, которая должна была сделать государственную собственность неисчерпаемым источником средств для бесперебойно идущих прогрессивных внутренних улучшений, провалилась». Причина этого совершенно очевидна, система управления оказалась не той, которая требовалась Западу, он хотел земли. Адамс описывает ситуацию следующим образом: «Рабовладельцы Юга купили сотрудничество территорий Запада за счет взятки в виде тамошних земель, отказавшись в пользу новых западных штатов от своей собственной доли государственной собственности и помогая им реализовать планы захвата всех земель в собственные руки. Томас Х. Бентон был автором этой системы, которую он выдвинул на замену Американской системы г-на Клея, чтобы вместо него стать ведущим политиком Запада. Клей договорился с г-ном Кэлхуном о тарифном компромиссе и отказался от собственной программы Американской системы. В то же время он выдвинул план, предусматривающий распределение доходов от продажи государственных земель среди всех штатов Союза. Его законопроект, включавший этот план, прошел через обе палаты Конгресса, но президент Джексон наложил на него

вето. В своем ежегодном послании в декабре 1832 г. Джексон официально рекомендовал, чтобы все государственные земли были бесплатно розданы авантюристам и тем штатам, где эти земли находятся»⁴³.

«Перед нынешнем, а может быть, и перед любым предшествующим составом Конгресса, — заявил Генри Клей, — не стоял вопрос, имеющий большее значение, чем вопрос о государственных землях». Когда мы рассматриваем далеко идущее воздействие правительственной земельной политики на политические, экономические и социальные аспекты американской жизни, мы склонны согласиться с Клеем. Но это законодательство было разработано под влиянием фронта и под руководством политиков Запада, таких как Т. Бентон и Э. Джексон. В 1841 г. сенатор от Индианы Скотт заявил: «Я рассматриваю Закон о преимущественном праве покупки земель всего лишь как изложение обычаев или общего права поселенцев».

Можно с полной уверенностью сказать, что законодательство по вопросам земель, тарифов и внутренних улучшений, — этой выдвинутой партией вигов общенациональной Американской системы, основывалось на идеях и потребностях фронта. Но граница не только путем законодательных акций действовал против нацеленности прибрежных штатов на отстаивание своих секционных интересов. Против секционализма срабатывали также экономические и социальные особенности фронта. Его жители походили на население Срединного региона* больше, чем каких-либо других секций. Пенсильвания была питомником эмиграции в приграничье, и, хотя ее поселенцы уходили через Большую долину в западные части Виргинии, Южной и Северной Каролин, тем не менее, промышленное общество этих жителей южного фронта всегда больше походило на Срединный регион, чем на прибрежную зону Юга, которая позднее распространила свой тип производства на весь Юг.

Срединный регион, вход в который осуществлялся через Нью-Йоркскую гавань, был дверью, открытой для Европы. Прибрежную зону Юга населяли типичные англичане, приспособившиеся к теплому климату и рабскому труду и жившие на огромных плантациях, как феодальные бароны; Новая Англия поддерживала специфически английское явление — пуританство. Срединный регион был менее английским, чем другие секции. Его отличали широкая смесь национальностей, разнообразие слоев общества, смешанная система городского и местного самоуправления, многообразная экономическая жизнь, многочисленные религиозные секты. Короче говоря, это был регион,

* К Срединным колониям относились Делавэр, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Пенсильвания, ставшие позднее штатами.

игравший роль связующего звена между Новой Англией и Югом, между Востоком и Западом. Он отличался тем смешанным национальным составом, который проявляется в нынешних Соединенных Штатах — этим тесным соседством групп неанглийского населения, каждая из которых жила в долине или небольшом поселении и представляла собой отражение карты Европы во всем своем разнообразии. Регион был демократическим и несекционным, хотя и не общенациональным; «уживчивым, терпеливым и удовлетворенным»; прочно укорененным в материальном процветании. Регион был типичным для современных Соединенных Штатов. Он менее остальных являлся секцией не только потому, что находился между Севером и Югом, но и потому, что не имея каких-либо препятствий, отгораживавших его собственной фронтир от заселенных районов, и располагая системой взаимосвязанных водных путей, Срединный регион является посредником между Востоком и Западом так же, как и между Севером и Югом. Таким образом, он стал типичным американским регионом. Даже житель Новой Англии, отрезанный от фронта этим регионом, задержавшись на своем пути на Запад в Нью-Йорке или Пенсильвании, утрачивал по дороге остроту своего секционализма⁴⁴.

Распространение возделывания хлопка во внутренние районы Юга уничтожило, наконец, контраст между районами «приливов» и остальными частями штатов и привело к тому, что интересы южан стали основываться на рабстве. До того момента, когда стали очевидными последствия этого процесса, западная часть Юга, схожая с Пенсильванией по составу народонаселения, характеру общества и промышленности, проявляла тенденцию к отпадению от веры отцов и переходу на позиции законодательства о внутренних улучшениях и к национализму. На виргинском конвенте 1829—1830 гг., созванном для внесения изменений в конституцию, г-н Ли из Честерфилда, одного из прибрежных графств, заявил:

Одним из главных источников нашей тревоги, которая привела нас на этот конвент; которая оказала самое сильное влияние на то, что мы преодолели свое восхищение деятельностью наших отцов; которая побудила нас отнестись с пренебрежением к чувствам П. Генри, Дж. Мейсона и Дж.Х. Пендлтона; которая отвратила нас от благоговения перед назначенными властями штата, — была самоуверенная страсть к внутренним улучшениям. Я заявляю об этом с полным знанием дела, потому что джентльмены с Запада многократно говорили мне об этом. И позвольте мне сказать джентльмену из Албемарла (г-ну У.Ф. Гордону), что еще одной основной целью тех, кто начал эту революцию, является опрокинуть доктрину прав штатов, — а Виргиния

была самой прочной опорой этой доктрины, — и снять барьеры, которые она воздвигла на пути вмешательства федерального правительства в ту самую деятельность по внутренним улучшениям. В этих целях они хотят таким образом реорганизовать законодательное собрание, чтобы и Виргинию тоже можно было бы прицепить к федеральному вагону.

Именно эта тенденция Запада к национализации трансформировала демократию Томаса Джефферсона в национальный республиканизм Джеймса Монро и демократию Эндрю Джексона. У отрезанного от прибрежных секций Средними штатами и горами Запада времен Войны 1812 г., Запада Г. Клея, Т. Бентона, У.Г. Гаррисона и Э. Джексона была собственная солидарность с национальными тенденциями⁴⁵. На волнах «отца всех вод»* — р. Миссисипи — Север и Юг встретились и слились в одну страну. Происходила постоянная миграция населения между штатами, являвшаяся процессом взаимного оплодотворения идеями и институтами. Жестокая борьба между секциями из-за рабства на западном фронтире не снижает правоту такого заявления; эта борьба доказывает его истинность. Рабство было секционным явлением, которое никак не удавалось одолеть, но на Западе оно не смогло остаться таковым. Величайшему из деятелей фронтира принадлежат слова: «Я думаю, что наше правительство, наполовину рабовладельческое, наполовину свободное, не может существовать в таком виде вечно»**. Ничто так не способствует национализму, как отношения внутри страны. Мобильность населения — это смерть для провинциализма. Сопrotивляться влиянию западного фронтира, вызывавшего движение населения, оказалось невозможно. А оттуда шло обратное воздействие, глубоко влиявшее на Атлантическое побережье и даже на Старый Свет.

Но самым важным влиянием фронтира оказалось его содействие развитию демократии и здесь, и в Европе. Как уже отмечалось, фронтир способствует развитию индивидуализма. Высокоразвитое общество в условиях дикой местности преобразуется в некую примитивную организацию, основанную на семье. Это антиобщественная тенденция. Она порождает глубокую неприязнь к контролю, особенно к любому прямому контролю. Сборщик налогов рассматривается как представитель тирании. В своей талантливой статье⁴⁶ профессор Осгуд указал, что преобладавшие в колониях условия жизни приграничья являются важными факторами для объяснения Американской революции, где личную свободу иногда путали с отсутствием любого

* Одно из почтительных прозвищ р. Миссисипи.

** Цитата из речи Авраама Линкольна 16 июня 1858 г.

эффективного управления. Те же условия помогают объяснению трудностей на пути организации сильного правительства в период Конфедерации. Индивидуализм жителей фронта с самого начала способствовал демократии.

Штаты фронта, вошедшие в состав Союза в течение первых двадцати пяти лет его существования, были демократичными в области избирательного права, и это оказало исключительно важное обратное воздействие на более старые штаты, население которых уходило в эти приграничные штаты. Жизненно важным стало расширение прав участия в выборах. Именно *западная* часть штата Нью-Йорк заставила конституционный конвент этого штата в 1821 г. расширить избирательные права; и именно представители *западной* части Виргинии вынудили прибрежный регион включить в конституцию 1830 г. более либеральные избирательные положения и установить для области фронта представительство, более пропорциональное в сравнении с районами приливов, где проживала аристократия. Подъем демократии как эффективной силы в стране произошел в момент преобладания Запада при Эндрю Джексоне и Уильяме Генри Гаррисоне — и означал триумф фронта — со всем, что было в ней хорошего и плохого⁴⁷. Интересную иллюстрацию характера демократии пограничья в 1830 г. можно увидеть в тех же самых дебатах на виргинском конвенте, о которых уже упоминалось. Вот что заявил делегат конвента из западной Виргинии:

Но, сэр, не увеличение населения на Западе — то, чего следует бояться этому джентльмену. А бояться ему следует энергии, которой горный бриз и обычаи Запада наделяют этих эмигрантов. Они возрождаются — я имею в виду политически, сэр. Очень быстро они становятся *работающими политиками*; а разница, сэр, между *говорящим* и *работающим* политиком громадна. «Старый Доминион»* долгое время славился своими великими ораторами; самыми способными метафизиками от политики; людьми, которые могут вести казуистические дебаты по любому невразумительному вопросу политической экономии. А вот дома, или когда они возвращаются из Конгресса, негры обмахивают их веерами и укладывают спать. Но политик из Пенсильвании, Нью-Йорка, Огайо или западной Виргинии, хотя во многом и уступает своему старому виргинскому коллеге в логике, метафизике и риторике, но обладает тем преимуществом, что когда он возвращается домой, он снимает сюртук и берется за плуг. Это, сэр, укрепляет его кости и мышцы и сохраняет в чистоте и непорочности его республиканские принципы.

* Официальное прозвище колонии, а позднее штата Виргиния.

Наличие свободных земель, пока они есть, создает возможности зажиточной жизни, а экономическая мощь обеспечивает политическую власть. Но демократия, порожденная наличием таких земель, с упором на эгоизм и индивидуализм, нетерпимая к административному управлению и образованию, требующая таких личных свобод, которые выходят за должные пределы, — такая демократия, хотя она и имеет определенные преимущества, таит в себе свойственные ей опасности. Американский индивидуализм привел к небрежности в отношении к государственному делу, которая сделала возможным систему «дележа добычи» среди сторонников победившей на выборах партии и все очевидные отрицательные явления, вытекающие из отсутствия высоко развитого духа гражданственности. В связи с этим можно, далее, отметить влияние условий фронта, проявлявшееся в низком уровне профессиональной этики в бизнесе, завышенном курсе бумажных денег и спекулятивной банковской деятельности. Приграничье колониального и революционного периода стало тем регионом, откуда исходили многие из наихудших форм неполноценных денег⁴⁸. Феномен той эпохи повторился на Западе во время Войны 1812 г., а спекуляции и мошеннические банковские операции периода кризиса 1837 г. происходили на новой полосе фронта в следующей группе новых штатов. Таким образом, каждый период низкого уровня честности в финансовых делах совпадал по времени с теми периодами, когда возникали новые группы общин, а территориально — со сменявшимися друг друга фронтами. Недавняя популистская агитация является подходящей иллюстрацией этого. Многие штаты, отрицающие сейчас какие-либо связи с принципами популизма, на более ранних этапах своего развития сами придерживались таких идей. От примитивного общества вряд ли следует ожидать проявления интеллектуального понимания сложности деловых интересов в развитом обществе. Постоянное возрождение подобной агитации на тему бумажных денег — еще одно свидетельство того, что фронтир может быть выделен и изучаться как фактор перво-степенной важности для американской истории⁴⁹.

Восток всегда боялся нерегулируемого продвижения фронта, пытался останавливать его и руководить этим процессом. Английские власти хотели бы остановить линию поселений у истоков рек, впадающих в Атлантический океан, и позволить «дикарям наслаждаться спокойной жизнью в своей глуши, чтобы не сократилась торговля мехами». Это вызвало великолепно сформулированный протест Э. Бёрка:

Если вы перестанете выдавать разрешения на занятие земель, каковы будут последствия этого? Люди станут захватывать их без ваших разрешений. Они уже поступили так во многих местах. Вы не сможете поста-

вить гарнизоны повсюду в этой глуши. Если вы вытесните людей из одного места, они по-прежнему будут возделывать землю каждый год и переберутся в другое место со всем своим скотом и птицей. Многие жители отдаленных поселений уже сейчас мало привязаны к конкретным местам проживания. Они уже перешли через Аппалачские горы. И с этих гор они видят расстилающуюся перед ними огромную равнину, один громадный, богатый, ровный луг; пространство земли площадью в пятьсот квадратных миль. И здесь эти люди будут передвигаться с места на место, и нет никакой возможности им помешать; их обычаи изменяются вместе с образом жизни; вскоре они позабудут о правительстве, которое отказалось от них; они превратятся в орды английских татар; и, хлынув на ваши незащищенные рубежи массами свирепой и несокрушимой конницы, они станут хозяевами ваших губернаторов и советников, сборщиков налогов и ревизоров, и всех рабов, которые им принадлежали. Таковы будут последствия — и вы увидите их очень скоро — попытка запретить как преступление и подавлять как зло повеление и благословение Божье: «Плодитесь и размножайтесь». Таков будет радостный исход стремления оставить прибежищем диких зверей ту землю, которую Господь своим законом прямо отдал детям человеческим.

Но английское правительство не было одиноким в своем желании ограничить продвижение фронта и вершить его судьбы. Районы приливов в Виргинии⁵⁰ и Южной Каролине⁵¹, прибегнув к махинациям, добились господства прибрежных графств в законодательных собраниях этих колоний. Джордж Вашингтон хотел, чтобы на Северо-Западе штаты организовывались по очереди и по одному. Джефферсон хотел бы закрыть для заселения территории к северу от 32-й параллели, отошедшие к США в результате совершенной им покупки Луизианы, чтобы предложить их индейцам в обмен на поселения туземцев к востоку от р. Миссисипи. «Когда мы заполним все на этой стороне [реки], — писал он, — то сможем выделить ряд штатов на ее западном берегу от главного истока и до устья, и так, ряд за рядом, продвигаться плотным строем по мере нашего размножения». Мэдисон дошел до того, что заявил французскому посланнику, что Соединенные Штаты не заинтересованы в том, чтобы их население обосновалось на правом берегу р. Миссисипи, но, скорее, будут этого опасаться. Когда в 1824 г. шли дебаты по вопросу об Орегоне, конгрессмен Александр Смит из Виргинии заявил, что следует провести не подлежащую изменениям линию, ограничивающую внешние пределы США двумя рядами штатов к западу от р. Миссисипи. Но он жаловался, что штаты, расположенные на Атлантическом побережье, лишаются своих лучших людей, так как слишком много земель оказалось на рынке. Даже Т. Бентон,

придерживавшийся самых широких взглядов на предназначение Запада, на этом этапе своей карьеры заявил, что вдоль хребта Скалистых гор «должен быть проложен западный предел Республики, и на самом высоком горном пике должна быть воздвигнута статуя прославленного в преданиях бога Терминуса и да не будет она никогда низвергнута»⁵². Однако попытки обозначить пограничные рубежи, ограничить продажу земель и организацию поселений, лишить Запад его доли политической власти — все они были тщетными. Неуклонно фронтир продвигался вперед, нес с собой индивидуализм, демократию, национализм, оказывая мощное воздействие на Восток и на Старый Свет.

В том, что касалось попыток Востока упорядочить жизнь в приграничье, наиболее успешной стала его деятельность в сферах образования и религии, проявлявшаяся через миграцию населения между штатами и работу различных организаций. Выступая в 1835 г., д-р Лаймен Бичер заявлял: «Так же ясно и то, что религиозная и политическая судьба нашей страны должна решиться на Западе», и он отметил, что население этого региона «собралось сюда из всех штатов Союза и из всех государств Европы и устремляется сюда, как реки в половодье, и для его морального спасения должны быть немедленно предприняты всеобъемлющие усилия теми институтами, которые дисциплинируют ум и вооружают совесть и душу. Мнения и обычаи здесь столь недавние и несовершенные, поселения на Западе так далеки друг от друга, что в ближайшее время невозможно возникновение единообразных общественных настроений, чтобы законодательным образом сформировать там требующиеся институты. И тем не менее необходимо, чтобы они возникли немедленно, во всем их высшем совершенстве и силе. Нация «рождается мгновенно». <...> Но что станет с Западом, если его процветание стремительно достигнет такого величия мощи в то время, как затянется образование тех великих институтов, которые должны формировать умы, совесть и душу этого огромного мира? Этого нельзя допустить. <...> Ни один человек на Востоке не может успокаивать себя и мечтать о свободе, не обращая внимания на то, что может случиться с Западом. <...> Судьба Запада — это наша судьба»⁵³.

Зывая к совести Новой Англии, он также обращается к испытываемому Новой Англией страху того, что другие религиозные секты опередят ее собственные. Новоанглийские проповедник и школьный учитель оставили на Западе свой отпечаток. Боясь того, что там освободятся от ее политического и экономического контроля, Новая Англия испытывала одновременно с этим и опасения, будто бы Запад порвет связи с ее религией. Комментируя в 1850 г. сообщения о том, что в Висконсине районы поселений быстро распространяются на север, редактор журнала «Хоум Мишэнери» пишет: «Мы не можем решить,

радоваться ли нам или испытывать печаль в связи с расширением заселенных областей. В то время, как мы симпатизируем всему, что наращивает физические ресурсы и процветание нашей страны, мы не можем забывать, что со всем этим рассредоточением во все более и более отдаленные уголки соответственно сокращаются возможности донести благодать Господню». Действуя в ключе этих идей, учреждались религиозные миссии всех конфессий и на Западе основывались колледжи. Так же как города побережья — Филадельфия, Нью-Йорк и Балтимор — боролись за контроль над торговлей с Западом, различные конфессии стремились обладать им. И таким образом интеллектуальное влияние, исходящее из Новой Англии, оплодотворяло Запад. Другие секции направляли тоже своих миссионеров; но реальная борьба шла между сектами. Соперничество за власть и тенденции к экспансии, вызывавшиеся у различных сект существованием подвижного фронта, не могли не привести к весьма важным результатам в том, что касается характера организации религии в США. Многочисленность конкурирующих церквей в маленьких поселках пограничья имела глубокие и длительные социальные последствия. Религиозные аспекты жизни на фронтире — это заслуживающая изучения глава нашей истории.

Условия жизни в приграничье породили интеллектуальные свойства глубочайшего значения. В путевых заметках путешественников по всем регионам фронта, начиная с колониального периода, описываются определенные особенности, присущие всем районам, и эти характерные черты, хоть и в несколько смягченном виде, по-прежнему сохраняются в тех местах, где они возникли как некие пережитки прошлого, даже если там уже достигнута более высокая степень социальной организации. Результатом этого является то, что именно фронтиру американский интеллект обязан своими потрясающими чертами. Эта грубость и сила, соединяющиеся с пронизательностью и любознательностью; этот практический, изобретательный склад ума, быстро находящий средства для достижения результатов; это мастеровское понимание сути материального мира, лишённое артистизма, но мощное в достижении великих целей; эта неугомонная нервная энергия⁵⁴; этот господствующий индивидуализм, работающий ради добра и зла; и в то же время эти жизнерадостность и избыток чувств, которыми сопровождается свобода — все это особенности фронта или же свойства, которые оказываются нужны в других местах в связи с его существованием. С того дня, когда флот Колумба вошел в воды Нового Света, слово «Америка» означало синоним «возможности», и тон народу Соединенных Штатов был задан непрекращающейся экспансией, которая не только проводилась открыто, но и была ему

навязана. Опрометчивым пророком станет тот, кто будет утверждать, что экспансионистский характер американской жизни к настоящему времени полностью исчез. Движение было ее доминантой, и, если только эта выучка не оказала никакого влияния на народ, энергия Америки будет постоянно требовать более широкого поля для своего приложения. Но никогда больше не появится такого подарка — свободных земель. В настоящее время на фронтире разорваны узы обычая и царит необузданность. *Tabula rasa** не существует. Там существует неподдающаяся американская природная среда с ее властным требованием принять диктуемые ею условия и с унаследованным образом действий. Но все же, несмотря на среду и обычаи, каждый фронтир создавал новое поле возможностей, ворота ухода от уз прошлого. Свежесть, доверие, презрение к старому обществу, нетерпимость к его ограничениям и идеям, равнодушие к его упрекам — все это было присуще фронтиру. Тем, чем для древних греков было Средиземное море, раввавшее узы обычаев, предлагавшее новый опыт, вызывавшее к жизни новые институты и виды деятельности, тем же — и еще больше — был вечно отступающий фронтир для Соединенных Штатов непосредственно, а для стран Европы более опосредованно. И теперь, через четыре века после открытия Америки, в конце столетия жизни в условиях действия Конституции, фронтаира больше нет, и с его уходом закончился первый период американской истории.

Примечания**

¹ Доклад, прочитанный на заседании Американской исторической ассоциации в Чикаго 12 июля 1893 г. Впервые он был опубликован в «Трудах Исторического общества штата Висконсин» 14 декабря 1893 г. со следующим примечанием: «Этот доклад основан на моей статье “Проблемы фронтаира в американской истории”, напечатанной 4 ноября 1892 г. в “The AEGis” журнале студентов Университета штата Висконсин. <...> Мне доставило удовольствие узнать, что профессор Вудро Вильсон, в книге которого “Раздел и воссоединение”, вышедшей в серии “Эпохи американской истории”, содержится высокая оценка важности Запада как фактора американской истории, принимает некоторые взгляды, выраженные в упомянутых выше докладах, и усиливает их ценность, дав свою ясную и плодотворную трактовку в рецензии на книгу Голдуина Смита “История Соединенных Штатов”. Рецензия появилась в “The Forum” в декабре 1893 г. Настоящий текст был напечатан в “Report of The American Historical Association” за 1898 г., с. 199–227. С дополнениями он был опубликован в ежегоднике “Fifth Year Book of the National Herbar Society” и в ряде других изданий.

* Гладкая, чистая доска для письма (*лат.*).

** Здесь и далее нумерованные примечания принадлежат Ф. Дж. Тёрнеру и даны в авторской редакции. — *Примеч. ред.*

² "Abridgment of Debates of Congress," v, p. 706.

³ Bancroft (1860 ed.), iii pp. 344, 345, citing Logan MSS.; [Mitchell] "Contest in America," etc. (1752), p. 237.

⁴ Kercheval, "History of the Valley"; Bernheim, "German Settlements in the Carolinas"; Winsor, "Narrative and Critical History of America"; v, p. 304; Colonial Records of North Carolina, iv, p. xx; Weston, "Documents Connected with the History of South Carolina," p. 82; Ellis and Evans, "History of Lancaster County, Pa.," chs. iii, xxvi.

⁵ Parkman, "Pontiac," ii; Griffis, "Sir William Johnson," p. 6; Simms's "Frontiersmen of New York".

⁶ Monette, "Mississippi Valley," i, p. 311.

⁷ Wis. Hist. Cols., xi, p. 50; Hinsdale, "Old Northwest," p. 121; Burke, "Oration on Conciliation," Works (1872 ed.), i, p. 473.

⁸ Roosevelt, "Winning of the West," и приводимые там цитаты; Cutler's "Life of Cutler".

⁹ Scribner's Statistical Atlas, xxxviii, pl. 13; Mc Master, "Hist. of People of U.S.," i, pp. 4, 60, 61; Inlaid and Filson, "Western Territory of America" (London, 1793); Rochefoucault-Liancourt, "Travels Through the United States of North America" (London, 1799); Michaux's "Journal," in *Proceedings American Philosophical Society*, xxvi, № 129; Forman, "Narrative of a Journey Down the Ohio and Mississippi in 1780-90" (Cincinnati, 1888); Bartram, "Travels Through North Carolina", etc. (London, 1792); Pope, "Tour Through the Southern and Western Territories," etc. (Richmond, 1792); Weld, "Travels Through the States of North America" (London, 1799); Baily, "Journal of a Tour in the Unsettled States of North America, 1796-97" (London, 1856); Pennsylvania Magazine of History, July, 1886; Winsor, "Narrative and Critical History of America," vii, pp. 491, 492, цитаты.

¹⁰ Scribner's Statistical Atlas, xxxix.

¹¹ Turner, "Character and Influence of the Indian Trade in Wisconsin" (John Hopkins University Studies, Series ix), pp. 61 ff.

¹² Monette, "History of the Mississippi Valley" ii; Flint, "Travels and Residence in Mississippi," Flint, "Geography and History of the Western States," "Abridgment of Debates of Congress" vii, pp. 397, 398, 404; Holmes, "Account of the U.S."; Kingdom, "America and the British Colonies" (London, 1820); Grund, "Americans," ii, chs. i, iii, vi (хотя в своей работе 1836 г. он пишет об условиях, к которым привело продвижение на Запад, шедшее с 1820-х гг. и до 1836 г.); Peck, "Guide for Emigrants" (Boston, 1837); Darby, "Emigrants' Guide to Western and Southwestern States and Territories"; Dana, "Geographical Sketches in the Western Country"; Kinzie, "Waubun"; Keating, "Narrative of Long's Expedition"; Schoolcraft, «Discovery of the Sources of the Mississippi River," "Travels in the Central Portions of the Mississippi Valley," and "Lead Mines of the Missouri"; Andreas, "History of Illinois" i, 86-99; Hurlbut, "Chicago Antiquities"; Mc Kenney, "Tour to the Lakes"; Thomas, "Travels Through the Western Country", etc. (Auburn, N.Y., 1819).

¹³ Darby, "Emigrants' Guide," pp. 272 ff; Benton, "Abridgment of Debates," vii, p. 397.

¹⁴ De Bow's *Review*, iv, p. 254; xvii, p. 428.

¹⁵ Grund, "Americans," ii, p. 8.

¹⁶ Peck, "New Guide to the West" (Cincinnati, 1848), ch. iv; Parkman, "Oregon Trail"; Hall, "The West" (Cincinnati, 1848); Pierce, "Incidents of Western Travel"; Murray, "Travels in North America"; Lloyd, "Steamboat Directory" (Cincinnati, 1856); "Forty Days in a Western Hotel" (Chicago) in *Putnam's Magazine*, December, 1894; Mackay, "The Western World", ii, ch. ii, iii; Meeker, "Life in the West"; Bogen, "German in America" (Boston, 1851); Olmstead, "Texas Journey"; Greeley, "Recollections of a Busy Life"; Schouler, "History of the United States," v, 261-267; Peyton, "Over the Alleghanies and Across the Prairies" (London, 1870); Loughborough, "The Pacific Telegraph and Railway" (St. Louis, 1849);

Whitney, "Project for a Railroad to the Pacific" (New York, 1849); Peyton, "Suggestions on Railroad Communication with the Pacific, and the Trade of China and the Indian Islands"; Benton, "Highway to the Pacific" (речь, произнесенная в сенате Конгресса США 16 декабря 1850 г.).

¹⁷ Автор работы *The Home Missionary* (1850), p. 239, описывая условия в Висконсине, восклицает: «Только подумайте, жители просвещенного Востока. Каков пример, исходящий с самой последней черты границы цивилизации!» Но один из миссионеров пишет: «Не пройдет и нескольких лет, как Висконсин более не будет считаться Западом или форпостом цивилизации — не более, чем им считается западная часть штата Нью-Йорк или Западный резервный район».

¹⁸ Bancroft (H. H.), "History of California," "History of Oregon" and "Popular Tribunals"; Shinn, "Mining Camps".

¹⁹ Смотрите побуждающий к размышлениям доклад профессора Джесси Мейси (Jesse Macy, "The Institutional Beginnings of a Western State").

²⁰ Shinn, "Mining Camps".

²¹ Сравните: Thorpe, in *Annals American Academy of Political and Social Science*, September, 1891; Bryce, "American Commonwealth" (1888) ii, p. 689.

²² Loria, *Analisi della Proprieta Capitalista*, ii, p. 15.

²³ Сравните: "Observations on the North American Land Company," London, 1796, pp. xv, 144; Logan, "History of Upper South Carolina," i, pp. 149–151; Turner, "Character and Influence of Indian Trade in Wisconsin," p. 18; Peck, "New Guide for Emigrants" (Boston, 1837), ch. iv; "Compendium Eleventh Census," i, p. xi.

²⁴ См. ниже примеры политических последствий изменяющихся условий промышленной деятельности.

²⁵ Тем не менее Льюис и Кларк первыми исследовали маршрут между реками Миссури и Колумбия.

²⁶ "Narrative and Critical History of America," viii, p. 10; Sparks' "Washington Works," ix, pp. 303, 327; Logan, "History of Upper South Carolina," i; McDonald, "Life of Kenton," p. 72; Cong. Record, xxiii, p. 57.

²⁷ О воздействии торговли мехами на открытие путей миграции смотрите статью автора "Character and Influence of the Indian Trade in Wisconsin".

²⁸ Lodge, "English Colonies," p. 152 и цитаты; Logan, "Hist. of Upper South Carolina," i, p. 151.

²⁹ Flint, "Recollections," p. 9.

³⁰ См.: Monette, "Mississippi Valley," i, p. 344.

³¹ Coues', "Lewis and Clark's Expedition," i, pp. 2, 253–259; Benton, in Cong. Record, xxiii, p. 57.

³² Hehn, "Das Salz" (Berlin, 1873).

³³ Col. Records of N.C., v, p. 3.

³⁴ Findley, "History of the Insurrection in the Four Western Counties of Pennsylvania in the Year 1794" (Philadelphia, 1796), p. 35.

³⁵ Hale, "Daniel Boone" (pamphlet).

³⁶ Сравните с книгой: Baily, "Tour in the Unsettled Parts of North America" (London, 1856), pp. 217–219, где дается схожее описание условий 1796 г. См. также: Collot, "Journey in North America" (Paris, 1826), p. 109; "Observations on the North American Land Company" (London, 1796), pp. xv, 144; Logan, "History of Upper South Carolina".

³⁷ "Spotswood Papers," in Collections of Virginia Historical Society, i, ii.

³⁸ [Burke], "European Settlements" (1765 ed.), ii, p. 200.

³⁹ Everest, in "Wisconsin Historical Collections," xii, pp. 7 ff.

⁴⁰ Weston, "Documents connected with History of South Carolina", p. 61.

⁴¹ См., например, речь Г. Клея в палате представителей от 30 января 1824 г.

⁴² См. прекрасную монографию профессора Адамса: Н.В. Adams, "Maryland's Influence on the Land Cessions," а также материалы президента Уэллинга: Welling, in *Papers American Historical Association*, iii, p. 411.

⁴³ Adams', *Memoirs*, xi, pp. 247, 248.

⁴⁴ Статья автора в журнале *The Aegis* (Madison, Wis.), November 4, 1892.

⁴⁵ Сравните: Roosevelt, "Thomas Benton," ch. i.

⁴⁶ *Political Science Quarterly*, ii, p. 457. Сравните: Sumner, "Alexander Hamilton," chs. ii–vii.

⁴⁷ Сравните: Wilson, "Division and Reunion," pp. 15, 24.

⁴⁸ Об условиях фронта применительно к налогообложению во время Революции см.: Sumner, "Alexander Hamilton," ch. iii.

⁴⁹ Я воздержался от подробного рассмотрения незаконных как характерной черты жизни на фронтире, поскольку они достаточно хорошо известны. Картежник и головорез, регуляторы из Южной и Северной Каролин и виджиланте из Калифорнии — типы, представляющие человеческую накипь, которую несут перед собой волны двигающейся вперед цивилизации; и они же представляют собой развитие спонтанно возникающих органов власти там, где законной власти нет. Сравните: Barrows, "United States of Yesterday and To-Morrow;" Shinn, "Mining Camps" and Bancroft, "Popular Tribunals." Юмор, храбрость и грубая сила, как и пороки приграничья в их самых худших аспектах, — все это оставило свой след в американском характере, языке и литературе — таковой след, который не скоро изгладится.

⁵⁰ *Debates in the Constitutional Convention, 1829–1830.*

⁵¹ [McGrady] *Eminent and Representative Men of the Carolinas*, i, p. 43; Calhoun's *Works*, i, pp. 401–406.

⁵² Речь в сенате 1 марта 1825 г.; *Register of Debates*, i, 721.

⁵³ *Plea for the West* (Cincinnati, 1835), pp. 11 ff.

⁵⁴ Путешественники по колониальной Америке единодушно отмечают флегматичный характер поселенцев. Часто задавался вопрос, как такие люди могли развить столь напряженную нервную энергию, которая характерна для них теперь. Сравните: Sumner, "Alexander Hamilton," p. 98 and Adams, "History of the United States," i, p. 60; ix, pp. 240, 241. Этот переход, как представляется, стал особенно заметен при завершении Войны 1812 года, периода, когда был отмечен интерес к развитию Запада и там проявилась неутомимая энергия. Grund, "Americans," ii, ch. i.

Глава II. Первый официальный фронтир Массачусетского залива¹

В текст моего доклада «Значение фронта в американской истории» я включил следующее заявление федерального суперинтенданта по переписи населения за 1890 г.:

Вплоть до 1880 г. включительно у страны имелся фронтир для заселения, но в настоящее время в безлюдных районах появилось столько изолированных поселений, что вряд ли можно говорить о линии границы. Поэтому обсуждению проблем протяженности фронта, его продвижения на запад и т. п. больше не может быть места в цензовых докладах.

За два столетия до этого заявления, в 1690 г., комитет Общего собрания Массачусетса рекомендовал Собранию отдать распоряжение о линии границы и учредить постоянный комитет для организации там гарнизонов численностью в 40 солдат в каждом приграничном поселке как основных сил охраны². В течение двухсот лет, прошедших между этой официальной попыткой установить рубеж Массачусетса и официальным объявлениям о прекращении существования линии национальной границы, экспансия на запад была наиболее важным отдельно взятым процессом американской истории.

Определение «приграничный поселок» было, однако, не новым. Уже в 1645 г. жителям Конкорда, Садбери и Дедема, «поскольку эти поселки удалены от границы и мало населены», было запрещено их покидать без разрешения³; в 1699 г. особым законодательством ряд поселков был выделен в качестве «приграничных»⁴; в период Войны короля Филиппа* издавались различные законодательные акты в отно-

* Военные действия 1675–1677 гг. между колонистами Новой Англии и индейскими племенами.

шении таких селений⁵. На сессии 1675–1676 гг. было предложено выстроить ограду в виде частокола или каменной стены высотой 8 футов от р. Чарлз, «там, где она судоходна», до Конкорда через Билрик, оттуда до р. Мерримак и вниз по ее течению до Залива, «посредством чего весь этот путь будет огражден для защиты и безопасности (да будет на то воля Божья) людей, их домов, имущества и скота от ярости и неистовства врага»⁶. Однако этот проект, подобный оборонительным валам Древнего Рима, не заинтересовал жителей фронта тех времен. Он был частью устаревших представлений об обороне, иллюстрацией которых могло служить невероятное вооружение закованных в броню солдат начального периода правления пуритан, с их латами, шлемами, пиками, фитильными замками, мушкетами и нагрудными патронташами, вышедшими из употребления еще примерно во время Войны короля Филипа. Те 57 операций, которые, согласно утвержденной инструкции, требовались, чтобы зарядить мушкет с фитильным замком и выстрелить из него, оказывались слишком большим неудобством при преследовании проворного дикаря. В эту эпоху приграничный боец приспособился к более открытому боевому порядку и к облегченному вооружению, необходимость которых диктовалась практикой ведения сражений с индейскими воинами⁷.

Поселенцу на окраинах пуританской цивилизации довелось отражать главный удар и продвигать вперед линию наступления, которое год за годом проталкивало американские поселения в глубь дикой местности. В американском мышлении и выступлениях термин «фронтир» приобрел значение крайней черты заселенной территории, а не политического рубежа, как в Европе. В 1690 г. уже стало очевидно совпадение границы поселений и линии обороны военными средствами. По мере того как население и дальше продвигалось в глубь дикой местности, вследствие чего снова и снова появлялись новые незащищенные районы, где по одну сторону располагались поселки, а по другую — индейцы и их европейские покровители, под военной границей стали понимать не Атлантическое побережье, а подвижную линию, соседствующую с еще не завоеванными районами. Это не мог быть укрепленный пограничный рубеж вдоль пределов, установленных королевской хартией, ибо эти пределы простирались до южных морей и сталкивались с границами братских колоний. Защите подлежал внешний рубеж расширяющего общества, изменяющаяся граница, нуждавшаяся в определении и неоднократных новых обозначениях по мере того, как «Запад» менял свое местонахождение.

Проиллюстрировать значение этого нового фронта поможет тот факт, что Виргиния примерно в то же время, что и Массачусетс, прошла через очень похожую трансформацию и попыталась учредить

приграничные поселки, или «совместные селения», у «верховьев», то есть у первых водопадов виргинских рек в окрестностях Ричмонда, Питерсберга и т. д.⁸

Виргинская система «частных плантаций», размещавшихся по берегам р. Джеймс в последний период деятельности Лондонской акционерной компании стала типичным образцом для поселка Новой Англии. В виде компенсации на закате Компании такой поселок, возможно, послужил моделью для законодателей Виргинии по созданию селений на фронтире.

Акт от 12 марта 1694/1695 г. Общего собрания Массачусетса перечислял «приграничные поселки», жителям которых запрещалось без получения предварительного разрешения покидать их под угрозой лишения земель (если они ею владели) или тюремного заключения (если они не были землевладельцами)⁹. Всего таких селений было 11: Уэлс, Йорк и Киттери на восточном рубеже, а также Эймсбери, Хейверхилл, Данстейбл, Челмсфорд, Гротон, Ланкастер, Марлборо¹⁰ и Дирфилд. В марте 1699/1700 г. было возобновлено действие старого закона, добавившего Брукфилд, Мендон и Вудсток, а также еще 7 поселков: Солсбери, Эндовер¹¹, Биллерика, Хэтфилд, Хедли, Уэстфилд и Нортгемптон, которые, «хотя и не являются приграничными поселками, как названные ранее поселения, однако менее защищены от вражеского нападения, чем многие другие»¹².

Весной 1704 г. Общее собрание Коннектикута, строго следуя массачусетскому закону, назвало в качестве своих приграничных поселков, которые запрещалось покидать, следующие: Симсбери, Уотербери, Дэнбери, Колчестер, Уиндхэм, Мансфилд и Плейнфилд.

Таким образом, примерно к концу XVII — началу XVIII вв. для Новой Англии имелась официально установленная пограничная линия. Она проходила через вышеназванные поселки и представляла собой: (1) окраины заселенных районов вдоль восточного побережья и вплоть до р. Мерримак и ее притоков, — регион, угроза которому исходила от индейской территории, расположенной за озером Виннипесоки; (2) конец полосы поселений в долине р. Коннектикут, которым угрожали канадские индейцы с берегов озера Шамплейн и р. Уинуски, являвшейся путем в Коннектикут; (3) приграничные поселки, обозначавшие пределы того внутреннего сельскохозяйственного региона, где бедность почвы, образованной твердыми кристаллическими скальными породами, позднее породила восстание Даниэла Шейса, оппозицию принятию федеральной Конституции и тому, что фермы здесь оказались заброшенными; (4) изолированную между двух пограничных районов плодородную речную долину Брукфилда.

Помимо этого фронта Новой Англии существовал пояс поселений Нью-Йорка, шедший вверх по течению р. Гудзон до Олбани и Скенектади — военных постов против «Пяти наций». Эти укрепления угрожали могаукам, а также были нацелены против французов и канадских индейцев, угрожавших долине р. Гудзон с таких направлений, как озеро Шамплейн и озеро Джордж¹³. Рубеж по Гудзону защищали темные дела верхушки жителей Олбани с индейцами, с которыми они занимались торговлей мехами даже во время войны, за счет приграничных поселков Новой Англии.

Обычная последовательность типов обитателей фронта (торговец пушниной, пионер-скотовод, мелкий фермер, возделывающий землю примитивными методами, фермер, ведущий интенсивное многостороннее хозяйство и производящий излишки сельскохозяйственной продукции на вывоз) в Новой Англии проявилась, хотя и не во вполне ясных формах. Торговцы и их фактории проложили путь для приграничных поселков¹⁴, и скотоводство было самым важным занятием для первых фермеров¹⁵. Однако стадии этой последовательности быстро сменялись и перемешивались. После Войны короля Филипа Олбани находился еще на этапе торговли мехами, а приграничные поселки Новой Англии походили скорее на колонии типа марки, этакие военно-сельскохозяйственные форпосты против индейского врага.

История пограничной войны между Канадой и этими поселками предоставляет богатый материал для изучения жизни и институтов фронта, но я не буду пытаться рассматривать военные действия. Обнесенная частоколом площадь молитвенного дома, поставленные отдельно укрепленные казармы гарнизона, резня, захваты в плен — все это хорошо известные черты истории Новой Англии. Здесь индеец влиял самым непосредственным образом на ум и нравы, а также на институты фронта. Происходившие время от времени случаи возвращения пуритан из плена, когда они являлись в поселки пограничья, приняв католичество, раскрасившись как краснокожие, в индейской одежде и изъясняясь на туземных языках¹⁶, а также сообщения о полукровках — детях женщин-пуританок, попавших в плен к индейцам — это все сенсации, только часть истории. Однако в том, что касается обычных — или даже исключительных — отношений жителей приграничных поселков с туземцами, видны ясные доказательства того, что индейский фронтир оказывал влияние на английского колониста пуританского типа и трансформировал его.

Например, в 1703—1704 г. Общее собрание Массачусетса заказало 500 пар снегоступов и столько же пар мокасин для использования в определенных графствах, «лежащих на Границе, примыкающей к дикой местности»¹⁷. Коннектикут в 1704 г., перечислив свои посел-

ки пограничья и гарнизоны, отдал приказ о том, чтобы «упомянутая рота англичан и индейцев время от времени, по усмотрению их главного командира, прочесывала леса, чтобы попытаться обнаружить приближение врага, особенно обращая внимание на район от Уэст-филда до Усатуннука¹⁸. <...> И для поощрения наших сил, отправившихся или собирающихся отправиться против врага, это Собрание выделяет из общественной казны сумму в 5 фунтов за каждый мужской скальп врага, убитого в этой колонии»¹⁹. Массачусетс предлагал за скальпы вознаграждение, размер которого менялся в зависимости от того, был ли это скальп мужчины, женщины или ребенка, был ли он снят солдатом регулярных войск, получавшим жалованье, или состоявшим на службе добровольцем, или волонтером, не получавшим оплаты²⁰. Одной из наиболее поразительных фаз трансформации фронта было предложение преподобного Соломона Стоддарда из Нортгемптона осенью 1703 г., призвавшего к использованию собак «для охоты на индейцев так же, как охотятся на медведей». Его аргументация состояла в том, что собаки поймают много таких индейцев, за которыми не смогли бы угнаться поселенцы, и это не считалось бесчеловечным — ведь туземцы «ведут себя, как волки и поступать с ними надо, как с волками»²¹. На деле в 1706 г. Массачусетс принял закон о разведении псов и увеличении их числа для усиления безопасности границ, а в 1708 г. Массачусетс и Коннектикут платили из своей казны за выслеживание индейцев с собаками²².

Итак, мы снова оказываемся на знакомой нам местности: житель фронта в Массачусетсе так же ненавидел туземцев, как и его позднейшие последователи на Западе; «темнокожих дьяволов», как их называл Коттон Мэзер, надо было поймать и, в соответствии с законом скальпировать, как, по крайней мере, в одном случае это сделал сам капеллан, выпускник Гарварда, герой Баллады Пикуэкета, который

много индейцев убил,

и, пока вокруг него пули летали, срезал с них скальпы²³.

В пределах местности, окруженной полосой фронта, жили остатки индейских племен, потерпевших поражение в эпоху Войны короля Филипа, ограниченные в передвижениях пределами своих резерваций, пьяные и дегенерировавшие, среди которых миссионеры вели свою деятельность — без особых успехов, вызывая досаду в поселках пограничья²⁴ так же, как это было и на образовывавшихся позднее фронтах. Хотя, как уже упоминалось, в этих селениях стояли разбросанные тут и там казармы гарнизонов и огороженные частоколами места, подобные военным фортам или форпостам Кентукки периода

Революции, а также Индианы и Иллинойса периода Войны 1812 г., следует отметить одно важное различие. В том, что касается тех переселенцев, которые дошли из Пенсильвании по восточным склонам Аллеганских гор до нагорий Юга (так же как и в более очевидном случае пионеров из глубинки Кентукки и Теннесси), приграничные поселки были слишком изолированы от основных населенных районов, чтобы можно было достаточно надежно защищать их с помощью военной силы из более старых регионов. На фронтире в Новой Англии дело не обстояло таким образом, потому что он примыкал к прибрежным селениями, и здесь, как в Виргинии в XVII в., колониальные власти очень активно охраняли границу, а пограничные поселки сами весьма громко взывали о помощи. Этот этап обороны требует специального изучения, но в настоящее время достаточно напомнить, что колония направляла гарнизоны на свои рубежи и использовала милицию этих поселков, а для патрулирования местности между отдельными гарнизонами применялись рейнджеры²⁵.

Существовали прототипы регулярных армейских укрепленных постов, рейнджеров, драгун, кавалерии и конной полиции, которые продвигали вперед самые отдаленные части военного пограничья. Можно найти следы этого военного кордона, шедшего от Новой Англии до обеих Каролин в самом начале XVIII в., пока еще недалеко от побережья; к 1840 г. от Форта Снеллинг в верховьях р. Миссисипи он шел через различные укрепленные пункты до границы Техаса по р. Сабин, и с этого рубежа кордон продолжал наступать, пока в настоящее время не дошел до границ Мексики и Тихого океана.

Несколько примеров поступавших с фронта просьб об оказании помощи в виде направления военных гарнизонов помогут в понимании первоначальных форм жизни военного пограничья. Тридцатого июня 1689 г. жители Уэлса (Массачусетс) обращаются с просьбой:

1. Чтобы Ваши Чести любезно направили нам как можно быстрее двадцать восемь годных к службе здоровых солдат, которые могли бы охранять нас, пока мы убираем наш урожай сена и кукурузы (ведь мы не можем и защищать себя, и выполнять нашу работу), а также преследовать и уничтожать врага, как это может понадобиться, исходя из обстоятельств.

2. Чтобы эти солдаты были полностью оснащены оружием, боеприпасами и продовольствием за счет Государства, так как это всеобщая война»²⁶.

Поселок Данстейбл, «по-прежнему слабый и неспособный одновременно нести гарнизонную службу и посылать наших людей за се-

ном для нашего скота, а если мы не сделаем этого, то мы не сможем существовать», обратился 23 июля 1689 г. с петицией, прося направить 20 пехотинцев, «чтобы они вели разведку вокруг города, пока мы будем убирать наше сено». Говорилось, что в противном случае жителям придется уйти²⁷. Еще более показательной для подобных настроений является петиция поселка Ланкастер от 11 марта 1675/1676 гг. на имя губернатора и Совета: «Так как Бог сделал Вас отцом над нами, имейте к нам отцовскую жалость». Поселенцы просили дать им солдат для охраны и предоставить помощь, без чего они должны будут уйти²⁸. Жители Дирфилда писали в своей петиции 1678 г, обращаясь к Общему собранию: «Если Вы не соизволите проявить к нам Вашу отеческую милость и не пригреете нас на Вашей груди, нам придется внезапно испустить последний вздох»²⁹.

Опасности того времени, тяготы жизни в приграничных поселках и готовность фронта просить платы за убытки и раны³⁰ — обо всем этом приведено огромное количество примеров в петициях из других селений. Иногда возникает искушение объяснить иждивенческую позицию и склонность весьма откровенно жаловаться на судьбу особенностями священнического слога и желанием добиться освобождения от налогов — эта последняя особенность фронта в других регионах чаще ассоциировалась с мятежами, чем с религией.

Очень характерна следующая петиция из Гротона, поданная в 1704 г. Здесь, вероятно, дело обошлось без священника:

1. В то время как по воле Бога Всемогущего, который всем повелевает в своей безграничной мудрости, на наш удел выпало оказаться в таком месте, которое из-за врага стало очень опасным и по причине горестных событий, как мы претерпевали раньше, так и в последнее время, неся большие убытки и впадая в уныние, а особенно в прошлом году, когда мы потеряли столь многих людей, из которых одни были убиты, другие попали в плен, а прочие ушли, и также много потеряли и кукурузы, и скота, и лошадей, и сена, и поэтому мы очень обеднели и очень малочисленны и слабы стали наши возможности оставаться в живых, как податель сего может известить ваши чести.

2. И в придачу ко всему этому наш пастор, г-н Хобард, вот уже почти год не в состоянии совершать церковные службы среди нас, и мы советовались с их преподобиями пресвитерами соседних с нами церковей, и они советуют нам нанять другого священника и содержать г-на Хобарда и обратиться к Вашим Честям (у нас так мало чего осталось, чтобы мы могли оплатить наши долги, потому что столь бедны и малочисленны мы и в поселке, и в графстве), а ведь наше селение подвергается опасности, — нельзя без риска ни выйти за его пределы,

ни войти в него, и уже давно мы добываем свой хлеб с опасностью для наших жизней; и нас довели до очень тяжелого состояния столь высокие сборы на строительство гарнизонных казарм и укреплений по приказу властей, и поэтому некоторые из наших жителей покинули поселок, а другие намереваются его покинуть, если только что-то не будет сделано для оказания нам содействия; ибо нас так мало и мы такие бедные, что не можем платить двум священникам, но мы также и не хотим жить без священника; мы столько времени тратим на несение дозоров и хождение в патрулях, что мало чего другого можем делать; и, воистину, мы уже больше 2-х лет живем скорее как солдаты, чем как-то по-другому, и мы примем какой-нибудь способ, который Ваши Чести смогут найти, чтобы улучшить нашу безопасность и поддержать нас; иначе мы не сможем сохраниться как поселок, — либо освободить нас от уплаты налога, либо разрешить платить за строительство нескольких фортов, разрешенных и приказанных властью, или же, в противном случае, позволить половине наших здешних жителей платить налог, или предоставить нам свободу уйти в соседние с нами поселки, чтобы мы могли о себе позаботиться; все это, если Ваши Чести нам предоставят, Вы тем самым очень обрадуете Ваших скромных слуг, чтобы мы могли справиться со всеми многочисленными трудностями, с которыми мы к Вам обратились³¹.

Вынужденные жить скученно в своих домах в целях безопасности, обрабатывая свои поля под угрозой смерти, поселенцы фронта воспринимали как тяготу необходимость еще и платить налоги в бюджет провинции в то время, когда они участвовали в обороне находившейся в опасности границы. Помимо этого, подавались жалобы на отсутствовавших крупных земельных собственников, которые не платили муниципальных налогов и, тем не менее, извлекали выгоду из трудов переселенцев; об этом я буду говорить ниже.

Если бы мы доверяли этим петициям с их просьбами о милостях к колониальному правительству, то могли бы приписать этим первым жителями фронта уровень покорности, несвойственный другим переселенцам³², и, поистине, даже не подтверждающийся фактами. Однако при внимательном прочтении мы обнаруживаем, что, какие бы осторожные формулировки ни использовались в петициях, они на самом деле представляют собой жалобы на налогообложение; требования о том, чтобы расходы в интересах жителей пограничья несли колония; критику отсутствовавших крупных земельных собственников; намеками на то, что они могут оказаться вынужденными оставить свои позиции на границе, жизненно важные для обороны заселенных местностей Востока.

Дух военного неподчинения, характерный для фронта, со всей очевидностью проявляется в описаниях этих селений, таких, как в датируемом 1694 г. донесении Джона Пинчона, жаловавшегося на упадок, в который пришли укрепления в Хэтфилде, Хедли и Спрингфилде: «Люди немного своевольны. Склонны поступать когда и как им захочется или совсем ничего не делать»³³. Примерно в то же время Ричард Солтенстолл пишет из Хейверхилла о неудачах, постигших его при наборе солдат: «Я никогда больше не буду просить о рекрутировании хотя бы одного солдата из Хейверхилла», и он умоляет, чтобы был послан какой-нибудь подходящий человек, «который сказал бы нам, что следует сделать, как мы можем или должны поступать. Все мои труды оказались напрасными: одни из них идут то в одно место, то в другое, то в третье, как им заблагорассудится, и делают, что захотят»³⁴. Звучит знакомое для каждого изучающего фронтир.

Как и в случае с более поздним периодом существования пограничья, общая опасность на границах заселенной полосы приводила к сплочению в единых оборонительных действиях не только поселки Массачусетса, но и различные колонии. Тогда фронтир стимулировал разнообразные объединения секций, так же как позднее он стал способствовать развитию национализма. Когда в 1692 г. Коннектикут послал своих солдат на помощь селениям Массачусетса на р. Коннектикут³⁵, он сознавал, что жители Дирфилда, которые, как писал Дж. Пинчон, «в определенном смысле уже почти были в пасти врага», установили собственный рубеж Коннектикута³⁶ и что факты географии важнее, произвольно проведенных между колониями границ. В связи с этим Коннектикут также предпринял шаг, который помог сломать провинциальные антагонизмы. Когда в 1689 г. Массачусетс и Коннектикут послали своих агентов в Олбани, чтобы вместе с Нью-Йорком вручить подарки индейцам этой колонии и заручиться их помощью против французов,³⁷ они признали (как выразились их лидеры), что Олбани — «стержень» фронта на этом уязвимом участке. Выражая благодарность Коннектикуту за оказанную в 1690 г. помощь, Р. Ливингстон сказал: «Я надеюсь, достопочтенные господа, что вы смотрите на Олбани не как просто на Олбани, а как на рубеж вашей, достопочтенные господа, колонии и всех стран Их Величество»³⁸.

Самая глубинная суть американского фронта состоит в том, что это — графическая полоса, которая отражает экспансионистскую энергию народа, стоящего за ней, и, согласно закону собственного существования, непрерывно притягивает и увлекает за собой вперед к новым завоеваниям. Это один из наиболее важных фактов, касающихся фронта Новой Англии тех лет. Эта протяженная, залитая кровью, полоса восточной границы, которая шла по побережью Мэна,

имела большое значение, потому что она задала местному населению сохраняющиеся и по сей день тон и характер, присущие Западу, и для Новой Англии это был рубеж наступления к устью р. Св. Лаврентия, что вновь и вновь приводило к дипломатическим переговорам с державами, удерживавшими эту реку в своих владениях. Цепь поселений, стоявших вдоль р. Мерримак, создавала постоянный соблазн для провинции устремляться дальше в глубь дикой местности Нью-Гэмпшира. Поселки по р. Коннектикут оказывали постоянный нажим в направлении верховьев этой реки, по берегам ее притоков — в долины р. Хусатоник и в долины между Зелеными горами Вермонта. К концу 1723 г. Общее собрание Массачусетса постановило, что

Будет весьма полезно для всех западных границ, как Массачусетса, так и соседней колонии Коннектикут, построить блокгауз за Нортфилдом, в наиболее удобном месте на землях, называемых равноценными землями, и разместить в нем сорок годных к военной службе англичан и западных индейцев для ведения разведки на большом отдалении по р. Коннектикут, р. Уэст, р. Оттер-Крик, а время от времени — в восточном направлении, за Грейт-Манаднак, чтобы узнавать о продвижении врага к каким-либо приграничным поселкам³⁹.

Эти поселки готовились к тому, что в них хлынут толпы новых поселенцев. В очень скором времени на смену «блокгаузу» был построен Форт Даммер, и новыми рубежами стали Беркширские холмы и Вермонт.

Таким же образом р. Гудзон была признана еще одной линией продвижения, указывающей путь к оз. Шамплейн и к Монреалу, вызывая требования обеспечить безопасность путем агрессивного продвижения фронта вперед. Лозунг *Canada delenda est** стал боевым кличем в Новой Англии и в Нью-Йорке. Меры дипломатического давления сочетались с военными экспедициями после войн с французами и индейцами, а также во время Революции, когда уроженцы поселков пограничья Коннектикута и Массачусетса, умевшие воевать с туземцами, пошли на север вслед за Этаном Алленом и его товарищами⁴⁰.

Теперь, после того как мы коснулись некоторых военных и экспансионистских тенденций этого первого официального фронта,

* По аналогии с древнеримским клича времен Пунических войн (264–146 гг. до н.э.) “*Carthago est delenda*” («Карфаген должен быть разрушен»). Приписывается римскому полководцу и государственному деятелю Катону Старшему (Марк Порций Катон Старший) (234–149 гг. до н.э.), который заканчивал выступления в сенате словами “*Ceterum censeo Carthaginem esse delendam*” («И все же, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен»).

обратимся к его социальным, экономическим и политическим аспектам. Насколько далеко заходила роль этой территории как сферы инвестиций восточного капитала и политического контроля Востока над ней? Имелись ли свидетельства антагонизма между жителями фронта и классами побережья, которые вели оседлый образ жизни и владели недвижимостью? Беспокойная демократия, возмущение налогообложением и контролем, обмен обвинениями между западным пионером и восточным капиталистом были характерными чертами других приграничных областей, но существовали ли похожие явления здесь? Появились ли «популистские» тенденции на этой границе, и имелись ли здесь основания для недовольства, которые объясняли бы эти тенденции?⁴¹

В таких колониях, как Нью-Йорк и Виргиния, пожалования земель часто делались членам Совета и их влиятельным друзьям даже в тех случаях, когда на этих участках уже фактически жили поселенцы. В том, что касается Новой Англии, ее систему земельных отношений обычно описывают таким образом, что создается впечатление, будто она была основана на некоммерческой политике, организовывая новые пуританские поселки путем бесплатной раздачи земель утвержденным людям из числа поселенцев. Но это не полностью соответствует фактам. Представляется также истинным и то, что у отсутствовавших крупных земельных собственников были экономические интересы и что люди, обладавшие политическим весом в правительстве, часто становились получателями земли. Мелвил Эглстон так описывает положение: «Собрание внимательно подходило к выдаче разрешений на учреждение новых поселений, следя за тем, чтобы они в какой-то мере находились под влиянием таких людей, которым можно было бы оказать доверие, и, как правило, действовало по их заявлениям»⁴². Фронтир, как мы увидим позже, не всегда был настроен воспринимать подобную практику в столь благоприятном свете.

Новые поселки, как представляется, в некоторых случаях возникали благодаря скоплению массы поселенцев, оседавших на одном большом частном земельном наделе; чаще поселки образовывали колонисты из более старых поселений с обширными размерами территории, которые переселялись на хорошие земли на их окраинах, но без прямого доступа к молельному дому. Затем они просили признать их отдельным поселком. В некоторых случаях селения могли появляться только благодаря скваттерству на ничейных землях или покупке у индейцев земли с последующим обращением за подтверждением права собственности. В других же случаях земля предоставлялась и до создания на ней поселения.

Уже в 1636 г. Общее собрание отдало распоряжение о том, чтобы никто не отправлялся на новое местожительство без разрешения большинства членов магистрата⁴³. Тем самым стало ясным юридическое положение. Но было бы опасно сделать из этого вывод, что и реальная ситуация являлась именно такой. В любом случае в конечном счете поселенцы должны были запрашивать согласие Общего собрания. Эту процедуру можно было упростить, наделив землей руководителей, которые имели политическое влияние на членов магистрата. На крупных землевладельцев, не живших в своих имениях, подавались жалобы в петициях, шедших с фронта и в XVII в., и в начале XVIII в. Это, как представляется, свидетельствует о том, что такие случаи имели место. В последующие годы XVIII в. раздача земель влиятельным людям, экономические и политические мотивы в предоставлении участков становятся все более очевидными. Эта тема в целом должна стать предметом специального исследования. Здесь же предлагается только подход к изучению проблемы⁴⁴.

Переселенцы критиковали крупных земельных собственников, не проживавших на фронтире, которые извлекали выгоду из труда пионеров на своих фермах, из пролитой ими крови, пребывая тем временем в безопасности в каком-либо городе Востока. Несколько примеров из работ историков отдельных поселков могут показать это. Солсбери, расположенный в долине р. Мерримак, был учрежден на основе пожалования земель дюжине крупных землевладельцев, включая таких лиц, как г-н Саймон Брэдстрит и молодой Дадли; но из этой дюжины только двое⁴⁵ фактически проживали и умерли в этом селении. Эймсбери был учрежден отделением от Солсбери; половина участников соглашения об этом вместо подписи поставили галочки. Хейверхилл был впервые заселен в 1641 г. на основании петиций от г-на Натаниэла Уорда — священника Ипсвича, его зятя Джайлса Фирмина и других. В своем письме губернатору Джону Уинтропу Дж. Фирмин жалуется в 1640 г., что свою землю в Ипсиче он получил от этого поселка на том условии, что он должен жить там три года, а иначе не сможет продать этот участок, «в то время, как другие только тем и занимаются, что переезжают с места на место, чтобы жить за счет страны»⁴⁶.

Большое земельное пожалование поселку Данстейбл состояло из территорий, полученных группой влиятельных лиц после землеремной съемки 1652 г. В частности, земли были предоставлены Старинной и достопочтенной артиллерийской компании, еще одно пожалование получил Томас Брэттл из Бостона. Очевидно, что поселок заселили не те, кому земля предоставлялась первоначально⁴⁷. В 1685 г. Гротон проголосовал за то, чтобы подать в суд на «нерезидентов» с целью заста-

вить их оказывать содействие в уплате налогов, и в 1679 г. Общее собрание Массачусетса приказало нерезидентам, имеющим землю в Гротоне, платить налоги за свои земли так же, как это делали жители селения⁴⁸. Ланкастер (Нэшевей) был пожалован собственникам, в том числе различным ремесленникам, занимавшимся обработкой железа, что указывает на возможное ожидание начала организации производства металла. На самом же деле лишь немногие из первоначальных земельных собственников поселились здесь⁴⁹. Земля была предоставлена Собранием в 1653–1654 гг. после заявлений о том, что: (1) в 1647 г. оно отдало распоряжение, по которому «учреждение поселения в Нэшевее находится полностью в пределах полномочий Собрания»; (2) «Учитывая, что там уже проживают около девяти семей и что намереваются приехать туда и там поселиться еще несколько свободных людей и других, и из них некоторые перечислены в данной петиции» и т. д.

Особенно красноречивым примером является Мендон, основанный в 1660 г. людьми из Брейнтри. В своей петиции от 1681 г. жители писали, что, хотя они и не «принадлежат к числу тех, кто, живя в отделанных домах, тем не менее говорят, что не подошло время строить дом Господень», это будет им не по силам, «если только другие, такие же собственники, как мы (и цена их земель намного увеличивается, потому что мы занимаемся общественными работами, но их участки ничего не будут стоить, если мы будем вынуждены покинуть это место), не будут нести равную с нами долю поселковых сборов. Те, кто не явился к нам, это большая и значительно более здоровая часть земельных собственников...»⁵⁰. В 1684 г. члены поселкового управления информировали Общее собрание, что половина землевладельцев в их селении — кроме двоих — живут в других местах. «Наши собственники земли, проживающие вне своего имения, — говорилось в петиции, — возражают, заявляя, что они не видят причины, по которой они должны платить за свои земли столько же, сколько и мы за нашу землю и скот, на что мы отвечаем, что если причин недостаточно, то мы уверены, что необходимости предоставить то, на что не хватает причин, больше чем достаточно»⁵¹. Вот это истинный голос фронта.

Дирфилд являет собой другой тип ввиду того, что значительная часть его земель первоначально принадлежала поселку Дедем, которому она была выделена в виде компенсации за расположение на его территории резервации индейцев племени нейтик. Акции на землю, первоначально принадлежавшую Дедему, часто попадали в руки спекулянтов, и Шелдон, тщательно исследовавший историю Дирфилда, заявляет, что постоянно проживать на выделенных селению землях

не стал ни один человек из Дедема. А в 1678 г. из Дирфилда была подана следующая петиция в Общее собрание:

Вам может доставить удовольствие узнать, что основные и лучшие из земель — лучшие по составу почвы, лучшие по местоположению, так как они лежат в центре и посреди поселка; а что касается их размеров, то почти половина — принадлежит восьми или 9 собственникам, из которых ни один никогда, скорее всего, не явится, чтобы поселиться среди нас. Для нас это было и раньше очень тяжело, а если говорить о будущем, то станет невыносимым, если ничего не изменится. Наш священник г-н Мэзер... и мы пребываем в очень большом унынии, так как поселение погибнет, если этих владельцев земли не удастся упросить или выкупить их права на землю на очень легких условиях... Но до тех пор, пока главная часть поселения остается в руках таких людей, которые сами не могут улучшить ее и не передадут ее скорее всего таким арендаторам, которые смогут улучшить положение этого места в том, что касается жизни граждан или священных дел, он [Мэзер], мы и все другие, кто мог бы этим заняться, пребываем в большом унынии»⁵².

Вудсток, позднее ставший поселком в Коннектикуте, был основан на земле, пожалованной в графстве Нипмук городу Роксбери. Поселенцы, расположившие свои фермы поблизости от торговой фактории, у которой по-прежнему собирались индейцы, назывались «бегунами», а «сидящими» были те, кто оставался в Роксбери и за кем оставалась половина новых земель; но следует добавить, что они платили «бегунам» определенные суммы, чтобы способствовать организации поселения.

Владение землями без проживания на них и коммерческий подход к территориям новых поселков становились более очевидными в последующий период XVIII в. Например, Лестер был утвержден Общим собранием Массачусетса в 1713 г. Двадцать акций разделили между собой 22 крупных землевладельца, в числе которых были Джеремайя Даммер, Пол Дадли (главный прокурор), Уильям Дадли (как и Пол, он был сыном губернатора Джозефа Дадли), Томас Хатчинсон (его сын позже стал губернатором), Джон Кларк (политический лидер) и Сэмюэл Сьюолл (сын главного судьи). Все они были влиятельными людьми, и никто из них не стал жителем Лестера. Собственники пытались склонить 50 семей, проживание которых в селении было одним из условий земельного пожалования, занять восточную часть поселка, зарезервировав остальную территорию для себя в качестве беспорной собственности⁵³.

Автор вышедшего в 1716 г. трактата о деньгах, озаглавленного «Некоторые соображения о различных видах банков», замечает, что раньше, когда землю было легко получить, законтрактрованными слугами (сервентами) нанимались добропорядочные люди; но теперь, говорит он, ими становятся беглецы, воров, лица, нарушающие общественный порядок. Средством от этого, по мнению автора трактата, было бы склонять упомянутых выше слуг к приезду, предлагая им дома после окончания контрактного срока службы⁵⁴. Поэтому он предлагает, чтобы для поселков выделялась площадь размером 4–5 квадратных миль, в пределах которых можно было бы давать сервентам участки по 50–60 акров⁵⁵. Причиной появления этого предложения, как кажется, стала озабоченность из-за увеличения негров-рабов в Массачусетсе. Это показывает, что практика раздачи земель в то время не учитывала интересов малообеспеченных людей.

Но Массачусетс не прислушался к этой рекомендации о введении политики гомстедов. Наоборот, желание располагать поселки таким образом, чтобы возникали непрерывные линии поселений вдоль дорог между изолированными участками фронта, желание защищать притязания на земли вдоль пограничных рубежей, выделяя территории группам поселков на спорных пространствах, а также, несомненно, и давление со стороны финансовых интересов, привели Общее собрание к тому, что в период между 1715 и 1762 гг. оно раздавало оставшиеся государственные земли Массачусетса на таких условиях, что важную роль стали играть спекуляция и колонизация со стороны владельцев капиталов⁵⁶. Когда в 1762 г. Массачусетс продал группу селений в районе Беркширских холмов с торгов (сразу целыми поселками)⁵⁷, то тем самым завершился переход от социально-религиозной концепции к экономической. Это изменение в направлении «охоты за землей» оказало глубокое воздействие на фронтир.

В одном отношении, однако, признание религиозного и социального элементов при заселении приграничных областей усиливалось благодаря, в частности, несомненному желанию обеспечить сохранение идеалов Востока и воздействие на Запад. Положения о резервировании земель в рамках участков, выделяемых для поселков в целях поддержки назначенного священника и школ, появляются в XVII в. и становятся обычной и неотъемлемой частью решений о выделении территорий для приграничных поселков в XVIII в.⁵⁸ Эта практика применительно к фронтиру Новой Англии стала с самого начала основанием для развития системы выделения федеральным правительством государственных земель в поддержку начальных школ и университетов штатов. Она оказала исключительное влияние на организовавшиеся позднее штаты Запада.

Еще одним основанием для тревоги в связи с земельным вопросом стала система наделения простых людей участками в пределах селения. Принцип, которым во многих — пусть не во всех — случаях руководствовались крупные землевладельцы при распределении поселковых площадей, известен. Он хорошо изложен в хронике Ланкастера (1653):

И, несмотря на то что участки сейчас большей частью выделяются равным образом богатым и бедным, отчасти для того, чтобы удерживать поселок от слишком большого разрастания на местности, и отчасти из соображений милосердия и уважения к людям более скромного достатка, и все же, для того чтобы равенство (которое является Божьим правилом) могло быть соблюдено, мы берем на себя обязательства и договариваемся о том, чтобы при втором — и всех последующих — разделе земли, насколько это в наших силах, достичь как можно большего *равенства земельных участков между собой*, так, чтобы тот, кто сейчас имеет больше домовых и земельных участков, чем ему полагается по размерам его состояния, имел бы настолько же меньше, а тот, кто имеет меньше, чем ему полагается по размерам его имущества, получил бы настолько же больше⁵⁹.

Эта оригинальная доктрина «равноправия» стала источником недовольства с самого начала истории колонии. Джон Уинтроп объяснил принцип, которым руководствовались он сам и его коллеги по Бостонской комиссии 1634 г., сказав, что разделы земли были проведены, «в частности, таким образом, чтобы не допустить невнимания к ремеслам». Эта идея, чреватая важными последствиями, во многом легла в основу оппозиции Новой Англии в более поздний период как промышленной секции бесплатной раздаче гомстедов или политике дешевых земель из федерального фонда, проведения которой требовали Запад и рабочие партии. Миграция рабочей силы на свободные земли означала, что тем, кто оставался, нужно было платить более высокую заработную плату. Использование поселковых территорий правящими в этих селениях группами в целях укрепления установленных форм общественной жизни должно было, естественно, оказывать определенное воздействие на миграцию.

Но более активным источником споров были те, которые касались отношения людей, владевших крупной земельной собственностью в поселках, к общественной земле поселков, в противоположность положению класса людей, не имевших земли в собственности. В первые годы в старых селениях не было столь большой необходимости проводить отдельные заседания поселковых собраний и собраний

землевладельцев. Но эта необходимость возникла после того, как пришельцы стали многочисленными. Все в большей степени создавалось положение, при котором вновь прибывшим жителям или вообще не предоставлялось участков, или их не допускали в состав организации землевладельцев, располагавшей правами в отношении неразделенных поселковых земель. Время от времени поселковые собрания, начинают заявлять о своем праве распоряжаться общими землями. Важно, что это происходит на фронтире в Хейверхилле (Массачусетс), Симсбери (Коннектикут) и в поселках Долины р. Коннектикут⁶⁰. В 1751 г. Джонатан Эдвардс заявил, что в течение сорока или пятидесяти лет в Нортгемптоне существовали «две партии, нечто вроде английских партий двора и народа. <...> В первую входили крупные собственники земли, и [обе] партии занимались земельными и другими вопросами»⁶¹. Тенденция делить общественные земли между крупными владельцами, передавая их в индивидуальную собственность, стала заметной не раньше XVIII в.; однако недопущение некоторых людей к владению поселковыми землями и такое «равноправие» при распределении участков, которое действовало в пользу хозяев больших поместий, должно было побудить честолюбивых поселенцев, не входивших в пользовавшейся милостями класс, вливаться в поток переселенцев, уходивших на новые места. Вдобавок к этому и религиозные распри делали общество фронтира, формировавшееся в начале XVIII в., все более и более демократичным, неудовлетворенным существующим порядком вещей и все меньше уважающим власти. Нам не удастся понять относительного радикализма жителей части территорий Беркширских холмов, Вермонта и внутренних районов Нью-Гэмпшира, если мы не поинтересуемся — а в какой степени господство собственников-монополистов над землями повлияло на людей, селившихся на фронтире?

Последний изучаемый нами аспект этой пограничной области касается отношения консерваторов в более старых секциях к движению на запад. Президент Йельского колледжа Тимоти Дуайт во время Войны 1812 г. был очень критично настроен касательно «лесовиков». Но он усматривал в этом движении предохранительный клапан для институтов Новой Англии, делавший возможным уход неистовых сторонников «нововведений»⁶².

Коттон Мэзер, может быть, и не является типичным выразителем консервативных настроений конца XVII в., но его труды могут отчасти отражать взгляды жителей Бостонского залива относительно первого западного фронтира Новой Англии. В 1694 г. он писал в работе «Замечательные меры, предпринятые, чтобы сначала защитить, а затем огорчить Новую Англию»:

Начать с того, что огораживание *общинных земель* привело к тому, что соседи, которые должны были бы вести себя как овцы, *стали грызть и пожирать друг друга*. <...> Далее, как насчет наших *старцев*, многие из которых *происходят* из обладателей духовной властью, рвущихся в новые поселения, где они и их непросвещенная паства могут *погибнуть из-за отсутствия прозорливости*? Те, кто так поступал ранее, к своему горю узнали, что они оказались из-за этого *не на той стороне*. Подумайте, *следует ли это делать дальше*? В Книге Чисел: 22, 23 мы читаем о Валааме. К пагубе для себя он был поставлен в безвыходное положение, когда ему нужно было предпринять незаконную выходку за мзду мира сего. <...> Ведь когда люди ради корысти земной рвутся к *безбедной жизни*, они *идут на все*, и *Ангел Господень* становится их врагом.

В своем эссе «Надежно защищенные границы (1707) Мэзер заявляет пионерам, что они «живут в Гацоре»*, где «кишат темнокожие дьяволы», и являются «обитателями Долины Ахор»** и «нищими мира сего». Следующее его утверждение можно считать важным: «Удивительно видеть, что в то время, как деревни без храмов — и очень многие — были *полностью разрушены во время войны*, которую мы пережили, те деревни, где стояли должным образом действовавшие *храмы*, в целом находились под более *ощутимой Защитой* небесной». «Господа, — говорит он, — надлежаше действующее *церковь-государство* может чудесно поддерживать вас!» Он рекомендует воздержаться от богохульного сквернословия, гневных проклятий, нарушения дня отдохновения, распущенности, нечестности, ограбления Бога в виде уклонения от оплаты священников, пьянства и бражничания и напоминает, что даже у индейцев есть семейные молитвы! Подобно своим преемникам, которые призывали к уплате взносов на деятельность миссионеров по спасению душ на фронтире в Долине р. Миссисипи в 1840-е гг., К. Мэзер — один из первых глашатаев Новой Англии — обращает особое внимание на антикатолическую проповедь, особенно ввиду плена, который может ожидать поселенцев.

Подводя итог, мы можем сказать, что в пограничной области Массачусетса — этом раннем прототипе — мы находим многие черты фронтиров, которые возникнут позже. Она лежит на рубеже местности, населенной индейцами, и имеет тенденцию к продвижению вперед. Эта территория порождает воинственность и условия дикой природы накладывают отпечаток на психологию, мораль и институты народа.

* Гацор (Гацор-Хадафа, Кириаф, Хецрен) — название города (Иисус Навин 15:25).

** Долина Ахор — место, где Господь покарал сына Израилева Ахана и его детей (Иисус Навин 7:26).

Массачусетский фронтир становится фактором консолидации. Его первоосновой является торговли мехами, а заселяется пограничье местными, причем иногда антагонистическими, усилиями владельцев собственности с Востока (не живущими в глубинке крупными землевладельцами) и преисполненных демократического духа пионеров. Восток пытался регулировать и контролировать фронтир. Индивидуалистические и демократические тенденции усиливались как условиями дикой местности, так и, вероятно, имевшими место еще раньше раздорами в городах, откуда поселенцы переехали в пограничные районы, между теми, кто там владел и не владел землей. Уход из-под воздействия обычаев и образа жизни более старых общин и от консервативного влияния клира усиливал стремление переселенцев к нововведениям. И, наконец, по крайней мере один видный представитель традиционных устоев на Востоке считал поселки нежелательным местом для жизни столпов общества. Соблазн рассматривать фронтир как место для помещения средств духовенство считало опасным для «обладателей духовной властью». Эта территория находилась за «церковной оградой».

Однако население Новой Англии продолжало уходить за эту «ограду». Приграничные поселки 1695 г. были едва ли чем-то бóльшим, чем пригородами Бостона. Прошло сто лет, и в зону фронтаира уже вошли колонии Новой Англии в Вермонте, западной части Нью-Йорка, Долине Вайоминг, Резервном районе Коннектикута и поселения «Огайо компани» на старой Северо-Западной территории*. Ко времени Гражданской войны приграничные поселки по типу новоанглийских заняли зону великой прерии Среднего Запада и даже появились в мормонской Юте и в отдельных частях Тихоокеанского побережья. Сыны Новой Англии превратились в основателей Великой Новой Англии на Западе, капитанов индустрии, политических лидеров, зачинателей систем образования, религиозных пророков в секции, которой суждено было воздействовать на идеалы и сформировать судьбу страны такими путями, узреть которые глаза людей, подобных Коттону Мэзеру, были не в силах⁶³.

Примечания

¹ Publications of the Colonial Society of Massachusetts, April, 1914, xvii, 250–271. Перепечатывается с разрешения Общества.

* Образована в 1787 г. по Ордонансу о Северо-Западе, объединяла земли, расположенные между Аллеганскими горами, старыми штатами (Виргиния, Пенсильвания) на востоке, границей США с Канадой на севере, р. Миссисипи на западе и р. Огайо на юге.

² Massachusetts Archives, xxxvi, p. 150.

³ Massachusetts Colony Records, ii, p. 122.

⁴ Ibid., vol. iv, pt. ii, p. 439; Massachusetts Archives, cvii, pp. 160–161.

⁵ См., например: Massachusetts Colony Records, v, 79; Green, “Groton During the Indian Wars,” p. 39; L.K. Mathews, “Expansion of New England,” p. 58.

⁶ Massachusetts Archives, lxxviii, pp. 174–176.

⁷ Osgood, “American Colonies in the Seventeenth Century,” i, p. 501, и цитаты: cf. Publications of this Society, xii, pp. 38–39.

⁸ Hening, “Statutes at Large,” iii, p. 204; cf. 1 Massachusetts Historical Collections, v, p. 129 по вопросу о влиянии примера поселка Новой Англии. Об условиях фронта в Виргинии см.: Alvord and Bidgood, “First Explorations of the Trans-Allegheny Region,” pp. 23–34, 93–95. P.A. Bruce, “Institutional History of Virginia,” ii, p. 97, рассматривает оборону пограничья в XVII в. (см. далее главу III).

⁹ Massachusetts Archives, lxx, 240; Massachusetts Province Laws, i, pp. 194, 293.

¹⁰ В петиции (оглашенной 3 марта 1692/1693) колонистов, проживающих «на разных фермах в тех отдаленных землях, которые находятся и лежат между Садбери, Конкордом, Марлбери, Нейтиком и Шербурном, а к западу от них простирается дикая местность», содержится просьба о снижении налогов и включении их земель в графство Нейтик, чтобы у жителей были возможности молиться Богу, изложенная следующим образом:

«Не укрылось от нашего знания, что по причине нынешних бедственных условий тех, кто проживает в этих приграничных поселках, некоторые думают над тем, чтобы удалиться в такие места, где бы они не были участниками идущей сейчас войны и опустошений, которые она приносит, а также что тем самым они могли бы быть освобождены от тяжелого бремени общественных налогов, неизбежно связанных с этим, причем некоторые уже удалились. Но мы, зная со своей стороны, что не можем бежать от руки Господа-ревнителя, считаем своим долгом предпринимать такие меры, которые позволят нам выполнить свой долг перед Богом, королем и семьями нашими» (Massachusetts Archives, cxiii, p. 1).

¹¹ В петиции, поданной в 1658 г., ЭндOVER называет себя «отдаленным нагорным поселением» (Massachusetts Archives, cxiii, p. 99).

¹² Massachusetts Province Laws, i, p. 402.

¹³ Подходящие карты поселений за 1660–1700 гг. есть в книгах: E. Channing, “History of the United States,” i, pp. 510–511, ii, end; Avery, “History of the United States and its People,” ii, p. 398. Полезная современная карта, показывающая условия, создавшиеся к окончанию Войны короля Филипа — это карта Новой Англии, опубликованная в книге: Hubbard, “Narrative” (Boston, 1677). См. также: L.K. Mathews, “Expansion of New England,” pp. 56–57, 70.

¹⁴ Weeden, “Economic and Social History of New England,” pp. 90, 95, 129–132; F.J. Turner, “Indian Trade in Wisconsin,” p. 13; Mc Ilwain, “Wraxall’s Abridgement,” introduction; истории поселков изобилуют свидетельствами важности первых факторий для торговли с индейцами, перехода к уступкам индейцами своих территорий, а затем наделения поселков землей.

¹⁵ Weeden, *loc. Cit.*, pp. 64–67; M. Egleston, “New England Land System,” pp. 31–32; Sheldon, “Deerfield,” i, pp. 37, 206, 267–268; Connecticut Colonial Records, vii, p. 111, иллюстрации, показывающие различные виды тавро для скота в 1727 г.

¹⁶ Hutchinson, “History” (1795), ii, p. 129, в примечании излагается подобная история жителя из Гротона; см. также: Parkman, “Half-Century?” vol. i, ch. iv, цитирующего: Mautauet, “Histoire des Abenakis,” p. 377.

¹⁷ Massachusetts Archives, lxxi, pp. 4, 84, 85, 87, 88.

¹⁸ Хусатоник.

¹⁹ Connecticut Records, iv, pp. 463, 464.

²⁰ Massachusetts Colony Records, v, p. 72; Massachusetts Province Laws, i, pp. 176, 211, 292, 558, 594, 600; Massachusetts Archives, lxxi, pp. 7, 89, 102. Cf. Publications of this Society, vii, 275–278.

²¹ Sheldon, “Deerfield”, i, p. 290.

²² Judd, “Hadley”, p. 272; 4 Massachusetts Historical Collections, ii, p. 235.

²³ Farmer and Moore, “Collections,” iii, p. 64. Среди жительниц самой западной части фронтаира дальше всех зашла Ханна Дастин из Хейверхилла, которой за трофеи в десять скальпов было выплачено вознаграждение в 50 фунтов стерлингов (Parkman, “Frontenac,” 1898, p. 407, note).

²⁴ Примеры раздражения против тех, кто защищал индейцев-христиан, см.: F.W. Gookin, “Daniel Gookin,” pp. 145–155.

²⁵ Например: Massachusetts Archives, lxx, p. 261; Bailey, “Andover,” p. 179; Metcalf, “Annals of Mendon,” p. 63; Proceedings Massachusetts Historical Society, xliii, pp. 504–519. Parkman, “Frontenac” (Boston, 1898), p. 390 and “Half-Century of Conflict” (Boston, 1898), i, p. 55, очерки об обороне фронтаира.

²⁶ Massachusetts Archives, cvii, p. 155.

²⁷ *Ibid.*, cvii, p. 230; cf. 230 a.

²⁸ Massachusetts Archives, lxxviii, p. 156.

²⁹ Sheldon, “Deerfield”, i, p. 189.

³⁰ Massachusetts Archives, lxxi, 46–48, 131, 134, 135 *et passim*.

³¹ Massachusetts Archives, lxxi, p. 107; cf. Metcalf, “Mendon,” p. 130; Sheldon, “Deerfield,” i, p. 288. Фронтир Виргинии в 1755 г. характеризовали похожие условия: см., например, цитаты из трудов Дж. Вашингтона в работе: Thwaites, “France in America,” pp. 193–195; письма с границы в работе: Thwaites and Kellogg, “Dunmore’s War,” pp. 227, 228 *et passim*. Следующая петиция от 30 июля 1742 г. на имя губернатора Виргинии Гуча представляет возможности сравнения с пограничьем, где жили шотландцы из Ольстера:

«Мы, смиренно обращаемся к Вам, Ваши петиционеры, Вашей Чести лояльные и преданные подданные, рискнувшие жизнями и всем, что у нас есть, поселившись в отдаленных частях Виргинии, где жизнь была очень рискованной и опасной, потому что здесь проходят дороги дикарей, и это оказалось опасным для нескольких из нас, тех, кто был первым поселенцем этих отдаленных лесов, и мы, петиционеры Вашей Чести, некоторое время назад обратились с петицией к Вашей Чести, что мы, Вашей Чести самые преданные слуги, считали очень важным, чтобы среди нас были солдаты и люди, которые были бы мужественными и храбрыми, чтобы помогать нам во время войны и защищать интересы Вашей страны и Ваших несчастных подданных от насилия дикарей — но мы вновь со всей преданностью осмеливаемся обратить внимание Вашей Чести на то, что мы в них испытываем огромную потребность и надеемся, что Ваша Честь предоставит патент капитана Джону Макдауэллу с другими офицерами, и согласие Вашей Чести на это принесет огромное удовлетворение преданным и смиренным петиционерам Вашим — и мы, долг свой исполняя, вечно за Вас молиться будем...» (Calendar of Virginia State Papers, i, p. 235).

³² Но в петициях, поступавших из южного пограничья в адрес Контиентального конгресса, присутствует нота почтительного отношения, к чему, однако, из-за большой отдаленности этого района надо подойти скептически. См.: F.J. Turner, “Western State-Making in the Revolutionary Era” (*American Historical Review*, i, pp. 70, 251). Общей чертой цитируемых там петиций является требование отмены налогов.

³³ Proceedings Massachusetts Historical Society, xliii, pp. 506 ff.

³⁴ Ibid., xliii, p. 518.

³⁵ Connecticut Colonial Records, iv, p. 67.

³⁶ В петиции от 22 февраля 1693/1694 г. Дирфилд назывался «самым отдаленным поселком пограничья в графстве Западный Гэмпшир» (Massachusetts Archives, cxiii, p. 57 a).

³⁷ Judd, "Hadley," p. 249.

³⁸ W.D. Schuyler-Lighthall, "Glorious Enterprise," p. 16.

³⁹ Sheldon, "Deerfield," i, p. 405.

⁴⁰ «Я хочу, чтобы ваши воины пришли ко мне и встретились со мной, — писал в 1775 г. Э. Аллен канадским индейцам, — и помогли мне воевать с регулярными войсками короля. Вы знаете, что они воюют в тесном строю, рядовые и офицеры вместе, а мои люди воюют, как индейцы, и я хочу, чтобы ваши воины объединились, как братья, со мной и моими воинами и устраивали бы засады против регулярных войск; если захотите, я дам вам, как братьям, деньги, одеяла, томагавки, ножи, краски и все, что есть в армии; и я вместе с вами буду вести разведку в лесах; и ваши люди, и мои люди будут спать вместе, пить и есть вместе и воевать против английских регулярных войск, потому что они первыми убили наших братьев» (American Archives, 4th Series, ii, p. 714).

⁴¹ Сравните: A.McF. Davis, "The Shays Rebellion a Political Aftermath" (Proceedings American Antiquarian Society, xxi, pp. 58, 62, 75–79).

⁴² "Land System of the New England Colonies," p. 30.

⁴³ Massachusetts Colony Records, i, p. 167.

⁴⁴ Сравните: Weeden, "Economic and Social History of New England," i, pp. 270–271; Gookin, "Daniel Gookin," pp. 160–161; и истории Вустера для иллюстрации того, как различные отмеченные факторы могли во множестве проявиться в каком-нибудь одном поселке.

⁴⁵ F. Merrill, "Amesbury," pp. 5, 50.

⁴⁶ B.L. Mirick, "Haverhill," pp. 9, 10.

⁴⁷ Green, "Early Records of Groton," pp. 49, 70, 90.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Worcester County History, i, p. 2, 3.

⁵⁰ J.G. Metcalf, "Annals of Mendon," p. 85.

⁵¹ P. 96. Сравните петицию из Кентукки от 1780 г., которая приводится в книге: Roosevelt, "Winning of the West," ii, p. 398, и письмо с этого фронта, которое цитируется в статье: Turner "Western State-Making" (*American Historical Review*, i, p. 262), с нападками на виргинских «набобов»-землевладельцев, которые не живут в своих поместьях. «Пусть эти "большие люди", — говорится в петиции, — кому эта земля принадлежит, явятся сюда и защищают ее».

⁵² Sheldon, "Deerfield," i, pp. 188–189.

⁵³ Эти факты приводятся в авторитетной работе Э. Уошберна: E. Washburn, "Leicester," pp. 5–15; сравните письмо 1717 г. майора Стивена Сьюолла Джеремейе Даммеру, процитированное в труде: Weeden, "Economic and Social History of New England," ii, p. 505, note 4.

⁵⁴ Сравните с виргинской системой: Bruce, "Economic History of Virginia in the Seventeenth Century," ii, pp. 42, 43.

⁵⁵ Данным фактом я обязан моему помощнику Andrew McF. Davis; см. его "Colonial Currency Reprints," i, pp. 335–349.

⁵⁶ Hutchinson, "History of Massachusetts" (1768), ii, pp. 331, 332 — содержит очень полезные комментарии. А.С. Ford, "Colonial Precedents of Our National Land System," p. 84; L.K. Mathews, "Expansion of New England," pp. 82 ff.

- ⁵⁷ J.G. Holland, "Western Massachusetts," p. 197.
- ⁵⁸ Jos. Schafer, "Origin of the System of Land Grants for Education," pp. 25–33.
- ⁵⁹ H.D. Hard (ed.), "History of Worcester County," i, p. 6. Курсив мой.
- ⁶⁰ Egleston, "Land System of the New England Colonies," pp. 39–41.
- ⁶¹ Ibid., p. 41.
- ⁶² T. Dwight, "Travels" (1821), ii, pp. 459–463.
- ⁶³ [См.: F.J. Turner, "Greater New England in the Middle of the Nineteenth Century," in American Antiquarian Society "Proceedings," October 1919, XXIX.]

Глава III. Старый Запад¹

В этой главе не рассматривается самый старый регион Запада, которым было Атлантическое побережье. Грубо говоря, колонистам пришлось почти 100 лет воевать с индейцами и расчищать леса, прежде чем их поселения продвинулись в глубь континента на расстояние около 100 миль от побережья. Некоторые территории в этот период остались фактически почти не заселенными. Это завоевание прилегающих районов данной местности в XVII — начале XVIII вв. привело к господству над приморской территорией страны и расчистило путь для новой экспансии на запад, которую я и намереваюсь обсудить.

В своей книге «Завоевание Запада» Т. Рузвельт главным образом рассматривал район за Аллеганями в конце XVIII в., хотя он предварительно дал в отдельной главе прекрасное описание поселенцев глухих мест Аллеганских гор и социальных условий их жизни в 1769–1774 гг. Важно, однако, отметить, что он занимается уже сформировавшимся обществом отдаленных районов. Рузвельт не упоминает фронтир Новой Англии и его роль в завоевании Запада. Кроме того, он не учитывает тот факт, что между Новой Англией и Великими озерами лежал Запад, который еще было необходимо победить. Короче говоря, предмет его интереса — покорения жителями южной части фронта западных областей, расположенных за Аллеганями.

Итак, относительно районов Запада, которые лежат между колониальными поселениями XVII в. и трансаллеганскими поселками конца XVIII в.: я намерен выделить эту секцию под названием Старый Запад и рассмотреть период с 1676 по 1763 г. В этот регион входят глухие, удаленные от путей сообщения, малонаселенные местности Новой Англии, Долины р. Мохок, пенсильванской Большой долины, Долины р. Шенандоа и плато Пидмонт — другими словами, внутренняя или

нагорная часть Юга, лежащая между Аллеганями и пунктами начала судоходства по впадающим в Атлантический океан рекам, обозначенными «полосой водопадов»².

В этом регионе в этот период закладывались основы многих характерных особенностей общества Запада, так как Атлантическое побережье было столь тесно связано с Европой, что опыту фронта этого региона вскоре был поставлен заслон, и его развитие пошло другими путями. Отдаленные области колоний вызвали у историков интерес исключительно в связи с войнами. Это достойно сожаления, ибо развитие общества, институтов и психических установок этих районов должно быть изучено. Рассматривались лишь разрозненные фрагменты их истории, связанные с отдельными штатами или городами или в ходе обсуждения ряда особых этапов, таких как иммиграция немцев или шотландцев, проживавших ранее в Ольстере. Оценить Старый Запад в целом можно, лишь стерев границы между штатами, скрывающие его целостность, систематизировав специализированные и фрагментарные исследования и найдя недостающие материалы для понимания того, каким образом сформировалось общество этого региона. Данный доклад — не его объяснение. Это скорее рекогносцировка, а не завоевательный поход в исследовании темы, это программа для исследований Старого Запада.

Датой окончания предлагаемого периода можно считать примерно 1763 г., а началом — определить промежуток между 1676 и 1700 гг. Конец периода знаменуется подписанием Парижского мирного договора 1763 г. и опубликованной в том же году от имени короля прокламацией, запрещающей селиться за Аллеганскими горами. К тому времени освоение Старого Запада было практически закончено, и вскоре последовали новые продвижения к «западным водам», находившимся за горами, и во внутренние районы Вермонта и Нью-Гэмпшира. Изолированность лежавших за Аллеганями поселений, особые условия и доктрины эпохи Революции, в которую сформировались эти поселки, составляют естественное различие между тем временем, о котором я намерен рассказать, и последовавшими позже продвижениями на Запад.

Начало периода невозможно отнести к какой-то определенной дате, поскольку колонизация прибрежных районов (а именно оттуда шло продвижение в западном направлении) происходила в разное время. Наиболее активное перемещение на Старый Запад наблюдалось после 1730 г. Но в 1676 г. Новая Англия, закончив изнурительную борьбу с индейцами, известную под названием Война короля Филиппа, могла счесть, что ее постоянные поселения находятся в безопасности и перейти к завершению установления контроля над своими

внутренними районами. Этим она и занималась в обстановке не прекращавшихся конфликтов с туземными племенами, вторгавшимися из-за ее пределов, из Нью-Йорка и Канады, во время войн, которые велись с французами и индейцами с 1690 по 1760 г., и в условиях фронта, отличавшихся от обстановки более ранней пуританской колонизации. В 1676 г. Виргиния воевала с туземцами — особенно ожесточенно у полосы водопадов, где проходил пограничный рубеж, — и в это же время вспыхнул социальный бунт, результатом которого стало поражение демократических сил, пытавшихся помешать аристократам усилить контроль над колонией³. Эта дата обозначает конец того периода, когда прибрежный район Виргинии сам мог считаться фронтиром. Вследствие этого начало проявляться больше конкретной заинтересованности во внутренних районах.

Обратимся прежде всего к северному направлению продвижения в эти области. Расширение территории Новой Англии за счет неосвоенной части ее собственной секции в обсуждаемый нами период привело к формированию во внутренних районах такого общества, которое во многих отношениях контрастировало с обществом побережья. Оно имеет особое значение в истории Запада, поскольку именно выходцы из внутренних районов Новой Англии заселили Большую Новую Англию в центральной и западной частях штата Нью-Йорка, Долину Вайоминг, Резервном районе Коннектикута, находящийся ныне в штате Огайо, и значительную часть прерий Старого Северо-Запада. Важно понимать, что Старый Запад включал внутренние районы Новой Англии.

Ситуацию в Новой Англии в конце XVII в. характеризует массачусетский закон 1694 г., перечисляющий 11 поселков, в тот момент находившихся на фронтире и уязвимых для нападений. Их нельзя было покидать без разрешения губернатора и Совета под страхом наказания в виде лишения земельного надела (если это был землевладелец) или штрафа (для других жителей)⁴.

Таким образом, эти люди оказывались, по сути, в гарнизонах или «колониях-марках». Находясь в огражденных частотолами переполненных поселках, они были вынуждены, несмотря на свою бедность, претерпевать все тяготы войны с индейцами. Их лишения красочно иллюстрирует в своих мужественных, но в то же время вызывающих жалость письмах священник из Дирфилда Джон Уильямс⁵. В 1704 г. он в следующих выражениях сжато описывал обстановку в целом⁶:

Уязвимая граница Новой Англии имела длину от двухсот до трехсот миль, и она состояла из ферм и небольших поселков, разбросанных в почти непроходимых лесах на большом удалении друг от друга. <...>

Даже в так называемых деревянных домах отстояли далеко один от другого, потому что люди жили земледелием. Те, кто был в состоянии сделать это, окружали свои жилища частоколами или строили их из толстых бревен с бойницами и выступающим верхним этажом подобно блокгаузу, а иногда с укреплением, прикрывающим фланг, — на одном или нескольких углах. В более крупных поселениях самый большой из этих укрепленных домов занимался в момент опасности вооруженными людьми и становился убежищем для соседей.

В такие укрытия в те дни, когда объявлялась тревога, набивались поселенцы со всей округи так же, как в более поздние времена в Кентукки они прятались в «сторожевых постах».

Несмотря на такую обстановку на фронтире, количество отдаленных поселков продолжало возрастать. Начиная с 1720 г. и до середины столетия поселения поднимались по р. Хусатоник и соседней с ней долине в районе Беркширских холмов. Литчфилд был основан около 1720 г., в 1725 г. — Шеффилд, в 1730 г. — Грейт-Баррингтон. В 1735 г. была прорублена дорога и вскоре после этого основаны поселки между Уэстфилдом и упомянутыми поселениями вдоль р. Хусатоник, что соединило их с более старыми районами заселенной местности по берегам р. Коннектикут и ее притоков.

В этот же период возникли разбросанные и иногда нежеланные поселения шотландцев из Ольстера, такие как Лондондерри (Нью-Гэмпшир), а также на Беркширских холмах и в районе, отвоеванном в результате Войны короля Филипа у индейцев племени нипмук, где также стали селиться гугеноты⁷.

Во время войны короля Георга* жители пограничья на р. Коннектикут находили защиту, укрываясь за такими же грубо сколоченными частоколами, как и те, которые охраняли в Нью-Гэмпшире поселенцев в Кине, Чарльзтауне (всего четыре поселка), Форте Ширли у истоков р. Дирфилд (Хит) и Форте Пелэм (Роу), в то время как Форт Массачусетс (Адамс) сторожил проход через горный хребет Хусак в Долину р. Хусатоник. Эти пограничные гарнизоны и самооборона жителей отдаленных мест Новой Англии хорошо описываются на страницах книги Ф. Паркмена⁸. С окончанием войны поселения вновь достигли Беркширских холмов, где в середине века были основаны Леннокс, Уэст-Хусак (Уильямстаун) и Питсфилд. Остановленный в ходе последней войны с французами и индейцами**, фронтир очень быстро стал

* Война между Англией и Францией 1744–1748 гг.

** Речь идет о боевых действиях в Северной Америке в ходе Семилетней войны (1756–1763).

продвигаться вперед после заключения Парижского мирного договора (1763), особенно в районы Вермонта и внутренние области Нью-Гэмпшира. Вот какое описание ситуации в канун Революции дает анонимный свидетель — современник событий⁹:

Самые богатые части ожидающих раздачи земель находятся на северных притоках р. Коннектикут, в направлении к Краунпойнту, где по-прежнему остаются ненаселенными обширные местности с плодородными почвами. Северная часть Нью-Гэмпшира, провинция Мэн и территория Сагадахок — во всех них находится очень мало поселений по сравнению с теми землями, которые еще незаселенны...

Я должен далее отметить, что эти участки с момента заключения мира (т. е. с 1763 г.) осваивались довольно быстро: фермы на р. Коннектикут каждый день распространяются за пределы старого форта Даммер, почти на тридцать миль; а через несколько лет они достигнут Коухэссера, до которого около двухсот миль. Это не значит, что данные области будут заселены хоть на одну десятую часть, но новые колонисты обычно не селятся рядом со своими соседями; вместо этого переселенцы выбирают те места, которые им нравятся больше всего, хотя бы они и были удалены на двадцать или тридцать миль от других поселенцев. Это может показаться весьма странным для общительных людей в Европе, но американцы не очень заботятся о том, чтобы у них были в близких соседях другие фермеры; двадцать или тридцать миль по воде они в делах такого рода не считают за расстояние; кроме того, в стране больших ожиданий это пространство будет заселено в очень скором времени. Между р. Коннектикут и озером Шамплейн на р. Оттер-Крик и по всем берегам озера Сакрамент [Джордж] и впадающих в него рек, а также вдоль всего течения р. Вуд-Крик со времени заключения мира появились многочисленные поселения¹⁰.

Таким образом, почти в течение ста лет сообщества жителей Новой Англии выталкивались вовне, к новым границам, в промежутках времени между почти не прекращавшимися войнами с французами и индейцами. Вероятно, самой характерной особенностью этого фронта была важность общинного типа поселения; другими словами, поселков с их пуританскими идеалами в сферах образования, морали и религии. И это всегда было предметом гордости для политических деятелей и летописцев Новой Англии. Это иллюстрируют слова Дж. Г. Холланда в его книге «Западный Массачусетс», когда он комментирует процесс заселения Долины р. Коннектикут деревнями, в которых, по его мнению, сохранялись мораль, образование и вежливость:

Влияние этой политики можно полностью оценить только тогда, когда вы стоите у дома одинокого поселенца на Западе, где даже человек, прибывший с Востока, до того опустился, что превратился в мужлана; где его дети растут, не получая никакого образования; где забыли о том, что такое воскресенье, а религия и ее обязательства перестали дозвезть над его сердцем и жизнью.

Какова бы ни была истинная ценность общинного типа поселения, его учреждение в Новой Англии имело самую тесную связь с конгрегационалистской религиозной организацией и с системой землепользования в этой секции колоний. В ее рамках колониальные власти наделяли землей — не в виде участков отдельным лицам, а наделами на целый поселок группам крупных землевладельцев, а те, в свою очередь, бесплатно распределяли землю среди жителей. Типичным образом учреждение поселка происходило в следующей форме: по заявлению утвержденной заранее группы людей, желающих основать новое поселение, Общее собрание колонии назначало комитет, инспектировавший землю, относительно которой было подано заявление, и составлявший доклад о том, насколько она пригодна. Затем следовало распоряжение о выделении территории различной площади, примерно равной 6 кв. милям. И особенно в XVIII в. обычно было принято резервировать определенные участки в поселках для оказания помощи школам и священнику. Таково было происхождение этой крайне важной черты общества Запада — федерального наделения землей школ и колледжей¹¹. Общее собрание также издавало правила относительно общинных земель, условий приема жителей и т. д., и таким образом прочно держало в своих руках социальную структуру новых поселений на фронтире по мере их появления.

Эта практика, особенно четко осуществлявшаяся в XVII в., разительно отличалась от того, как происходило заселение отдаленных районов в других колониях. Ибо на протяжении почти всего этого периода Новая Англия не прибегала к своим неиспользованным землям или к общественным землям как к источнику доходов за счет их продажи отдельным лицам или компаниям с условием уплаты квивит-ренты. Отдельных поселенцев также не завлекали «подушным правом» или наделением 50 акрами земли, как это делалось в Виргинии. Кроме того, колонии Новой Англии не предоставляли значительных земельных владений частным лицам под предлогом особо ценных услуг, или по причине их влиятельности на власти, или на основе теории, что получатель участка будет сам расселять на нем новых поселенцев. Власти Новой Англии предоставляли свои земли группам людей, которые становились крупными землевладельцами в поселке для того, чтобы

они учредили общину. Эти собственники, как предполагалось, должны были держать землю на доверительных началах для распределения среди жителей на таких условиях, которые обеспечивали бы сохранение пуританских идеалов.

В течение большей части XVII в. собственники распределяли землю среди вновь прибывающих в соответствии с этой теорией. Но по мере уплотнения застройки, земель в более старых городах становилось все меньше, а собственники начинали предъявлять юридические права на незанятые участки. Они отказывались делиться ими с жителями, которые не принадлежали к организации собственников. В результате это различие привело к классовым конфликтам в городах, особенно в XVIII в.¹² из-за владения общинными землями и их распределения.

В процессе естественного отбора новые поселения предоставляли наименее удовлетворенным людям — недовольным или честолюбивым — возможности самоутвердиться. Это приводило к появлению аромата Запада в поселках фронта. Однако до той поры, пока первоначальные идеалы земельной системы не начали меняться, возможности организации новых поселений по этим причинам не стали общераспространенными. По мере того как экономические и политические идеалы приходили на замену религиозных и общественных идеалов, определявших условия, на которых могли основываться новые поселки, возможности для этого возрастали.

Такие перемены происходили в конце XVII в. и в XVIII в. В 1713, 1715 и 1727 гг. Массачусетс принимал решения о политике предварительного определения мест будущих населенных пунктов, чтобы защитить свои пограничные притязания. В 1736 г. колония распланировала на местности 5 поселков на границе с Нью-Гэмпширом, а за год до этого было основано 4 соседствующих одно с другим селения, чтобы связать свои поселения по р. Хусатоник и в Долине р. Коннектикут¹³. Земельные наделы в отдаленных разных районах иногда выделялись старым городам, где собственники продавали их тем, кто желал уехать.

История поселка Литчфилд иллюстрирует возрастающую важность экономического фактора. В то время, когда Коннектикут опасался того, что сэр Эдмунд Андрос* может распределить общественные земли так, что это нанесет вред колонии, законодательное собрание предоставило *pro forma* большую часть западного Коннектикута поселкам Хартфорду и Уиндзору, как способ оградить эти территории от губернатора. Но данные поселки отказались вернуть земли после того, как опасность миновала, и частично их продали¹⁴. А когда власти колонии попытались вер-

* Губернатор доминиона Новая Англия (1686–1689), губернатор Виргинии (1692–1697).

нуть себе собственность на эти земли, вспыхнули бунты, и в конце концов было принято компромиссное решение в 1719 г., по которому жителям Литчфилда позволили селиться в соответствии с выделенными поселку участками, а за колонией была зарезервирована большая часть северо-западного Коннектикута. В 1737 г. колония распорядилась своими последними неразмежеванными территориями, распродав их отдельными участками. В 1762 г. Массачусетс продал с публичных торгов целиком несколько поселений в Беркширских холмах¹⁵.

Однако самую поразительную демонстрацию этой тенденции дают нам «Нью-Гэмпширские наделы» губернатора Б. Уэнтворта, который примерно в 1760 г., передал земли к западу от Коннектикута для устройства 130 поселений в районах, ставших теперь штатом Вермонт, но которые тогда были территорией, оспаривавшейся Нью-Гэмпширом и Нью-Йорком. Эти участки, хотя формально не отличались от других поселковых наделов, были распроданы за наличные, главным образом спекулянтам. А те поспешили перепродать свои права толпам, стремящимся приобрести землю людей, которые после заключения мира начали прибывать в район Зеленых Гор.

Нет необходимости указывать на то, как индивидуалистическая спекуляция государственными землями повлияла на переселенческое движение Запада; ~~какие~~ возможности успеха открылись перед земельными маклерами, а также прирожденными лидерами в конкуренции за приобретение лучших земель, проектирование поселений и создание новых поселковых общин в условиях «бума». Стремление колонистов Новой Англии к миграции было усилено этой постепенно происходившей переменой в земельной политике. Привязанность к одному месту жительства уменьшилась. Впоследствии население Новой Англии уделяло все больше внимания индивидуальному успеху. Все больше уважали добившихся успеха своими собственными силами людей, которые, используя имевшиеся возможности, достигли превосходства в условиях конкуренции. Прежнее господство городских поселений, деревенской полиции нравов и контроля традиционных классов медленно сдавало позиции. Жизнь общинами, укоренившиеся пуританские обычаи и идеалы оказывали прочное влияние на регионы, где селились выходцы из Новой Англии. Но в годы, непосредственно предшествовавшие Революции, на Старом Западе важную роль начал играть индивидуализм, наряду с сохранявшейся привычкой создавать новые поселения организованными общинами.

Учреждение поселков Вермонта раскрыло полнее, чем раньше, способность жителей Новой Англии становиться в своеобразных условиях фронта демократическими первопроходцами. Их хозяйствование было простым и самодостаточным. Они с готовностью приняли

закон Линча (использование «березовой печати» известно знатокам истории Вермонта) для защиты своей собственности на землю в те тревожные времена, когда «Парни с Зеленой горы»* сопротивлялись действиям властей колонии Нью-Йорк. Позднее эти люди провозгласили независимость революционного штата, который вел себя с прямоотой, присущей фронтиру, и в очень многих отношениях история «Парней с Зеленой горы» в эпоху Революции была схожа с историей поселенцев Кентукки и Теннесси, как в твердом отстаивании своего права на независимое самоуправление, так и в проявлениях сепаратизма пограничья¹⁶. Вермонт можно считать кульминацией движения фронтира, которое я описывал, рассказывая о Новой Англии.

К этому времени уже существовали две четко различившиеся Новые Англии. Одна — на побережье, где доминировали коммерческие интересы и авторитетные конгрегационалистские церкви. Другая представляла собой примитивный сельскохозяйственный район, в основном демократический, с различными сектами, которые становились все более индифферентными к страху перед «нововведениями», ощущавшимся господствующими кругами старых общин. Компании земельных спекулянтов уже начали заселять жителями Новой Англии Долину Вайоминг в Пенсильвании и низовья р. Миссисипи. Религиозные миссии из Новой Англии уже осуществляли полезную духовную и образовательную экспансию своей секции на Запад, действуя среди индейцев, например, в Стокбридже.

То, что это экспансионистское движение в основном шло с юга на север вдоль речных долин, не должно заслонять от нашего внимания тот факт, что по своим сущностным характеристикам это было движение на Запад. Особенно с точки зрения развивавшихся социальных аспектов. Даже у жителей протяженной полосы прибрежных поселений Мэна под воздействием условий фронтира, вдаль от более старых центров Новой Англии, развивались демократические черты характера и дух, роднящие их с поселенцами Запада, несмотря на то что Мэн был по преимуществу «самый что ни на есть Восток»¹⁷.

Фронтир Среднего региона в эпоху формирования Старого Запада делился на две части, которые совпадают с колониями Нью-Йорк и Пенсильвания. В последней распространение поселений шло в направлении Большой долины и далее к нагорьям Юга. В то же время поселения колонии Нью-Йорк выдвигались, так же как в Новой Англии, в основном на север, вверх по р. Гудзон.

* Организация фермеров, созданная в 60-х годах XVIII в. на так называемых нью-гемпширских дарованных землях. В годы Войны за независимость 1775–1783 гг. были сформированы отряды ополчения для борьбы с англичанами. В 1777 г. «Парни с Зеленой горы» инициировали создание независимой республики Вермонт.

Территории, прилегающие к этой реке, как и к р. Мохок, являлись в тот период Старым Западом. С ними были связаны земли в районе притока Гудзона р. Уоллкилл и долина Черри-Вэлли около Мохока, шедшая до истоков р. Саскуэханна. Беркширские холмы ограждали р. Гудзон с востока, а Адирондакские и Катскиллские горы — с запада. Там, где Долина р. Мохок проникала в горные районы, жили индейцы-ирокезы. Они были слишком сильны, чтобы в этих краях можно было расширять зону поселений. Ничто, кроме многочисленного населения на узкой полосе вдоль р. Гудзон, не могло бы скопить необходимую силу для преодоления индейского барьера. Возможно, и этого было бы недостаточно. Но это давление отсутствовало, поскольку поселенцев было относительно немного в сравнении с той задачей, которую нужно было решить. Поэтому в ситуации с Нью-Йорком следует в первую очередь рассматривать не историю его экспансии, как мы это делаем применительно к другим колониям, а отсутствие экспансионистской мощи.

Путь к верховьям Гудзона проложила торговля мехами, которая способствовала появлению поселков в стратегических пунктах у слияния Гудзона с Мохоком. Но за торговцем пушниной не последовала волна пионеров-переселенцев. Одним из наиболее важных факторов, ограничивавших рост численности жителей в колонии Нью-Йорк, замедлявших освоение его фронта и определявших условия тамошней жизни, была система землепользования.

Со времен патронатских пожалований в низовьях Гудзона обычной формой землевладения стали большие поместья. Территория, принадлежавшая Ван Ренсселеру, одно время превышала 700 тыс. акров. Права собственности на эти огромные патронатства, полученные от голландских властей, были подтверждены английскими губернаторами, которые продолжили такую же политику. К 1732 г. в манориальных имениях находилось 2,5 млн акров земли¹⁸. В 1764 г. губернатор К. Колден писал¹⁹, что в 3 из этих непомерных владений насчитывается

по утверждению их хозяев, более миллиона акров в каждом, а в нескольких других — более 200 000.^{xxx}

Хотя эти поместья включают в себя значительную территорию провинции, они приносят самую незначительную пользу. Преобладающая их часть до сих пор остается невозделанной, не принося никакой пользы обществу, и таким же образом они являются помехой для заселения и улучшения земель по соседству с ними, ибо из-за неопределенности пределов владений, держатели патентов на эти большие имения каждый день увеличивают свои претензии и, ведя изнурительные крайне дорогие судебные тяжбы, ввергают в страдание и разорение бедные семьи, получившие участки рядом с ними.

Колден добавляет, что «собственники этих больших имений не только освобождены от квит-ренты, которую платят прочие владельцы земельных участков в провинции, но, используя свое влияние в Ассамблее, они освобождены от уплаты всех государственных налогов на их земли».

Согласно оценкам, сделанным в 1769 г., по крайней мере $\frac{5}{6}$ жителей графства Уэстчестер жили в пределах крупных манориальных поместий²⁰. В графстве Олбани во владение Роберта Ливингстона входило более 7 современных городков, а огромный манор Ван Ресселера занимал площадь в 24 мили в длину и 28 — в ширину, протянувшись вдоль Гудзона. Далее к Мохоку находились обширные владения сэра Уильяма Джонсона²¹.

И дело было не только в том, что эти поместья были огромными. Политика собственников склонялась не к продаже участков, а к сдаче их в аренду, зачастую также и скота, и принятию оплаты натурой. Вследствие этого поселенцы предпочитали уходить в районы фронта, где преобладала более либеральная земельная политика. Одно время казалось возможным, что в колонию Нью-Йорк может хлынуть волна иммигрантов из Германии. Но в конечном счете они выбрали Пенсильванию и внутренние районы Юга. В 1710 г. губернатор Р. Хантер купил участок земли в манорном владении Ливингстона и поселил там почти полторы тысячи немцев из Пфальца, чтобы они занимались производством шкиперского имущества²². Однако очень скоро эта попытка провалилась. Немцы обратились к индейцам, жившим на р. Скохари-Крик (притоке р. Мохок), получили у них землю, но, только перебравшись туда, обнаружили, что губернатор уже раздал эти участки. Снова деревни обезлюдели. Одни поселенцы оставались в них, а другие пошли дальше, вверх по течению р. Мохок, где немцы вместе с новыми поселенцами основали пограничные поселки в Палатайн-Бридж. Там во время Революции Н. Херкимер повел этих жителей фронта в бой, отбив атаку британских войск в битве у Орискани. Они обеспечили самую эффективную военную оборону Долины р. Мохок. Еще одна часть поселенцев избрала более дальнюю дорогу, дойдя до вод р. Саскуэханна. На р. Тулпехокен-Крик они основали важный центр немецких поселений в пенсильванской Большой долине²³.

Самым важным аспектом истории переселения в районы фронта колонии Нью-Йорк в этот период является то, что в конкурентной борьбе за освоение территорий между колониями, обладавшими большими пространствами пустующих земель, те колонии, которые навязывали феодальные формы землевладения и недемократические ограничения, а также эксплуатировали поселенцев, неизбежно терпели поражение.

Практика манориальной собственности подорвала репутацию колонии Нью-Йорк как региона для поселения. Ее не могли улучшить даже действительно имевшиеся возможности для жизни в некоторых районах. В этот период существования Старого Запада нью-йоркские губернаторы добились введения протектората над Шестью нациями, после чего заявили о притязаниях на их территорию и удерживали индейцев на определенной дистанции от Франции. Эта дипломатическая деятельность внесла наиболее важный вклад колонии в движение американской экспансии. Когда земли упомянутых индейских племен были получены после экспедиции Салливана* во время Революции (в которой солдаты из Новой Англии сыграли видную роль), эти территории были колонизованы нахлынувшими туда выходцами из Новой Англии. Такое освоение внутренних и западных областей Нью-Йорка осуществлялось в условиях, походивших на те, которые позже преобладали при продвижении поселений в самой Новой Англии.

В результате Нью-Йорк разделился на два четко различающихся народа: население Долины р. Гудзон и пионеров-янки внутренних районов. Но заселение центральных и западных районов штата, так же как и освоение Вермонта — это сюжет, относящийся к тем временам, когда был оккупирован Аллеганский Запад.

Лучше всего мы сможем изучить освоение части Старого Запада, расположенной в Пенсильвании, если будем рассматривать его как часть миграции, в ходе которой был занят Нагорный Юг. Перед тем как приступить к рассмотрению этого вопроса, было бы полезно бросить взгляд на ту часть движения во внутренние районы, которая направлялась с побережья в западном направлении. Прежде всего обратимся к условиям, существовавшим в конце XVII в. на восточной окраине этой возвышенности, вдоль полосы водопадов в Виргинии. Тогда мы сможем лучше понимать значение этого движения и его процесс.

Примерно во время восстания Даниэла Бэкона в Виргинии предпринимались напряженные усилия по защите пограничной области, проходившей по речным водопадам, от нападений индейцев. Эта «полоса водопадов», как ее называют географы, обозначает начало судорождства и тем самым границу приморского, или низинного, Юга. Она проходит от того места, где сейчас находится г. Вашингтон, через Ричмонд и далее до Роли (Северная Каролина) и Колумбии (Южная Каролина). Виргиния, продвинувшись столь далеко во внутренние области раньше всех прочих, сочла необходимым в последние годы XVII в. создать на этой линии военную границу. Уже в 1675 г. вступил в силу

* Действия генерала Дж. Салливана против индейских поселений в Долине р. Дже-неси (Нью-Йорк) в августе 1779 г.

закон²⁴, предусматривавший, что в центральных и самых безопасных местах колонии следует набрать военный отряд численностью 500 человек с выплатой им жалованья и разместить этих солдат «у истоков рек» и других местах, где идет противостояние с индейцами. Смысл, вкладывавшийся в слова «у истоков рек», поясняется тем, что несколько фортов были построены либо у речных водопадов, или непосредственно выше зоны приливов в следующих местах (по одному укреплению): в низовьях р. Потомак в графстве Стаффорд; у водопада Раппаханнок; на р. Матталони; на р. Памунки; у водопада на р. Джеймс (вблизи от нынешнего Ричмонда); у водопада на р. Аппоматтокс. Форты были также построены на реках Блэкуотер и Нансемонд и полуострове Аккомак. Все они размещались в восточной части Виргинии.

Такие же положения были приняты²⁵ в 1679 г. Вводился в действие особо интересный закон, представляющий *quasi* манориальные пожалования земель майору Лоуренсу Смиту и капитану Уильяму Бэрдусу с условием, что они должны «организовать заселение определенных территорий у истоков [на водопадах] рек Раппаханнок и Джеймс» соответственно. Этот план не осуществился, так как не был утвержден властями в Англии²⁶. Однако Бэрд у водопадов на р. Джеймс, Роберт Беверли на р. Раппаханнок и другие командиры, служившие на границе на реках Йорк и Потомак, продолжали оборонять колонию. В 1691 г. была введена система конных рейнджеров, в соответствии с которой у водопадов или «истоков» каждой большой реки отряды в составе лейтенанта, 11 солдат и 2 индейцев должны были следить за действиями противника²⁷. Линия пограничного размежевания с индейцами была четко обозначена.

К началу XVIII в. (1701) ассамблея Виргинии пришла к заключению, что лучшим способом обороны рубежей будет их заселение путем «организации совместного проживания на названных границах земель нашего правительства, поощряя общины к этому»²⁸. Решение состояло в том, что было бы неразумно иметь в каждой «общине» менее 20 воинов. Предусматривалось, что этим общинам (или поселкам) будет предоставляться на любой из границ земля из расчета не менее 10 тыс. и не более 30 тыс. акров для совместного владения. У общины оставались полномочия на распоряжение этими землями, их управление, заселение и ведение сельского хозяйства. Колония Виргиния должна была оплачивать проведение землемерных работ, а также квивт-ренту за участок в 200 акров как место «совместного проживания» в течение первых 20 лет. В пределах этого участка каждый член общины имел право на надел в пол-акра для проживания на нем и право на 200 акров в непосредственной близости, пока все 30 тыс. акров не будут разобраны. Члены общины на 20 лет освобождались

от налогов и от обязанностей по несению военной службы — кроме тех, которые они сами возлагали на себя. Очевидно сходство с поселениями Новой Англии.

«При постоянном условии, — заявлялось в искусно сформулированном законе, — и это является истинным намерением и смыслом данного закона, чтобы на каждые пятьсот акров земли, которые будут пожалованы в осуществление этого закона, на названной земле всегда будет находиться один мужчина-христианин в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет, безупречно здоровый, пригодный и подходящий к службе. Он также должен всегда иметь находящийся в исправном состоянии мушкет или фузею*, готовый к бою пистолет, острый кинжал, томагавк, пять фунтов хорошего чистого пистолетного пороха и двадцать фунтов подходящих по размеру свинцовых пуль или лебязью, или гусиную дробь. Все это следует хранить в форте, который должен быть построен согласно этому закону, отдельно от пороха и дроби для необходимой или полезной стрельбы во время охоты. При условии, далее, что названный воин-христианин должен проживать и постоянно находиться в пределах двухсот акров земли, которые должны быть распланированы в виде геометрического квадрата или настолько близко к этой фигуре, как окажется возможно», и т. д. В течение двух лет община должна была огородить территорию размером в половину акра в центре участка «совместного проживания», обнеся частоколом из «доброкачественных сплошных бревен, не меньше тринадцати футов длины и шести дюймов в диаметре в середине каждое, установленных в два ряда и вкопанных в землю по крайней мере на три фута».

Таким было в 1701 г. представление проживавших в прибрежной зоне членов ассамблеи Виргинии о жителе фронта и пограничных поселков, посредством которых Старый Доминион намеревался распространить свое население в районы Нагорного Юга. Но «воином-христианином», который на деле явился на линию огня в Виргинии, судьбой было суждено стать шотландцу из Ольстера и немцу. Вместо «фузеи» и «кинжала» у него было длинноствольное ружье и в целом он был слишком неугомонным, чтобы постоянно пребывать в пределах пространства в 200 акров. Тем не менее есть схожие черты у этой идеи общин, расселенных вокруг укрепленного поселка и появившихся позднее «сторожевых постах» Кентукки²⁹.

К началу XVIII в. аккумуляция собственности на землю в низинной части Виргинии в руках немногих лиц зашло так далеко, а практика удержания больших массивов не используемой земли в ре-

* Легкий мушкет.

зерве крупных имений стала настолько распространенной, что власти колонии докладывали правительству в Лондон, что все лучшие уголья разобраны³⁰. Поселенцы уходили в Северную Каролину в поисках дешевых земель около судоходных рек. Они также обращали внимание на районы Пидмонта в Виргинии, где к этому времени индейцы были побеждены. Теперь стало возможным обзавестись землей, купив ее³¹ по цене 5 шилл. за 50 акров, а также получив в виде подушного права за провоз работников или их поселение. Спекуляция землей вскоре возникла и в новом районе.

К тому времени Пидмонт был в некоторой степени исследован³². Еще в середине XVII в. мехоторговцы доходили по тропам в юго-западном направлении от р. Джеймс на расстояние больше 400 миль, а именно: к индейцам катамба и позже к черокам. Полковник Уильям Бэрд, как мы видели, не только захватывал хорошие земли в низинной части Виргинии и оборонял свой форпост у водопадов на р. Джеймс, подобно графу — стражу рубежей. Он еще и торговал пушниной, посылал свои вьючные караваны по упомянутой тропе через каролинский Пидмонт³³. Этот человек обратил внимание на богатые саванны этого региона. С Бэрдом конкурировали торговцы из Чарлстона.

Уже вскоре скотоводы из более старых поселений, узнав от торговцев мехами о плодородных равнинах и богатых пастбищах этих краев, последовали за ними и начали строить в разных местах «загоны для скота» или ранчо за линией поселений в Пидмонте. Вплоть до конца XVII в. табуны диких лошадей и стада крупного рогатого скота паслись на окраинах виргинских поселков. Колонисты охотились на них, загоняли в огороженные места и ставили на них тавро — подобно тому, как это будут делать позднее скотоводы на Великих равнинах³⁴. Теперь погонщики скота и загоны³⁵ начали появляться на возвышенности. К тому времени туземцы в большей части виргинского Пидмонта были приведены в повиновение. Губернатор Спотсвуд³⁶ рапортовал в 1712 г. о том, что они «жили спокойно на наших границах и торговали с населением».

Индийские племена тускарора и емассеев в обеих Каролинах потерпели поражение примерно в это же время. После этого и там возникли такие же возможности для экспансии. Погонщики скота иногда гнали свои стада с одного пастбища на другое. В другое время, если корма хватало на весь год, они пасли животных постоянно около загонов. Гурты перегоняли в Чарлстон, а в последующий период иногда даже на рынки Филадельфии и Балтимора. К середине века болезни опустошили стада в Южной Каролине³⁷. В Северной Каролине погибли $\frac{7}{8}$ всего скота. Виргиния ввела соответствующие правила перегона животных через свои приграничные графства, чтобы не допустить рас-

пространения болезней. В наше время скотоводы Севера пытались таким же образом защитить свои стада от тexasской лихорадки.

Таким образом, скотоводы с побережья последовали за торговцами пушниной на нагорье, где начали обосновываться первые фермеры. А вскоре, когда в этот регион хлынула волна переселенцев из Пенсильвании, и фермеры, и скотоводы оказались в меньшинстве.

Современники описывали районы возвышенности с восторгом. Фрэнсис Мейкми в книге «Простое и дружественное убеждение», опубликованной в 1705 г., заявил: «Вам еще предстоит заселить самую лучшую, самую богатую и самую здоровую часть вашей страны — она лежит за водопадами каждой реки, по направлению к горам». В вышедшей в свет в 1727 г. книге «Положение Виргинии в настоящее время» Х. Джоунс пишет об удобствах транспорта в прибрежном районе и т. д., но заявляет, что эта секция «далеко не такая здоровая, как возвышенности и песчаные равнины, покрытые кустарником, где скот пасется на пастбищах». С меньшим энтузиазмом говорит он о саваннах и болотах, находящихся в центре лесистых районов. В действительности Пидмонт отнюдь не был сплошной зоной лесов, как это можно вообразить, потому что там имелись природные луга и, кроме того, большие участки леса были выжжены индейцами³⁸. Эта местность представляла собой редко встречающееся сочетание лесов и пастбищ с чистыми ручьями и мягким климатом³⁹.

Оккупации виргинской части Пидмонта очень способствовал интерес, проявленный к делам фронта губернатором А. Спотсвудом. В 1710 г. он предложил план, направленный на упреждение захвата внутренних районов французами, который состоял в том, чтобы побудить виргинцев организовывать свои поселения только с одной стороны р. Джеймс и делать это до тех пор, пока эта колонна наступающих поселенцев-пионеров не нанесет удар по тоненькой линии французских аванпостов в центре. В том же году Спотсвуд послал кавалерийский отряд на Голубой хребет; с его вершины они могли вести наблюдение за Виргинской долиной⁴⁰. К 1714 г. губернатор и сам стал активным колонистом. Спотсвуд устроил поселение в 30 милях вверх по течению от водопадов на р. Раппаханнок. Здесь, на р. Рапидан, в небольшой деревне Джерманна⁴¹, стали жить немцы-иммигранты, обязавшиеся оплатить свой проезд в Америку, работая несколько лет без заработной платы. Они трудились в его железообрабатывающих мастерских, а также были пограничными рейнджерами. Отсюда в 1716 г. Спотсвуд с двумя ротами рейнджеров, четырьмя индейцами и отрядом виргинских джентльменов совершил летнюю увеселительную экскурсию продолжительностью в две недели, пройдя через Голубой хребет в Долину р. Шенандоа. Губернатор назвал их «Рыцари зо-

лотой подковы», девизом которых было «*Sic juvat transcendere montes*»*. Но они не были «воинами-христианами», которым довелось оккупировать фронтир.

Интерес А. Спотсвуда к продвижению зоны поселений вдоль р. Раппаханок, вероятно, объясняется тем, что в 1720 г. Спотсилвания и Брансуик были объявлены приграничными графствами Виргинии⁴². Колония выделила 500 долларов церкви и 1 тыс. долларов на оружие и боеприпасы для поселенцев в этих графствах. Утверждалось, что причинами этого продвижения были опасения возможных столкновений с французами и индейцами за высокими горами. Чтобы привлечь переселенцев в эти новые края, с 1723 г. их освободили от покупки земель, сопровождавшейся обязательствами по системе подушного права, и от уплаты квит-ренты в течение семи лет, начиная с 1721 г. Площадь полученных таким образом бесплатно участков не должна была превышать 1 тыс. акров. Эти размеры вскоре были увеличены до 6 тыс. акров, но с условием, требовавшим поселить определенное число семей на частях этого надела в течение определенного периода времени. В 1729 г. Совет приказал Спотсвуду предъявить «права» и уплатить квит-ренту за 59 786 акров земли, на которые он претендовал в этом графстве.

Другие действия того же рода, предпринимавшиеся Советом, показывают, что здесь разрастались крупные земельные владения, а также что весьма ощутимыми были трудности установления демократии фронтаира, соприкасавшейся с районом расширявшихся плантаций⁴³. Вследствие этого ко времени оккупации Долины р. Шенандоа в этой части Виргинии⁴⁴ установился обычай выделять 1 тыс. акров на каждую семью поселенцев. Спекулянты-плантаторы, обладавшие влиянием у губернатора и в Совете, получали территории во много тысяч акров на условиях размещения там определенного числа семей и необходимости обрабатывать землю. Таким путем первоначальный замысел прямого предоставления участков самим поселенцам часто превращался в выделение земли крупным плантаторам, подобным Р. Беверли, который организовывал приезд поселенцев — шотландцев из Ольстера и немцев — или пользовался естественным стремлением колонистов обосноваться в Долине р. Шенандоа для того, чтобы продавать земли, расположенные в пределах обширных имений. При этом, как правило, сохранялась квит-рента. Значительные площади земли, выделяемой на каждую семью, давали возможность этим спекулянтам-плантаторам, выполнив условия выделения участка, в то же время существенную часть пожалования удерживать за собой. По-

* Так пусть перейдут горы (*лат.*).

ложения закона относительно требований реального возделывания земли или занятий скотоводством, а также контроль за их выполнением не отличались чрезмерной строгостью⁴⁵. В такой обстановке эти невозделанные территории было совсем нетрудно удерживать за собой. Все эти условия дали возможность аристократическому плантаторскому образу жизни с течением времени распространиться на район Пидмонта и Долины р. Шенандоа, находившихся в пределах Виргинии. Однако надо сказать и то, что некоторые из вновь прибывающих колонистов — и немцы, и шотландцы из Ольстера такие как Ван-Метерс, Стоувер и Льюис, — также оказались способны действовать в качестве организаторов поселений и при этом обеспечивали себе получение земельных наделов.

Север Долины занимала часть поместья лорда Фэрфакса* площадью около 6 млн акров, которое появилось у этой семьи как часть наследства от земельного пожалования старому лорду Калпеперу и земель лорда Арлингтона в Нозерн Нек. В 1748 г. молодой Дж. Вашингтон вел землемерные работы в этом поместье у верховьев р. Потомак, ночуя под звездным небом и набираясь сведений о жизни на фронтире.

Лорд Фэрфакс учредил собственное манориальное имение в Гринуэ⁴⁶. Он разделил свои владения на другие маноры, предоставив аренду на 99 лет тем арендаторам, которые уже проживали на его землях, с уплатой 20 шилл. в год за 100 акров. С вновь прибывших он брал 2 шилл. квит-ренты в год за такое же количество земли за бессрочное право на наследственное владение. Длительные судебные тяжбы делали собственность на землю неопределенной. Точно так же поместье Р. Беверли около Стонтонна состояло из 118 тыс. акров, полученных им и его помощниками на условии поселения на этой территории должного количества семей⁴⁷. Так спекулянты-плантаторы на этом фронтире участвовали в оккупации и составили аристократическую прослойку внутренних районов. Но рост доли иммигрантов — шотландцев из Ольстера и немцев, — а также контраст в природных условиях сделали внутренние районы Виргинии не похожими на прибрежную зону этой колонии.

Полоса поселений поднималась по р. Раппаханнок, и эмигранты начали проникать в Долину с севера. Одновременно с этим поселки появились выше водопадов на р. Джеймс, достигнув факторий торговцев мехами⁴⁸. В 1728 г. было учреждено графство Гучленд, и рост численности населения уже в 1729 г. вызвал к жизни предложения

* Вероятно, речь идет о Томасе Фэрфаксе, 6-м лорде Камероне (1693—1781), унаследовавшего от своего деда по материнской линии Томаса Калпепера, 2-го барона Калпепера оф Торесуэй, владения в Нозерн Нек.

основать у водопадов город (Ричмонд). Как и на р. Раппаханнок, спекулянты-плантаторы скупили землю по берегам верховой р. Джеймс на основе подушного права и поселили там колонистов и арендаторов, выполняя условия для сохранения имения в своих руках⁴⁹. В этот регион переселялись уроженцы Виргинии, эмигранты с Британских островов, отдельные представители других стран. Некоторые из них поднимались вверх по течению р. Джеймс, другие — по р. Йорк, а третьи продвигались в потоке людей, стремившемся на юг, по обеим сторонам Голубого хребта.

До 1730 г. очень мало поселенцев жили выше устья р. Риванна. В 1732 г. Питер Джефферсон получил патент на 1 тыс. акров земли у восточного выхода из горного ущелья. Здесь, в условиях пограничья, в 1743 г. родился Томас Джефферсон. Это случилось недалеко от того места, где потом будет стоять его дом в Монтиселло. Вокруг него жили фермеры-пионеры, а также дальновидные скупщики земельной собственности. В основном это была страна демократических жителей фронта — шотландских пресвитерианцев, квакеров, баптистов и приверженцев других сект⁵⁰, которые не симпатизировали официальной церкви и землевладельцам-джентри низинных районов колонии. Общество, окружавшее Т. Джефферсона в ранние годы, должно было обнаружить в его лице могущественного толкователя идеалов фронта⁵¹. Патрик Генри родился в 1736 г. выше водопадов, недалеко от Ричмонда, и он также был глашатаем интересов внутренних районов Виргинии в революционную эру. Короче говоря, в виргинском Пидмонте уже формировалось общество, состоявшее из многих сект, независимых мелких землевладельцев, а также их великих лидеров-плантаторов. Это общество, естественно, стремилось к экспансии, видя возможности для себя в занятии свободных земель вдоль границы, которая постоянно продвигалась на запад. В эту эру XVIII в. преобладали демократические идеалы пионеров, а не аристократические тенденции плантаторов-рабовладельцев. Так же, как существовали две Новые Англии, к этому времени уже образовались две Виргинии. И горная часть колонии входила в регион Старого Запада.

В Северной Каролине продвижение от побережья через полосу водопадов шло гораздо медленнее, чем в Виргинии. После войны с племенем тускарора (1712—1713) в 1724 г. была открыта для заселения обширная область к западу от залива Памлико. Еще до этого жители фронта, в основном виргинцы, начали прибывать в район у р. Роанок, расположенный севернее. Эти тенденции интересно описывает Бэрд в своей книге «Разграничительная линия». К 1728 г. дальше всех на фронтире Виргинии продвинулись поселенцы, находившиеся у р. Грейт-Крик, притока р. Роанок⁵². Уполномоченные

Северной Каролины, проводившие пограничное размежевание, проехав 170 миль, захотели прекратить это занятие. Они заявили, что уже преодолели 50 миль после того, как видели самого дальнего поселенца. По их утверждению, линию границы не понадобится продолжать еще сто или двести лет. Но виргинские землемеры указали уполномоченным, что спекулянты уже захватывают территорию. Линия от Уэлдона до Фейетвилла может примерно обозначить западную границу редкого населения Северной Каролины, насчитывавшего тогда 40 тыс. душ⁵³.

Более медленное продвижение объясняется отчасти тем, что заселение обеих Каролин началось позже; отчасти тем, что индейцы продолжали чинить неприятели на флангах полосы продвижения населения, что видно из войн с племенами тускарора и емассеи. Имело значение и то, что покрытые сосновыми лесами и кустарниками песчаные равнины, простиравшиеся параллельно линии водопадов, представляли собой зону неплодородных земель, не привлекавших поселенцев. И действительно, с конца XVII в. низинные районы Северной Каролины являлись равновидностью южного фронта для перетока населения из Виргинии. Во многих аспектах эта часть Северной Каролины уподобилась внутренним районам. Ее отличали бурно проявлявшаяся демократия, многообразие религиозных сект и национальностей и примитивные условия жизни. Однако вследствие небрежного управления государственными землями, выдачи «незаполненных патентов» на землю и других уклонений от исполнения законов стало возможным образование весьма крупных поместий. Такая собственность существовала бок о бок с подушным правом для поселенцев. Здесь, как и в Виргинии, через всю колонию протянулся массив земельного собственности пожалования. Владения лорда Гренвилла составляла область, охватывавшая северную половину Северной Каролины. В пределах всего этого района продажи земель и взимание квив-ренты осуществлялись агентами владельца. Результатом были неуверенность и путаница в сельскохозяйственных делах, царившие вплоть до Революции. Имелись также и крупные спекулятивные земельные участки, полученные на условия поселения определенного количества колонистов, куда стягивались жители фронта⁵⁴. Но эта система также дала возможность основать свои колонии агентам конгрегаций, мигрировавших позже, таких как поселение Моравских братьев в Уочовиа⁵⁵. Таким образом, ко времени, когда поселенцы с севера появились на возвышенной части Северной Каролины, здесь уже существовала система землеустройства, схожая с виргинской. Обычный участок составлял квадратную милю (640 акров), но на практике это не препятствовало созданию огромных поместий⁵⁶. И в то время как проникновение в виргинский

район Пидмонта в большой степени происходило за счет распространения поселений в направлении от побережья, внутренние районы Северной Каролины оставались до 1730 г. почти нетронутыми⁵⁷.

Это же верно и в отношении Южной Каролины. К 1730 г. зона поселения продвинулась примерно лишь на 80 миль от побережья, даже в обжитом районе низинной части колонии. Тенденция увеличивать свои владения в низинах для организации больших плантаций четко проявлялась здесь так же, как и в других местах⁵⁸. В 1732 г. генеральный землемер сообщает в своем докладе, что территорий, не имевших владельцев, оставалось не больше 1 тыс. акров в радиусе 100 миль от Чарлстона, а также на расстоянии 20 миль от реки или судоходных речных притоков. В 1729 г. королевская власть распорядилась основать 11 поселков. Каждый должен был иметь 20 тыс. акров земли, распланированных в виде прямоугольника, разделенного на участки по 50 акров для каждого реально проживающего поселенца. Условия предусматривали уплату квнт-ренты в размере 4 шилл. в год за каждые 100 акров или, пропорционально этому, с началом выплаты после первых десяти лет⁵⁹. К 1732 г. работа по проектированию данных поселков, расположенных на больших реках колонии и предназначенных для привлечения иностранных протестантов, была закончена. Они располагались в среднем регионе к востоку от полосы водопадов на песчаных равнинах, поросших сосновым лесом, или в южном углу колонии в местах, где свирепствовала малярия. И поэтому ни один из них не вырос до города, кроме Оринджберга⁶⁰ на р. Северная Эдисто, в котором обосновались законтрактированные слуги-немцы. Шотландцы-пресвитериане из Ольстера, прибывшие в Уильямсберг на р. Блэк-Ривер, испытывали всяческие невзгоды; трудно пришлось и швейцарцам, которые под водительством мистика Перри поселились в Перрисберге в низовьях р. Саванна, отличавшихся губительным климатом. Надел был выделен валлийским колонистам из Пенсильвании. Он известен как «Валлийский массив» площадью более 173 тыс. акров на р. Грейт Пи-Ди (графство Марион)⁶¹ с получением подушного права по 50 акров, а также даров в виде продовольствия, инвентаря и скота.

Эти попытки освоения территории к востоку от полосы водопадов интересны тем, что демонстрируют колониальную политику разметки на местности поселков (которые должны были становиться политически организованными приходами, представленными в законодательной ассамблее) с привлечением туда иностранцев до того, как появятся переселенцы с Севера.

Заселение Джорджии в 1732 г. завершило формирование южной полосы колонизации Пидмонта. Среди целей деятельности этой ко-

лонии, как они конкретизировались в хартиях, были оказание помощи бедным и охрана границ. Чтобы бороться с тенденцией аккумулировать земли в большие поместья, столь откровенно проявившейся в более старых колониях, попечители Джорджии* предписывали, чтобы наделы в 50 акров не отчуждались и не делились. Их следовало передавать наследникам по мужской линии или при отсутствии таковых они должны были быть возвращены попечителям. Не разрешались пожалования площадью свыше 500 акров. И даже это оговаривалось условием поселения десяти колонистов держателем такого имени. Тем не менее, в силу местных условий, конкуренции и примера соседних колоний к 1750 г. попытка ограничить земельную собственность ради интересов демократии провалилась. И земельная система Джорджии стала походить на другие колонии Юга⁶².

В 1734 г. за р. Саванна обосновались выходцы из Зальцбурга. Не прошло и семи лет после этого, как около 1,2 тыс. немецких протестантов уже жили на фронтире Джорджии. А южную границу охраняло поселение шотландских горцев в Дариене, расположенном недалеко от устья р. Олтамаха. Знакомая картина наступления фронта завершалась в Огасте (1735) — фактории, откуда торговцы пушниной ходили к индейцам племени чероки⁶³.

Итак, мы провели беглый обзор движения поселений приграничья из низинной местности в западном направлении в период с конца XVII до начала XVIII вв. Есть много общего во всей этой полосе наступления. Первые поселенцы аккумулируют лучшие земли более старых районов. Законтрактованные сервенты и вновь прибывшие колонисты уходят на фронтир в поисках места, где они могли бы получить участок на условиях подушного права или основать новые поселки. Предприимчивые богатые плантаторы, занимавшиеся спекуляцией землей, приобретают огромные поместья в новых районах и привозят поселенцев, чтобы выполнить условия, по которым они получают свои обширные владения, — заселить их и обрабатывать. Таким образом создается сословие йоменов — владельцев или арендаторов небольших земельных участков. Они существуют бок о бок с собственниками огромных территорий. Наиболее дальновидные из вновь прибывших следуют примеру крупных плантаторов и подают петиции об увеличении полученных значительных земельных пожалований. А тем временем пионеры, подобные Аврааму Вуду, который сам был когда-то законтрактованным сервентом, и джентльмены, подобные полковнику Уильяму Бэрду, торговали с индейцами в своих факториях у «истоков»

* Имеется в виду благотворительное общество «Попечители колонии Джорджия в Америке» во главе с Дж. Оглторном, основанное для переселения в эту колонию англичан.

рек. Они одновременно занимались охраной границы и изучением новых мест и землемерными работами. От них стало известно о плодородных землях в более отдаленном Пидмонте. Уже в первой половине XVIII в. население фронта проявляло тенденции к тому, чтобы быть обществом примитивной демократии. Очень существенной была среди поселенцев доля шотландцев из Ольстера, немцев, валлийцев и французских гугенотов, религиозные верования которых совершенно отличались от тех, что исповедовали приверженцы традиционной церкви в низинных районах. Появление в регионе рабов не имело большого значения — но такие факты известны.

В 1730 г. Виргинская долина была практически не заселена, как и большая часть виргинского района Пидмонта и весь каролинский Пидмонт. Эти пустовавшие территории — Долина и Пидмонт находились за пределами областей, оккупированных в ходе экспансии с побережья. Значение прихода сюда колонистов с Севера состояло в том, что эти районы были в географическом отношении изолированы от движения поселенцев на запад, шедшего от берегов Атлантики. При этом численность людей, переселявшихся в Долину и Пидмонт с Севера, была достаточной для того, чтобы мобилизовать демократические силы и на долгое время отсрочить процесс социальной ассимиляции по тому типу общественной жизни, который существовал в низинных районах.

Как уже указывалось, пояс песчаных пустошей, поросших сосновыми лесами, особенно в обеих Каролинах, примерно 80 миль шириной, тянулся параллельно полосе водопадов. Таким образом, он препятствовал продвижению на запад еще до тех мест, где реки становились судоходными. Почти столь же реальным препятствием в Виргинии был Голубой хребет, отгораживавший Долину р. Шенандоа от движения в западном направлении. В то же время эта Долина была всего лишь продолжением Большой долины, протянувшейся вдоль восточного края Аллеганских гор в юго-восточной Пенсильвании. Меж ее горных гряд находились долины рек Камберленд и Хейгерстаун. Короче говоря, широкий известняковый пояс плодородных земель протянулся между горных теснин от Пенсильвании на юг в сторону юго-западной Виргинии. А отсюда шли долины рек, прорезавшие хребты и открывавшие пути спуска в каролинский Пидмонт. Весь этот регион, походивший на полуостров, вклинивавшийся из Пенсильвании, считался относительно недоступным для продвижения переселенцев из низинных районов на запад, но он был вполне доступен для населения, прибывшего в Пенсильванию⁶⁴.

Таким образом, это привело к тому, что с 1730 по 1760 г. поколение колонистов преодолевало эти гористые территории, чтобы попасть на

южные возвышенности, или Пидмонт, создав там новый постоянный социальный и экономический район, расположившийся поперек искусственных колониальных границ. Этим были дезорганизованы обычные нити местного управления, шедшие от побережья на запад. Была создана новая Пенсильвания, ставшая контрастом по сравнению со старыми квакерскими колониями. В противоположность прибрежному Югу возник Новый Юг, который составил южную половину Старого Запада.

С начала своего существования Пенсильвания рекламировалась как прибежище для раскольнических сект, стремящихся к свободе в условиях жизни в дикой местности. Но только когда примерно в 1717 г. начался исход немецких законтрактованных сервентов⁶⁵, лишь тогда из Пфальца и окружающих его районов Германии хлынула волна иммигрантов. Ко времени Революции они составляли почти треть всего населения Пенсильвании. Согласно скрупулезным оценкам, в тринадцати колониях в 1775 г. проживало более 200 тыс. немцев, в основном вдоль пограничной зоны Старого Запада. Из них 100 тыс. человек нашли себе приют в Пенсильвании, главным образом в Большой долине, в районе, который по сию пору является столь заметным обиталищем «пенсильванских немцев»⁶⁶.

По причине нехватки места я не могу здесь описать это колониационное движение⁶⁷. Переход на плодородные известняковые почвы пенсильванской Большой долины был легким, в связи с небольшой высотой хребта Саут-Маунтин. Туда вели долины рек, прорезавшие этот хребет. Далее следовало естественное продолжение пути на юг по такой же Долине в Мэриленде и Виргинии, особенно в связи с тем, что рост численности эмигрантов привел к повышению стоимости земли⁶⁸. В 1719 г. цена, запрашиваемая крупным собственником за землю в Пенсильвании составляла 10 ф.ст. за 100 акров, а квив-рента — 2 шилл. В 1732 г. цена поднялась до 15,5 ф.ст. с квив-рентой в полпенса за акр⁶⁹. В период с 1718 по 1732 г., когда немцы прибывали в больших количествах, управление земельными ресурсами разладилось. Многие люди становились скваттерами без оформления прав собственности на землю⁷⁰. Это стало счастливой возможностью для бедных законтрактованных сервентов, которые продавали свои услуги на несколько лет, чтобы оплатить свой проезд в Америку.

Согласно оценкам, к 1726 г. скваттерами были 100 тыс. человек⁷¹. Из 670 тыс. акров, занятых в 1732—1740 гг., поселенцы не оформляли получение земли общей площадью 400 тыс. акров⁷². Тем не менее за них в конечном счете необходимо было платить с процентами. Предоставление скваттерам преимущественного права на покупку освоенного ими земельного участка облегчало эти процедуры. Но только

в 1755 г. губернатор предложил брать участки бесплатно, не оформляя покупку, и предлагалась земля только к западу от Аллеганских гор⁷³.

Хотя система кредитов облегчала трудности в Пенсильвании, земли этой колонии конкурировали с землями Мэриленда, предлагавшимися в 1717—1738 гг. по цене 40 шилл. за 100 акров. В 1738 г. стоимость поднялась до 5 ф. ст.⁷⁴ А в это же самое время, как вы помните, в Виргинской долине земля раздавалась бесплатно, по 1 тыс. акров на семью. Хотя большие участки в Долине р. Шенандоа получали спекулянты вроде Бевверли, Бордена, Картеров, лорда Фэрфакса, владельцы продавали землю на 6—7 ф. ст. за 100 акров дешевле, чем это делала земельная контора в Пенсильвании⁷⁵. Поэтому в 1726—1734 гг. немцы начали обживать в этой Долине⁷⁶, а вскоре их селения уже были основаны в каролинском Пидмонте⁷⁷. В Южной Каролине этих поселенцев увлекли за собой эмигранты, двигавшиеся через Чарлстон, — особенно после того, как в 1755 г. губернатор Дж. Гленн купил у индейцев племени чероки самую западную часть колонии. В период между 1750 г. и Революцией численность этих поселенцев в обеих Каролинах очень выросла.

Таким образом, была создана зона, состоявшая в основном из немецких поселков, — от истока р. Мохок в колонии Нью-Йорк до р. Саванна в Джорджии. Их обитатели открыли лучшие земли, владели способами интенсивного и экономного земледелия, о чем свидетельствуют большие, наполненные зерном амбары, тучные стада и огромные крытые конестогские повозки*. Поселенцы предпочитали жить группами, обычно принадлежавшими к одной и той же религиозной конгрегации — лютеране, реформаты, Моравские братья, меннониты и другие более мелкие секты. Дневники моравских миссионеров, посещавших немцев в Пенсильвании, показывают, как руководство конгрегации поддерживало контакты с единоверцами в колониях⁷⁸ и насколько тесными оставались эти связующие нити между заселенной немцами зоной фронта в целом и пограничьем Пенсильвании.

Бок о бок с этим овладением немцами Долины и Пидмонта шла миграция шотландцев из Ольстера⁷⁹. Это были жители южной части Шотландии, переселенные в начале XVII в. в ирландский Ольстер. Последователи Джона Нокса, они отличались в своем индивидуализме постоянными спорами и революционным темпераментом, которые кажутся естественными для шотландского пресвитерианства. Эти люди были воспитаны на Ветхом Завете и на доктрине управления по-

* *Конестогская повозка* («конестога») — крытая плотной тканью конная повозка, запряженная 4—6 лошадьми; на первой упряжке, как правило, сидели возчики. Основное средство передвижения при заселении Запада до 1850 г. Стала символом освоения фронта.

средством договора (Covenant) или соглашения (Compact). В Ирландии они проявили свои военные способности при осаде Лондондерри, когда их упорное сопротивление похоронило надежды Якова II. Тем не менее на них, живших тогда в Ольстере, обрушилось религиозное и политическое угнетение, что вызвало у них недовольство своим положением, а наступившие тяжелые времена способствовали тому, что эти люди покинули собственные дома. Отъезд в Америку происходил одновременно с массовой эмиграцией из Германии. Считается, что к моменту Революции шотландцы, приехавшие из Ольстера, составляли треть населения Пенсильвании; согласно оценкам, может быть и завышенным, полмиллиона шотландцев прибыли в Соединенные Штаты в период с 1730 по 1770 г.⁸⁰ И, особенно после восстания 1745 г., большое количество шотландских горцев уехали в Америку, увеличив в американской нации долю шотландской крови⁸¹. Часть ольстерских шотландцев отправилась в Новую Англию⁸². Встретив там холодный прием со стороны конгрегационалистов-пуритан, они проследовали на незаселенные земли около Вустера, на фронтир в районе Беркширских холмов и в Лондондерри, расположенный в южной части Нью-Гэмпшира. Оттуда происходил Джон Старк — лидер пограничья в войнах с французами и индейцами, а во время Революции герой битвы при Беннингтоне (1777), а также предки Гораса Грили и Салмона П. Чейза. В колонии Нью-Йорк поселение ольстерских шотландцев было основано на фронтире в долине Черри-Вэлли⁸³. Шотландские горцы отправились на р. Мохок⁸⁴, где воевали под командой сэра Уильяма Джексона, а во время Революции были рейдерами* на службе британских тори.

Но основной центр силы шотландцев, приехавших из Ирландии, находился в Пенсильвании. «Эти наглые и нищие чужаки, когда им заявлялось, что у них нет прав на землю, отвечали той отговоркой, что мы просили колонистов прибыть, и они в соответствии с этим явились»⁸⁵. Они утверждали, что «законам Божьим и природы противоречит то, что столько земли должно пустовать в то время, когда так много христиан хотят владеть ею, чтобы трудиться на ней и выращивать хлеб свой». Выходцы из Ольстера становились скваттерами на пустовавших территориях особенно в районе, из-за которого шел спор между Пенсильванией и Мэрилендом, и не ушли оттуда, несмотря на все попытки изгнать их. Увидев, что Большая долина находится в руках немцев, ольстерские шотландцы основали собственные

* Речь идет об американских лоялистах, воевавших в годы Войны за независимость (1775–1783) на стороне Англии в составе так называемого «Британского легиона» (1778–1783).

форпосты от Ланкастера до Бедфорда вдоль тропы, которой пользовались торговцы с индейцами; они заняли Долину Камберленд, а к 1760 г. пробились вверх по течению р. Джуниата за пределы самого узкого места в ее русле, расселившись по берегам притоков этой реки. К 1768 г. их пришлось предупреждать, чтобы они ушли из района Редстоун, так как иначе могли осложниться отношения с туземцами. Ко времени Революции поселения ольстерских шотландцев превратили Питтсбург в центр, положивший начало новой эры в истории Пенсильвании. Вьючные караваны ирландско-шотландских и немецких торговцев мехами⁸⁶ первыми проложили путь в Долину р. Огайо еще до войн с французами и индейцами. Посредниками между цивилизацией и дикостью являлись такие люди⁸⁷, как ирландец Крогэн, немцы Конрад Вайсер и Кристиан Пост.

Как и немцы, шотландцы, приехавшие из Ольстера, прошли в Долину р. Шенандоа⁸⁸ и дальше на нагорья Юга. В 1738 г. посланная к губернатору Виргинии делегация Филадельфийского пресвитерианского синода получила заверения в том, что свобода религии находится в безопасности. Ту же политику проводили обе Каролины. К 1760 г. зона пресвитерианских церквей ольстерских шотландцев простиралась от границ Новой Англии до рубежей Южной Каролины. Отчасти она совпадала с немецкой зоной, но в целом шотландцы имели тенденцию продвигаться по долинам дальше в направлении гор, оказываясь внешней границей фронта. В этом же едином потоке переселенцев в пограничные районы следовали английские, валлийские и ирландские квакеры, а также французские гугеноты⁸⁹.

В рядах этих движущихся людских масс, проходивших в середине XVIII в. по Долине в Пидмонт, были Даниел Бун, Джон Севир, Джеймс Робертсон. Там оказались и предки Джона С. Кэлхуна, Авраама Линкольна, Джефферсона Дэвиса, Томаса Джонатана («Стоунвулл») Джексона, Джеймса К. Полка, Сэма Хьюстона и Дейви Крокетта. В то же время отец Эндрю Джексона прибыл в каролинский Пидмонт с побережья. Если мы вспомним, что дом Т. Джефферсона был на фронтире у подножия Голубого хребта, то представим себе, что эти имена олицетворяют воинственное экспансионистское движение в американской жизни. Они предвещают заселение Кентукки и Теннесси за Аллеганскими горами, покупку Луизианы и трансконтинентальные исследовательские экспедиции М. Льюиса и У. Кларка, завоевание равнин у Мексиканского залива в годы Войны 1812 г., аннексию Техаса, приобретение Калифорнии и испанского Юго-Запада. Они олицетворяют также демократию фронта в двух ее аспектах, персонифицированных личностями Э. Джексона и А. Линкольна. Это была демократия, реагирующая на лидерство, подверженная вол-

нам эмоций, демократия «высокого религиозного напряжения» — быстрая и прямая в своем действии.

Масштабы этого движения с Севера на нагорья Юга показывает заявление губернатора Северной Каролины У. Трайона о том, что в этой колонии летом и зимой 1765 г. через г. Солсбери проследовали более 1 тыс. повозок с иммигрантами⁹⁰. Они ехали семьями, семейными группами, религиозными общинами и часто гнали с собой стада скота. Если в 1746 г. в графстве Ориндж и в западных графствах Северной Каролины с трудом можно было набрать 100 вооруженных людей, то в 1753 г. их уже было добрых 3 тыс. человек. Кроме того, более 1 тыс. шотландцев находились в Камберленде; они были относительно плотно распределены по всей провинции от Хилсборо и Фейтвилла до гор⁹¹. Бассет замечает, что пресвитериане приняли своих первых священников от синода Нью-Йорка и Пенсильвании. Позже они посылали студентов в Принстонский колледж, чтобы те, получив образование, стали священниками. «И на самом деле, похоже на то, что жители этого района знали в ту эпоху о Филадельфии больше, чем о Нью-Берне или Эдентоне»⁹².

Теперь мы можем в заключение кратко остановиться на ряде результатов заселения этого нового фронта в первой половине XVIII в. и некоторых последствиях возникновения Старого Запада.

I. На всем протяжении непрерывно идущей полосой от Новой Англии до Джорджии было создано воюющее пограничье, которое выдержало натиск нападавших французов и индейцев и оказало неоценимые услуги во время Революции. Значение этого факта может быть раскрыто только в результате глубокого исследования разрозненных эпизодов военных действий на границе в эту эпоху. Мы должны увидеть, как Р. Роджерс командует своим подразделением нью-йоркских рейнджеров, как в ходе войны с французами и индейцами Дж. Вашингтон обороняет внутренние районы Виргинии вместе с жителями фронта, шедшими в бой в охотничьих куртках. Когда все военные кампании — из-за Канады, озера Шамплейн, р. Гудзон, центральной части колонии Нью-Йорк (Орискани, долина Черри-Вэлли, экспедиция Дж. Салливана против ирокезов), долины Вайоминг, западной Пенсильвании, Виргинской долины и внутренних районов Юга — когда все эти кампании будут изучены под таким углом зрения, как одно целое, тогда значение Старого Запада станет более очевидным.

II. Было создано новое общество, принципиально отличающееся от колониального общества побережья. Это было демократическое самодостаточное общество с примитивным сельским хозяйством, в котором индивидуализм проявлялся гораздо ярче, чем общинная жизнь в низинных районах. Законтрактованный сервент или раб не

двлялись неотъемлемой частью системы труда этого нового общества. Оно было занято производством зерна и скотоводством, а не выращиванием главных сельскохозяйственных культур, и частично решило проблему восполнения нехватки звонкой монеты за счет поставки мехов на побережье. Но охотники уже уходили дальше; загоны для скота и пастбища уступали место небольшим фермам, как в наше время это произошло в скотоводческих штатах. Это был регион тяжелой работы и бедности, а не богатства и досуга. Школы и церкви появлялись здесь с большим трудом⁹³, если они вообще возникали. Но, несмотря на все естественные тенденции жизни на фронтире, в значительной части внутренних районов отчетливо проявлялась религиозная атмосфера.

III. Со Старого Запада началось распространение внутренней торговли, которое привело к развитию внутренних рынков и сокращению зависимости колоний от европейских промышленных товаров, существовавшей в районах, связанных с мореплаванием и производством основных сельскохозяйственных культур. Не только возросла роль Бостона и других городов Новой Англии как центров торговли после того, как внутренние районы наладили жизнь, но и еще более важные отношения установились между Долиной и Пидмонтом. Немецкие фермеры из Большой долины привозили свои льняные ткани, вязаные чулки, сливочное масло в бочонках, сушеные яблоки, зерно и т. д. в Филадельфию, но особенно в Балтимор, основанный в 1730 г. В этот город стали поступать товары и из Долины р. Шенандоа. Даже из Пидмонта приходили караваны с пушниной, и на тот же рынок пригоняли стада крупного рогатого скота и свиней⁹⁴. Рост числа поселений в верховьях р. Джеймс в 1737 г. привел к основанию г. Ричмонд у водопадов на этой реке. Аристократия табачных плантаций низинных районов уже встретила конкурентов в лице производителей пшеницы во внутренних районах Виргинии и Мэриленда. Чарлстон стал процветать, когда глубинка обеих Каролин начала разрастаться. Губернатор Южной Каролины Гленн писал в середине XVIII в., объясняя очевидное сокращение перевозок колонии следующим образом⁹⁵:

Наша торговля с Нью-Йорком и Филадельфией велась таким образом, что она отнимала у нас те небольшие суммы звонкой монеты и бумажных денег, которые нам удавалось собрать в других местах, чтобы заплатить им за произведенные там хлеб, муку, пиво, ветчину, бекон и другие товары, и всем этим, кроме пива, теперь начинают нас снабжать наши новые городки, населенные весьма предприимчивыми и поэтому процветающими немцами.

В скором времени эта торговля внутренних районов породила конкурентную борьбу за коммерческое доминирование между приморскими городами, которая продолжается до настоящего времени. Насущной стала проблема внутренних улучшений. В законодательстве отражается возрастание ассигнований на строительство дорог, паромных переправ, улучшение речного хозяйства, и т. д.⁹⁶ Была заложена основа общенациональной экономики и в то же время появился новый источник товаров для экспорта за границу.

IV. Старый Запад поставил вопросы о нативизме и более низких стандартах комфорта. В Новой Англии пуритане — жители городов смотрели с неодобрением на шотландских пресвитериан из Ольстера и отталкивали их от себя⁹⁷. В Пенсильвании появление множества немцев и ирландских шотландцев вызвало серьезнейшую тревогу. Дело дошло до того, что был принят законопроект о том, чтобы ограничить въезд немцев из Пфальца, — но на этот билль было наложено вето⁹⁸. Столь проникательный наблюдатель, как Бенджамин Франклин, выражал в 1753 г. опасение того, что Пенсильвания окажется не в состоянии сохранить свой язык и даже управление ею станет ненадежным⁹⁹. «Я помню, — заявляет он, — когда они скромно отказались вмешиваться в наши выборы, но теперь они приходят толпами и везде выигрывают, за исключением одного или двух графств».

Он жаловался, что англичане не могут избавиться от своих предрассудков, разговаривая с этими людьми по-немецки¹⁰⁰. Доктор Уильям Дуглас¹⁰¹ предрекал, что Пенсильвания «дегенерирует в иностранную колонию» и станет угрожать спокойствию соседних с ней провинций. Эдмунд Бёрк выражал сожаление в связи с тем, что немцы сохраняют свои школы, литературу и язык, и что они владеют большими массивами земли, где рядом нет англичан. Он опасался, что немцы не будут смешиваться с британскими колонистами и не станут единым с ними народом и что колонии угрожает опасность стать полностью иностранной. Бёрк также заметил, что «эти иностранцы отличаются трудолюбием, бережливостью и готовностью переносить трудности, в чем они значительно превосходят наших людей. Благодаря этому в ряде местностей они в некотором смысле выкинули наших людей»¹⁰². Позже с подобным феноменом нас познакомила череда появлявшихся один за другим фронтиров. В действительности области, заселенные «пенсильванскими немцами», на всем протяжении нашей истории оставались весьма трудными для ассимиляции и оказывали соответствующее воздействие на политику Пенсильвании.

Следует также отметить, что этот приход на фронтир населения не английского происхождения поднял во всех затронутых этим процес-

сом колониях вопросы натурализации и земельной аренды для иностранцев¹⁰³.

V. Создание этого общества фронта, в котором столь значительная часть населения отличалась от общества побережья по языку, религии, экономической жизни, социальной структуре и идеалам, привело к возникновению антагонизма между внутренними и прибрежными районами, постепенно разрешившегося интересным образом. В целом он выражался в следующих формах: возникали столкновения между землевладельческим классом побережья и классом должников внутренних районов, где не было звонкой монеты, требовались бумажные деньги и реорганизация базы налогообложения. Кроме того, происходили конфликты из-за несовершенного или несправедливого местного управления в вопросах налогов, сборов, земель и судов. Предметом споров была пропорция представительства в легислатуре, посредством чего побережье могло доминировать даже в том случае, если его белое население оказывалось в меньшинстве. Шла борьба за полное отделение церкви от государства. Позднее имели место столкновения по вопросам рабства, внутренних улучшений и партийной политики в целом. Эти разногласия также самым тесным образом были связаны с политической философией Революции и развитием американской демократии. Уже до Революции почти во всех колониях развернулась борьба между партией привилегий, главным образом состоятельными собственниками на Востоке, объединившимися с английскими властями, и демократическими классами, наиболее сильными на Западе и в больших городах.

Рассмотрение этой темы заслуживает больше места, чем я могу сделать это здесь. Однако беглый обзор условий, существовавших на всем фронтире, по крайней мере, дает мне возможность поставить данный вопрос.

В целом в Новой Англии эта борьба не столь очевидна. Те трения, которые в других районах считали результатом некомпетентного местного управления во внутренних районах, здесь прекращались благодаря эффективности системы городского управления. Но между внутренними районами и побережьем происходила борьба по вопросам определения пропорций представительства в легислатурах и религиозной свободы. Первое иллюстрируется состоявшимся в 1776 г. в г. Дрейкат (Массачусетс) конвентом, который обратился с петицией к штатам Массачусетс и Нью-Гэмпшир. В ней содержалась просьба об облегчении финансового положения и устранении несправедливостей в представительстве в законодательных собраниях. На этот конвент послали своих делегатов 16 поселков Нью-Гэмпшира. Два года спустя эти селения попытались присоединиться

к Вермонту¹⁰⁴. Этот революционный штат сам по себе был иллюстрацией той же тенденции отрыва внутренних районов от побережья. В Массачусетсе в этот период развернулась борьба между партией бумажных денег, укоренившейся в новых и малонаселенных областях внутренней части штата и на западе, и классами земельных собственников побережья¹⁰⁵. Оппозиция конституциям 1778 и 1780 гг. была пропитана тем же антагонизмом между идеями новых внутренних районов и побережья¹⁰⁶. В тех же внутренних районах нашли себе опору и восстание Даниела Шейса, и антифедералистская оппозиция 1787–1788 гг.¹⁰⁷

Борьба по вопросам религии продолжалась до тех пор, пока демократическая глубинка, где были сильны неортодоксальные секты и где испытывали антагонизм к привилегиям конгрегационалистской церкви, наконец, не добилась полного отделения церкви от государства в Нью-Гэмпшире, Коннектикуте и Массачусетсе. Но это произошло в более поздний период¹⁰⁸.

Пенсильвания представляет собой четкую картину этих антагонизмов между секциями. В 1764 г. жившие на фронтире «парни из Пакстона» в своем меморандуме требовали права на такие же политические привилегии, какие имелись у более старой части колонии. Они протестовали против такого порядка распределения депутатских мест, согласно которому графства Честер, Бакс и Филадельфия вместе с городом Филадельфия избирали 26 членов легислатуры, в то время как от пяти округов пограничных графств избиралось только 10 человек¹⁰⁹. Представители фронта жаловались на то, что господствующая на побережье квакерская партия не смогла защитить внутренние районы от индейцев¹¹⁰. Три старых богатых графства, управлявшиеся квакерами, боялись роста Запада и поэтому с трудом шли на образование новых графств, а также изо всех сил ограничивали представительство от каждого из них, чтобы сохранить большинство за старой секцией. В то же время, выдвинув имущественный ценз, они боролись с опасностью, которая исходила от демократического городского населения. Кроме вопросов определения пропорции количества депутатов и представительства в этой колонии также выражали недовольствие в связи с трудностями проезда к столицам графств вследствие обширных размеров внутренних графств. Доктор Линкольн дал хорошее описание борьбы глубинки, кульминацией которой стал ее триумф на конституционном конвенте 1776 г., где основную работу проделали пресвитерианские графства¹¹¹. Фактически в Пенсильвании одновременно развивались две революции: одна — восстание против классов крупных землевладельцев, проживавших на побережье, и старой господствующей квакерской партии и другая — восстание против Вели-

кобритании, которое в этой колонии стало возможным только благодаря победе внутренних районов.

В Виргинии уже в 1710 г. губернатор А. Спотсвуд жаловался на то, что старые графства оставались небольшими, в то время как новые иногда достигали 90 миль в длину, и поэтому жителям приходилось проезжать от 30 до 40 миль, чтобы добраться до властей графства. В некоторых графствах проживало до 1,7 тыс. человек, подлежащих обложению десятиной, а в других, размером с дюжину миль, — 500. Мировые суды не любили выезжать за 40–50 миль на свои ежемесячные судебные сессии. Точно так же существовали различия в размерах приходов. Например, в приходе Вэрайна в верховьях р. Джеймс обитало 500 человек, подлежащих обложению десятиной. Многие из них жили на расстоянии 50 миль от церкви. Однако приходское управление не разрешало поселившимся вдалеке прихожанам отделиться, потому что тогда бы увеличился приходский сбор с остающихся. Губернатор опасался того, что это «предоставит возможности сектантам распространять среди них свои убеждения и тем самым ослабит счастливое состояние англиканской церкви, которым эта колония наслаждается, имея меньшую долю раскольников, чем любое другое поселение Ее Величества. И если только раскол однажды прокрадется в церковь, он в скором времени образует фракции и в гражданском управлении».

Как мы уже видели, опасения А. Спотсвуда были вполне обоснованны. По мере того как увеличивалась численность сектантов во внутренних районах, росла неудовлетворенность в отношении традиционной церкви. С началом Революции Т. Джефферсон, имея поддержку внутренних районов, смог, наконец, сломать существующий порядок вещей, уничтожить систему майоратного наследования и права первородства при наследовании недвижимого имущества. Именно опираясь на эту систему, аристократия, владевшая табачными плантациями в приморских районах, прочно укрепила свое положение. Желание Джефферсона добиться постепенной отмены рабства и введения всеобщего образования — это еще одна иллюстрация позиций внутренних районов. Короче говоря, джефферсоновская демократия с ее идеей отделения церкви от государства, желанием широко распространять образование и нелюбовью к особым привилегиям находилась в Старом Доминионе под сильнейшим влиянием общества Запада.

Тем не менее реформаторское движение Виргинии было не в силах изменить положение, вызывавшее у него недовольство в том, что касалось распределения по графствам представителей в ассамблее. В 1780 г. Джефферсон указывал, что практика, позволявшая всем

графствам иметь одинаковое количество делегатов в легислатуре, привела к тому, что контроль над ней оказался в руках многочисленных мелких графств прибрежной зоны и от этого пострадали большие по численности населения графства внутренних районов. «Таким образом, — писал он, — 19 000 человек, проживающих в низовьях рек до полосы водопадов, пишут законы для более чем 30 000 человек, живущих в других частях штата, и назначают всех высших должностных лиц в исполнительной и судебной власти»¹¹². Это вызвало длительную борьбу между побережьем и внутренними районами, закончившуюся только тогда, когда рабы появились за полосой водопадов и была достигнута более тесная ассимиляция прибрежных и внутренних областей. В горных же районах, где подобная перемена не произошла, памятником этой борьбы остается независимый штат Западная Виргиния. На конвенте 1829—1830 гг. обсуждению подверглась вся философия представительства, и делегаты прибрежной зоны отстаивали свое господство как необходимость для защиты собственности от нападков численного большинства. Они опасались того, что депутаты от внутренних районов вынудят их платить налог на рабов, чтобы получить средства для проведения внутренних улучшений.

Вот как изложил обстоятельства дела Дж. Доддридж¹¹³:

Принцип состоит в том, что владельцы рабов должны, как бы малочисленны они ни были, располагать всей властью управления, чтобы обезопасить свою собственность от ненасытной жадности разросшегося большинства белых людей. Этот принцип должен осуществляться неослабно, ибо, чем слабее оказывается меньшинство, тем больше оно нуждается во власти в соответствии со своими собственными доктринами.

Представитель графства Честерфилд г-н Бенджамин Уоткинс Ли заявил¹¹⁴:

Достоин всяческого внимания этот факт, — и я упоминаю о нем как о весьма любопытном факте, — что если возникает какое-нибудь зло, будь то физическое или моральное, в каких-либо штатах к югу от нас, оно никогда не распространяется на Север и не отравляет южный бриз. Но в то же время, если какая-нибудь напасть начинается на Севере, она обязательно дойдет до Юга и раньше или позже вторгнется к нам — это и инфлюэнция, и оспа, и гессенская муха, и система выездных сессий окружного суда, и всеобщее избирательное право — все они приходят с Севера. *И они всегда пересекают полосу водопадов великих рек.* Ниже этой полосы, как представляется, на их пути препятствием возникают широкие водные просторы и их распространение прекращается.

Ничто не могло бы столь же выпукло подчеркнуть ощущение контраста между нагорной и низинной частями Виргинии и непрерывные теснейшие связи между Севером и его колониями в Долине и Пидмонте, чем это нечаянное свидетельство.

В Северной и Южной Каролинах жители Нагорного Юга, лежавшего за полосами поросших сосновыми лесами песчаных пустошей и водопадов, высказывали в отношении побережья похожие жалобы. Но поскольку зона раздела была более четко обозначена, их недовольство проявилось резче. Волна заселения глубинных районов, которая катилась по Пидмонту с севера, пересекла линии местного управления и привела в беспорядок обычный процесс расширения колонии, шедшего со стороны побережья¹¹⁵. Согласно общепринятой практике, большие графства в Северной Каролине и приходы в Южной Каролине образовывались на незанятых территориях внутренних районов, двигаясь от старых поселений, а именно — от их восточных окраин.

Но прибывшие в Пидмонт поселенцы имели свой социальный уклад. И ими оказались не в состоянии эффективно управлять ранее обосновавшиеся в колонии плантаторы, жившие вдалеке от них, на побережье. Это можно проиллюстрировать на примере положения в Южной Каролине. Верховный суд колонии в Чарлстоне взял на себя функции окружных и участковых судов, оставив в компетенции мировых судей лишь мелкие вопросы. Это не составляло каких-либо трудностей для крупных плантаторов, которые там обычно жили часть года. Но для людей, населявших внутренние районы, такое положение стало проявлением тирании. Они-то жили далеко от суда. Трудность доставки свидетелей, запоздание с осуществлением правосудия, связанные с этим издержки — все это приводило к побегам преступников, а также к полной безнаказанности безответственных должников. Продажность чиновников, их периодический сговор с конокрадами и похитителями скота, отсутствие налаженного отправления правосудия — все это довело жителей нагорной части Южной Каролины до того, что они взяли дело в свои руки. В 1764 г. ими были организованы ассоциации для суда Линча, и эти люди стали именоваться «регуляторами». В 1769 г. у р. Салуда произошло их противостояние со «сковиллитами», сторонниками правительства. Обе стороны были вооружены, но перестрелки удалось избежать. Были предприняты меры по исправлению положения, облегчившие трудности в годы, предшествовавшие Революции¹¹⁶. Однако по-прежнему сохранялись жалобы на несправедливое представительство в законодательной ассамблее¹¹⁷. Кэлхун описывал создавшиеся условия в следующих выражениях:

Внутренние районы не имели представительства в правительстве, и они не существовали политически как составная часть штата до того времени, когда уже приблизилось начало революции. И действительно, в ходе революции и до принятия нынешней конституции в 1790 г. политический вес внутренних районов едва ли ощущался в правительстве. Даже в то время, хотя они были наиболее населенной секцией, власть была в соответствии с конституцией распределена таким образом, чтобы они оставались в меньшинстве во всех правительственных департаментах.

Даже в 1794 г. лидеры внутренних районов заявляли, что $\frac{4}{5}$ населения управляется $\frac{1}{5}$ частью жителей. Трудности так и не были преодолены до 1808 г., когда с принятием поправки к конституции контроль над сенатом был отдан низинным районам, а над палатой представителей — нагорным областям, чем было обеспечено взаимное право вето¹¹⁸. Этот опыт Южной Каролины дал Дж. Кэлхуну историческое обоснование его позиции в пользу нуллификации* и политической философии, на которой была построена его теория «совпадающего большинства»¹¹⁹. Эта перестройка, однако, была осуществлена только после того, как продвижение «черного пояса» во внутренние области способствовало усвоению частями Пидмонта идеалов низинных районов штата.

Обратившись к внутренним районам Северной Каролины, мы обнаруживаем все ту же знакомую нам историю, но с более трагическим концом. Местных чиновников отбирали губернатор и назначаемый им совет. Таким образом, вся власть концентрировалась в руках официальной «клики» низинного района. Население внутренних территорий было возмущено грабительскими поборами и подушным налогом, ложившимся непропорциональной тяжестью на местных бедняков. Этот налог продолжали собирать после того, как было получено достаточно средств для уплаты того долга, ради которого он был первоначально введен. Однако продажные шерифы не внесли эти деньги в казну. Доклад 1770 г. сообщал, что в каждом графстве провинции был, по меньшей мере, один шериф, за которым числилась задолженность¹²⁰. Этот налог, который являлся чуть ли не единственным в колонии, должен был уплачиваться звонкой монетой, поскольку во внутренних районах

* Отказ в 1832 г. Южной Каролины признавать на своей территории не устраивающие штат высокий федеральный «гнусный тариф» («тариф ужасов») 1828 г. и тариф 1832 г. Нуллификация означала отказ властей штата признавать федеральный закон или применять его на своей территории. Южная Каролина угрожала выйти из состава Союза, а президент США Э. Джексон намеревался применить силу, если власти штата будут мешать работе таможенников. Компромисс был достигнут в 1833 г.

не применялась система налогового сбора сельскохозяйственной продукции, как это делалось на побережье. Звонкую монету было неизменно трудно раздобыть. И не имея металлических денег, фермер видел, как шериф, назначение которого зависело от господствующих плантаторов низинной части колонии, продает земли должников своим друзьям-спекулянтам. А еще нужно было оплатить услуги адвокатов и судебные издержки.

Короче говоря, внутренние районы чувствовали, что их эксплуатируют¹²¹ и им не к кому обращаться за помощью, ибо вся власть в легислатуре принадлежала представителям низинного региона. Попытки перевести платежи в форму бумажных денег окончились неудачей из-за противодействия губернатора, получившего указания английского правительства, и объем денег в обращении уменьшался в то самое время, когда во внутренних областях быстро увеличивалась численность населения¹²². Как и в Новой Англии в дни восстания Д. Шейса, было широко распространено сильнейшее предубеждение в отношении судебной власти и юристов. Мы должны, конечно, учитывать и то, что это движение не было свободно от присущей фронтиру антипатии к налогообложению и сдерживающим аспектам закона и порядка в целом. В 1766 и 1768 гг. во внутренних районах были проведены собрания с целью организации оппозиции. Была сформирована «ассоциация»¹²³, и ее члены поклялись не платить налогов и сборов, пока они не будут уверены, что деньги взимаются в соответствии с законом.

Регуляторы, как они себя называли, собрались осенью 1768 г. и попытались достичь соглашения об условиях урегулирования. Их было почти 4 тыс. человек. В 1770 г. толпа ворвалась в здание суда в Хилсборо. Ассамблея приняла решения о нескольких мерах, направленных на то, чтобы умиротворить внутренние районы. Однако до того, как они были введены в действие, милиция губернатора У. Трайона численностью около 1,2 тыс. человек, большей частью из низинных районов, под командованием джентри, привилегии которых стали предметом спора, столкнулась 16 мая 1771 г. у р. Аламанс-Крик с разношерстным войском регуляторов, которых было около 2 тыс. человек. Регуляторов разогнали. Многие из них были убиты и ранены. Свыше 6 тыс. повстанцев пришли в лагерь и принесли присягу верности колониальным властям. Этот бой не был, как это иногда утверждают, первой битвой Революции, потому что он не имел ничего — или почти ничего — общего с Законом о гербовом сборе*. А позже многие жители фронта, вовлеченные в эти события, отказались воевать про-

* Принят английским парламентом 22 марта 1765 г.

тив англичан из-за ненависти, которую у них возбудили к себе лидеры Революции из низинных районов, участвовавшие в бою у р. Аламанс-Крик. Внутренние области обеих Каролин стали регионом, где во время Революции соседи воевали друг с другом в междоусобных конфликтах сторонников британской короны против приверженцев независимости.

Тем не менее в том смысле, что бой у р. Аламанс-Крик был столкновением в борьбе против привилегий и за равенство политических прав и власти, он действительно стал подготовительной битвой Революции. Хотя ее и пришлось вести против многих из тех самых людей, кто позже провозглашал в Северной Каролине доктрины Революции. Необходимость признать значение внутренних районов привела к уступкам, сделанным на конвенте этого штата в 1776 г. «Из сорока четырех статей конституции тринадцать воплощают реформы, которых добивались регуляторы»¹²⁴. Однако в этот период сотни людей покинули дальние области Северной Каролины, в том числе тот самый регион, где действовали регуляторы. Они перешли через горы и поселились в Теннесси и Кентукки. Многие из них использовали формы «ассоциаций», чтобы управлять жизнью в своих общинах¹²⁵.

В вопросе о распределении числа членов ассамблеи между графствами Северная Каролина проявила то же сосредоточение власти в руках депутатов от прибрежных районов, даже после того, как население Пидмонта стало преобладающим по численности¹²⁶.

Нет нужды комментировать единообразие доказательств, приведенных для того, чтобы показать, что Старый Запад — регион внутренних районов, простиравшийся от Новой Англии до Джорджии, — имел общие основания для недовольства побережьем; что почти повсеместно он был лишен своей справедливой доли представительства; что им пренебрегали; в вопросах местного управления он подвергался угнетению на большей части своей территории. Знакомая борьба Запада против Востока, демократии против привилегированных классов проявлялась на всем протяжении полосы фронта. Это явление должно рассматриваться в своей целостности, а не как частные моменты истории отдельных штатов. Это была борьба внутренних районов против побережья.

VI. Вероятно, наибольшего внимания заслуживает такая сторона деятельности Запада в эпоху Революции (помимо уже упомянутых аспектов), как участие множества сект Старого Запада в обеспечении великого вклада Соединенных Штатов в цивилизацию, а именно: достижение полной религиозной свободы и создание светского государства со свободными церквями. Особенно велика роль революционных конституций Пенсильвании и Виргинии, которые под влиянием внутрен-

них районов обеспечили религиозную свободу. Воздействие нагорной части Северной Каролины на достижение такого же результата заслуживает особого внимания, хотя оно не было эффективным в то время¹²⁷.

VII. По мере того как в эти годы возрастала численность населения, побережье постепенно уступало требованиям внутренних районов. Это можно проиллюстрировать фактом переноса столиц из низинных областей на полосу водопадов и в Долину. Так, в 1779 г. Виргиния сделала местопребыванием правительства не Вильямсберг, а Ричмонд; столица Южной Каролины в 1790 г. переместилась из Чарлстона в Колумбию; главным городом Северной Каролины в 1791 г. стал вместо Эдентона г. Роли; Нью-Йорк перенес столицу в 1797 г. из г. Нью-Йорка в Олбани; административный центр Пенсильвании в 1799 г. переместился из Филадельфии в Ланкастер.

VIII. На демократический аспект новых конституций наряду с преобладавшей революционной философией также повлиял фронтир, а требования бумажных денег, принятия законов о приостановлении исполнения по делу и о предложении исполнения договора и ряд других требований сильнее всего звучали во внутренних районах. Именно этот регион поддержал восстание Шейса; он же (за некоторыми важными исключениями) оказал сопротивление ратификации федеральной конституции, опасаясь более сильного правительства и утраты бумажных денег.

IX. Позже внутренние районы проявили свою оппозицию побережью, оказав упорное сопротивление рабству — эта борьба велась на внутренних территориях Виргинии, Северной и Южной Каролин. Вплоть до конца 1830-х гг. оставалось совершенно неясными, а не смогут ли Виргиния и Северная Каролина найти какой-то путь к постепенной отмене рабства и работорговли? Тем же самым влиянием в значительной мере объясняется массовый уход пионеров Пидмонта в Индиану и Иллинойс в первой половине XIX в.¹²⁸

X. Вспомните также, что это были те регионы, в которых пионеры, преодолевшие горы и поселившиеся на «западных водах», захотели учредить новые штаты, свободные от власти низинных районов, владеющие своими собственными землями, имеющие право принимать решения о своей валюте и в целом самим управлять своими делами в соответствии с идеалами Старого Запада. Они также были готовы, при необходимости, к независимости от Старых Тринадцати Штатов. Под этим углом зрения мы должны изучать Вермонт, так же как Кентукки и Теннесси¹²⁹.

XI. В системе распределения земель Старого Запада появились те же прецеденты, которые получили свое развитие в земельной системе Зааллеганского Запада¹³⁰. Скваттеры Пенсильвании и обеих Каролин

повторяли свои действия на другом фронтире. Прочно вошли в практику законы о преимущественном праве на покупку освоенных земель. Революция предоставила возможность отменить права лорда Фэрфакса, лорда Гренвилла и Маккаллока на их огромные поместья, а также конфисковать земли, остававшиеся во владении собственников Пенсильвании. В Северной Каролине при получении участка в соответствии с законом о преимущественном праве, а также при наделении землями на фронтире применялась расчетная единица — 640 акров (или одна квадратная миля). Эту же единицу применила Виргиния в 1779 г. при наделении земель поселений у приграничных форпостов. В качестве «секции» участок такого же размера позже вошел как единица измерения в федеральную земельную систему. Введенное Виргинией право на приобретение участка размером 400 акров при осуществлении преимущественного права на покупку земли в районах «западных вод», а для тех, кто прибыл до 1778 г. — на 1 тыс. акров, по сути, было продолжением действия системы, уже известной на Старом Западе.

Земельное пожалование более 100 тыс. акров Р. Беверли на условии поселения им одной семьи на каждой тысяче акров, и такие же пожалования Бордену, Картеру и Льюису предшествовали получению «Огайо компани» огромных территорий. Эта Компания, в которую входили крупнейшие плантаторы Виргинии и некоторые жители фронта, в 1749 г. обратилась с просьбой о выделении ей 200 тыс. акров в верховьях р. Огайо при условии поселения там 100 семей в течение 7 лет, а после выполнения этого условия — о получении дополнительно еще 300 тыс. акров. На этих землях предполагалось поселить немцев.

В 1749 г., по распоряжению Совета Виргинии, «Лойял лэнд компани» получила право на 800 тыс. акров земли к западу и северу от южной границы этой колонии на условии покупки ею «прав» на данную территорию в течение 4-х лет. Компания распродала много участков поселенцам по цене 3 ф.ст. за 100 акров, но в конечном счете утратила свои права. В 1769 г. с заявкой на 2,5 млн акров западных земель обратилась «Миссисипи компани»; среди ее членов были Ли, Вашингтоны и другие крупные виргинские плантаторы. Подобные им земельные компании, возникавшие в Новой Англии — «Саскуэханна компани» и принадлежавшая Лаймену «Миссисипи компани», — действуя на севере, проявляли те же самые тенденции, присущие Старому Западу. «Огайо компани оф ассошиейтс», организованная в Новой Англии и основавшая г. Мариетта, поразительным образом походила на собственников поселков.

Выше были перечислены лишь наиболее заметные из большого числа компаний, появившихся в этот период. Совершенно очевидно, что они стали естественным результатом земельных спекуляций, раз-

вернувшихся на Старом Западе. Джордж Вашингтон, собиравший завяки солдат на наградные земельные пожалования на фронтире после войны с французами и индейцами, выбиравший земли в Западной Виргинии, пока он не стал контролировать более 70 тыс. акров, чтобы использовать их для спекуляции, является отличным примером этой тенденции. Он также думал о том, чтобы поселить на своих землях немцев из Пфальца. Образование «Трансильвания компани» и «Вэндэлиа компани» было естественным продолжением такой деятельности в еще более крупном масштабе¹³¹.

XII. Финальным этапом для Старого Запада, о котором я хочу лишь упомянуть в заключение, стала колонизация районов, расположенных за горами. Сущностное единство этого движения выявляется при изучении того, каким образом на Старом Западе Новой Англии происходило заселение северных частей Мэна, Нью-Гэмпшира и Вермонта, гор Адирондак, центра и запада колонии Нью-Йорк, Долины Вайоминг (когда-то организованную в виде части Литчфилда, штат Коннектикут), владений «Огайо компани» вокруг Мариетты и Западного резерва Коннектикута на берегах озера Эри, а также при рассмотрении того, как пионеры из Большой долины и южного региона Пидмонта преодолели Аллеганские горы и поселились на «западных водах». Даниэл Бун, пройдя путь от своего дома в Пенсильвании до р. Ядкин, а оттуда до Теннесси и Кентукки, был участником всего этого процесса экспансии, а позже и его продолжения до р. Миссури¹³². Социальные условия и идеалы Зааллеганского Запада формировались под мощным воздействием Старого Запада.

Важный контраст между индивидуалистическим духом колонизации с резко отрицательным отношением к контролю, проявившимся у жителей южного фронтира, и духом общинной колонизации и подчинения, к которому были склонны пионеры Новой Англии, — этот контраст оставил глубокий отпечаток на позднейшей истории Запада¹³³. Старый Запад уменьшил важность поселка как колонизационной единицы даже в Новой Англии. На Юге провалились попытки основывать поселки законным порядком, как это и произошло в Виргинии, Южной Каролине и Джорджии. Они не выдержали условий дикой местности и захажи. Однако в целом поток мигрантов с Севера следует охарактеризовать как общинный, а с Юга — индивидуальный. Разница, существовавшая между той частью Старого Запада, которая возникла в результате колонизации, двигавшейся на север, в основном на плато Новой Англии (в том числе в колонии Нью-Йорк), с одной стороны, и той частью, которую сформировала шедшая на юг колонизация Виргинской долины и Южного Пидмонта — с другой, отражена в истории Среднего Запада и Долины р. Миссисипи¹³⁴.

Примечания

¹ *Proceedings of the State Historical Society of Wisconsin for 1908*. Перепечатывается с разрешения Общества.

² Карту заселенных местностей, показывающую положение на 1660 г. и составленную Луи Мэтьюсом, см. в работе: Channing, "United States" (N.Y., 1905), p. 510; карту Альберта Кука Майерса в книге: Avery, "United States" (Cleveland, 1905), ii, после p. 398. В книге Чаннинга, ii, после p. 603, помещена карта Мэриона Ф. Лэнсинга, показывающая значительные территории в 1760 г.; эта карта составлена с довольно консервативных позиций, особенно в части, касающейся внутренних районов обеих Каролин.

Полезны карты середины XVIII в., составленные тогда же, особенно для изучения развития процесса заселения: Mitchell, "Map of the British Colonies" (1755), Evans, "Middle British Colonies" (1758); Jefferson and Frye, "Map of Virginia" (1751 and 1755).

По вопросу о географических условиях см. карты и тексты в книгах: Powell, "Physiographic Regions" (N.Y., 1896), and Willis, "Northern Appalachians" in "Physiography of the United States" (N.Y., 1896), pp. 73–82, 169–176, 196–201.

³ См.: Osgood "American Colonies" (N.Y., 1907), iii, chap. iii.

⁴ См.: Глава II выше.

⁵ Sheldon, "Deerfield" (Deerfield, Mass, 1895), i, p. 288.

⁶ Parkman, "Frontenac" (Boston, 1898), p. 390; сравните его описание с рассказом о Дирфилде в 1704 г. в книге: "Half Century of Conflict" (Boston, 1898), i, p. 55.

⁷ Hanna, "Scotch Irish" (N.Y. and London, 1902), ii, pp. 17–24.

⁸ "Half Century of Conflict," ii, pp. 214–234.

⁹ "American Husbandry" (London, 1775), i, p. 47.

¹⁰ О пределах поселений в Новой Англии в 1760 г. по сравнению с 1700 г. см. карту в книге: Channing, "United States," ii, в конце тома.

¹¹ Schafer, "Land Grants for Education," Univ. of Wis. *Bulletin* (Madison, 1902), chap. iv.

¹² О системе земельных отношений в Новой Англии см.: Osgood, "American Colonies" (N.Y., 1904), i, chap. xi; and Eggleston, "Land System of the New England Colonies," John Hopkins Univ. *Studies* (Baltimore, 1886), iv. Сравните сообщение о Виргинии примерно в 1696 г., в: "Mass. Hist. Colls." (Boston, 1835), 1st series, v, p. 129; там вы найдете благоприятную оценку поселковой системы Новой Англии и отметите вероятное влияние этой системы на виргинское законодательство, действовавшее примерно в 1700 г. См.: Глава II выше.

¹³ Amelia C. Ford, "Colonial Precedents of our National Land System," citing Massachusetts Bay, House of Rep. "Journal," 1715, pp. 5, 22, 46; Hutchinson, "History of Massachusetts Bay" (London, 1768), ii, p. 331; Holland, "Western Massachusetts" (Springfield, 1855), pp. 66, 169.

¹⁴ "Conn. Colon. Records" (Hartford, 1874), viii, p. 134.

¹⁵ Holland, "Western Massachusetts," p. 197. См. комментарии Хатчинсона в его книге "History of Massachusetts Bay," ii, pp. 331, 332. Сравните меры, предпринимавшиеся поселенцами Коннектикута в 1753 и 1755 гг., чтобы добиться земельного надела в Долине Вайоминг в Пенсильвании для «Саскуэханна компани» и замечание губернатора Коннектикута о том, что в этой колонии свободной земли нет. — "Pa. Colon. Records" (Harrisbury, 1851), v, p. 771; "Pa. Archives," 2d series, xviii, содержит важные документы с большим объемом ценной информации о системе землепользования в регионе Доли-

ны Вайоминг. См. также проекты генерала Лаймена по организации колонии Миссисипи в дельте р. Язу — все они свидетельствуют о большой потребности в землях и спекулятивном духе.

¹⁶ Сравните, как вермонтцы вели дела с англичанами и переговоры лидеров Кентукки и Теннесси с испанцами и британцами. См.: *Amer. Hist. Review*, i, p. 252, note 2, где упоминаются философия Вермонта времен Революции и ее влияние.

¹⁷ См.: H. C. Emery, "Artemas Jean Haynes" (New Haven, 1908), pp. 8—10.

¹⁸ Ballagh, in *Amer. Hist. Assoc.* "Report," 1897, p. 110.

¹⁹ "N.Y. Colon. Docs," vii, pp. 654, 795.

²⁰ Becker, in *Amer. Hist. Review*, vi, p. 261.

²¹ Becker, *loc. cit.* Карты имений в колонии Нью-Йорка см.: особенно что касается общей информации по этим пожалованиям, см. также: O'Callaghan, "Doc. Hist. of N.Y." (Albany, 1850), i, pp. 421, 774; особенно Southier, "Chorographical Map of New York"; Winsor, "America," v, p. 236. Об этих пожалованиях в целом примите во внимание также: "Doc. Hist. of N.Y.," i, pp. 249—257; "N.Y. Colon. Docs.," iv, pp. 397, 791, 874; v, pp. 459, 651, 805; vi, pp. 486, 549, 743, 876, 950; Kip, "Olden Time" (N.Y., 1872), p. 12; Scharf, "History of Westchester County" (Phila., 1886), i, p. 91; Libby, "Distribution of Vote on Ratification of Constitution" (Madison, 1894), pp. 21—25.

О районе Уолкилл, включая Нью-Палц и т. д., см.: Eager, "Outline History of Orange County, New York" (Newburgh, 1846—47); and Ruttenber and Clark, "History of Orange County" (Phila., 1881), pp. 11—20. О долине Черри-Валли и поселениях в верховьях р. Саскуэханна в колонии Нью-Йорк см.: Halsey, "Old New York Frontier," pp. 5, 119, и карты Де Витта и Сутьера в публикации: De Witt and Southier in O'Callaghan, "Doc. Hist. of N.Y.," i, pp. 421, 774.

Обратите внимание на французских гугенотов и шотландцев из Ольстера, проживавших в графстве Ориндж, а также на поселенцев шотландско-ирландского происхождения в долине Черри-Валли и их связи с Лондондерри (Нью-Гэмпшир), равно как и на визиты миссионеров из Стокбриджа (Массачусетс) в верховья Саскуэханны.

²² Lord, "Industrial Experiments" (Baltimore, 1898), p. 45; Diffenderfer, "German Exodus" (Lancaster, Pa., 1897).

²³ См.: *ниже*.

²⁴ Hening, "Va. Statutes at Large" (N.Y., 1823), ii, p. 326.

²⁵ *Ibid.*, p. 433.

²⁶ Bassett, "Writings of William Byrd" (N.Y., 1901), p. xxi.

²⁷ Hening, iii, p. 82. Подобные законы принимались в последующие годы XVII в. почти ежегодно; сравните: *loc. cit.*, pp. 98, 115, 119, 126, 164; эта система прекратила свое существование в 1722 г. — см.: Beverly, "Virginia and its Government" (London, 1722), p. 234.

Интересно сравнить с рекомендациями губернатора Г. Доджа для Территории Висконсин в 1836 — см.: Wis. Terr. House of Reps. "Journal," 1836, pp. 11 *et seq.*

²⁸ Hening, iii, pp. 204—209.

²⁹ Сравните закон 1779 г. в: "Va. Revised Code" (1819), ii, p. 357; Ranck's "Boonesborough" (Louisville, 1901).

³⁰ Bassett, "Writings of Byrd," p. xii; "Calendar of British State Papers, Am. and W. I.," 1677—80 (London, 1896), p. 168.

³¹ Bassett, *loc. cit.*, p. x, and Hening, iii, p. 304 (1705).

³² [См.: Alvord and Bidgood, "First Explorations of the Trans-Allegheny Region."]

³³ Bassett, "Writings of Byrd," pp. xvii, xviii, цитирует описание Бэрдом тропы; Logan, "Upper South Carolina" (Columbia, 1859), i, p. 167; Адэр описывает торговлю более позднего времени; cf. Bartram, "Travels" (London, 1792), *passim*, and Monette, "Mississippi Valley" (N.Y., 1846), ii, p. 13.

³⁴ Bruce, "Economic Hist. of Va." (N.Y., 1896), i, pp. 473, 475, 477.

³⁵ См. описание загонов для скота в работах: Logan, "History of Upper S.C.," i, p. 151; Bartram, "Travels," p. 308. В целом о выращивании крупного рогатого скота в Пидмонте см.: Gregg, "Old Cheraws" (N.Y., 1867), pp. 68, 108–110; Salley, "Orangeburg" (Orangeburg, 1898), pp. 219–221; Lawson, "New Voyage to Carolina" (Raleigh, 1860), p. 135; Ramsay, "South Carolina" (Charleston, 1809), i, p. 207; J.F.D. Smyth, "Tour" (London, 1784), i, p. 143, ii, pp. 78, 97; Foote, "Sketches of N.C." (N.Y., 1846), p. 77; "N.C. Colon. Records" (Raleigh, 1887), v, pp. xli, 1193, 1223; "American Husbandry" (London, 1775), i, pp. 336, 350, 384; Hening, v, pp. 176, 245.

³⁶ Spotswood, "Letters" (Richmond, 1882), i, p. 167; сравните: *Va. Magazine*, iii, pp. 120, 189.

³⁷ "N.C. Colon. Records," v, p. xli.

³⁸ Lawson, "Carolina" (Raleigh, 1860) — здесь описывается колония в начале XVIII в.; его карта воспроизводится в книге: Avery, "United States" (Cleveland, 1907), iii, p. 224.

³⁹ Удобства и неудобства каролинского региона Пидмонта в середине XVIII в. описывает Спангенберг в своем дневнике, опубликованном в: "N.C. Colon. Records," v, pp. 6, 7, 13, 14. Сравните "American Husbandry," i, pp. 220, 332, 357, 388.

⁴⁰ Spotswood, "Letters," i, p. 40.

⁴¹ О Джерманне см.: Spotswood, "Letters" (index); Fontaine's journal in A. Maury, "Huguenot Family" (1853), p. 268; Jones, "Present State of Virginia" (N.Y., 1865), p. 59; Bassett, "Writings of Byrd," p. 356; *Va. Magazine*, xiii, pp. 362, 365; vi, p. 385; xii, pp. 342, 350; xiv, p. 136.

Интерес Спотсвуда к торговле с индейцами на южной границе Виргинии проявлялся в постройке им форта Кристанна, информация о котором содержится в указанной выше литературе.

Описание современником экспедиции Спотсвуда в Долину р. Шенандоа приводится в цитируемом выше дневнике Фонтэна.

⁴² См. прекрасную статью Кемпера: С.Е. Kemper, in *Va. Magazine*, xii, on "Early Westward Movement in Virginia."

⁴³ Сравните: Phillips, "Origin and Growth of the Southern Black Belts," in *Amer. Hist. Review*, xi, p. 799.

⁴⁴ *Va. Magazine*, xiii, p. 113.

⁴⁵ "Revised Code of Virginia" (Richmond, 1819), ii, p. 339.

⁴⁶ *Mag. Amer. Hist.*, xiii, pp. 217, 230; Winsor, "Narr. and Crit. Hist. of America," v, p. 268; Kercheval, "The Valley" (Winchester, Va., 1833), pp. 67, 209; *Va. Magazine*, xiii, p. 115.

⁴⁷ "William and Mary College Quarterly" (Williamsburg, 1895), iii, p. 226. Расположение этого имения и манора Бардена см.: Jefferson and Frye, "Map of Virginia, 1751."

⁴⁸ Brown, "The Cabells" (Boston, 1895), p. 53.

⁴⁹ *Loc. cit.*, pp. 57, 66.

⁵⁰ Meade, "Old Churches" (Phila., 1861), 2 vols.; Foote, "Sketches" (Phila., 1855); Brown, "The Cabells," p. 68.

⁵¹ *Atlantic Monthly*, vol. xci, pp. 83 *et seq.*; Ford, "Writing of Thomas Jefferson" (N.Y., 1892), i, pp. xix *et seq.*

⁵² Byrd, "Dividing Line" (Richmond, 1866), pp. 85, 271.

⁵³ "N.C. Colon. Records," iii, p. xiii. Сравните: Hawks, "Hist. of North Carolina" (Fayetteville, 1859), карта округов, 1663–1729.

⁵⁴ Raper, "North Carolina" (N.Y., 1904), chap. v; W.R. Smith, "South Carolina" (N.Y., 1903), pp. 48, 57.

⁵⁵ Clewell, "Wachovia" (N.Y., 1902).

⁵⁶ Ballagh, in *Amer. Hist. Assoc. "Report,"* 1897, pp. 120, 121, цитируется Bassett, in "Law Quarterly Review," April, 1895, pp. 159–161.

⁵⁷ См. карту в книге: Hawks, "North Carolina."

⁵⁸ McCrady, "South Carolina," 1719–1776 (N.Y., 1899), pp. 149, 151; Smith, "South Carolina," p. 40; Ballagh, in Amer. Hist. Assoc. "Report," 1897, pp. 117–119; Brevard, "Digest of S.C. Laws" (Charleston, 1857), i, p. xi.

⁵⁹ McCrady, "South Carolina," pp. 121 *et seq.*; Phillips, "Transportation in the Eastern Cotton Belt" (N.Y., 1908), p. 51.

⁶⁰ Первоначально он не был включен в число этих 11 поселков. О его истории см.: Salley, "Orangeburg"; условия жизни на фронтире приблизительно в 1769 г. описываются на pp. 219 *et seq.*; см. карту напротив p. 9.

⁶¹ Gregg, "Old Cheraws," p. 44.

⁶² Ballach, *loc. cit.*, pp. 119, 120.

⁶³ Сравните описание торговцев, скотоводов и земельных спекулянтов Джорджии в период около 1773 г.: Bartram, "Travels," pp. 18, 36, 308.

⁶⁴ См.: Willis, "Northern Appalachians," in "Physiography of the U.S." in National Geog. Soc. "Monographs" (N.Y., 1895), no. 6.

⁶⁵ Diffenderfer, "German Immigration into Pennsylvania," in Pa. German Soc. "Proc.," v, p. 10; "Redemptioners" (Lancaster, Pa., 1900).

⁶⁶ A.B. Faust, "German Element in the United States."

⁶⁷ Библиографию см. в работах: Kuhns, "German and Swiss Settlements of Pennsylvania" (N.Y., 1901); Wayland, "German Element of the Shenandoah Valley" (N.Y., 1908); Channing, "United States," ii, p. 421; Griffin, "List of Works Relating to the Germans in the U.S." (Library of Congress, Wash., 1904).

⁶⁸ Для иллюстрации этого положения см. письмо в книге: Myers, "Irish Quakers" (Swarthmore, Pa., 1902), p. 70.

⁶⁹ Shepherd, "Proprietary Government in Pennsylvania" (N.Y., 1896), p. 34.

⁷⁰ Gordon, "Pennsylvania" (Phila., 1829), p. 225.

⁷¹ Shepherd, *loc. cit.*, pp. 49–51.

⁷² Ballagh, Amer. Hist. Assoc. "Report," 1897, pp. 112, 113. Сравните: Smith, "St. Clair Papers" (Cincinnati, 1882), ii, p. 101.

⁷³ Shepherd, *loc. cit.*, p. 50.

⁷⁴ Mereness, "Maryland" (N.Y., 1901), p. 77.

⁷⁵ "Calendar Va. State Papers" (Richmond, 1875), i, p. 217; об этих пожалованиях см.: Kemper, "Early Westward Movement in Virginia" in *Va. Mag.*, xii and xiii; Wayland, "German Element of the Shenandoah Valley," *William and Mary College Quarterly*, iii. Спекулянты — плантаторы и вновь прибывшие люди — вскоре начали просить о выделении им земель за Аллеганскими горами.

⁷⁶ В 1794 г. палата депутатов Виргинии приняла решение публиковать наиболее важные законы штата на немецком языке.

⁷⁷ См.: Bernheim, "German Settlements in the Carolinas" (Phila., 1872); Clewell, "Wachovia"; Allen, "German Palatines in N.C." (Raleigh, 1905).

⁷⁸ См.: Wayland, *loc. cit.*, ссылки в библиографии; и особенно: *Va. Mag.*, xi, pp. 113, 225, 370; xii, pp. 55, 134, 271; "German American Annals," N.S. iii, pp. 342, 369; iv, p. 16; Clewell, "Wachovia N.C. Colon. Records," v, pp. 1–14.

⁷⁹ Библиографию относительно шотландцев из Ольстера см. в работах: Green, "Scotch-Irish in America," Amer. Antiquarian Soc. "Proceedings," April, 1895; Hanna, "Scotch-Irish" (N.Y., 1902) — эта книга является развернутым описанием данной темы; см. также: Myers, "Irish Quakers."

⁸⁰ Fiske, "Old Virginia" (Boston, 1897), ii, p. 394. Сравните: Linehan, "The Irish Scots and the Scotch-Irish" (Concord, N.H., 1902).

- ⁸¹ См.: MacLean, "Scotch Highlanders in America" (Cleveland, 1900).
- ⁸² Hanna, "Scotch-Irish," ii, pp. 17–24.
- ⁸³ Halsey, "Old New York Frontier" (N.Y., 1901).
- ⁸⁴ MacLean, pp. 196–230.
- ⁸⁵ Слова Логана, агента Пенна, в 1724 г., см. в книге: Hanna, ii, pp. 60, 63.
- ⁸⁶ Winsor, "Mississippi Basin" (Boston, 1895), pp. 238–243.
- ⁸⁷ См.: Thwaites, "Early Western Travels" (Cleveland, 1904–06), i; Walton, "Conrad Weiser" (Phila., 1900); Heckewelder, "Narrative" (Phila., 1820).
- ⁸⁸ Christian, "Scotch-Irish Settlers in the Valley of Virginia" (Richmond, 1860).
- ⁸⁹ Теодор Рузвельт интересно описывает это общество в своей книге: "Winning of the West" (N.Y., 1889–96), i, chap. v; см. также приводимые им цитаты, особенно из работы: Doddridge, "Settlements and Indian Wars" (Wellsburgh, W.Va., 1824).
- ⁹⁰ Bassett, in Amer. Hist. Assoc. "Report," 1894, p. 145.
- ⁹¹ "N.C. Colon. Records," v, pp. xxxix, xl; cf. p. xxi.
- ⁹² *Loc. cit.*, pp. 146, 147.
- ⁹³ См. интересное описание школы преподобного Мозеса Уодделла в Южной Каролине, расположенной в верховьях р. Саванна, где в глуши занимались учащиеся, среди которых были Джон К. Кэлхун, Джордж Макдаффи, Хью Суинтон Легарэ и Джеймс Луис Петигру. Они жили в бревенчатых хижинах со своей едой или где-нибудь недалеко. На занятия их созывали к деревянному школьному зданию, грубя в рог, чтобы ученики являлись на утреннюю молитву. Затем они отправлялись группами в лес, где проходили уроки. Hunt, "Calhoun" (Phila., 1907), p. 13.
- ⁹⁴ Scharf, "Maryland" (Baltimore, 1879), ii, p. 61, and chaps. i and xviii; Kercheval, "The Valley." Western, "Documents," p. 82.
- ⁹⁵ См. например: Phillips, "Transportation in the Eastern Cotton Belt," pp. 21–53.
- ⁹⁶ Hanna, "Scotch-Irish," ii, pp. 19, 22–24.
- ⁹⁷ Cobb, "Story of the Palatines" (Wilkes-Barre, Pa., 1897), p. 300, цитируется "Penn. Colon. Records," iv, pp. 225, 345.
- ⁹⁸ "Works" (Bigelow ed.), ii, pp. 296–299.
- ⁹⁹ *Ibid.*, iii, p. 297; cf. p. 221.
- ¹⁰⁰ "Summary" (1755), ii, p. 326.
- ¹⁰¹ "European Settlements" (London, 1793), ii, p. 200 (1765); cf. Franklin, "Works" (N.Y., 1905–07), ii, p. 221, говорится о таком же результате.
- ¹⁰² Proper, "Colonial Immigration Laws," in Columbia Univ., "Studies," xii.
- ¹⁰³ Libby, "Distribution of the Vote on the Federal Constitution," Univ. of Wis. *Bulletin*, pp. 8, 9, и цитаты. Обратите внимание особенно на публикацию: "New Hampshire State Papers," x, pp. 228 *et seq.*
- ¹⁰⁴ Libby, *loc. cit.*, pp. 12–14, 46, 54–57.
- ¹⁰⁵ Farrand, in *Yale Review*, May, 1908, p. 52 и цитаты.
- ¹⁰⁶ Libby, *loc. cit.*
- ¹⁰⁷ См.: Turner, "Rise of the New West" (Amer. Nation series, N.Y., 1906), pp. 16–18.
- ¹⁰⁸ Parkman, "Pontiac" (Boston, 1851), ii, p. 352.
- ¹⁰⁹ Shepherd, "Proprietary Government in Pennsylvania," in Columbia Univ. *Studies*, vi, pp. 546 *et seq.* Сравните: Watson, "Annals," ii, p. 259; Green, "Provincial America" (Amer. Nation series, N.Y., 1905), p. 234.
- ¹¹⁰ Lincoln, "Revolutionary Movement in Pennsylvania" (Boston, 1901); McMaster and Stone, "Pennsylvania and the Federal Constitution" (Lancaster, 1888).
- ¹¹¹ "Notes on Virginia." См. составленные им таблицы распределения количества депутатов ассамблеи по графствам в: Ford, "Writings of Thomas Jefferson," iii, p. 222.

¹¹³ “Debates of the Virginia State Convention, 1829—1830” (Richmond, 1854), p. 87. В этих дебатах — горы материалов на тему о трудностях примирения политической философии Революции с защитой собственности, в том числе рабов, принадлежавшей плантаторам низинной части штата.

¹¹⁴ *Loc. cit.*, p. 407. Курсив мой.

¹¹⁵ McCrady, “South Carolina, 1719—1776,” p. 623.

¹¹⁶ Brevard, “Digest of S.C. Laws,” i, pp. xxiv, 253; McCrady, “South Carolina, 1719—1776,” p. 637; Schaper, “Sectionalism in South Carolina,” in *Amer. Hist. Assoc. “Report,”* 1900, i, pp. 334—338.

¹¹⁷ Schaper, *loc. cit.*, pp. 338, 339; Calhoun, “Works” (N.Y., 1851—59), i, p. 402; *Columbia (S.C.) Gazette*, Aug. 1, 1794; Ramsay, “South Carolina,” pp. 64—66, 195, 217; Elliot, “Debates,” iv, pp. 288, 289, 296—299, 305, 309, 312.

¹¹⁸ Schaper, *loc. cit.*, pp. 440—437 *et seq.*

¹¹⁹ Turner, “Rise of the New West,” pp. 50—52, 331; Calhoun, “Works,” i, pp. 400—405.

¹²⁰ “N.C. Colon. Records,” vii, pp. xiv—xvii.

¹²¹ См.: Bassett, “Regulators of N.C.” in *Amer. Hist. Assoc. “Report,”* 1894, pp. 141 (*bibliog.*) *et seq.*; “N.C. Colon. Records,” pp. vii—x (ценны введения Сондера); Caruthers, “David Caldwell” (Greensborough, N.C., 1842); Waddell, “Colonial Officer” (Raleigh, 1890); M. De L. Haywood, “Governor William Tryon” (Raleigh, N.C., 1903); Clewell, “Wachovia,” chap. x; W.E. Fitch, “Some Neglected History of N.C.” (N.Y., 1905); L.A. McCorkle and F. Nash, in “N.C. Booklet” (Raleigh, 1901—07), iii; Wheeler, “North Carolina,” ii, pp. 301 *et seq.*; Cutter, “Lynch Law,” chap. ii and iii.

¹²² Bassett, *loc. cit.*, p. 152.

¹²³ Wheeler, “North Carolina,” ii, pp. 301—306; “N.C. Colon. Records,” vii, pp. 251, 699.

¹²⁴ “N.C. Colon. Records,” viii, p. xix.

¹²⁵ Turner, in *Amer. Hist. Review*, i, p. 76.

¹²⁶ “N.C. Colon. Records,” vii, pp. xiv—xxiv.

¹²⁷ Weeks, “Church and State in North Carolina” (Baltimore, 1893); “N.C. Colon. Records,” x, p. 870; Curry, “Establishment and Disestablishment” (Phila., 1889); C.F. James, “Documentary History of the Struggle for Religious Liberty in Virginia» (Lynchburg, Va., 1900); Semple, “The Virginia Baptists” (Richmond, 1810); *Amer. Hist. Assoc. “Papers,”* ii, p. 21; iii, pp. 205, 213.

¹²⁸ См.: Ballagh, “Slavery in Virginia,” *Johns Hopkins Univ. “Studies,”* extra, xxiv; Bassett, “Slavery and Servitude in the Colony of North Carolina,” *Id.*, xiv, pp. 169—254; Bassett, “Slavery in the State of North Carolina,” *Id.*, xvii; Bassett, “Antislavery Leaders in North Carolina,” *Id.*, xvi; Weeks, “Southern Quakers,” *Id.*, xv, extra; Schaper, “Sectionalism in South Carolina,” *Amer. Hist. Assoc. “Report,”* 1900; Turner, “Rise of the New West,” pp. 54—56, 76—78, 80, 90, 150—152.

¹²⁹ См.: F.J. Turner, “State-Making in the West During the Revolutionary Era,” in *American Historical Review*, i, p. 70.

¹³⁰ Hening, x, p. 35; “Public Acts of N.C.,” i, pp. 204, 306; “Revised Code of Va., 1819,” ii, p. 357; Roosevelt, “Winning of the West,” i, p. 261; ii, pp. 92, 220.

¹³¹ Alden, “New Governments West of the Alleghanies” (Madison, 1897), дает оценку этим колониям. [См. более новую работу: C.W. Alvord, “The Mississippi Valley in British Politics, 1763—1774” (1917).]

¹³² Thwaites, “Daniel Boone” (N.Y., 1902); [A. Henderson, “Conquest of the Old Southwest” (N.Y., 1920); автор указывает на важную роль состоятельных жителей нагорных областей, способствовавших колонизации].

¹³³ Turner, in “*Alumni Quarterly of the University of Illinois,*” ii, 133—136.

¹³⁴ [Мне показалось, что в этой книге лучше было не предпринимать попыток рассмотрения французского или испано-американского фронтиров. Помимо работ Ф. Паркмена, в последние годы появилось множество монографий, которые проливают новый свет на положение на французском фронтире. Что касается испанского пограничья на Юго-Западе и в Калифорнии, то получено много новой информации. Профессорами Х.Ю. Болтоном, отцом Энгельгартом и другими калифорнийскими и тexasскими исследователями опубликованы работы, дающие полезные истолкования событий. В то же время труды Х.Х. Бэнкрофта остаются полезным собранием информации. Разумеется, имелись и повествования современников о событиях на Старом Западе как на французском, так и на испанском фронтирах. Формирование, подходы, основное столкновение и переплетение этих контрастных друг другу типов фронтиров заслуживают специального исследования.]

Глава IV. Средний Запад¹

Перечень американских секций по-прежнему является запутанным. Некогда «Западом» называли весь регион за Аллеганскими горами; но термин безнадежно утратил свою несомненность. Быстрота распространения заселенных территорий сломала старое словоупотребление, и до сих пор никакого другого общеупотребительного термина на замену ему не появилось. «Средний Запад» — это термин, который используют совершенно по-разному, но для целей данной статьи он будет применяться к тому региону США, который включается в доклады по итогам переписей населения под названием подрайон Северного центра, куда входят штаты Огайо, Индиана, Иллинойс, Мичиган и Висконсин (старая «Территория к северо-западу от реки Огайо»), а также братские штаты за р. Миссисипи, образовавшиеся в результате покупки Луизианы — Миссури, Айова, Миннесота, Канзас, Небраска, Северная Дакота и Южная Дакота. Это громадная территория. Если на карту данного региона наложить карту крупных стран Центральной Европы — Франции, Германии, Италии и Австро-Венгрии, то в пределах Среднего Запада еще оставалось бы свободное место. Питтсбург, Кливленд и Буффало являются его воротами в штаты Востока; Канзас-Сити, Сент-Пол и Миннеаполис, Дулут-Сьюпириор доминируют в западных частях региона; Цинциннати и Сент-Луис стоят на его южных границах; а в самой середине царит Чикаго. Эти города выполняют на Среднем Западе ту же роль, которую для Атлантического побережья играют Бостон, Нью-Йорк, Филадельфия и Балтимор.

Великие озера и р. Миссисипи вместе с ее притоками — реками Огайо и Миссури — образуют огромную водную систему, связывающую регион воедино. Это экономический и политический центр Республики. На одном его конце концентрируется популизм прерий,

на другом — капитализм, который олицетворяется Питтсбургом. Как бы ни были значительны местные различия внутри Среднего Запада, он обладает в своей физической географии, экономической и общественной жизни таким единством и взаимозависимостью, которые дают основание изучать регион как единый организм. В рамках, ограниченных пределами этой статьи, рассмотрение столь обширной территории может, однако, быть предпринято не более чем в виде наброска, когда старые и хорошо известные факты должны, насколько это возможно, быть сгруппированы так, чтобы объяснить положение этой секции в американской истории.

Несмотря на трудность этой задачи, у подобного широкого взгляда имеются определенные преимущества. Приковав свое внимание исключительно к искусственным линиям границ между штатами, мы не смогли бы ощутить многое из того, что является важным в развитии Соединенных Штатов, продвигавшимся на запад. Например, наша колониальная система не начала создаваться с испано-американской войны. США имели колониальную историю и политику с начала существования республики, но и та и другая были скрыты под фразеологией «междущтатной миграции» и «территориальной организации».

Американский народ оккупировал огромные просторы дикой местности; на пути этой миграции лежали неимоверных размеров физико-географические провинции, каждая из которых имела свои особенности и специфические условия для проведения экономических и общественных преобразований. Важность границ между штатами можно и недооценить, но если мы сконцентрируем свое внимание не на территориях отдельных штатов, а, скорее, на физико-географических провинциях, то будем в состоянии увидеть определенные факты в новом свете. И в таком случае становится ясно, что эти провинции Америки в некоторых отношениях можно сравнивать со странами Европы. Каждая имеет свою собственную историю оккупации и развития. Как-то генерал Фрэнсис А. Уокер заметил, что «процесс заселения вынуждал наш народ каждые 10 лет оккупировать территорию, равную по размерам Швейцарии, Англии, Италии и, за последнее время, Франции или Германии». Именно этот фактор огромности пространства в достижениях американской демократии пробуждает особый интерес к завоеванию и развитию Среднего Запада. Воздействие этого завоевания и развития на нынешние Соединенные Штаты имело фундаментальное значение.

В географическом смысле Средний Запад почти совпадает с провинциями Озер и прерий, однако большая часть Канзаса и Небраски, а также западная часть обеих Дакот находятся на Великих равнинах; горы Озарк занимают часть штата Миссури, а южные территории

Огайо и Индианы сливаются на Аллеганском плато. Отношение провинций Озер и прерий к остальной части США является важной составной частью значения Среднего Запада. На севере лежит подобный ему регион Канады: Великие озера находятся в центре всей восточной и более густо заселенной половины Северной Америки, и они связывают воедино народы Канады и Среднего Запада. На юге провинции доходят до равнин, примыкающих к Мексиканскому заливу, и их объединяет р. Миссисипи. В западном направлении они постепенно переходят в Великие равнины; Миссури, ее притоки и железные дороги, ведущие к Тихому океану, образуют узы единства; еще одной довольно эффективной формой контактов является взаимозависимость между крупным рогатым скотом, который разводят на Великих равнинах, и кукурузой, выращиваемой в прериях. На востоке провинция простирается до Аллеганского плато и плато Новой Англии и связывается с ними верховьями р. Огайо, а также каналом Эри. Здесь взаимодействие индустриальной деятельности и исторических фактов заселения создали тесные отношения. На каждого, кто изучает промышленные и социальные карты атласа переписи населения, произведут большое впечатление глубокие связи между большей частью экономико-статистических подрайонов США — Северо-Центрального и Северо-Атлантического. Из-за этих отношений между провинциями Средний Запад является посредником между Канадой и Соединенными Штатами, а также между концентрацией богатства и производства в Северо-Атлантических штатах и малонаселенными штатами Запада — с их рудниками, скотоводством и сельским хозяйством. Связи Среднего Запада с Югом раньше были более тесными, и скорее всего в недалеком будущем они возродятся с новой силой. Таким образом, в пределах США наши проблемы оптовой и розничной торговли между провинциями похожи на те, которые существуют между странами Старого Света.

По большей части провинции Озер и прерий некогда прошел ледник Лаврентия, оставляя за собой лёсс и другие виды каменной пыли, которые в качестве удобрений должны покупать фермеры из других, не столь счастливых секций. Аллювиальные отложения первобытных озер обогатили почвы других районов прерий. Взятые в целом, прерии превосходят по плодородию любой иной регион Америки или Европы, за исключением определенной территории около Черного моря. Эти земли называли житницей страны, но они больше чем житница. На скалистых берегах озера Верхнего скрывались месторождения медной руды, соперничать с которыми могла бы только Монтана, и залежи железной руды, обеспечивающие в настоящее время² производство 80% чугуна в Соединенных Штатах. Великие озера являются

транспортной магистралью между этими месторождениями железной руды и угольными районами Долины р. Огайо. Газ и нефть этой Долины, уголь Иллинойса, Айовы, Мичигана и восточного Канзаса, медь и цинк района р. Озарк и верхней части Долины р. Миссисипи, а также золото горной области Блэк-Хиллс — все они приносят богатства своих недр Среднему Западу.

Когда-то над огромными пространствами этой провинции произрастали тенистые первобытные американские леса. Огайо, Индиана, южный Мичиган и центральная часть Висконсина были почти целиком покрыты густой порослью благородных лиственных деревьев. Такие же леса росли почти на всей территории юга и юго-запада штата Миссури и южного Иллинойса, вдоль широких плодородных речных долин рек Миссисипи и Иллинойс. Севернее, в Мичигане, Висконсине и Миннесоте, находилась мрачная дикая местность, покрытая лесами белой сосны, перемежающимися темнохвойными лесами, которые захватили обширную зону по берегам Великих озер, пока лиственные породы не отвоевали ее обратно и, в свою очередь, не исчезли постепенно в безлесных просторах прерий. В других частях провинции посреди лесных районов возникали открытые пространства, а затем травянистый океан прерий, который разлился на запад и на северо-запад, пока не пересек линию выпадения достаточного количества осадков для ведения земледелия без ирригации и не перешел в засушливые зоны Великих равнин.

В середине XVIII в. в лесном регионе этой провинции стояли вигвамы многих племен, говоривших на языках алгонкинской группы, живших в немногочисленных деревнях по берегам рек, воевавших и торговавших между собой на этих необъятных диких просторах. Западный предел прерий и Великих равнин удерживали за собой индейцы сиу, охотившиеся на бизонов, стада которых кочевали по далеко простиравшимся степям. Эти наездники равнин, воины, плававшие по Великим озерам и р. Огайо в своих каноэ, заставили цивилизацию считаться с собой, ведь они составляли важную часть, возможно, самой свирепой туземной расы, с которой белому человеку пришлось когда-либо сразиться из-за новых земель.

Французы не вели активной войны за этот регион. Они братались с местными дикарями, торговали с ними, женились на индианках, исследовали Средний Запад, но они покинули эту глушь в основном такой же, какой ее увидели. Когда Джордж Вашингтон, которому было поручено вручить французам уведомление властей Виргинии о выселении, прибыл на то место, где сейчас находится Питтсбург, он обнаружил, что в районах Детройта и Винсенса, а также на территории Иллинойса проживало всего лишь от 6 до 7 тыс. подданных Франции, разбросанных среди индейских деревень на отдаленных озерах и ручь-

ях. В лице Вашингтона сама судьба постучала в ворота «поднимающейся империи». Франция спешно направила своих командиров и гарнизоны, призвав на помощь и индейских союзников из фортов, расположенных на Великих озерах и в верховьях Миссисипи, но все было тщетно. Не помогло и широкомасштабное восстание Понтиака* против английской оккупации. Завладев землями между р. Огайо, р. Миссисипи и Великими озерами, Англия сделала их частью провинции Квебек. Отважный Джордж Роджерс Кларк завоевал район Иллинойса, и по итогам Американской революции эта захваченная военным путем территория осталась в руках Виргинии. Однако Англия сохранила контроль над всем остальным Старым Северо-Западом. Хотя эта держава и уступила данный регион в соответствии с договором, завершившим Войну за независимость, она еще долгие годы оставалась хозяйкой индейцев и торговли мехами. Когда лорда Шелбурна упрекали в парламенте за то, что он отдал Северо-Запад Соединенным Штатам, то жаловались на то, что он облачил американцев «в теплые одежды нашего пушного промысла»; он же в свое оправдание утверждал, что торговля мехами на отданных землях не была столь прибыльной, чтобы из-за нее продолжать войну. Но английское правительство сочло, что для торговли с индейцами Северо-Запад следует оставить за собой, и оно действительно сохранило на этой территории свои форпосты, невзирая на мирный договор. Английский министр колоний Г. Дандес объяснил такую политику, заявив в 1792 г., что ее целью являлось создание индейского барьера между Канадой и Соединенными Штатами, и поэтому канадские власти поддерживали сопротивление туземцев против американских поселений за р. Огайо. Концепция Северо-Запада как индейского резервного района — это поразительное проявление неспособности Англии предвидеть будущее региона и осознать мощь американской экспансии.

Получив территории, уступленные ему Виргинией, Нью-Йорком, Массачусетсом и Коннектикутом, Старый конгресс** стал номинальным обладателем обширных государственных земельных владений и развернул деятельность на общенациональном уровне. Значение этого факта для развития власти государства вряд ли возможно переоценить. Первым результатом стал Ордонанс 1787 г., предусматривавший управление Старым Северо-Западом как территорией и принятие его частей в состав Союза в качестве отдельных штатов. Эта федеральная колониальная система гарантировала, что новые владения страны не должны будут управляться как зависимые провинции,

* Произошло в 1763 г.

** Речь идет о Втором Континентальном конгрессе (1775–1789).

но должны будут войти в федерацию как группа равноправных штатов³. Часто указывалось на важность статьи Ордонанса, запрещающей рабство. Однако, вероятно, и то, что положения о федеральной колониальной организации оказались столь же могущественными для нашего реального развития. Все значение этого аспекта данного документа можно понять только тогда, когда мы рассмотрим его постоянно проявляющееся воздействие на американскую территориальную политику и политику относительно штатов в ходе экспансии на запад до Тихого океана и политические предрассудки, которые довлеют над подходом США к проблеме управления в своих новых островных владениях. В связи с этим следует также обратить внимание на Ордонанс о земле 1785 г., так как, согласно его положениям, почти весь Средний Запад был разделен правительственными землемерами на прямоугольные участки в виде секций и тауншипов*, по линиям которых поселенец мог легко и уверенно найти свою ферму, а лесной житель — свои «сорок акров». В организации местного управления Среднего Запада эти линии сыграли важную роль.

В рамках данной статьи было бы невозможно подробно рассказать об истории оккупации Среднего Запада, но можно кратко обрисовать более широкие аспекты проблемы притока населения в регион. Группа выходцев из Массачусетса основала «Огайо компани» и оказала большое влияние на формулирование либеральных положений Ордонанса. Площадь приобретенной ими земли, оплаченной солдатскими сертификатами, превосходила размеры территории штата Род-Айленд. В 1788 г. под прикрытием Форта Хармар с защищенной от пуль баржи, высадились поселенцы, основавшие первую колонию Новой Англии в Мариетте. Вскоре после этого на территории покупки Симмса** переселенцы из Нью-Джерси организовали колонию в Цинциннати. Так, американская цивилизация перешла через р. Огайо. Французские поселения в Детройте, Индиане и Иллинойсе принадлежали другим временам и у них были собственные идеалы, но с приходом американского пионера в леса Среднего Запада там началась новая эра. Индейцы, опираясь на моральную поддержку Англии, сопротивлялись вторжению. Вспыхнула война. Завоевания Э. Уэйна в 1795 г. оттеснили индейцев на Гринвиллскую линию, извиристо проходившую через штат Огайо от места нынешнего Кливленда до Форта Рикавери в середине

* Площадь *тауншипа* составляла 36 кв. миль (около 100 кв. км). *Секция* составляла $\frac{1}{36}$ часть тауншипа (1 кв. миля или 640 акров).

** Территория размером 1 млн акров между реками Грейт Майами и Литтл Майами на юго-западе штата Огайо, перешедшая в собственность Дж.К. Симмсу согласно контракту с Континентальным конгрессом от 15 октября 1788 г.

нынешней западной границы этого штата и защитили часть территории в Индиане. В тот же период заключение договора Джея* привело к уходу англичан из их форпостов. После того как таким образом расширилось пространство, открытое для пионеров, там быстро начали возникать новые поселения. Коннектикут продал зарезервированную за ним у озера Эри землю компаниям, и в 1796 г. генерал Моузес Кливленд проложил путь к тому месту, где ныне находится город, носящий его имя. Это стало началом оккупации Западного резервного района, примерно равного по площади его материнскому штату Коннектикут. Эта колония Новой Англии на Среднем Западе до сих пор хранит на себе отпечаток своего происхождения. Поселенцы из Виргинии и Кентукки стремились получить земельные участки, которые первая должна была раздавать в награду за военную службу, и основание Чилликотте в 1796 г. создало центр для заселения этого региона со стороны Юга. Он является модифицированным продолжением зоны известняковых почв Кентукки, и, естественно, привлекал эмигрантов из «Штата мятлика»**. На историю штата Огайо наложили глубокий отпечаток процессы взаимного влияния Новой Англии, Средних колоний и колоний Юга, происходившие в пределах его границ.

К началу XIX в., когда уступка Наполеона включила в границы Соединенных Штатов огромные земельные пространства в виде покупки Луизианы за р. Миссисипи, пионеры еще только начинали проникать в леса вдоль р. Огайо и по берегам озера Эри. Но к 1810 г. правительство уничтожило права индейцев на неосвоенные земли Западного резервного района, а также на большие территории в Индиане, вдоль р. Огайо и по долине р. Уобаш, тем самым защитив огайскую дорогу от индейцев и открыв новые земли для заселения. Эмбарго разрушило торговлю Новой Англии, на ее жителей лег тяжелый груз долгов и налогов. Караваны повозок эмигрантов-янки, эти предшественники «кораблей прерий», уже начали свои рейсы через Пенсильванию на пути в Огайо. Теперь их количество значительно возросло. Жители из внутренних районов Северной Каролины массами направлялись в поселения Индианы, придавая штату отчетливый оттенок «верзил»***. За ними следовали другие южане, превосходя численностью иммигрантов с Севера, устремившихся в восточную часть Индианы.

Текумсе, доведенный до отчаяния вторжениями в его охотничьи угодья, взялся за томагавк, организовал широкий союз индейских племен и обратился за защитой к Англии. Война с индейцами слилась

* Англо-американский договор от 19 ноября 1794 г.

** «Штат мятлика» (Bluegrass State) — официальное прозвище штата Кентукки.

*** «Штат верзил» (Hoosier State) — официальное прозвище штата Индиана.

с Войной 1812 г. Поселенцы предпринимали оказавшиеся тщетными усилия, чтобы присоединить канадские земли к своей империи. В ходе дипломатических переговоров, которые последовали за Войной 1812 г., Англия еще раз попыталась превратить Старый Северо-Запад за Гринвиллской линией в постоянный индейский барьер между Канадой и Соединенными Штатами, но на эти требования американцы ответили отказом и по договорам 1818 г. индейцев оттеснили еще дальше на север. А тем временем соглашения с туземцами высвободили в южном Иллинойсе все новые земли, и пионеры раздвигали пределы старых французских поселений. Пренебрегая богатыми саваннами регионов прерий, поскольку там отсутствовали леса, они были далеко, туда не на чем было доехать, поскольку в этих саваннах можно было заниматься только пастбищным скотоводством, переселенцы уходили в районы хвойных лесов. Уже в начале 1820-х гг. их колонны клином вошли в Долину р. Иллинойс.

Основную массу этой фаланги с топорами составили выходцы с Юга. Отец А. Линкольна присоединился в 1816 г. к потоку кентуккийцев, отправившихся в леса Индианы. Молодой Авраам Линкольн, едва научившись тому, как срубить бревенчатую хижину, в 1830 г. уехал в графство Сангамон в Иллинойсе. Он — типичный представитель пионеров этого периода, но его топор вонзался глубже, чем у других лесорубов. Гипсовый слепок огромной жилистой кисти руки Линкольна, выставленный в музее г. Вашингтон*, олицетворяет навыки лесорубов фронта в те дни, когда стоявший на месте нынешнего г. Чикаго Форт Дирборн был всего лишь военным аванпостом в дикой местности. В то же самое время, когда переселенцы входили на территории хвойных лесов, другие потоки пионеров направлялись в Долину р. Миссури. Французы, разрабатывавшие залежи свинца, уже открыли доступ к юго-восточной части Долины этой реки, а горцы-южане поднялись вверх по ее течению. Но теперь вслед за ними появились плантаторы из Долины р. Огайо и верховьев р. Теннесси в поисках аллювиальных почв, работать на которых они привели бы рабов. А их продвижение транзитом через южную границу свободного штата Иллинойс вызвало в нем сожаления по поводу того, что штат лишился столь многих переселенцев.

Итак, глядя на Средний Запад как на единое целое, мы видим, что в период с 1810 по 1820 г. поселения распространялись с берегов озера Эри в виде арки, следуя по берегам р. Огайо до ее впадения в Миссисипи, а затем вверх по этой реке и по р. Миссури до центра штата. Следующее десятилетие стало характерно все возрастающим использова-

* Вероятно, имеется в виду Национальный музей американской истории.

нием пароходов; пионеры продвигались все дальше вверх по течению рек, уничтожая хвойные леса вплоть до тех мест, где начинались прерий, создавая все новые районы поселений, тяготеющие к Детройту и в юго-восточной части Мичигана. Южане уже вели добычу свинца в г. Галина в северо-западном Иллинойсе, в юго-западном Висконсине и в северо-восточной Айове. Если не считать штатов Огайо и Мичиган, то доминирующим элементом во всем этом перемещении населения на Средний Запад были южане, особенно из Кентукки, Виргинии и Северной Каролины. В своих передвижениях поселенцы все еще зависели от рек, и районы, расположенные между ними, были населены очень редко. Река Миссисипи составляла главную магистраль вывоза продукции Среднего Запада; основные поставки для региона шли через Питтсбург, но урожай поступал в Новый Орлеан. Старая Национальная дорога* строилась частями, целиком же она стала действовать слишком поздно, чтобы сделаться великой торговой артерией для всего региона Среднего Запада в этот ранний период его развития. Но она обозначила северные границы потока населения с Юга, проходя через Колумбус, Индианаполис и Вандалию.

В течение двадцатилетия, с 1830 до 1850 г., в составе населения Среднего Запада произошли огромные изменения. Открытие в 1825 г. канала Эри явилось эпохальным событием. Торговля Северо-Запада получила новые возможности ввоза и вывоза товаров; начался рост г. Буффало, а г. Нью-Йорк из рынка местного значения превратился в великий торговый центр. Но еще важнее было значение канала как пути для новых миграционных потоков.

В истории марша жителей Новой Англии с побережья особенно значимы 3 этапа: продвижение от побережья вверх по Долинам рек Коннектикут и Хусатоник в Вермонт через Массачусетс; продвижение затем из этих районов в центральные и западные части колонии Нью-Йорк; и продвижение во внутренние области Старого Северо-Запада. Второй из этих этапов занял жизнь целого поколения примерно с 1790 до 1820 г.; следующее поколение было готово к поискам новых земель, которые открыли ему, а также жителям Вермонта и другим представителям Новой Англии, в которых жил дух предприимчивости, судоходство по каналу Эри и озерам. Выходцы из Нью-Йорка и Новой Англии объединились в этом крупномасштабном потоке, хлынувшем в 1830-х гг. в зону к северу от описанных выше поселений. Вновь при-

* Первая дорога общенационального значения, пересекавшая североамериканский континент от Камберленда (Мэриленд) до Вандалии (Иллинойс). Первый участок — Камберлендская дорога — был построен в 1818 г. федеральными властями. В 1839 г. строительство прекращено. Первоначально планировалось довести этот тракт до Сент-Луиса (Миссури).

бывшие поселенцы обосновались в южных графствах Мичигана и Висконсина, северных графствах Иллинойса, части северных и центральных районов Индианы. На соседние с этими штатами территории, прибывали переселенцы похожего склада из Пенсильвании и Огайо. В Айове общий поток южан и упомянутых выше поселенцев устремился к протекавшим через лесные районы притокам р. Миссисипи в юго-восточной части штата. Ввиду отсутствия законных властей в этот ранний период они создавали скваттерские правительства и земельные ассоциации, которые можно сравнить с действиями масшасусетцев, которые в первую треть XVII в. осуществляли «скваттерство» в Долине р. Коннектикут.

Это было великое продвижение вперед, которое привело к овладению дубовыми лесами и прериями, дало жизнь городам Чикаго, Милуоки, Сент-Пол, Миннеаполис и множеству более мелких городов, и на место господства южного элемента поставило доминирование видоизменившегося пуританского населения. Железнодорожная система начала 1850-х гг. соединила р. Миссисипи с Северо-Атлантическим побережьем; Новый Орлеан уступил Нью-Йорку роль главного связующего звена со Средним Западом, и время поселений, стоявших лишь по речным берегам, сменилось эрой освоения пространств между реками. Транспортные перевозки отныне шли по железным дорогам. Изменения, происходившие в политических и социальных идеалах, были, по меньшей мере, столь же важны, как перемены в экономических связях, и, взятые вместе, эти силы создали теснейший органичный союз Новой Англии, Нью-Йорка и только что заселенного Запада. Оценивая влияние первой на Среднем Западе, нельзя ни в коем случае забывать, что нью-йоркские поселенцы сами были в основном новым поколением выходцев из Новой Англии.

Вместе с людскими потоками с Востока на Средний Запад пришли немецкие мигранты. Между 1830 и 1850 г. и в Америку прибыло более полумиллиона немцев, главным образом из Пфальца, Вюртемберга и соседних с ними областей, а в следующее десятилетие приехало еще почти миллион немцев. Большая часть из этих людей отправилась на Средний Запад, и они стали пионерами в новых областях Огайо, особенно вдоль центрального хребта, и в г. Цинциннати; они освоили также районы хвойных лесов графств Висконсина, расположенных по берегам озера Мичиган; значительное число немцев поселилось в Миссури, Иллинойсе, Индиане, Мичигане и речных поселках Айовы. В немецкой эмиграции 1830–1840-х гг. присутствовал чрезвычайно высокий процент образованных и энергичных лидеров, людей, безуспешно борющихся за достижение идеала — свободной германской нации, и они стали важной интеллектуальной силой в основанных ими общи-

нах. В целом немцы внесли консервативный и экономный сельскохозяйственный элемент в жизнь Среднего Запада. Некоторые из их общественных идеалов вошли в столкновение с пуританским элементом из Новой Англии, и результатом напряженного состязания стал компромисс. Из всех штатов наиболее глубокое влияние немцы оказали на Висконсин.

Таким образом, к концу 1850-х гг. контроль над Средним Западом перешел к жителям его северной зоны, состоявших в основном из представителей Средних штатов, Новой Англии и Германии. Выходцы с Юга, поселившиеся к северу от р. Огайо, в ряде важных аспектов отличались от южан с другого берега реки. Главным образом, они были людьми более скромного происхождения, хотя встречались и важные особы. Однако жизнь первых пионеров мало подходила для больших плантаций, да и рабство было запрещено Ордонансом. Поэтому южная зона Среднего Запада, особенно в Индиане и Иллинойсе, представляла собой промежуточную секцию между Югом и Севером. Река Миссисипи по-прежнему играла роль связующего звена, и вплоть до окончания Войны 1812 г. север и юг Долины р. Миссисипи имели, в общем и целом, одинаковую социальную организацию. Чтобы понять то, что последует дальше, мы должны представить общие моменты занятия равнин вокруг Мексиканского залива. В то время как районы поселений пересекали р. Огайо и продвигались на Северо-Запад, столь же важное значение имело распространение на Юго-Запад культуры хлопка и негритянского рабства. Ту же роль, какую Новая Англия и штат Нью-Йорк играли при завоевании Среднего Запада, можно отметить, наблюдая за действиями Виргинии, обеих Каролин и Джорджии относительно оккупации штатов Залива. Однако, как и в случае Северо-Запада, в новой природной среде в первоначальном составе народонаселения стали происходить изменения. На новых территориях Юга начал проявляться более высокий уровень энергии и инициативы, сильная заинтересованность пионера в использовании земли, на которой он оказался, и это перевело рабство с патриархальной основы на коммерческую. Та же экспансионистская тенденция, которую мы наблюдали на Северо-Западе, раскрылась в штатах Залива с воинственной остротой. У пришельцев имелась программа действий. Авраам Линкольн переехал из Кентукки в Индиану и далее в Иллинойс. В то же время Джефферсон Дэвис переселился из Кентукки в Луизиану, а оттуда в Миссисипи. Они начинали в одной местности, но каждый представлял различные потоки переселенцев в совершенно отличающихся друг от друга природных условиях. Результатом этих антагонистических потоков миграции на Запад стала борьба за обладание Долиной р. Миссисипи между жите-

лями Великих озер и прерий, с одной стороны, и обитателями, примыкавших к Заливу равнинных территорий, — с другой. Это столкновение являлось жизненно важной частью конфликта между северной и южной секциями страны. Проблемы рабства и суверенитета штатов приобрели столь большое значение в силу того, что они были тесно связаны с господством над общей для всех территорией в условиях расширяющихся пределов США. Место Среднего Запада в происхождении и разрешении великой борьбы вокруг проблемы рабства является исключительно важным.

В ранней истории Огайо, Индианы и Иллинойса уже существовала модифицированная форма рабства в рамках системы законтрактованных цветных сервентов; и усилия южных поселенцев в Индиане и Иллинойсе, направленные на то, чтобы вновь ввести этот институт, указывают на значимость прорабовладельческих элементов на Северо-Западе. Однако самым существенным ранним проявлением споров по вопросу о рабстве враждебных друг другу миграционных потоков стало соперничество, кульминацией которого являлся Миссурийский компромисс*. Историческое препятствие в виде Ордонанса, а также естественные условия предоставляли преимущества колонистам, поселившимся к северо-западу от р. Огайо и выступавшим против рабства; но, когда была преодолена р. Миссисипи, и на территориях, полученных благодаря покупке Луизианы, конкурирующие потоки заселения смешались и началась борьба. Инициатором Миссурийского компромисса в Конгрессе был представитель от Иллинойса, избиратели которого поддерживали обе стороны в требовавшем урегулирования вопросе. Миссурийский компромисс создавал для Среднего Запада *modus vivendi* до тех пор, пока Компромисс 1850 г. не предоставил в 1854 г. возможность сенатору от Иллинойса С. Дугласу вернуться к проблеме, внося законопроект «Канзас — Небраска». В своей доктрине «скваттерского суверенитета» или права территорий самим определять вопрос о рабстве в пределах собственных границ, он использовал любимую политическую идею Запада, которую еще раньше выдвинул Л. Касс из Мичигана. Дуглас противопоставил любовь Среднего Запада к местному самоуправлению, с одной стороны, и преобладающей в регионе вражде к распространению рабства — с другой. Одновременно он привлек к поддержке своей доктрины Демократическую партию, которая со времен Э. Джексона всегда заявляла о любви фронта к индиви-

* Решение Конгресса США от 1820 г., инициатором которого был Г. Клей, о приеме в состав Союза свободного штата Мэн и рабовладельческого штата Миссури. В целом, область рабовладения ограничивалась на севере 36°30' с. ш., рабство запрещалось также западнее р. Миссисипи, на территориях, отошедших к США в результате покупки Луизианы.

дуализму и народовластию. Своими доктринами «Молодой Америки» сенатор Дуглас сделал себя глашатаем экспансионистских тенденций Запада. Вследствие всего этого, опираясь на местный патриотизм своей секции, он получил важные источники массовой поддержки. Призывы Запада к Конгрессу об оказании помощи для проведения внутренних улучшений, введения протекционистских тарифов и выделения земель были проявлениями национализма. Сама по себе доктрина «скваттерского суверенитета» учитывала любовь к общенациональному союзу, создавая видимость не основанного на секционном подходе компромисса, который позволял бы новым районам Среднего Запада самим принимать решения о собственных институтах. Но в регионах, заселенных колонистами из Нью-Йорка и Новой Англии, наиболее сильны были позиции Партии фрисойлеров. В ее программу входило требование общенационального запрещения распространения рабства на новых территориях. Партия уже создала на Среднем Западе важный центр своей силы. Мощь этого фрисойлерского движения намного превзошла действительную поддержку Партии фрисойлеров во время выборов, так как это движение вынудило и вигов, и демократов выдвинуть предложения о слиянии, идя на уступки доктринам фрисойлеров. Выходцы из Новой Англии и западных районов штата Нью-Йорк — эти дети Новой Англии — очень живо и непосредственно воспринимали важность проблемы. И действительно, выступая в 1860 г. в г. Мадисон (Висконсин), У. Сьюард заявил, что Северо-Запад на самом деле простирается до подножия Аллеганских гор и что новые штаты «достигли зрелости как раз в критический момент, чтобы сплотить свободные штаты Атлантического побережья и призвать их вернуться к своим старинным принципам».

Когда началась настоящая борьба, эти силы фрисойлеров и националистические тенденции Среднего Запада оказались слишком мощными для сторонников противостоящих им доктрин. Джон Кэлхун и Роджер Тейни сформулировали проблему так логично, что регион увидел, что спор ведет не только к войне за сохранение Союза. Речь идет также о войне за обладание еще неоккупированным Западом, борьбе между Средним Западом и штатами равнин, прилегающих к Мексиканскому заливу. Экономика Среднего Запада была связана железными дорогами с Северо-Атлантическими штатами. Его институты, как и преданность идее национального единства, делали Средний Запад во всех отношениях враждебным к отделению южных штатов от Союза. Когда в 1787 г. д-р М. Катлер излагал Конгрессу пожелания «Огайо компани», он обещал учредить в Долине р. Огайо колонию, которая будет бороться за Союз. Когда конгрессмен от штата Огайо С.Ф. Винтон произносил речь в поддержку принятия Айовы в состав США, он заявил, что Средний Запад —

это великая объединяющая секция страны: «Разрушение союза, — сказал он, — губительно для них [штатов]. У них нет другой альтернативы, кроме как сопротивляться этому, где бы и как бы такие попытки ни предпринимались. <...> Массачусетс и Южная Каролина могли бы, судя по тому немногому, что я знаю, найти такую разделительную линию, которая была бы для них взаимно удовлетворительной, но, сэр, они не смогут найти такую линию, на которую сможет согласиться Запад». С наивысшей точностью вопрос поставил не кто иной, как А. Линкольн. Он самым ясным образом выразил национализм Среднего Запада, заявив: «Если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот. Я верю, что наша власть не сможет постоянно пребывать в состоянии полурабства — полусвободы».

Так и получилось, что, когда гражданская война в Канзасе переросла в Гражданскую войну в Союзе после избрания Линкольна президентом, Средний Запад, где доминировали объединившееся пуританское и немецкое население, перестал искать компромиссы и склонил чашу весов в пользу Севера. Средний Запад дал больше одной трети солдат в армию США. Имена генералов Улисса Гранта и Уильяма Шермана — это достаточное доказательство лидерства данной секции на поле боя. Имена А. Линкольна и С. Чейза показывают, что президентская, финансовая и военная власть страны находилась в руках Среднего Запада. Если бы мы приняли классификацию, созданную У. Сьюардом, то управление внешней политикой также оставалось в руках той же секции; по крайней мере, оно было у сил, доминировавших в секции. Средний Запад, ведомый У. Грантом и У. Шерманом, прорубил дорогу вдоль р. Миссисипи и поперек штатов Залива, так что в 1863 г. Линкольн мог с ликованием возглавить: «Отец всех вод» снова спокойно течет в море. Хвала за это великому Северо-Западу, и не только ему!»

В ходе нашего обзора отношения Среднего Запада к борьбе с рабством мы не стали останавливаться на важных территориях, расширивших освоенные области в десятилетие перед Гражданской войной. В эти годы не только возрастала плотность поселений в более старых частях региона, но и новые волны колонизации уходили уже в более отдаленные районы прерий. После того как в Айове индейцы уступили свои земли, пионеры дошли до западных пределов штата. Колонна первых поселенцев появилось также и в Миннесоте. Здесь более 20 млн акров земли, пригодной для обработки, появилось в результате договора, подписанного в Траверс де Сиу в 1851 г.*,

* По договору от 23 июля 1851 г. вожди племени сиу уступили правительству США все свои земли в Айове и большую часть территории в Миннесоте.

и в течение десятилетия с 1850 по 1860 г. население Миннесоты выросло на 2730,7%.

Вплоть до этого времени пояс сосновых лесов Среднего Запада — в северном Мичигане, Висконсине и Миннесоте — был территорией, где действовали люди, торговавшие с индейцами. Первоначально при английских компаниях, а затем при принадлежавшей Джону Джейкобу Астору Американской пушной компании эти торговцы в сопровождении лодочников (французов или полукровок) сторонились Великих озер и проникали в леса по рекам, где они строили свои фактории и сбывали туземцам различные товары и виски. Эти фактории были центрами разложения дикарей. Новые потребности и деморализация, возникавшие в результате торговли с индейцами, облегчали покупку земель туземцев федеральным правительством. За торговцем следовал поселенец, жаждавший стать обладателем «сорока акров» лучшей земли в сосновом бору. К началу Гражданской войны «сосновый пояс» уже начали всюду эксплуатировать. К колонистам, постоянно жившим в лесах, присоединились ирландские и канадские лесорубы, за которыми последовали скандинавы, и по рекам вместо каное торговцев теперь плотами сплавлялись бревна. Выходцы из районов сосновых лесов Мэна и Вермонта возглавили лесную промышленность, превратившись в магнатов, владевших предприятиями, которые были построены в этих лесах. Они стали миллионерами, а позже и политическими лидерами. В прериях Среднего Запада с 1820 г. приобрела важность торговля с туземцами, центром которой являлся Сент-Луис. Она влияла на равнинных индейцев так же, как на Севере торговля пушниной воздействовала на лесных индейцев. К 1840 г. политика перемещения индейцев привела к переселению большинства восточных племен на земли к западу от р. Миссисипи. Названия племен, ранее живших в Огайо и других частях Старого Северо-Запада, теперь можно было найти на карте Долины р. Канзас. Долина р. Платт принадлежала пауни и их соседям, а к северу, вдоль верховьев р. Миссури, жили сиу или дакота, кроу, шайенны и другие индейцы, знакомые с верховой ездой и охотившиеся на огромные стада бизонов, которые паслись на Великих равнинах. Открытие золота в Калифорнии и освоение земель в Орегоне в середине века сделали необходимым защитить пути, проходившие через индейские земли, по которым пионеры пересекали прерии в направлении Тихоокеанского побережья. Организация в 1854 г. штатов Канзас и Небраска стала первым шагом к изъятию этих территорий у аборигенов. Последовал период почти непрерывных столкновений с индейцами, так как дикари — хозяева безграничных прерий — инстинктивно ощущали значение появления фермеров в пределах их империи. В Миннесоте сиу воспользовались

Гражданской войной, чтобы восстать, однако в результате были уничтожены их резервации в этом штате и обширные территории оказались открытыми для заселения пионерами. Когда началось строительство железных дорог к Тихому океану, Красное Облако, проницательный вождь сиу, который в некоторых отношениях является преемником Понтиака и Текумсе, объединил крупнейшие племена Великих равнин, чтобы оказать сопротивление продвижению цивилизации. Их враждебность привела к мирным мероприятиям 1867 и 1868 гг., согласно которым сиу и их союзникам были выделены резервации, включающие основную часть территории Dakoty к западу от р. Миссури. Систематическое истребление миллионов бизонов с 1866 по 1873 г. ради их шкур уничтожило огромные стада этих животных, обитавшие на Великих равнинах и подорвало экономический фундамент жизни индейцев. После этого туземцы попали в зависимость от белых, поставлявших им съестные припасы, а Великие равнины открылись для скотоводов.

В написанном в 1872 г. предисловии для нового издания вышедшей впервые в 1847 г. книги «Орегонская тропа» Фрэнсис Паркмен написал: «Дикую кавалькаду, которая ехала рядом со мной в узкой колонне, спускаясь в ущелья Блэк-Хиллс, в раскраске и с боевыми украшениями, развевающимися военными трофеями, дикарскими вышивками, луками, стрелами, копьями и щитами — никто уже никогда больше не увидит». Прерии были готовы к последнему оккупационному натиску. Значение Закона 1862 г. о гомстедах, принятого в разгар Гражданской войны как составной части заселения Среднего Запада, не выявилось во всей своей полноте до наступления мира. Его действие началось самым активным образом одновременно со строительством нескольких железных дорог к Тихому океану в течение двух десятилетий с 1870 по 1890 г. и в связи с распродажей земель, полученных железнодорожными компаниями. Результатом стало расширение населенных территорий, имеющее эпохальное значение.

Обширная плодородная долина р. Ред-Ривер, некогда бывшая плоским дном доисторического озера, занимает территорию, где встречаются Северная Дакота и Миннесота, и до 1870 г. представляла собой почти нетронутую целину. Но в 1875 г. великая ферма Далримпл показала свои преимущества в организации выращивания пшеницы, и в регион хлынула волна желающих стать фермерами. Других поселенцев привлекла в Южную Дакоту Долина р. «Джим-Ривер»*. Железнодорожные компании «Нозерн Пасифик» и «Грейт нозерн рейл-роуд» построили ответвления в эти пшеничных районы Миннесоты

* Одно из названий р. Джеймс-Ривер (или р. Дакота).

и Дакоты, откуда они могли черпать продукты питания для своего дерзостного пути к Тихому океану. Железнодорожные компании «Чикаго, Милуоки, Сент-Пол»*, «Чикаго и Нортвэстерн рейлуэй», «Берлингтон» и другие покрыли весь регион транспортной сетью; и еще незанятые земли Среднего Запада были разобраны в ходе такой миграции населения, система и масштабы которой оказались беспрецедентными. Железнодорожные компании повсюду рассылали своих агентов и рекламную литературу, создавая «бум» вокруг «Золотого Запада»; возможность заработать экономическое и политическое состояние в этих столь быстро растущих общинах привлекла множество американцев, которых было бы невозможно соблазнить только дешевой землей. В обеих Дакотах в 1870 г. насчитывалось 14 тыс. поселенцев, а в 1890 г. — более 510 тыс. человек. Население Небраски составляло: 28 тыс. в 1860 г., 123 тыс. в 1870-м, 452 тыс. в 1880-м, и 1059 тыс. в 1890-м Канзас имел 107 тыс. жителей в 1860-м, 364 тыс. в 1870-м, 996 тыс. в 1880-м и 1427 тыс. в 1890 г. Висконсин и Нью-Йорк дали наибольший процент своих жителей в составе населения Миннесоты; Иллинойс и Огайо вместе направили, вероятно, около $\frac{1}{3}$ своих жителей в Канзас и Небраску, но в Канзасе было довольно много выходцев из Миссури и переселенцев с Юга; Висконсин, Нью-Йорк, Миннесота и Айова дали Северной Дакоте большинство ее поселенцев, а Висконсин, Айова, Иллинойс и Нью-Йорк сделали то же в отношении Южной Дакоты.

Железнодорожные и пароходные компании организовали иностранную иммиграцию в таких масштабах и так системно, как никогда раньше. Своей высшей точки она достигла в начале 1880-х гг. Немцев и скандинавов на эмигрантских поездах срочно доставляли в прерии, где они заселяли еще остававшиеся пространства в более старых штатах Среднего Запада. Перепись населения 1890 г. показала, что в Миннесоте насчитывалось 373 тыс. человек, имевших скандинавское происхождение, а из 1,5 млн выходцев из Скандинавии, проживавших на всей территории Соединенных Штатов, подавляющее большинство осело на Среднем Западе, кроме примерно 300 тыс. человек. Лиц немецкого происхождения в этом регионе насчитывалось более 4 млн из общего числа 7 млн во всей стране. В провинции в 1890 г. имелась меньшая доля лиц иностранного происхождения, чем в Северо-Атлантическом подрайоне, но эти пропорции сильно отличались от штата к штату. Самый низкий процент был в Индиане — 20,38%; далее по восходящей шли: Миссури — 24,94%; Канзас — 26,75; Огайо — 33,93; Небраска — 42,45; Айова — 43,57; Иллинойс — 49,01;

* Полное название «Chicago, Milwaukee, St. Paul and Pacific Railroad».

Мичиган — 54,58; Висконсин — 73,65; Миннесота — 75,37 и Северная Дакота — 78,87%.

Но здесь невозможно рассказать о значении всех статистических данных о поселениях в том, что касается жизни пионеров в прериях. Существовал резкий контраст с укладом первых поселенцев на Старом Северо-Западе, ибо вместо тени лесов здесь были безграничные прерии; вместо бревенчатого дома — хижина из дерна; вместо Старой Национальной дороги и канала Эри — трансконтинентальная железная дорога. Передвижения пионеров стали быстрее, они перемещались огромными массами, темп жизни небывало ускорился. Линия горизонта отдалилась. Все делалось сразу и в невероятных масштабах. Трансконтинентальные железные дороги, процветающее хозяйство, паровой плуг, жатка, молотилка, «борозда длиною в лигу», огромные скотоводческие ранчо — все это говорило о пространственном комбинировании и систематизации промышленности. Этими завоеваниями прерий порождались самые большие надежды. Оккупация западного Канзаса может проиллюстрировать движение, которое происходило также на западе Небраски, в Южной и Северной Дакотах. Фермер пытался освоиться в регионе, опираясь на старые методы организации поселения. Введенные в заблуждение дождливыми сезонами и железнодорожной рекламой, толпы безрассудно оптимистичных пришельцев расселялись в тех районах прерий, где осадков было недостаточно для успешного земледелия без применения ирригации. Засухи доводили этих людей до голода, но повторение дождливых сезонов снова возбуждало решимость захватывать западные равнины. Города, возникшие в результате экономического бума, буйно росли, как сорняки прерий; капитал Востока прилагал все усилия, чтобы иметь долю от этих рискованных прибылей; фермеры Канзаса с горячим желанием закладывали свою собственность для получения денежных средств, которые так легко им предлагали для освоения засушливых земель. К 1887 г. волна пионеров-фермеров разлилась по всем полузасушливым равнинам, дойдя до западной границы штата. Но для сил, захвативших прерии, эта попытка завоевания новой провинции оказалась безнадежной. Волна поселений истощила себя в напрасной борьбе с природными условиями Великих равнин. Американский фермер, родившийся в США, потерпел свое первое поражение; тогда упали цены на его продукцию, и он обратился за помощью к федеральному правительству.

Популистское движение в западной половине Среднего Запада — это слагаемое многих сил. В некоторых аспектах это самое последнее по времени проявление тех же сил, которые ранее породили кризис 1837 г. в более старом регионе, где пионеры истощили землю. Та эпо-

жа чрезмерной уверенности, безрассудного осуществления программ внутренних улучшений и покупки земли на деньги, взятые в долг, вызвала противодействие в момент, когда стало ясно, что будущее совсем не принималось в расчет. Однако в то время еще имелись отдаленные свободные земли, куда разорившийся пионер мог уйти. Каждый шаг продвижения на Запад отмечен потребностью увеличения денежной массы. Движение гринбекеров в Огайо и восточной части Среднего Запада породило предложения популистов всего региона р. Миссисипи об обеспеченных золотом бумажных деньгах, неограниченной чеканке серебряных монет и организации земельного банка. Усилия по обеспечению более дешевых средств передвижения также предпринимаются на каждом этапе продвижения на Запад. Когда пионер покинул реки и ему понадобилось везти свой урожай на рынок в повозке, транспортный фактор определял как прибыли первого поселенца, так и расширение территории заселения. Требования, обращенные к федеральным властям, помочь в строительстве дорог и каналов характерны для поселенцев в первой трети века. Вторая стадия освоения Запада отмечена нападками «грейнджеров» на железнодорожные тарифы и их выступлениями в пользу государственного регулирования. Требования фермерских альянсов и популистов о том, чтобы железные дороги находились в собственности правительства, являются этапом тех же усилий пионера-фермера на его последнем фронтире. Эти предложения получали все более широкую поддержку в каждом регионе Наступления на Запад. В целом популизм является проявлением старых идеалов первых поселенцев из числа урожденных американских граждан, дополнением которых стала возмужавшая готовность использовать федеральные власти для осуществления своих целей. Не было ничего неестественного в таких настроениях в секции, где земли были первоначально куплены правительством и им же отданы поселенцам, где железные дороги были построены в основном на территориях, выделенных федеральными властями, где поселения защищала армия США и где эти власти ими управляли до тех пор, пока территории не нарезались в виде штатов-прямоугольников и они не принимались в состав Союза. Поселенцы этой секции приехали из разных штатов. Многие из этих людей были солдатами в годы Гражданской войны, и в новых краях они смешались с иммигрантами-иностранцами, привыкшими к жесткому контролю правительств европейских стран.

Однако эти старые идеалы американского пионера, выраженные новым языком власти общенационального государства, не встретили согласия на Востоке. Даже на Среднем Западе в период заселения прерий происходили перемены, имевшие огромное значение.

К прериям перешла важнейшая роль в сельском хозяйстве страны, а в районах, некогда занятых фермерами-пионерами, развивалась промышленность. В течение десятилетия перед Гражданской войной Огайо и штаты к востоку от него перестали занимать первое место по производству пшеницы; эта роль перешла к Иллинойсу, Индиане и Висконсину. После 1880 г. центр выращивания пшеницы переместился через р. Миссисипи, а в 1890 г. половину всего урожая этой культуры в Соединенных Штатах производили новые поселения. Такую же миграцию претерпело производство кукурузы. В 1840 г. половину всего урожая выращивали штаты Юга, а Средний Запад — $\frac{1}{5}$ часть; к 1860 г. они поменялись местами, и к 1890 г. почти половина всей кукурузы Союза поступала из-за р. Миссисипи. Таким образом, поселенцы Старого Северо-Запада вместе со своими урожаями перебрались через эту реку, а в регионах, откуда они уехали, появились диверсифицированное сельское хозяйство и промышленность.

По мере того как по всему Среднему Западу шли эти передвижения населения и продукции, интенсивнее становилась экономическая жизнь на его восточной границе; в провинции был создан промышленный организм, обладавший неимоверной мощью, масштабом деятельности и единством. По сути, Средний Запад является сельскохозяйственным регионом, не имеющим себе равных по сочетанию пространства, разнообразия, продуктивности, где отсутствуют препятствия в виде пустынь или гор. Огромная водная система Великих озер стала транспортной магистралью мощной торговли. Канал Су-Сент-Мари, хотя и открыт для судоходства только две трети года, является путем перевозок большого объема грузов по тоннажу, чем Суэцкий канал, и почти все эти грузы перемещаются по всей системе Великих озер. Главными портами являются Дулут, Чикаго, Детройт, Кливленд и Буффало. После 1886 г. транспортная инфраструктура Великих озер подверглась революционной трансформации, чтобы обеспечить потребности торговли Востока и новых развивающихся районов Среднего Запада: удвоился тоннаж; деревянные суда были заменены стальными; парусники уступили место парходам. Были воздвигнуты огромные доки, подъемные краны и элеваторы — этот триумф инженерного искусства. Компетентный исследователь недавно заявил, что «в мире сегодня, скорее всего, нет такого места в приморской зоне, где можно было бы заложить судно за меньшую цену, чем его можно построить или приобрести в портах Великих озер».

Этот быстрый подъем торгового флота наших внутренних морей вызвал требования строительства глубоководных каналов, которые связали бы их с океанскими путями в Европу. Когда флоты Великих озер будут рассекать волны Атлантического океана, а Дулут и Чикаго

станут морскими портами, тогда транспортная инфраструктура Среднего Запада завершит свою эволюцию. Значение развития железнодорожных систем не уступает великим водным артериям. Чикаго стал величайшим железнодорожным центром мира, и нигде нет другого района похожих размеров, который мог бы сравниться с ним по оснащению его железных дорог. Здесь сходятся все силы нации. Усовершенствованные терминалы, стальные рельсы, улучшенный подвижной состав и консолидация железнодорожных систем — все это сопровождало продвижение вперед населения Среднего Запада.

Эта беспрецедентная эволюция средств сообщения является мерилом важности развития материальных сил провинции. Излишки выращенных здесь пшеницы и кукурузы восполняют их нехватку в остальных регионах Соединенных Штатах, а также в большей части Европы. Таково состояние сельского хозяйства в провинции, о которой Дж. Монро писал в 1786 г. Т. Джефферсону следующее: «Огромная часть территории ужасающе бедна, особенно та, что примыкает к озерам Мичигану и Эри, а та, что лежит по берегам рек Миссисипи и Иллинойс, состоит из обширных равнин, где, как видно, во веки веков не было и никогда впредь не будет ни единого кустика. Поэтому в округах, куда эти места входят, никогда не будет достаточного числа жителей, чтобы они получили право на членство в конфедерации».

Миннеаполис и Дулут получают яровую пшеницу из северных прерий и, переработав значительную часть ее в муку, переправляют в Буффало, города Востока и в Европу. Чикаго все еще остается великим городом «кукурузного пояса», но его мощь как мукомольного и пшеничного центра уходит от него к городам, которые взимают дань с северных прерий. Это регион озимой пшеницы, кукурузы, овса и животноводства. Канзас-Сити, Сент-Луис и Цинциннати являются городами побратимами этой зоны, доходящей до районов пастбищного скотоводства Великих равнин. Близкое соседство кукурузы и крупного рогатого скота способствовало развитию здесь мясоконсервной промышленности — огромных бизнес-систем, отгружающих из этого региона говядину и свинину для снабжения Востока и части Европы. «Система откорма», применяемая в Канзасе, Небраске и Айове, в соответствии с которой скот откармливают имеющимися излишками кукурузы, представляет собой вид многопрофильного сельского хозяйства, которое спасало эти штаты от несчастий, следующих за упадком какой-либо единственной отрасли, и стало одним из решений проблем экономической жизни зоны, расположенной между прериями и Великими равнинами. Осуществляя более диверсифицированное ведение сельского хозяйства, лучше приспособленного к различным частям штата, и применяя более продуктивные сельско-

хозяйственные культуры, Канзас добился процветания и перестал быть центром политического недовольства.

Одновременно с таким развитием аграрных интересов на Среднем Западе на севере в экономику провинции вносила свой вклад эксплуатация сосновых лесов. Центр этой деятельности переместился из Мичигана в Миннесоту, и бревна являются одним из главных видов грузов судов, плавающих по Великим озерам и доставляющих их на лесопилки по рекам, впадающим в озера. По мере того как белая сосна исчезает в результате организованной эксплуатации, оставшиеся в хвойных лесах деревья пускают на постройку фабрик в городах, раньше живших за счет деревообработки. На более плодородных землях этой зоны, на пустошах теперь селятся люди, которые ведут хозяйство среди пеньков, как когда-то делали первые пионеры.

Но самым поразительным событием в истории промышленности Среднего Запада в последние годы стало начало добычи железорудной руды на озере Верхнем. Уже в 1873 г. ею снабжалась четверть всех американских дозн. Открытие рудников на хребте Гогибик в 1884 г. и развитие шахт в Вермильоне и Месаби по соседству с озером в начале 1890-х гг. завершили переход добычи железной руды в регион озера Верхнего. В настоящее время производство чугунных чушек в США на 80% обеспечено рудой Мичигана, Миннесоты и Висконсина. Четыре пятых этой важнейшей продукции перевозится в порты на озере Эри, а остальное — на заводы Чикаго и Милуоки. Гигантская сталеплавильная и железолитейная промышленность, центры которой разместились в Питтсбурге и Кливленде, а важные филиалы — в Чикаго и Милуоки, стала результатом соседства угольных месторождений на восточных и южных границах провинции и в Пенсильвании с железной рудой севера. Несколько капитанов индустрии привели эту промышленность в систему и консолидировали ее. Паровые экскаваторы роют руду на многочисленных рудниках Месаби; опасными дорогами ее доставляют в доки и на суда, и огромные подъемные и транспортирующие устройства, построенные специально для этих целей, разгружают руду для перевозок по железным дорогам и доставки к домнам. Железорудные рудники и угольные шахты, транспортные флоты, железнодорожные системы и чугунолитейные заводы сконцентрированы в руках нескольких корпораций, главным образом «Юнайтед Стейтс стил». Мир не видел подобной консолидации капитала и столь полной систематизации экономических процессов.

Так выглядит экономика Среднего Запада столетие спустя после того, как пионеры фронта покинули деревню Питтсбург, переплыли р. Огайо и углубились в леса. В 1833 г. А. де Токвиль имел все основания воскликнуть: «В этом постепенном и непрерывном перемещении евро-

пейцев к Скалистым горам, есть что-то от чуда. Количество людей, ежедневно отправляющихся в путь по воле Господа, постоянно растет»*.

Идеалы Среднего Запада зародились в бревенчатых хижинах, поставленных среди лесов сто лет назад. И хотя горизонт первого поселенца ограничивался той просекой, которую успевал прорубить его топор, он мечтал о завоевании континента. Необъятность дикой местности разжигала его воображение. Его мысленный взор проникал далеко за пределы веющего сыростью болота у берегов Великих озер к величественным зданиям и кипящим многолюдьем могущественным городам; вместо покрытых травой прерий он видел поля золотой пшеницы; за тяжелыми буднями жизни в бревенчатом домике или дерновой хижине он мысленно представлял дом своих детей, полный комфорта и духовных ценностей, хотя, может быть, он сам до этого не доживет. Мужчины и женщины, создавшие Средний Запад, были идеалистами, и их сила воли сделала мечты реальностью. Здесь надо упомянуть и характерные черты пионеров — активность личности, изобретательность, готовность к конкурентной борьбе за плоды богатой провинции, которые ждали того, кто начнет пользоваться ими в условиях свободы и равенства возможностей. В этом соревновании первый поселенец почитал более зоркого и сильного; действовал принцип «каждый за себя».

Раннее общество на Среднем Западе не было сложным, высоко дифференцированным и организованным. Почти каждая семья была самодостаточной единицей, и свобода и равноправие процветали в эпоху фронта так, как, может быть, никогда в истории. Американская демократия вышла из леса, и судьба привела ее к материальным завоеваниям; но материализм пионера не был скучным удовлетворенным материализмом старого и неизменного общества. И уроженец США, и европейский иммигрант видели в этом свободном и конкурентном движении фронта шанс разорвать оковы социальных рангов и подняться на более высокий уровень. Первый поселенец был преисполнен страстного желания добиться для себя и своей семьи достойного места на фоне этих больших и доступных, но исчезающих возможностей. Этому обществу понадобилось столетие, чтобы адаптироваться к условиям всей провинции. Мало-помалу природа приспособила к себе пластичный образ жизни пионера. Вчера еще территория первых поселенцев, сегодня Средний Запад является пространством промышленных ресурсов и систематизации столь ги-

* Цит. по: *Токвиль А. де. Демократия в Америке* / Пер. с фр. М., 2000. С. 275. Впервые книга Токвиля «О демократии в Америке» вышла в свет в 4-х томах в Париже в 1835—1840 гг.

гантских масштабов, что Европа, встревоженная судьбой своей индустрии в конкурентной борьбе с этой новой мощью, обсуждает меры по созданию среди стран континента протекционистских альянсов. В этот регион текли великие силы современного капитализма. И воистину здесь возникли благоприятные условия для создания этих сил и были подготовлены многие знаменитые лидеры американской промышленности. Прерии, Великие равнины и Великие озера установили новые стандарты, которыми можно оценивать индустрию. Из этого общества, окруженного богатством материальных преимуществ, порождающего индивидуализм, энергичную конкуренцию, изобретательность и масштабность проектов, исходит триумф сильнейших. Капитаны индустрии поднялись и воспользовались дарами природы. В борьбе друг с другом, расширяя горизонты своих честолюбивых устремлений вслед за тем, как огромность ресурсов и просторов поля их деятельности становились все более очевидными, они были вынуждены пойти на принятие естественных условий провинции — громадной по размерам, но простой по структуре. Конкуренция переросла в консолидацию. Завершение этого процесса наиболее очевидно наблюдается на питтсбургской границе Среднего Запада. В прериях Канзаса возвышается популист, воплощение пионера прежних лет, — пытающийся приспособить нынешние условия к своим старым идеалам.

Идеалы равенства, свободы возможностей и веры в простого человека глубоко укоренились по всему Среднему Западу. Этап фронта, через который прошли все районы, оставил глубокие следы в старых и новых частях провинции. И влияние этих идеалов не замыкалось на колонистах — уроженцах США. Немцы и скандинавы, которые устремились на Средний Запад, ехали в страну с теми же надеждами и такой же верой. Мы должны помнить об этих фактах при оценке воздействия экономического преобразования провинции на ее демократию. Специфическая демократия фронта ушла вместе с условиями, которые ее породили; но сохраняются демократические устремления. Их придерживаются со страстной решимостью.

Задачей Среднего Запада является приспособить демократию к огромной экономической организации сегодняшнего дня. Этот регион, которому так часто приходилось напоминать, что величина не означает величие, еще может доказать, что его обучение создало ту силу, которая способна примирить народное управление и культуру с гигантским индустриальным обществом современного мира. Демократии прошлого были небольшими общинами, существовавшими в простых и примитивных экономических условиях. В конечном счете проблема состоит в том, как примирить истинное величие с величиной.

Важно, чтобы этого добился Средний Запад; здесь лежит будущее Республики. Он доминирует в политике; это иллюстрирует тот факт, что 6 из 7 президентов страны, избранных после 1860 г., вышли из этого региона. На Среднем Западе живут 26 млн человек по сравнению с 21 млн в Новой Англии и Средних штатах, вместе взятых, и Средний Запад располагает неограниченными возможностями роста. Действенность системы образования здесь демократичнее, чем на Востоке; на Среднем Западе вдвое больше учащихся (если мы сложим их число в начальных и средних школах и колледжах), чем в Новой Англии и Средних штатах, вместе взятых. Эта система в целом также ничем не хуже, чем в штатах Востока. Университеты штатов венчают систему муниципальных школ в каждом штате Среднего Запада, и они равноценны университетам Атлантического побережья. В то же время щедрость частных лиц создала другие учебные заведения в несравнимых ни с чем масштабах. Общественные и частные художественные коллекции Питтсбурга, Чикаго, Сент-Пола и других городов соревнуются на равных с собраниями Атлантического побережья. «Всемирные выставки», оказывающие столь важное общенародное образовательное влияние, проводились в Чикаго, Омахе и Буффало; следующий из этих общенациональных форумов будет организован в Сент-Луисе. Бодрость и умственная активность, бурлящие на всем Среднем Западе среди его простых людей, являются хорошим предзнаменованием для будущего этого региона. Если задачи приспособления провинции Великих озер и Великих равнин к целям цивилизации должны будут на какое-то время возобладать над искусством и литературой, то это не было бы удивительным. Но если идеалы пионеров переживут потоп материального успеха, то мы можем надеяться увидеть на Среднем Западе появление высокоинтеллектуального общества, в котором культура будет жить в согласии с Демократией с большой буквы.

Примечания

¹ С благодарностью журналу *International Monthly*, December, 1901.

² 1901 г.

³ См.: Turner F.J. "Western State-Making in the Revolutionfry Era," in *Am. Historical Review*, i, pp. 70 *et seq.*

Глава V. Место Долины реки Огайо в американской истории¹

В своем замечательном эссе профессор Дж. Ройс уделил большое внимание благотворному влиянию высокоорганизованной жизни в провинциях на противодействие определенным отрицательным последствиям чрезвычайно активного развития национализма в наши дни. Он перечисляет эти отрицательные последствия. Во-первых, частые смены места проживания, вследствие чего перед общиной возникает опасность утраты тесно сплоченной организации повседневной жизни. Во-вторых, тенденция к ограничению разнообразия в рамках национальной цивилизации, ассимилирование всех и всего в один общепринятый тип, что препятствует развитию индивидуальности и порождает «безжалостный механизм — огромный, иррациональный». В-третьих, отрицательные последствия, возникающие из того факта, что ныне проявляется тенденция к тому, чтобы волны эмоций и страсти толпы захлестывали всю страну.

В противодействие этим резким выбросам чувств национализма профессор Ройс желал бы выстроить плотины в форме провинциализма, сопротивления отдельных секций, каждая из которых располагает собственными традициями, верованиями и устремлениями. «Наши проявления общенационального единства разрослись до столь огромных размеров, наши силы социальной консолидации стали столь преобладающими, а возникающие в результате проблемы, конфликты, зло до такой степени усилились», — говорил он, что мы должны искать в провинциях новые силы, пользу и красоту американской жизни.

Что бы мы ни могли подумать о призыве этого философа к возрождению секционализма на более высоком уровне с целью остановить тенденции к мертвенному единообразию национальной консолидации (а для меня этот призыв, с теми оговорками, которые он делает,

кажется вполне оправданным в нынешних обстоятельствах), в любом случае совершенно верно то, что в истории Соединенных Штатов секционализм занимает такое место, которое не получило у историков должного признания.

Под секционализмом я не имею в виду борьбу Севера и Юга, кульминацией которой явилась Гражданская война. Такая его крайняя и трагическая форма действительно почти монополизировала внимание историков и, несомненно, стала самым поразительным и болезненным примером этого феномена в нашей истории. Но есть и более старые, и, возможно, в долгосрочном плане выдержавшие испытание временем примеры игры секционных сил, чем борьба из-за рабства (а помимо Севера и Юга существуют и другие секции).

И действительно, Соединенные Штаты по своим размерам и природным ресурсам являются империей, скорее собранием потенциально разных стран, чем единым государством. По площади США сравнимы с Европой. Если калифорнийское побережье поместить у берегов Испании, то город Чарлстон в Южной Каролине оказался бы рядом с Константинополем; северные берега озера Верхнего соприкасались бы с Балтийским морем, а Новый Орлеан находился бы в Южной Италии. В пределах этой огромной империи имеются географические провинции, совершенно отличные друг от друга по физическим условиям, в которые вливались силы американской колонизации, и в каждой из которых возникало общество со своими специфическими особенностями, с собственной экономической, политической и общественной жизнью. В каждой из этих провинций или секций вырастали свои лидеры, которые выражали потребности своей секции на общенациональной арене, соревновались с представителями других секций и договаривались с ними о компромиссах по вопросам федерального законодательства и политики, почти так же, как послы различных стран на общеевропейском конгрессе могли бы заключать договоры.

Между этими секциями возникли торговые отношения. Экономические союзы или борьба могут быть прослежены исследователем, который взглянул бы не на поверхность явлений нашей общенациональной жизни, а на действительно существующие группировки штатов, исходя из голосований в Конгрессе по вопросам тарифов, внутренних улучшений, денег и банков, а также разнообразного законодательства в сфере торговли. Жизнь американской индустрии является результатом союзов и борьбы групп штатов в секциях. Интеллектуальная, духовная жизнь нации есть итог взаимодействия идеалов, фундаментальных исходных положений и эмоций секций.

Короче говоря, истинно федеральный аспект страны, если мы пойдем дальше конституционных норм к более глубинным течениям

социальной, экономической и политической жизни, скорее обнаруживается в отношениях между секциями и страной в целом, чем между штатами и страной. Недавно бывший госсекретарь США И. Рут* подчеркивал опасность того, что штаты, пренебрегая выполнением своих обязанностей, могут прийти в упадок в то время, как федеральное правительство сосредоточит у себя их прежние полномочия. Но если бы штаты полностью исчезли как эффективный фактор нашей общенациональной жизни, секции, по моему мнению, могли бы только выиграть от этого, обретя ту силу и активность, которые подтвердили бы действительные ограничения процесса превращения в нацию.

Я не стану сейчас углубляться в рассуждения на эту интересную тему, а лишь упомяну как свидетельства развития секционализма различные собрания бизнесменов, деятельность религиозных деноминаций и образовательных организаций по группам штатов. Среди признаков роста здорового провинциализма есть и такой, как появление секционных исторических обществ. Наряду с тем, что происходило энергичное развитие Американской исторической ассоциации, превращающейся в настоящее объединение исследователей истории из всех частей страны, в различных секциях также возникли общества по изучению конкретной истории групп штатов. Отчасти это объясняется большими расстояниями, затрудняющими в настоящее время участие в заседаниях этой общенациональной организации. Однако поистине близоруким был бы тот, кто не уловил бы в факте формирования Исторической ассоциации Тихоокеанского побережья, Исторической ассоциации Долины реки Миссисипи и Исторической ассоциации Долины реки Огайо, — если взять только несколько примеров, — истинные и спонтанные проявления самосознания секций.

Эти ассоциации во многом возникают из признания в каждой из них своего общего прошлого, общего опыта, традиций, институтов и идеалов. В настоящее время нет необходимости поднимать вопрос о том, основываются ли все эти ассоциации на действительной общности интереса к истории, есть ли пересекающиеся области, не могут ли сложиться новые союзы? По крайней мере, они представляют собой существенные попытки найти общесекционное единство, и за этим их интересом к прошлому секции наверняка последуют все возрастающие тенденции повышения интереса к идеям и политике, общим для всех секций. Я не имею в виду каких-либо пророчеств о неких разрушительных тенденциях в жизни Америки из-за возобновления секционного са-

* Илайхью (Илай) Рут был военным министром (1899—1904) и госсекретарем США (1905—1909).

мосознания; но я утверждаю, что она обогатится и станет безопаснее благодаря развитию большего разнообразия интересов, целей и идеалов. И, как представляется, это самосознание возникает в настоящее время. Некая доля сосредоточенности на местных вопросах кажется необходимой, для того чтобы жизнь отличалась здоровьем, интеллектуальностью и высокой моралью. Распространение социальных сил по слишком большим пространствам приводит к монотонности и стагнации.

Позвольте теперь обратиться к вопросу о том, в каких пределах Долина р. Огайо играла собственную роль в строительстве нации. Я не настолько безрассуден, чтобы пытаться изложить историю Долины в ограниченных рамках моего выступления. Я также не уверен и в том, что в состоянии даже отобрать наиболее важные аспекты ее истории в общей жизни нашей страны. Но я попробую поставить проблему, истолковать некоторые известные факты под особым углом зрения в надежде возбудить интерес к теме среди многочисленных исследователей, профессионально изучающим историю в данной секции.

С точки зрения физической географии эта секция состоит из провинции Аллеганского плато и южной части прерий. Здесь имеются богатые месторождения полезных ископаемых, изменившие жизнь как самой секции, так и всей страны. Хотя вы учитываете с точки зрения членства в вашей ассоциации только те штаты, которые граничат с р. Огайо, отдельные части этих штатов, исходя из их общественного происхождения, более тесно связаны с Северо-Западом на равнинах у Великих озер, чем с Долиной р. Огайо. С другой стороны, Долина р. Теннесси, хотя она уходит далеко в сторону Нижнего Юга, а с р. Огайо соприкасается только в конце течения р. Теннесси, на протяжении значительного периода истории региона была неотъемлемой частью его общества. Обе эти реки образовывали «западный мир» пионеров Революционной эры и «западные воды» жителей лесной глуши.

Но в конечном счете единство секции и ее место в истории были определены «Прекрасной рекой», как ее называли французские исследователи — Огайо, которая несет свои воды более чем тысячу миль, являясь великой транспортной магистралью на Запад, исторической торговой артерией, прорезавшей клином в направлении Долины р. Миссисипи, территории между могущественными конфедерациями индейских племен и владениями враждебных европейских государств. Это дом для шести мощных штатов, расположившихся ныне в сердце страны, богатых материальным достатком и еще более богатых американской демократией; общество, удерживающее позиции в центре, между промышленными секциями Атлантического побережья, с одной стороны, и равнинами и прериями сельскохозяйствен-

ного Запада — с другой; между обществом, которое сформировалось позже на равнинах вокруг Великих озер, и обществом, возникшим на Нижнем Юге на равнинах, расположенных у побережья Мексиканского залива. Аллеганы ограничивают ее на востоке, а р. Миссисипи — на западе. У рукава великой реки лежит Питтсбург, исторические ворота на Запад, а сейчас — символ и воплощение века стали, олицетворение современной индустриальности. Вблизи от западных границ секции находится Сент-Луис, устремленный взором к прериям, Великим равнинам и Скалистым горам, — землям, куда покати-лась волна нынешней колонизации.

Между этими старыми городами, за нынешние места расположе-ния которых спорили европейские страны, находятся города, чей рост замечательно символизирует Долину р. Огайо, а именно: Цинцин-нати, историческая королева реки; Луисвилл, часовой водопад; го-рода «Старой Национальной дороги» — Колумбус и Индианаполис; города земля, поросших мятликом, из-за которых пионеры рвались в Кентукки; и города этого молодого содружества, которые р. Огайо силой своего притяжения оторвала от чуждого им по духу контроля со стороны Старого Доминиона и присоединила к той социальной секции, где им и было место.

По всему этому Долина р. Огайо — это не только коммерческая магистраль, это Срединное королевство между Востоком и Западом, между северным районом, занятым Большой Новой Англией и эмигрантами из Северной Европы, с одной стороны, и территорией Юга, именуемой «королевство хлопка» — с другой. Так же как в ранний период нашей истории Пенсильвания и Нью-Йорк составляли Срединный регион между Новой Англией и прибрежным Югом, так и Долина р. Огайо заняла ту же позицию позднее. Ключ к пониманию ее места в американской истории заключен в роли магистрали и Срединного региона.

С самого начала Долина представлялась путем миграционных потоков и родиной своей собственной культуры. Американская археология и этнология слишком молоды, чтобы мы могли с уверенностью говорить о происхождении и первом этапе расселения аборигенов, однако по меньшей мере ясно то, что р. Огайо играла важную роль в передвижениях древних жителей Америки и что курганы Долины указывают на особый, промежуточный тип развития, сложившийся у племен, обитавших на территории между охотниками Севера и строителями пуэбло на Юге. Это смутное, но тем не менее захватывающе интересное введение в историю Огайо предоставит широкие возможности будущим исследователям взаимосвязей между географией и населением внести вклад в нашу историю.

Первооткрыватели-французы видели реку, но не сумели оценить ее значение как стратегического направления в завоевании Запада. Заблудившись в водных лабиринтах необъятных внутренних районов континента, горевшие страстным желанием достичь «Западного моря», французские торговцы мехами и исследователи прокладывали свой путь через леса Севера и равнины Юга, шли от реки к озеру, от озера к реке, пока не натолкнулись на горы, расположенные на Западе. Однако, пробиваясь к верховьям р. Миссури и испанским отдаленным поселениям в районе Санта-Фе, они упустили возможность удержать в своих руках Долину р. Огайо. Франция не успела заселить ее, и протяженная и редкая линия французских фортов, разбросанных на Западе от Канады до Луизианы, подверглась удару в центре со стороны надвигавшейся по берегам р. Огайо колонны жителей отдаленных внутренних районов британской колонии. Ф. Паркмен, на золотых страницах книги которого написана эпическая история американской дикой местности, своим героем сделал первопроходца-француза. Может быть, потому что сам он родился в Новой Англии, историк упустил великую возможность и не описал формирование и продвижение общества этих колонистов из глубинки, которое в конечном счете стерло следы французской власти над внутренними территориями североамериканского континента.

При рассмотрении общенациональных аспектов истории Долины р. Огайо важно, что посланцем английской цивилизации, который доставил французам приказ уйти из Долины и прилегающих районов и солдаты которого дали первый ружейный залп близ рукавов этой реки, что стало началом исторического конфликта мирового значения, после которого Новая Франция в Америке была обречена, являлся Дж. Вашингтон, первый американец, ставший общенациональным президентом США. Отец своей страны был пророком Долины р. Огайо.

Следующая сцена этой драмы открылась с приходом в эти земли поселенцев из внутренних районов, людей, которые начали формирование общества Долины. Я хотел бы рассмотреть воздействие данного процесса на страну. И, прежде всего, посмотрим на происхождение этих колонистов.

Долина р. Огайо заселялась большей частью (хотя и с некоторыми исключениями, особенно в Огайо) пришельцами из Нагорного Юга, и это длительное время определяло их влияние на общенациональные дела. Так же как Долина в целом была продолжением Нагорного Юга, так и Нагорный Юг являлся, если использовать широкие категории, продолжением старого Среднего региона, в основном Пенсильвании. Общество пионеров — англичан, шотландцев из Ольстера, нем-

цев и людей других национальностей, сформировавшееся в начале XVIII в. в пенсильванской Большой долине и в ее боковых ответвлениях, — стало родоначальником общества жителей американской глубинки. В период от 1730 г. и до Революции одна за другой волны пионеров шли вверх по Долине р. Шенандоа, заняли Пидмонт или нагорные части Виргинии и обеих Каролин, принимая в свои ряды пополнение из подобных им колонистов, переселявшихся на Старый Запад с востока, т. е. непосредственно с побережья.

Таким образом, к середине XVIII в. в Америке была создана новая секция, некий полуостров, выдвинутый от Пенсильвании между порогами рек Юго-Атлантических колоний, с одной стороны, и Аллеганскими горами — с другой. Население этой секции представляло собой смешение национальностей и религий. Менее английская, чем колониальное побережье, она была построена на основе религиозных чувств, отличавшихся от тех, которые существовали в пуританской Новой Англии и на побережье Юга, где господствовали консервативные англикане. Шотландско-ирландские пресвитериане, свято верившие в Ветхий Завет, немецкие сектанты с их глубокой преданностью той или другой из мириада сект, но в то же время очень отзывчивые к призывам религиозного духа, а также английские квакеры — все они внесли вклад в создание обстановки эмоциональной отзывчивости к религии и готовности к поискам нового неба и новой земли и в политике, и в религии. Несмотря на то что жители глубинки оказывали влияние на замедление развития религиозной организации, общество нагорных районов являлось плодородным полем деятельности таких демократических и взывающих к эмоциям сект, как баптисты, методисты, а позже последователи Кемпбелла* и пресвитериане. Джеймс Брайс очень удачно охарактеризовал Юг как регион «высокой религиозной заряженности», но такое определение особенно подходит к Нагорному Югу и к его колониям в Долине р. Огайо. Нет необходимости утверждать, что этот религиозный дух привел к поведению, обычно ассоциирующемуся с религиозной жизнью пуритан. Я лишь хочу отметить отзывчивость Нагорного Юга к эмоциональным, религиозным и политическим призывам.

Помимо разнообразия национального состава и многообразия религиозных сект, этот регион был исключительно демократичным и индивидуалистичным. Здесь верили, что управление основывается на ог-

* Вероятно, речь идет об Александре Кемпбелле (1788–1866) — американском религиозном деятеле, одном из первых лидеров Второго Великого пробуждения. Вместе с отцом — пресвитерианским священником Томасом Кемпбеллом (1763–1854) начал религиозно-реформаторское движение на фронтире, превратившееся позднее в Движение Кемпбелла — Стоуна (Движение за реставрацию).

раниченном контракте, составляемом для блага индивида, и действовали независимо от правительственных органов и сдержек с такой легкостью, что во многих районах это являлось обыкновенной общественной процедурой. Добровольное сотрудничество было для колонистов южных нагорий более естественным, чем обращение к правительственному механизму, особенно тогда, когда власти не помогали их деловым и общественным тенденциям и пожеланиям, а, скорее, мешали. Это было по своей природе радикальное общество. Более того, это была сельская секция, населенная не плантаторами или купцами, а мелкими фермерами, которые сами строили себе бревенчатые хижины в диком лесу, получали невысокий урожай, держали немного скота для семейного потребления. И именно такие люди начали приходить в Долину р. Огайо, когда Даниэл Бун и первые поселенцы, связанные с его именем, пошли по «Тропе диких мест»* от Нагорного Юга до Земли мятлика посреди холмов Кентукки на р. Огайо. В первые годы Войны за независимость эти пионеры уходили на территории, расположенные западнее Пенсильвании и Западной Виргинии. Эта колонизация Долины открывает главу в американской истории.

Освоение этих земель внесло новый элемент в наше национальное развитие и создало новые национальные проблемы. Прибрежному Югу понадобилось затратить много времени, чтобы ассимилировать нагорную секцию. Мы не можем считать Юг единым целым на протяжении большей части его истории до Гражданской войны, если только мы не совершаем насилия над фактами. Борьба между населением упомянутой секции и прибрежной зоны заняла значительный период внутренней истории «Старого Юга». Тем не менее, по мере распространения с побережья в западном направлении рабства и районов возделывания хлопка, Нагорный Юг постепенно сливался с Востоком. С другой стороны, дети этой южной области, поставив между Востоком и собой стену в виде Аллеганских гор, тем самым дали новую жизнь условиям и идеалам, утраченным в их прежнем доме. И это еще не все. За горами новые условия и проблемы породили новые честолюбивые устремления и социальные идеалы. Вступление этих людей в «западный мир» стало для них стимулом. Переход через горы зажег их кровь новым огнем — огнем военной экспансии, созидательной социальной энергии, торжествующей демократии. К американской нации добавилась новая секция, новый элемент вошел в объединение, которое мы именуем США. Духу Америки был придан новый оттенок.

* Основная дорога на запад с 1775 г. вплоть до 1840 г., по которой переселенцы из восточной Виргинии направлялись к р. Кентукки и в Долину р. Огайо. Также называлась «Дорогой диких мест» и «Тропой Буна».

Теперь мы можем кратко изложить некоторые результаты. Прежде всего рассмотрим последствия для страны в целом, для ее экспансии и дипломатии, освоение людьми этого нового социального типа территории в Долине р. Огайо. Почти с самого начала Долина создала проблему для продвижения в западном направлении. Она являлась клином, вонзенным во владения, где находилась Долина р. Миссисипи. Хотя и с колебаниями, первоначально колонии Востока, а потом штаты Востока оказались вынуждены присоединиться к борьбе сначала за овладение р. Огайо, затем за ее удержание и, наконец, за то, чтобы силой добиться воплощения в жизнь своего требования господства над всей Долиной р. Миссисипи и бассейном Великих озер как путей сбыта своей сельскохозяйственной продукции и защиты собственных поселений. Пионеры Долины р. Огайо сыграли роль летучего отряда нации, посланного преодолеть горы и создать передовые позиции на территории между враждебно относившимися к американцам индейскими племенами и англичанами на севере и столь же враждебными туземцами и испанцами — на юге. Эта роль представляет собой слишком обширную тему, чтобы я был в состоянии сделать что-либо больше, чем просто упомянуть о ней.

Здесь, в историческом Кентукки, в штате, который был домом Джорджа Роджерса Кларка, нет необходимости подробно говорить о ясности его видения и храбрости, с которой этот человек принес американское оружие на Северо-Запад. С самого начала Дж. Вашингтон понял значение Долины р. Огайо как «поднимающейся империи», население и торговля которой были жизненно важны для страны, но естественные выходы которой вниз по течению р. Миссисипи были блокированы испанцами, и над которой нависла угроза быть отнятой у слабой конфедерации. Интриги, предпринимавшиеся Англией с целью привлечь Долину к себе; происки Испании, направленные на то, чтобы присоединить этот район к Испанской империи; использование упомянутыми соперниками индейцев; усилия Франции по использованию первых поселенцев Кентукки в завоевании Нового Орлеана и всей Долины от Аллеганских до Скалистых гор для возрожденной Французской империи в Америке — все это захватывающие главы американской истории, равно как и истории Долины р. Огайо. Такое ее положение многое объясняет в войнах с индейцами, отношениях с иностранными государствами, а также косвенно и во внутренней политике США периода от Революции до покупки Луизианы. Действительно, эта покупка была в большей мере предпринята благодаря давлению поселенцев Долины р. Огайо для получения этого необходимого выхода к морю. Долина заставила страну перейти от узких колониальных подходов к осознанию своего

равноправия с другими государствами, имея достаточный физический базис для будущего роста.

В этом развитии внешней политики в связи с Долиной р. Огайо мы обнаруживаем зародыш доктрины Монро и начало очевидной независимости Соединенных Штатов от системы государств Старого Света, фактическое начало становления США как великой державы. Этот экспансионистский импульс продолжился с Войной 1812 г., в значительной степени являвшейся результатом агрессивного руководства группы людей из Кентукки и Теннесси и особенно дерзких и возвышенных требований Генри Клея, который уже на этой ранней стадии выражал дух Долины. То, что в ходе этой Войны Уильям Генри Гаррисон и кентуккийские войска осуществили реальное завоевание Северо-западной провинции, а Эндрю Джексон со своими солдатами из Теннесси захватил равнины у Мексиканского залива, само по себе является убедительнейшим доказательством той роли, которую в экспансии США играла секция, сформировавшаяся на р. Огайо и ее притоках. И это не стало окончанием процесса, так как аннексия Техаса и побережья Тихого океана стала в самом реальном смысле последствием той же самой экспансии.

Долина р. Огайо вела нас по пути строительства более крупной нации. В то же время она была полем, где формировался важный вклад Соединенных Штатов в политические институты. Я имею в виду то, что Джордж Бэнкрофт правильно назвал «федеральной колониальной системой», т. е. нашей системой территорий и новых штатов. Приписывать ее создание Ордонансу 1787 г. и руководству Новой Англии — ошибка. В большой мере это дело рук общин Долины, выработавших основные жизненно важные элементы указанной системы для себя и проявлением своей позиции заставивших всю страну также принять эту систему. Великий Ордонанс только усовершенствовал ее².

Будучи убежденными, что все люди, приходящие на свободные земли, имеют право образовывать собственные политические институты, солдаты западных частей Виргинии и Пенсильвании, а также Кентукки и Теннесси во время Революции протестовали против правления властей, находившихся к востоку от гор, и мужественно утвердили свое право на самоуправление. Но важным является то, что при этом они одновременно обращались с петициями к Конгрессу США с просьбой принять их в братскую семью штатов. Даже тогда, когда их лидеры, такие как Джеймс Уилкинсон, пытались побудить Кентукки действовать подобно независимому государству, национальный дух народа, как единого целого, вел этих людей к тому, чтобы откладывать подобные действия, пока, наконец, они не стали штатом нового Союза. Признание верховенства власти Конгресса и требование предо-

ставления самоуправления под властью этого Конгресса составляют основу федеральной территориальной системы, как она была определена в резолюциях Конгресса, временно сформулирована в Ордонансе 1784 г. Джефферсона и окончательно — в Ордонансе 1787 г.

Таким образом, Долина р. Огайо являлась не только районом, к которому применили «федеральную колониальную систему». Она сама сыграла важную роль в создании этой системы в соответствии с собственными требованиями и опасностью того, что слишком жесткое ее использование властями штатов или федеральным правительством в отношении отдаленных общин может привести к их потере для страны. Важность достигнутых результатов вряд ли возможно переоценить. Было обеспечено свободное и мирное развитие великого Запада, создана политическая организация — не в итоге войн с враждебными государствами или благодаря основанному на произволе управлению находившихся где-то далеко властей. Это было сделано правительствами территорий в сочетании с широкой местной автономией. Одно за другим эти правительства были приняты в Союз как равноправные штаты. В ходе такого мирного процесса колонизации целый континент был заполнен мирными и упорядоченными сообществами столь спокойно и естественно, что мы можем оценить его глубокое значение, только если противопоставим процессу расширения пределов европейских государств, осуществлявшимся путем завоевания и угнетения.

Далее позвольте мне привлечь ваше внимание к той роли, которую Долина р. Огайо сыграла в разработке экономического законодательства, сформировавшего нашу историю в годы становления США, в период от Войны 1812 г. до подъема борьбы против рабства. Очень легко установить, что в рассматриваемом районе контроль над властью удерживали местные жители, а предлагавшиеся ими меры определяли направление нашего общенационального прогресса. Перед страной тогда стояли проблемы внутреннего развития: пути распоряжения государственными землями; строительство дорог и рытье каналов для улучшения внутренних коммуникаций в стране, разделенной на Восток и Запад Аллеганскими горами; формирование тарифной системы для защиты отечественной промышленности и снабжения рынка излишками продукции Запада, ибо им больше не находилось сбыта в воюющей Европе; создание банковско-денежной системы, которая удовлетворяла бы потребности новой торговли между штатами, порожденной возрастающим производством на Западе.

В Долине р. Огайо по инициативе местных жителей и часто вопреки желаниям секций Востока, политика в отношении государственных земель развивалась на основе законов, подчинявших идею полу-

чения доходов идее построения демократии мелких землевладельцев. Скваттеры Долины заставили принять законы о преимущественном праве на покупку земельных участков, которые, в свою очередь, привели к агитации за гомстед. В формировании американской демократии и ее идеалов не было какого-либо одного, более важного аспекта, чем эта земельная политика. И как бы ни оценивать эту систему, считать ли ее вредной или полезной, я думаю, что несомненным является одно: она появилась в результате условий, навязанных поселенцами Долины р. Огайо.

Когда кто-нибудь упоминает тарифы, внутренние улучшения и банки, он должен добавить название «Американская система» и подумать о Генри Клее, этом очаровательном молодом политике, который разрабатывал общенациональную политику, выдвигал для обсуждения важные вопросы, организовывал силы партии в их поддержку и в конечном счете заставил страну принять эту систему. Однако, сколь безоговорочно мы ни признавали бы гений и оригинальность Г. Клея как политического лидера, как бы мы ни признавали, что он был конструктивным государственным деятелем общенационального масштаба, если мы достаточно глубоко исследуем этот вопрос, то должны будем осознать, что его политика и сила выросли из экономических и социальных условий жизни тех людей, выразителем чаяний которых он являлся, а именно жителей Долины р. Огайо. Фактом является то, что тогда у них начали возникать излишки сельскохозяйственной продукции, и это вызвало необходимость в подобном законодательстве.

Недавно страна отметила 100-летнюю годовщину изобретения Р. Фултоном парохода. Вся р. Гудзон сверкала огнями в его честь. Но в действительности праздничными фейерверками в честь Фултона должны были бы освещаться воды рек Огайо и Миссисипи, потому что для США историческое значение изобретения парохода не заключается в его использовании на реках Востока и даже не в океанской навигации. Ведь наша собственная внутренняя коммерция, при которой грузы перевозились на американских судах, оказала несравнимо большее влияние на жизнь страны, чем внешняя торговля. И эта внутренняя торговля разворачивалась в Долине р. Огайо с самого начала и многие годы там же и велась с использованием водного пути по р. Миссисипи. Когда пароход Фултона в 1811 г. появился в «западных водах», это создало возможность для развития сельского хозяйства, позволило быстро и дешево доставлять на рынки выращенный на Западе урожай. Результатом стал гигантский экономический рост по всей Долине, но это изобретение не разрешило проблему дешевой транспортировки промышленных изделий Востока. Не было удовле-

творено и желание Запада строить собственные фабрики, чтобы потреблять местную продукцию. Долина р. Огайо ощутила преимущества внутренних рынков по мере того, как ее города росли вместе с развитием торговли и промышленности недалеко от сельских районов. Стоимость земли возрастала в соответствии с ее близостью к этим городам, и спрос на сельскохозяйственную продукцию был выше вблизи от них. И поэтому вся секция поддержала Генри Клея, когда он потребовал введения протекционистского тарифа, чтобы создать общенациональный внутренний рынок, а также когда он призвал сломать Аллеганский барьер, построив федеральную систему дорог и каналов. Если мы проанализируем ход голосований в Конгрессе, в результате которых были приняты законы о тарифах и внутренних улучшениях, то обнаружим, что Юг почти целиком выступал против них, Средний регион голосовал за них большей частью, голоса Новой Англии разделились, Долина р. Огайо голосовала почти как единое целое, удерживая за собой баланс сил и распределяя голоса в пользу Американской системы.

Следующей темой, на которую мне хочется обратить ваше внимание, является воздействие Долины на развитие демократии. По этому вопросу, из-за недостатка времени, я должен лишь указать на то, что влиятельная группа штатов Долины р. Огайо, возникших из демократических общин внутренних районов, которые вошли в состав Союза один за другим и обладали всеобщим избирательным правом для мужчин, весьма значительно укрепила эффективные силы демократии в США. Они не только увеличили число новых приверженцев демократии, но, оказывая конкурентное давление в борьбе за приток населения, заставили более старые штаты снять свои исторические ограничения в сфере избирательных прав — иначе они теряли бы своих людей, которые предпочли более свободную жизнь на Западе.

Но в эру джексоновской демократии Генри Клей и его сторонники развязали с великим уроженцем Теннесси ожесточенную политическую борьбу, в которой рождались соперничающие партии — Вигская и Демократическая. Эта борьба фактически отражала условия, возникшие в Долине р. Огайо. По мере того как росли население и богатство секции, как тропы становились дорогами, хижины — добротными домами, просеки — обширными фермерскими хозяйствами, а поселки превращались в города, как бартер преобразовывался в торговлю и в этом поднимающемся регионе начали действовать все современные процессы промышленного развития, Долина раскололась. Размежевание произошло между конкурирующими интересами индустриальных сил (строители городов и лидеры бизнеса), с одной стороны, и старой сельской демократии нагорья — с другой. Данный раскол

символизировал общенациональные процессы. В соперничестве этих сил Э. Джексон выступал защитником дела демократии нагорных районов. Он осуждал власть денег, банки и всю кредитную систему и яростно бил в набат, оповещая об опасности возрастающего влияния богатства в политике. Г. Клей, с другой стороны, представлял новые индустриальные силы Долины. Несомненно, очень значительным является то, что в столкновении между великим вигом Долины р. Огайо и великим демократом с берегов р. Теннесси, этого притока Огайо, обсуждались такие вопросы, которые были для американской политики главными почти до тех пор, пока не наступила очередь проблемы борьбы с рабством. Острая реакция избирателей Долины р. Огайо на обращения лидеров и их энтузиазм, проявившийся в практических действиях, лучше всего иллюстрирует избирательная кампания Уильяма Генри Гаррисона в 1840 г. В ходе его «кампании бревенчатой хижины», когда виги «перехватили инициативу» у сторонников джексоновской демократии пионеров в пользу другого героя внутренних районов*, Долина вознесла свой дух, а также своего политического фаворита над всей нацией.

А тем временем по обеим сторонам Долины формировались другие секции. Жители Новой Англии и выходцы оттуда, поселившиеся в западной части штата Нью-Йорк, а также все больше немецких иммигрантов переезжали на территории бассейна Великих озер и в прерии к северу от населения нагорных районов, построивших себе бревенчатые дома в лесах по берегам р. Огайо. Эта секция, связанная с Востоком судоходством по Великим озерам и каналу Эри, фактически стала продолжением Новой Англии и штата Нью-Йорк. Здесь нашла свою опору Партия фрисойлеров, а политические идеи поселенцев выражались в нью-йоркских газетах. Хотя эта секция пыталась при помощи каналов, а позже железных дорог заинтересовать своими возможностями жителей, обосновавшихся на р. Огайо, но в действительности длительное время она стояла совершенно особняком по своим идеалам и интересам и никогда не добивалась успеха в том, чтобы доминировать над Долиной.

Южнее на равнинах, расположенных вблизи Мексиканского залива, расширялось «королевство хлопка» — этот Большой Юг со своей радикальной программой экспансии рабства, намеченной смелыми и агрессивными лидерами. Данная южная секция уже начала попытки установления все более активных торговых сношений с Долиной

* В ходе этой «кампании бревенчатой хижины и крепкого сидра» кандидат вигов генерал У.Г. Гаррисон победил, но всего через месяц после инаугурации умер в апреле 1841 г. Он прославился еще в 1811 г., принимая участие в подавлении индейского восстания под руководством Текумсе и получив прозвище «Старый Типпеканоз».

р. Огайо. Регион, производящий коммерческую сельскохозяйственную продукцию, был основным покупателем домашнего скота и потребителем продуктов питания. Лидеры Южной Каролины, например Дж. Кэлхун, стремились приковать р. Огайо к колеснице Юга, используя для этого железную дорогу «Цинциннати — Чарлстон», назначением которой был вывоз продукции Долины на юго-восток. В свою очередь, Джорджия соперничала с Южной Каролиной, разрабатывая планы направить этот поток через свою территорию. Во всех этих проектах налаживания торговых связей Долины р. Огайо с Югом политические цели были столь же очевидны, сколь и коммерческие.

Короче говоря, различные районы соревновались между собой за то, чтобы воспользоваться поддержкой заселенной зоны вдоль р. Огайо. Долина этой реки признавала свои старые отношения с Югом, но ее жители никоим образом не были сторонниками рабства. В южной группе штатов, расположенных севернее р. Огайо, где существовавшая долгие годы система законтрактованных сервентов открывала путь к полурабству, мнения разделились. Голос Кентукки также не звучал решительно. Результатом было то, что в этих регионах сложился оплот движения за компромисс в борьбе по вопросам рабства. Кентукки дал Иллинойсу Авраама Линкольна. Он же дал штату Миссисипи Джефферсона Дэвиса. Фактически Кентукки являлся центром «региона приспособления» друг к другу этих соперничавших интересов. Сенатор Дж.Б. Томас из южной части Иллинойса внес предложение о Миссурийском компромиссе, Генри Клей был самым активным защитником этого Компромисса так же, как он стал архитектором Компромисса 1850 г. Предложение о компромиссе Дж.Дж. Криттендена* в канун Гражданской войны, также выдвинутое в Кентукки, — еще одно свидетельство стойкости духа Генри Клея.

Одним словом, как я указывал в начале своего выступления, Долина р. Огайо была Срединным регионом, где сильны были верность единству страны и стремление обеими руками разводить секционные воюющие стороны, участвовавшие в этой борьбе. В развитии политики освобождения рабов, осторожно проводившейся Линкольном — этим величайшим сыном Кентукки, мы можем видеть глубокое влияние, оказанное на него Долиной р. Огайо. Никто не будет в состоянии понять его президентство, не оценив должным образом всю глубину влияния Долины, ее идеалов и предубеждений на этого человека, ставшего вкладом Америки в сонм самых выдающихся людей мира.

Я уверен, что сказанного достаточно, чтобы стало ясно, что у Долины р. Огайо есть не только достойная изучения местная история —

* 1860 г.

богатое наследие для ее населения, но и то, что эта Долина являлась независимой и мощной силой, формировавшей развитие страны. Мне нет необходимости говорить о ее недавней истории, подъеме здесь огромной индустриальной мощи и далеко идущем коммерческом влиянии. Вы знаете о ее государственных деятелях и их воздействии на наше время; вы знаете об отношении Огайо к посту президента Соединенных Штатов! Для меня также нет необходимости пытаться пророчествовать относительно будущего Долины.

В новом веке внутриконтинентального водного транспорта, который наверняка дополнит век железных дорог, не может быть более важного региона, чем эта Долина. Будем надеяться, что старая любовь ее жителей к демократии сможет выстоять и что в этой секции, где когда-то рубили леса первые зааллеганские пионеры, может быть доведена до полного расцвета зрелая цивилизация народа, который знает, что, какова бы ни была слава материального процветания, еще большая слава заключается в духе человека, которому ведомо, что в окончательном суждении истории место Долины р. Огайо будет зависеть от того вклада, который ее население и лидеры внесут в дело просвещенной, культурной, богобоязненной, свободной и вполне достаточной демократии.

Примечания

¹ Выступление 16 октября 1909 г. на заседании Исторической ассоциации Долины реки Огайо.

² См.: F.J. Turner, "New States West of the Alleghanies," *American Historical Review*, i, pp. 70 ff.

Глава VI. Значение Долины реки Миссисипи в американской истории¹

Появление содружества благожелательных и критически настроенных исследователей истории на Юге и на Западе должно будет революционизировать перспективы американской исторической науки. Наши коллеги на Востоке уже сейчас имеют общее, хотя и не детальное, представление о деятельности нашей нации в освоении огромных внутренних районов и о влиянии Запада на страну. И действительно, я мог бы, как свои собственные слова, включить следующий текст одного из историков с Востока, профессора Альберта Бушнелла Харта, который писал десять лет назад:

Долина р. Миссисипи не уступит ни одному региону мира по вызываемому ею интересу, романтике и перспектив будущего. Если где-то и есть настоящая Америка, то она находится именно здесь — это поле действия, театр и основа цивилизации западного мира. История Долины — это и есть история Соединенных Штатов; ее будущее — это будущее одной из наиболее мощных современных стран².

Если тех из нас, кто настаивает на важности нашего собственного региона, временами обуревают энтузиазм пионеров, осваивающих многообещающее поле исторических исследований, которое открывается перед нами, и поэтому мы переоцениваем значение предмета исследования, тогда можно, по крайней мере, сказать в свою защиту, что мы не зашли на этом пути дальше наших братьев с Востока; и можем найти поддержку в следующем заявлении Теодора Рузвельта:

Штатам, возникшим вокруг Великих озер и в Долине верховьев р. Миссисипи, судьбой предназначено стать величайшими, богатей-

шими, наиболее процветающими из всех великих, богатых и процветающих сообществ, которые образуют самую могучую Республику, какую когда-либо видел мир. Эти штаты... образуют географическое сердце страны, а вскоре они станут сердцем ее населения, политики и социальной жизни. <...> Я очень бы сожалел, если бы мог подумать, что эти штаты в будущем ждет лишь материальное процветание. Я считаю эту секцию страны сердцем истинного американского чувства³.

Таким образом, изучая историю Долины р. Миссисипи в целом, члены этой Ассоциации* исследуют происхождение такой части нации, которую компетентные авторитеты Востока признают секцией, имеющей потенциал оказания наибольшего влияния на будущее Америки. Они также изучают регион, где разворачивалась наиболее жизненно важная деятельность страны, ибо передвижения населения, дипломатия, политические события, экономическое развитие или социальное устройство — все это стало основополагающими проблемами в создании нации. Миссию этой Ассоциации определяют не узкие или даже локальные интересы. Ее миссия — не что иное, как изучение американского народа, оказавшегося перед лицом и под влиянием огромных пространств, являющихся имперским ресурсом великих внутренних районов. Социальные судьбы этой Долины станут социальными судьбами Соединенных Штатов и отметят их место в истории.

В широком смысле в том, который обычно придают ей географы и историки, Долина р. Миссисипи включает весь внутриконтинентальный бассейн, т. е. провинцию, воды которой питают почти 2 тыс. миль судоходного течения самой Миссисипи, 2 тыс. миль коричнево-желтых вод р. Миссури и 1 тыс. миль р. Огайо. Это 5 тыс. миль главных водных транспортных магистралей, открытых для пароходного сообщения, бассейн водосбора площадью почти 2,5 млн кв. миль, размеры которого превышают территорию всей Европы, не считая России, Норвегии и Швеции. Это страна равнин, отличающаяся неотъемлемым географическим единством, земля, которая, по оценкам, может обеспечить существование 200 или 300 млн человек, т. е. втрое больше, чем численность населения всей нашей страны. Эта империя природных ресурсов, пригодных для создания благородной социальной структуры, достойной занять свое место в индустриальной, политической и духовной жизни Америки.

Значение Долины р. Миссисипи в американской истории прежде всего показал тот факт, что она открывала для различных стран видения могущества, которое они могли бы обрести в Новом Свете, — ви-

* Историческая ассоциация Долины реки Миссисипи.

дения, охватывавшие горизонты исторических возможностей, подобно блестящему, но бесплотному сиянию хвоста кометы, зловещему и мимолетному.

Из тьмы первобытной истории континента возникают свидетельства подъема и падения индейских культур, миграции людей Каменного века в великую Долину и через нее; намеки на них обнаруживаются в легендах и языках, смутно повествуются курганами и памятниками материальной культуры, которые еще ожидают своей полной расшифровки.

Сюда, на эти просторы, в гущу диких племен, пришла Франция и вписала в нашу раннюю историю романтическую страницу, которая рассказывает о несбывшейся империи. То, что поражает в воздействии Долины р. Миссисипи на Францию, — это очевидное влияние единства огромных пространств. Не лишено смысла то, что П.Э. Радиссон и М.Ш. Грозейлье не только дошли до пределов озера Верхнего, но и, по всей вероятности, достигли вод Миссисипи и узнали о ее западном притоке; что Жак Маркетт не только принимал индейцев региона Иллинойса в своей миссии на берегах озера Верхнего, но и спустился вниз по р. Миссисипи почти до ее устья, а на обратном пути открыл место нынешнего г. Чикаго; что Ла Саль был вдохновлен видением огромной внутриконтинентальной империи, простирающейся от Мексиканского залива до Великих озер. До конца XVII в. в верховьях Миссисипи преобладающим было влияние Н. Перро, и тогда Пьер ле Муан д'Ибервиль в районах устья реки закладывал основы Луизианы. Не лишено значения и то, что одновременно с продвижением Верандри* на северо-запад (где они открыли горы Биг-Хорн и определили естественные границы Долины) братья Пьер и Поль Малле поднялись вверх по р. Платт, перейдя равнины Колорадо вплоть до Санта-Фе, и тем самым определили естественные границы Долины р. Миссисипи на юго-западном направлении.

Для англичан Великая Долина была страной за Аллеганскими горами. Александр Спотсвуд, дальновидный губернатор Виргинии, предшественник создателей фронта, продемонстрировал понимание ситуации, когда он выступил с предложением заложить поселения на Западе, чтобы не допустить превращения французов в великую нацию за спиной английских колоний. Он осознал значение Долины р. Миссисипи как области экспансии и необходимость для английской империи господствовать там, если Англия желает оставаться великой державой в Новом Свете.

* Речь идет о французских первопроходцах первой половины XVIII в. Пьере Готье де Варенне, сыре де ла Верандри и его сыновьях.

Теперь мы усматриваем в последовавшей затем войне между Францией и Англией то, чего не могли понимать современники этих событий, а именно: главный вопрос состоял не во владении рыбными промыслами или подходами к р. Св. Лаврентия в одном полушарии или в обладании Индией — в другом, а в господстве над внутриконтинентальным бассейном Северной Америки.

Насколько мало государства осознавали истинное значение победы, достигнутой в конечном счете Англией, становится ясно из того факта, что Испания с большими колебаниями приняла от Франции земли за р. Миссисипи, истолковывая свои действия как средство предотвращения посягательств на свою колониальную монополию в Испанской Америке, нежели как поле имперской экспансии.

Но сейчас нам известно, что, когда Дж. Вашингтон еще юношей явился во французский лагерь на окраине Великой Долины и от имени Виргинии потребовал ухода французов из своих укрепленных постов, он выступал от имени народа, говорившего по-английски, на право оккупации и управления реальным центром ресурсов и мощи Америки. Когда дровосеки Э. Брэдока прорубали в лесу дорогу от р. Потомак к рукавам р. Огайо, они создавали канал, по которому все мощнее потекут силы цивилизации, и «высекали крест на окраине дикой местности» в том месте, которое теперь стало центром индустриальной мощи американской нации.

Накануне своего великого завоевания Англия трепетала, страшась воздействия этих уходящих вдаль рек на ее колониальную систему, испытывая робость перед свирепыми племенами, удерживавшими огромные территории за Аллеганями. Ясно, однако, что Прокламация 1763 г., запрещающая заселение земель и оформление прав на них за Аллеганями, не имела целью закрепления за Долиной статуса постоянной индейской резервации. Скорее это была мера временного характера, до тех пор пока у англичан не созреют новые планы и не будет разработана система постепенной колонизации. К этому времени наши великие лидеры, такие как Дж. Вашингтон и Б. Франклин, очень быстро поняли значение этого нового района для расширения деятельности американского народа. С триумфальной победой над Францией внезапно открылись глаза на то, что не океан, а Запад представлял собой истинное поприще для созидательной энергии Америки. «Огайо компани» и «Лойял лэнд компани» указывают на этот интерес в начале войны, в то время как «Миссисипи компани», которую возглавили Дж. Вашингтон и семейство Ли и которая была организована для оккупации южной части Иллинойса, Индианы и западных районов Кентукки, свидетельствует о внимании жителей Виргинии к Долине р. Миссисипи. Активность Франклина, занявшегося

популяризацией идеи основания колонии в Иллинойсе, явно указывает на интерес филаделфийцев. Действительно, он четко видел возможности учреждения там поселения как средства подрыва Испанской Америки. В письме своему сыну в 1767 г. Б. Франклин заявил, что «поселение должно быть организовано в районе Иллинойса... что соберет здесь силы, которые в будущем в случае войны могут быть с легкостью переброшены вниз по р. Миссисипи на равнины и к Мексиканскому заливу для использования против Кубы, французских островов или самой Мексики»⁴.

Долина р. Миссисипи причиняла Франции сплошные страдания, когда речь заходила о контроле правительства над территорией. «Лесные скитальцы», отбросив оковы закона и порядка, прокладывали свои пути по необъятным просторам диких местностей, исследуя незнакомые районы и занимаясь торговлей одновременно с составлением описаний. Точно так же и английские колонисты, преодолев Аллеганы, ускользали из-под контроля властей колоний, равно как и метрополии. Если Долина открыла государственным деятелям Востока, пришедшим в восторг из-за войны с Францией, возможность создания новой империи, то жителям фронта, преодолевшим горные перевалы Аллеган, она ясно показывала резкие различия между открывшимся им здесь новым миром и восточными землями, которые они оставили за своей спиной. С самого начала было понятно, что территории за Аллеганями предоставляли возможности и давали стимулы развивать американское общество на свободных и необычных началах. «Люди западных вод» порвали со старым порядком вещей, поставили свободу индивидуума выше социальных ограничений, завоевали права собственности на богатые земли, на которые они пришли после жестоких боев с индейцами, яростно оспаривали право Востока управлять ими, выдвигали требования создания собственных штатов и не принимали отказов на эти претензии. Они относились с презрением к старому порядку, основанному на рангах и классах и действовавшему на территории между Аллеганями и Атлантическим побережьем. Идеалом для обширных краев, куда им удалось добраться, пришельцы объявили демократию. Они осваивали речные системы Великой Долины не с легкомысленной легкостью французов. Подобно продвижению ледника поселенцы изменяли лицо земли в своем неуклонном и неотвратимом стремлении вперед в поисках моря. Весьма скоро испанцы, владевшие устьем р. Миссисипи, поняли значение новых сил, вступивших в Долину.

Губернатор Луизианы писал в 1794 г.:

Это многочисленное и беспокойное население постоянно гонит индейские племена перед собой и в направлении к нам, стремясь завла-

деть всеми обширными землями, которые туземцы занимают между реками Огайо и Миссисипи, Мексиканским заливом и Аппалачскими горами, превратившись тем самым в наших соседей, и в то же время они угрожающе требуют позволить им беспрепятственно плавать по Миссисипи. Если они достигнут своих целей, их устремления не ограничатся этим [восточным] берегом Миссисипи. Их печатные труды, государственные документы, речи — все возвращается к одному и тому же пункту: свободное плавание к Мексиканскому заливу по рекам... которые впадают в него, к богатой пушной торговле на р. Миссисипи и, со временем, обладание богатыми рудниками внутренних провинций самого Мексиканского королевства. Их путь развития и политика столь же устрашающи для Испании, сколь и их армии... Их кочевой дух и способность обеспечивать себя пропитанием и жилищем способствуют быстрому заселению. Американцу, достаточно ружья и небольшого запаса кукурузной муки в котомке, чтобы странствовать в одиночку по лесу в течение месяца. <...> Положив несколько бревен крест-накрест одно на другое, он строит себе дом или даже неприступную крепость против индейцев. <...> Холода ему не страшны, и когда семье надоедает какое-то место, она переходит в другое и селится там с той же легкостью.

Если такие люди явятся, чтобы занять берега рек Миссисипи и Миссури, или добьются права на судоходство, то, без всяких сомнений, ничто не помешает им переплыть реку и проникнуть в наши провинции на другом берегу, где, поскольку он в большей степени не занят, никто не сможет оказать им сопротивления. <...> По моему мнению, всеобщая революция в Америке опасна для Испании, если только не будут предприняты соответствующие меры.

Фактически, пионеры, которые оккупировали нагорные районы Юга, придя туда из глубинки внутренних районов под предводительством ольстерских шотландцев, были совершенно не похожи на жителей приморской зоны и Новой Англии и резко отличались от них. В Долине р. Миссисипи они нашли для себя новую территорию для экспансии в условиях свободных земель и отсутствия каких-либо сдержек. Все это предоставляло им неограниченное время для создания собственного социального типа. Но в первую очередь, чтобы стать мощным народом, эти люди, которые завладевали западными водами, должны были найти рынок сбыта излишков собственной продукции. И если Аллеганы накладывали вето на перевозку в восточном направлении, то открывалась широкая транспортная магистраль на юг — по р. Миссисипи. Быстрое речное течение принимало плоскодонки поселенцев в свои сильные руки и готово было нести их к морю, но Испания воздвигла

барьер в виде колониальной монополии на этой великой реке, запретив этим людям выходить в океан.

Таким образом, значение Долины р. Миссисипи в американской истории к началу существования молодой Республики состояло в том, что вне пределов социального и политического контроля тринадцати колоний возникло новое и агрессивное общество, которое властно поставило перед законодателями старого колониального режима вопросы о государственных землях, внутренних средствах сообщения, местном самоуправлении и обороне. Жители Долины вынуждали обитателей Востока мыслить американскими, а не европейскими категориями. Колебавшуюся нацию они втащили на новый путь.

С момента Революции и до Войны 1812 г. Европа рассматривала судьбу Долины р. Миссисипи как все еще неопределенную. Испания хотела удерживать свои владения такими способами, как контроль над устьем реки и Мексиканским заливом, влияние на индейские племена и организация интриг среди поселенцев. Ее целью было в первую очередь охранять испанскую монополию в Америке, что в свое время сделало ее великой мировой державой. Инстинктивно она догадывалась, что в Долине заключены вопросы будущего Испании; здесь находился тот рычаг, который отколет одну за другой части империи в регионе Мексиканского залива (Луизиану, Флориду и Техас, Кубу и Пуэрто-Рико), Юго-Запад и Тихоокеанское побережье и даже Филиппины и канал через перешеек в Центральной Америке, и Американская республика, опираясь на ресурсы Долины, станет господствовать над теми независимыми республиками, на которые распадется Испанская империя.

Франция, стремясь возродить свою былую колониальную мощь, хотела бы использовать Долину р. Миссисипи для снабжения продовольствием своих островов в Вест-Индии, господства над Испанской Америкой и подчинения своим целям слабых Соединенных Штатов, место которым французская политика определяла на территории между Атлантическим побережьем и Аллеганскими горами. Древняя монархия Бурбонов, революционная республика и империя Наполеона — все они намеревались приобрести всю Долину от Аллеган до Скалистых гор⁵.

Англия, удерживавшая Великие озера, господствовавшая над северными индейскими племенами и угрожавшая силами своего военно-морского флота Мексиканскому заливу и устью р. Миссисипи, наблюдала за событиями во время Революции, Конфедерации и первых лет существования Республики, будучи готовой, в случае разрыва хрупких связей между 13-ю штатами, создать протекторат над поселенцами Долины.

Встревоженный перспективой того, что Англия может отнять у Испании Луизиану и Флориду, Джефферсон в 1790 г. писал: «Окруженные, с одной стороны, их владениями от Сент-Крой до Сент-Мэрис, а с другой — их флотом, мы без каких-либо колебаний можем сказать, что вскоре они [англичане] найдут способы объединить под своим господством всю территорию, имеющую отношение к Миссисипи». И это, как он думал, может привести к «кровавой и вечной войне или нерасторжимой конфедерации» с Англией.

Ни одна из этих держав не считала невозможным, чтобы американских поселенцев в Долине нельзя было бы привлечь к принятию какого-то другого флага вместо Соединенных Штатов. Гардоки* в 1787 г. имел наглость высказать Дж. Мэдисону предположение, что из жителей Кентукки получатся хорошие испанские подданные. Франция заручилась поддержкой поселенцев фронта во главе с Джорджем Роджерсом Кларком при своей попытке завоевания Луизианы в 1793 г. Англия тоже искала поддержки со стороны жителей Запада. Действительно, Кларк служил французам в звании генерал-майора в 1793 г., а потом еще раз в 1798 г.; Джеймс Уилкинсон, впоследствии ставший главнокомандующим американской армии, втайне просил об испанском подданстве и обещал отречься от своей клятвы на верность США; губернатор штата Франклин** Джон Севир, впоследствии сенатор от штата Теннесси и первый губернатор этого штата; основатель г. Камберленд Джеймс Робертсон и Уильям Блаунт, губернатор Юго-Западной территории, а позже сенатор от Теннесси, — все они были готовы скорее принять правление другой страны, нежели согласиться на отказ американского правительства от плавания по р. Миссисипи. Итак, если мы вспомним это, то легко сможем поверить и в то, что жители фронта с полной вероятностью могли бы принять другое подданство. Мы вполне можем довериться Руфусу Патнэму, федерализм и преданность которого нашей стране вполне доказаны и деятельность которого в связи с основанием поселения выходцев из Новой Англии в Мариетте хорошо известна. В 1790 г. он писал, отвечая на вопрос Фишера Эймса, можно ли сохранить Долину р. Миссисипи в составе Союза: «Если Конгресс откажется от своих требований навигации по Миссисипи или уступит ее испанцам, я верю, что тогда жители западных районов очень скоро отделятся от Соединенных Штатов. Эта мера, и у меня нет в этом никакого сомнения, возбудила бы такую ярость и недовольство, что они скорее отдались бы под деспотическое правление Испании, чем оставались бы

* Диего де Гардоки, испанский посланник в США.

** Штат, провозглашенный в 1784 г. жителями Долины р. Теннесси.

законтракованными слугами Конгресса». Патнэм добавил, что, если Конгресс не будет должным образом защищать этих западных поселенцев, они могут обратиться к Англии или Испании⁶.

До строительства железных дорог Долина р. Миссисипи потенциально была основой для создания независимой империи, несмотря на то, что ее население неизбежно рекрутировалось бы из штатов Востока. Ее естественный выход во внешний мир лежал вниз по течению, в направлении к Мексиканскому заливу. По словам Дж. Уилкинсона, Новый Орлеан контролировал Долину «как ключ — замок, как цитадель — внешние укрепления». До тех пор, пока эта Долина подвергалась угрозе со стороны враждующих между собой европейских держав или частично контролировалась ими, именно до тех пор Соединенные Штаты должны были оставаться частью системы государств Европы, оставаясь вовлеченными в ее судьбы. И особенно очевидным такое состояние дел было вследствие того, что, пока Союз считал внутреннюю торговлю, опирающуюся на Долину р. Миссисипи, своим доминирующим экономическим интересом, купцы и моряки штатов Северо-Запада, а также производители коммерческих сельскохозяйственных культур побережья Юга находились в торговой зависимости от Европы. Томас Джефферсон ясно видел значение Долины. В письме Р. Ливингстону в 1802 г. он заявил:

На всем земном шаре есть один-единственный пункт, обладатель которого является нашим естественным и всегдашним врагом. Это — Новый Орлеан, через который продукция трех восьмых нашей территории должна проходить на рынки, а из-за своего плодородия она в скором времени будет давать больше половины всей нашей продукции, и там будет жить больше половины всего нашего населения. <...> День, когда Франция завладеет Новым Орлеаном, вынесет ей приговор, а именно: удерживать ее на самом нижнем уровне. Этот день сплотит союз двух стран, которые могут совместно поддерживать единое господство над океанами. С этого момента мы должны будем объединиться с британским флотом и нацией, ...сохраняя два континента Америки изолированными для достижения общих целей объединившихся британской и американской наций⁷.

Приобретение Луизианы стало признанием сущностного единства Долины р. Миссисипи. Французский инженер Виктор Колло после проведенного исследования докладывал своему правительству в 1796 г.:

Все позиции на левом [восточном] берегу Миссисипи... без альянса западных штатов далеко недостаточны для прикрытия Луизианы. <...>

Когда две нации обладают, одна — побережьями, а другая — равнинами, первая должна будет неизбежно либо примкнуть ко второй, либо подчиниться ей. Из этого я делаю вывод, что западные штаты Северо-Американской республики должны будут объединиться с Луизианой и в будущем образовать единое компактное государство; иначе эта колония, какой бы державе она ни принадлежала, будет завоевана или поглощена.

Воздействие покупки Луизианы, принесшей политическое единство в Долину р. Миссисипи, было исключительно глубоким. Это был решающий шаг на пути становления независимых США как мировой державы, свободной от союзов, лишаящих ее свободы действий. Победы У.Г. Гаррисона на Северо-Западе в ходе последовавшей Войны 1812 г. гарантировали нам экспансию в северную часть Долины. Триумфальный поход Э. Джексона к Мексиканскому заливу и оборона им Нового Орлеана во время той же Войны заложили основу «королевства хлопка», столь важного в экономической жизни страны и столь тесно связанного с вопросом рабства⁸. Совершенно естественным было последовавшее приобретение Флориды, Техаса и Дальнего Запада. Страна не просто вступила на независимый путь во внешней политике; была революционизирована ее политическая система, так как Долина р. Миссисипи теперь открыла дорогу к принятию в состав Союза одного штата за другим, утопив секцию Новой Англии с ее федерализмом. Доктрина узкого толкования Конституции США получила смертельный удар от руки своего собственного пророка. Старая концепция исторических суверенных штатов — основателей федерации — была разбита вдребезги этим большим вливанием сырого материала для создания неопределенного количества параллелограммов, называемых штатами, которых вынудило федеральное правительство в период их существования в виде территорий, принимавшихся в Союз на определенных условиях и воодушевлявшихся общенациональным патриотизмом, а не патриотизмом штатов.

Площадь страны была настолько увеличена и развитие внутренних ресурсов получило столь мощный стимул после приобретения могучей реки на всем ее протяжении от притоков до устья, что Атлантическое побережье вскоре изменило направление своей экономической энергии, обратив его вместо морей во внутренние районы. Города и секции начали борьбу за господство над промышленной жизнью внутренних районов. Стала осуществляться реальная общенациональная деятельность, возникла истинная американская культура. Необходимо было эксплуатировать огромные пространства и богатейшие природные ресурсы Долины, а для этого требовалось население. Позже сюда дока-

тилась волна иностранной иммиграции, которая поднималась столь стабильно, что создала смешанный американский народ, сплав, которому судьбой предназначено создать новую нацию.

Не пытаюсь дать исчерпывающий анализ всех аспектов воздействия покупки Луизианы или хотя бы указать на них, я хотел бы далее привлечь ваше внимание к значению Долины р. Миссисипи для развития демократии и переносу политического центра тяжести страны. Долина была особо важным домом демократии. Рожденная на свободных землях и духом пионеров, вскормленная идеями Революции и беспрепятственно развивавшая эти идеи в климате свободы диких местностей, демократия проявилась уже в самых первых заявлениях жителей западных вод и сохранилась в этих районах. Требования местного самоуправления, с которыми так настойчиво выступали поселенцы на фронтире, одобрение этих требований, последовавшее со стороны обитателей Аллеган, привели к созданию системы независимых правительств Запада и принятию Ордонанса 1787 г., ставшего самобытным вкладом в колониальную политику. Этот Ордонанс был сформулирован в момент, когда любое тщательно проведенное подчинение Запада правлению Востока поставило бы под угрозу связи первого с самим Союзом. Влиятельные государственные деятели Востока в ходе Конституционного конвента* выражали свой страх перед демократией Запада и хотели бы ограничить его возможности иметь перевес голосов над богатыми регионами путем ограничения политической мощи региона так, чтобы Запад никогда не был бы равен штатам Атлантического побережья. Но возобладали более либеральная точка зрения. Во время первых дебатов о государственных землях было также совершенно ясно заявлено, что с этим вопросом социальная система страны связана столь же тесно, как и с вопросом о доходах. На опасения Востока, будто обилие дешевых земель обезлюдит Атлантические штаты и прекратит их промышленный рост из-за нехватки рабочей силы, Восток получил в 1796 г. следующий ответ одного из членов палаты представителей:

Я спрашиваю, найдется ли какой-нибудь безрассудный человек, который бы назвал по имени такой класс граждан, которые должны быть слугами общины; однако если этого не сделать, то к какому же классу Народа вы адресуете подобный закон? Но если вы примете такой закон [ограничивающий предлагаемые для продажи районы в Долине р. Миссисипи], это будет равносильно тому, чтобы сказать, что есть некий класс, который должен оставаться здесь и быть по закону обя-

* Заседания продолжались с 25 мая по 17 сентября 1787 г.

занным служить другим за такую заработную плату, которую они благоволят платить.

В ходе тех же дебатов А. Галлатин проявил свое понимание базиса процветающей американской демократии, сказав:

Если бы кто-то взялся изучать причины счастья нашей страны, то он выяснил бы, что наши граждане испытывают его в равной мере как от того, что у нас очень много земли в пропорциональном отношении к численности населения, так и от мудрости наших политических институтов.

Из этого демократического общества фронта, где свобода и обильные земли в Великой Долине открыли убежище для всех угнетенных из всех регионов, вышла джексоновская демократия, которая правила страной после падения партии Джона Куинси Адамса. Ее центр находился в Теннесси — регионе, выходцами из которого — потомками жителей Нагорного Юга — была заселена столь значительная часть Долины р. Миссисипи. Верховенство этой Долины станет очевидным, когда мы напомним о месте, которое Теннесси, Кентукки и Миссури заняли в обеих партиях. Помимо Э. Джексона, Г. Клея, У.Г. Гаррисона и Дж. Полка, мы включаем сюда таких кандидатов в президенты, как Х. Уайт и Дж. Белл, вице-президента Р.М. Джонсона, председателя финансового комитета Ф. Гранди* и поборника западного радикализма Т. Бентона.

Тогда же большинство более старых штатов внесли изменения в свои конституции, сделав их демократичнее — в основном из-за оттока населения на Запад, а также бурь, поднятых западными ветрами джексоновской демократии. Из Долины р. Миссисипи, где действовали либеральные положения избирательного права (основывавшегося только на критерии численности населения, а не на критериях и обладания собственностью, и численности населения), где не обращали внимания на корпоративные интересы и настаивали на правах человека, пришло то влияние, которое вдохновило начало эры перемен, касающихся права участвовать в голосовании и определения количества членов палаты представителей от каждого штата, реформ законов о тюремном заключении за долги и вообще атак на монополии и привилегии. «Теперь очевидно, — писал Э. Джексон в 1837 г., — что

* Возглавлял в 1839–1840 гг. сенатский комитет Конгресса США по финансовым претензиям периода Войны за независимость 1775–1783 гг. (Committee on Revolutionary Claims).

денежная аристократия немногих будет вести войну против демократии народных масс; [преуспевающие], используя системы кредита и бумажных денег, захотят из честных тружеников сделать людей, рубящих дрова и черпающих воду»*.

К этому времени численность населения и политическая мощь Долины выросли настолько, что она сравнялась с более старыми секциями. Следующим указанием на ее значение в американской истории, которое я назову здесь, является роль, которую Долина сыграла в определении экономического и политического курса страны в период между окончанием Войны 1812 г. и борьбой против рабства. В 1790 г. ее жители — около 100 тыс. человек — составляли $\frac{1}{40}$ часть всего населения США; к 1810 г. оно превысило 1 млн человек, или $\frac{1}{7}$; к 1830 г. там жили $3\frac{2}{3}$ млн, или более четверти жителей страны; к 1840 г. — свыше 6 млн человек, что превышало $\frac{1}{3}$ населения. В то время как население Атлантического побережья между 1830 и 1840 гг. возросло лишь на 1,5 млн душ, в Долине р. Миссисипи их прибавилось почти 3 млн. В 1790 г. район р. Огайо представлял собой нетронутую дикую местность, а через полстолетия там было почти столько же населения, сколько в Пенсильвании и вдвое больше, чем в Массачусетсе. Если между 1830 и 1840 гг. в Виргинии, Северной и Южной Каролинах прибавилось 60 тыс. человек, то в Иллинойсе число жителей увеличилось на 318 тысяч. Фактически в одном этом штате прирост оказался больше, чем во всех Юго-Атлантических штатах.

Эти данные демонстрируют значение Долины р. Миссисипи, проявлявшееся в ее давлении на старые секции в виде конкуренции со стороны ее дешевых земель, обильных урожаев и оттока рабочей силы. Все эти аспекты для лиц, работавших по найму на Востоке, означали повышение доходов. Но они же означали и усиление политической мощи Долины. Перед Войной 1812 г. она была представлена 6-ю сенаторами, тогда как у Новой Англии их было 10, у Срединных штатов — 10, а у Юга — 8. К 1840 г. Долина р. Миссисипи располагала 22 сенаторскими местами, т. е. вдвое больше, чем их было у Срединных штатов и Новой Англии, взятых вместе, и почти втрое больше, чем у Старого Юга; и в то же время в палате представителей число конгрессменов от Долины перевешивало любую из старых секций. В 1810 г. у нее в этой палате было меньше одной трети власти, которой совместно располагали Новая Англия и Юг. В 1840 г. Долина перевешивала обе эти секции, взятые вместе, и по причине своих особых обстоятельств она удерживала баланс сил в своих руках.

* Подразумеваются подневольные люди, рабы (Иисус Навин, 9:21—27).

В то время как Долина р. Миссисипи выросла таким образом до положения верховной политической власти по сравнению с более старыми секциями, ее экономическое развитие превратило регион в стимулирующий фактор индустриальной жизни всей страны. После Войны 1812 г. пароход совершил революцию в средствах сообщения Долины. В каждом из районов возникали излишки продукции, требовавшие рынков сбыта и получения взамен промышленных товаров. Продвижение культуры хлопка в низовья р. Миссисипи и на равнины вокруг Мексиканского залива имело двойное значение. Перемещение центра производства хлопка с Атлантического побережья вызвало не только рост затруднений и усиление беспорядков на Востоке, так как конкуренция с целинными землями понижала стоимость земель на Атлантическом побережье и делала рабочую силу на Востоке все более дорогой. Кроме того, также падала цена на хлопок в точном соответствии с ростом объемов его производства в Долине р. Миссисипи. Пока происходил переход экономической мощи от Прибрежного Юга к «королевству хлопка» в низовьях р. Миссисипи, верховья реки вырывались вперед буквально прыжками — отчасти под воздействием появления рынка для продажи своей продукции плантациям Юга, почти целиком сосредоточенных на выращивании главных коммерческих сельскохозяйственных культур, что привело к нехватке продуктов питания и скота.

Одновременно с этим великая река и ее притоки стали торговой магистралью, по которой товары достигали Вест-Индии, Атлантического побережья, Европы и Южной Америки. Долина р. Миссисипи была единственным производственным организмом от Питтсбурга и Санта-Фе до Нового Орлеана. Она превратилась в самую влиятельную силу в американской политике и экономике. В 1784 г. Дж. Вашингтон заявил, что Виргиния проявила бы благоразумие, связав Запад с Востоком воедино нитями взаимного интереса, осуществив внутренние улучшения, воспользовавшись преимуществами обширной и чрезвычайно важной торговли поднимающейся империи.

Вот это осознание того факта, что за горами растет экономическая империя, стимулировало конкурирующие между собой города — Нью-Йорк, Филадельфию и Балтимор — вступить в борьбу между собой за то, чтобы снабжать Запад товарами и получать его продукцию. Результатом этого стала попытка сломать барьер Аллеганских гор посредством внутренних улучшений. Это движение стало особенно активным после Войны 1812 г., когда Нью-Йорк реализовал титаническую концепцию Де Уитта Клинтона, заключавшуюся в строительстве канала Эри и тем самым в создании большого Гудзона, который приведет в нью-йоркский порт суда всего бассейна Великих озер,

а с использованием других каналов даже переключит на себя грузопотоки из притоков р. Миссисипи. Коммерческое господство г. Нью-Йорк берет свое начало от этой связи с внутренними частями штата Нью-Йорк и Долины р. Миссисипи. Автор статьи в журнале Ханта «Мерчентс Мэгэзин» в 1869 г. проясняет значение этих факторов следующим образом:

В истории прибрежных городов был период, когда не было Запада и Аллеганские горы образовывали барьер на пути продвижения поселений и сельскохозяйственного производства. В эту эпоху прибрежные города Севера и Юга росли пропорционально размерам и плодородию внутренних районов; и поскольку Мэриленд, Виргиния, обе Каролины и Джорджия производили больше коммерческих сельскохозяйственных культур, чем колонии к северу от них, такие города, как Балтимор, Норфолк, Чарлстон и Саванна, вели более активную торговлю и росли быстрее, чем города побережья, расположенные севернее.

Затем этот автор приводит классификацию развития городов, выделяя следующие три периода: 1) провинциальный, ограниченный Атлантическим побережьем; 2) период каналов и дорог, связанных с Долиной р. Миссисипи; 3) период железных дорог. Таким образом, он смог показать, как, например, Норфолк был отрезан от питательных потоков торговли с внутриконтинентальными районами и Нью-Йорк его обогнал.

Усилия Филадельфии, Балтимора, Чарлстона и Саванны по привлечению коммерции бассейна р. Миссисипи в собственные порты на Атлантическом побережье, подъем или упадок этих городов в соответствии с успехом этих усилий являются достаточным указанием на значение Долины р. Миссисипи в экономической жизни Америки. То, чем для Лондона была колониальная империя, для приморских городов Соединенных Штатов является эта Долина, пробуждая видения экономической империи, систематического контроля над огромными пространствами и появления американского типа капитана индустрии.

Не только силы конкуренции между городами собрались в Долине р. Миссисипи и стремились к союзу с ней. Точно так же силы межсекционного соперничества усмотрели возможность для комбинаций в том, что внутренние районы удерживали контроль над балансом сил. В этом состояла основная часть политики Дж. Кэлхуна, когда он призвал прибрежный Юг закончить строительство сети железных дорог, доведя ее до Северо-Запада. Так же как Дж. Вашингтон надеялся заставить торговлю Запада искать пути вывоза своей продукции через Виргинию и построить экономическую мощь Старого Доминиона, расши-

рив его связи с Долиной р. Миссисипи, так и Дж. Монро желал связать Запад с политическими интересами Виргинии. И как Де Уитт Клинтон стремился привязать Долину к Нью-Йорку, так же Дж. Кэлхун и Р. Хейн хотели бы сделать «Джорджию и Каролину коммерческими центрами Союза и двумя наиболее мощными и влиятельными членами конфедерации», приведя торговлю Долины р. Миссисипи в их порты. «Я верю, — говорил Кэлхун, — что успех связей с Западом имеет для нас политическое и коммерческое значение в последнюю очередь. <...> Я истинно верю, что у Чарлстона в его положении больше преимуществ для торговли с Западом, чем у какого-либо другого города на всем Атлантическом побережье. Но, чтобы воспользоваться этими преимуществами, мы должны смотреть на Теннесси, а не на Огайо, и гораздо дальше на Запад, чем только на Цинциннати или Лексингтон».

В этом заключался секрет позиции Кэлхуна, выступавшего в 1836 и 1837 г. сразу и за распределение излишков бюджетных доходов, и за уступку государственных земель тем штатам, где эта земля находилась. Так Запад стимулировали к союзу с политикой Юга. И в этом же ключ к готовности Кэлхуна, даже когда он отошел от своего национализма, содействовать внутренним улучшениям, которые способствовали бы направлению торговых потоков Долины р. Миссисипи на Юг.

Не вдаваясь в детали, я могу просто обратить ваше внимание на то, что вся система внутренних улучшений Г. Клея, как и его тариф, базировались на месте, которое занимало в американской жизни Долина. Голоса, которыми были приняты решения 1816, 1824 и 1828 г. о тарифах, предоставили верховья р. Миссисипи и в первую очередь Долина р. Огайо. Интересы Долины р. Миссисипи оказали глубокое влияние на детали этих тарифов и ее потребность во внутренних улучшениях составила базис межсекционного «торга», направленного на поиски договоренностей в отношении всего круга конструктивного законодательства после Войны 1812 г. Новая Англия, Срединный регион и Юг — каждая из этих секций стремилась к союзу с растущей за горами секцией. Американское законодательство несет неизгладимые следы этих альянсов. Даже для Национального банка* главной сферой его деловых операций оказалась Долина. Страна обратила свою энергию на освоение внутренних районов, и секции вступили в соревнование за экономическую и политическую мощь, возникавшую из связей с этими районами.

Но в Долине р. Миссисипи уже начался процесс социальной и географической стратификации. Железные дороги пересекали горы,

* Речь идет о Втором банке США (1816–1836). Второй банк США был учрежден в 1816 г. сроком на 20 лет. В 1836 г. президент Э. Джексон наложил вето на новую хартию и Банк прекратил существование, превратившись в Банк штата Пенсильвания.

и потоки колонистов из Новой Англии и штата Нью-Йорк, а также немецких иммигрантов устремились в бассейн Великих озер и в верховья Миссисипи. Складывалась четко выделенная зона, в промышленном и социальном отношении связанная с Новой Англией. Железная дорога усилила канал Эри и, как выразился Джеймс Де Боу, повернула вспять течение «отца всех вод», чтобы для большей части Долины это течение заканчивалось вместо Нового Орлеана в Нью-Йорке. Ниже этой северной зоны находилась пограничная область Нагорного Юга — региона компромисса, включавшая оба берега рек Огайо и Миссури и достигавшая холмов на севере равнин, расположенных около Мексиканского залива. Центр «королевства хлопка», основанного на рабстве, находился на плодородных землях в низовьях р. Миссисипи и в «черной прерии» Джорджии и Алабамы; его заселяли в основном плантаторы из старых хлопковых краев Атлантических штатов. Долина р. Миссисипи возобновила рабство и придала ему агрессивную тональность, характерную для жизни Запада.

Таким образом, Долина оказалась в центре борьбы по вопросу о рабстве как раз в тот момент, когда ее собственное общество утратило однородность. Пусть охарактеризуют ситуацию два лидера: один с Юга, а другой с Севера. И пусть первым возьмет слово южанин. В своей речи 4 марта 1858 г. сенатор от Южной Каролины Дж. Хэммонд сказал следующее⁹:

Я не считал бы неуместным попытаться свести Север и Юг лицом к лицу и посмотреть, какими ресурсами будет каждый из нас располагать в случае, если мы станем существовать раздельно.

Через сердце нашей страны течет великая Миссисипи, «отец всех вод», в которую несут свои воды реки, ручьи и другие притоки общей длиной в тридцать шесть тысяч миль, а за ними, в нашем тылу, нас защищают пустынные прерии. Неужели вы сможете окружить столь обширную территорию? Вы говорите, что воздвигнете огненную стену вокруг восьмиста пятидесяти тысяч миль территории! Какой абсурд.

Но на этой территории находится великая долина р. Миссисипи, ныне реальная империя мира, которая вскоре будет признана таковой. Власть этой долины будет столь же сильна, как некогда, на заре человечества, была велика власть долины Нила. Мы владеем большей ее частью. Сейчас нам принадлежит самая ценная ее часть; и хотя те, кто поселился вверх по течению от нас, сейчас противостоят нам, следующее поколение будет говорить по-другому. Они — наши согласно всем законам природы: рабский труд распространится на каждый клочок земли в этой великой долине, где его будет выгодно использовать, и некоторые из тех, кто может его не применять, вскоре будут объединены с нами такими связями, которые сделают нас едиными и неразделимыми. Железный

конь вскоре загремит над солнечными равнинами Юга, доставляя продукцию притоков верховья в наши Атлантические порты, как сейчас это делается на заморозанном во льды Севере. Это великая Миссисипи, сила союза, который создала сама природа. Она останется ею навечно.

Так же как Прибрежный Юг передал мантию руководства Теннесси, а затем «королевству хлопка» низовьев р. Миссисипи, так и Новая Англия и Нью-Йорк уступили свой контроль северной половине Долины и бассейну Великих озер. Уильям Сьюард, старый лидер вигов Востока, который только что проиграл А. Линкольну при выдвижении кандидатом в президенты от Республиканской партии, может с полным основанием говорить от имени Северо-Востока. Осенью 1860 г., выступая с лекцией в г. Мадисон (Висконсин), он заявил¹⁰:

Империя, учрежденная в Вашингтоне, существует менее ста лет. Она была империей тринадцати Атлантических штатов. И все же практически ее миссия выполнена. Эти тринадцать штатов вот-вот лишатся власти и руководства. Хотя ею владеют и действуют согласно той же самой Конституции и общенациональным формам управления, она, тем не менее, находится в процессе перехода от тринадцати штатов, расположенных к востоку от Аллеганских гор и на побережье Атлантического океана, к двадцати штатам, лежащим западнее Аллеган и простирающимся от их подножия до отрогов Скалистых гор на Западе. И это ваше наследие. Когда следующая перепись населения обнаружит вашу мощь, вы окажетесь хозяевами Соединенных Штатов Америки, а через них и господствующей политической силой мира.

Обращаясь к Северо-Западу относительно рабства, У. Сьюард заявил:

Впредь вся ответственность ложится прямо или косвенно на народ Северо-Запада. <...> Не может добродетель состоять в том, что в коммерческих и промышленных общинах имеется демократия, если демократия сама не хочет демократии. Нет добродетели на Пэрл-стрит, Уолл-стрит, Корт-стрит, Честнат-стрит, на любой другой улице больших коммерческих городов, которая смогла бы спасти наше великое демократическое правительство, когда вы перестанете поддерживать его своим продуманным голосованием, своими сильными и мощными руками. Поэтому вы должны вести нас, так как мы прежде уже зарезервировали и подготовили для вас путь. Мы отдаем вам знамя прав человека и свободы человека на нашем континенте, мы просим вас быть твердыми, смелыми и энергичными, и тогда вы можете надеяться, что мы будем в состоянии последовать за вами.

При рассмотрении хода борьбы по вопросу о рабстве в Соединенных Штатах становится ясно, что форма, которую принял этот вопрос, объясняется влиянием Долины р. Миссисипи. Ордонанс 1787 г., Миссурийский компромисс, вопрос о Техасе, агитация фрисойлеров, Компромисс 1850 г., билль «Канзас — Небраска», решение по делу Дреда Скотта, «истекающий кровью Канзас» — все это ее вопросы, и их простое перечисление делает очевидным, что именно Долина как район экспансии придала проблеме рабства большое значение в американской истории. Если бы не эта область экспансии, данный институт мог бы выполнить ожидания отцов и постепенно отмереть.

Мне нет необходимости говорить о важности Долины р. Миссисипи в годы Гражданской войны. Северу президента дал Иллинойс; Югу президента дал штат Миссисипи. И А. Линкольн, и Дж. Дэвис — оба родились в Кентукки. Генералы Севера У. Грант и У. Шерман — выходцы из Долины, и оба считали, что дело Юга потерпело поражение после падения Викасберга*, и так это и должно было бы произойти, если бы Конфедерация не сумела, одержав несколько побед на Востоке, вернуть себе контроль над «отцом всех вод»; ибо, как сказал генерал Шерман: «Та держава, которая контролирует эту реку, может править этим континентом».

С окончанием войны политическая власть на многие годы перешла к северной половине Долины р. Миссисипи, на что указывают имена У. Гранта, Р. Хейса, Дж. Гарфилда, Б. Гаррисона и У. Маккинли. Население Долины с 1860 до 1900 г. выросло примерно с 15 до более 40 млн человек, составив свыше половины всей численности населения США. Значение ее промышленного роста вряд ли возможно переоценить или недооценить. На северной границе Долины вблизи от границ Миннесоты ведутся колоссальных объемов перевозки железной руды от шахт к заводам по Великим озерам к Питтсбургу, расположенному на ее восточной окраине. Это производство является основным в жизни Америки, и оно революционизировало индустрию во всем мире. Объем производства чугунных чушек и стали в Соединенных Штатах равен общей мощности двух их крупнейших конкурентов, и железная руда для этого производства поступает в основном из Долины р. Миссисипи. Являясь главным производителем угля, Долина позволяет США почти сравняться по его добыче с Германией и Великобританией, вместе взятым. А в центре Долины находятся огромные нефтяные промыслы Америки. Ее гигантские урожаи пшеницы и кукурузы, а также крупный рогатый скот являются главными ресурсами для Соединенных Штатов и ими же пользуется Европа. Хлопком Долины

* После 66-дневной осады в июле 1863 г. гарнизон г. Викасберга сдался северянам.

обеспечиваются две трети потребностей фабрик всего мира. Ее железнодорожная система составляет величайшую транспортную систему в мире. И она также стремится к индустриальной консолидации, стремясь улучшить своей обширной водной системы как единого целого. Если эта программа, за которую выступает Теодор Рузвельт, в какой-то момент будет выполнена, то большая часть коммерческих грузов Долины может пойти по старым путям в Новый Орлеан и в Галвестон за счет развития железных дорог в южном направлении после постройки Панамского канала. Капитал Востока консолидировался в крупные корпорации, тресты и объединения для строительства и использования всего названного выше, а также путей сообщения и торговых интересов Среднего Запада. В связи с притоком капиталов, подъемом городов и ростом производства части Долины р. Миссисипи слились с Востоком. С окончанием эры свободных земель основа демократического общества Долины исчезает.

Последней темой, которой я кратко коснусь в ходе своего обсуждения значения Долины в американской истории, является следствие такого положения. Может ли она постоянно вносить вклад в жизнь американского общества или должна быть перестроена по типу, характерному для Востока и Европы? Другими словами, являются ли сами США самобытным вкладом в историю общества? Вот как это можно кратко резюмировать. Важнейшей сущностью Долины р. Миссисипи являются ее идеалы. Здесь получила свое развитие концепция широкой демократии, представленной индивидуумами, включенными в процесс восходящей социальной мобильности, сознающими свою силу и свою ответственность. Это развитие произошло не на основе революционной теории, а вследствие роста возможностей в условиях свободы. Можно ли эти идеалы индивидуализма и демократии примирить с типом цивилизации XX в. и применить в условиях этой цивилизации?

Были и другие нации богатыми, процветающими, мощными, любящими искусство и строящими империи. Ни одну другую нацию не контролировала в значительных масштабах в интересах прогресса и свободы, как экономической, так и политической, обладающая самосознанием и сдерживающая сама себя демократия. Именно здесь, на огромных равнинных пространствах Долины р. Миссисипи, могут быть остановлены силы социальных преобразований и изменения ее демократических идеалов.

Начав с конкурентного индивидуализма и веры в равенство, фермеры Долины постепенно узнали, что неограниченные соперничество и объединения означают триумф сильнейших, захват стратегических позиций в жизни нации в интересах господствующего класса. Они узнали, что между идеалом индивидуализма, не сдерживаемого обще-

ством, и идеалом демократии существует органичный конфликт; что их честолюбие и энергичность сами по себе составляют угрозу их демократии. Значение Долины р. Миссисипи в американской истории заключалось в том, что это был регион восстания. Здесь возникали разнообразные, иногда опрометчивые, движения за улучшение участи простого человека в интересах демократии, участники которых всегда были искренне преданны какой-либо идее. В Долине мощным приливом одна за другой, связанные одна с другой, поднимались волны народных требований законодательных гарантий их прав и социальных идеалов — реальных или воображаемых. Движения грейнджеров, гринбекеров, популистов, демократия Уильяма Брайана, республиканизм Теодора Рузвельта — все они черпали свою наибольшую силу в Долине. Это были ее идеалы в действии. Жители Долины путем проб и своего опыта узнавали, как справиться с фундаментальной проблемой создания справедливого социального порядка, который поддержит свободное, прогрессивное и индивидуальное в условиях реальной демократии. Долина р. Миссисипи вопрошает: «Что за выгода человеку овладеть всем миром и утратить собственную душу?»

Долина создала для Америки новый общественный порядок. Ее университеты учредили новые виды институтов для деятельности на благо общества и для улучшения жизни простых людей. Ее историки должны рассказывать о ее прежних устремлениях и описывать ее идеалы, а также ресурсы, просвещая нынешние поколения для того, чтобы, опираясь на традиции прошлого, мощная Долина смогла стать еще значимее в жизни страны, чем та ее роль, о которой я рассказал.

Примечания

¹ Proceedings of the Mississippi Valley Historical Association for 1909–10. Перепечатывается с разрешения Ассоциации.

² *Harper's Magazine*, February, 1900, p. 413.

³ Roosevelt, "The Northwest in the Nation," in "Proceedings of the Wisconsin Historical Society," Fortieth Annual Meeting, p. 92.

⁴ "Franklin's Works," iv, p. 141.

⁵ [См. статью автора в журнале: *American Historical Review*, x, p. 245.]

⁶ Cutler's "Cutler," ii, p. 372.

⁷ "Jefferson's Works," iv, p. 431.

⁸ [О «королевстве хлопка» см.: U.B. Phillips, "History of Slavery;" W.G. Brown, "Lower South;" W.E. Dodd, "Expansion and Conflict;" F.J. Turner, "New West."]

⁹ "Congressional Globe," 35th Congress, First Session, Appendix, p. 70.

¹⁰ "Seward's Works" (Boston, 1884), iv, p. 319.

Глава VII. Проблема Запада¹

Проблема Запада — это не что иное, как проблема развития Америки. Взгляд на карту Соединенных Штатов открывает эту истину. Писать о «секционализме Запада», ограниченного на востоке Аллеганями, само по себе означает объявить автора провинциалом. Что такое Запад? Чем он был в американской жизни? Получить ответы на эти вопросы — значит понять наиболее важные черты современных США.

Запад в конечном счете является не регионом, а формой общества. Это термин, используемый в отношении региона, социальные условия которого являются результатом применения более старых институтов и идей к трансформирующимся влияниям свободных земель. Такое применение данного термина внезапно вводит в новую окружающую среду, открывает свободные возможности, разбивает оковы заскорузлых привычек, и в жизнь врываются новые виды деятельности, новые направления развития, новые институты и новые идеалы. Дикие местности исчезают, подлинный «Запад» уходит на новый фронтир, а там, где он был перед этим, возникает новое общество как результат его контактов с глухими внутренними районами. Это общество постепенно утрачивает свое примитивное состояние и ассимилируется к типу более старых социальных условий Востока; но в самом себе оно несет устойчивые отличительные черты, остающиеся от его опыта развития в условиях фронта. Это возрождение американского общества происходило раз за разом, десятилетие за десятилетием, один район Запада сменял другой, оставляя за собой свой след и взаимодействуя с Востоком. История наших политических институтов, нашей демократии — это не история имитации, простого заимствования; это история эволюции и адаптации институтов в ответ на изменившуюся окружающую среду, история происхождения нового политического вида. По-

этому в данном смысле Запад был в нашей жизни конструктивной силой высочайшего значения. Вот слова очень пронизательного и хорошо осведомленного наблюдателя Дж. Брайса: «Запад — это самая американская часть Америки. <...> То, чем Европа является для Азии, а Америка — для Англии, тем штаты и территории Запада являются для Атлантических штатов».

Запад как фаза социальной организации зародился на Атлантическом побережье и прошел через континент. Но колониальный приморский район поддерживал тесные связи со Старым Светом и вскоре утратил у себя специфику Запада. В середине XVIII в. в районах верховьев рек, впадающих в Атлантический океан, возникли новые социальные условия. Именно здесь Запад приобрел свои особенности и на более позднем этапе передал этому району облик и идеалы фронта. На побережье проживали рыбаки и мореходы, купцы и плантаторы, чьи взоры были обращены к Европе. А за речными водопадами поселились пионеры-фермеры, большей частью не англичане по происхождению, — шотландцы, приехавшие из Ольстера, и немцы. Они составили четко выраженный отдельный народ, и это можно рассматривать как экспансию социальной и экономической жизни Срединного региона во внутренние районы Юга. Эти жители фронта стали предками Д. Буна, Э. Джексона, Дж. Кэлхуна, Г. Клея и А. Линкольна. Условия пограничья оказали глубокое воздействие на Дж. Вашингтона и Т. Джефферсона. Лесные вырубki, расчищенные под жилище и пашню, стали питомниками, где воспитывался американский характер.

В дни Революции поселенцы преодолели Аллеганы, между ними и побережьем образовался барьер. Они стали, говоря их словами, «людьми западных вод», наследниками «мира Запада». В эту эпоху выходцы из внутренних районов, расселившиеся по западным склонам гор, остро ощущая различия между собой и населением побережья, потребовали организации независимых штатов Союза. Их идеалом было самоуправление. В одной из грубых, но энергичных петиций с просьбой о создании штата говорилось: «Некоторые из наших сограждан могут думать, что мы не способны управлять своими делами и заботиться о своих интересах; но если наше общество и грубое, то не нужно большой мудрости, чтобы удовлетворять наши потребности. Дурак может иногда сам одеться лучше, чем мудрый человек делает это для него». Эта лесная философия является философией американской демократии. Но жители побережья не были готовы к ее последствиям. Они распределили места в законодательных ассамблеях таким образом, что землевладельческое меньшинство районов прибрежной зоны имело перевес голосов над более населенными внутренними округами. На Конституционном конвенте 1787 г. федерали-

стами была предложена подобная система. Губернер Моррис, выступавший за то, чтобы представительство основывать и на собственности, и на численности населения, заявил, что «он также ожидает, что на Западе вскоре будет создан ряд новых штатов. Он считает, что правила представительства следует разработать таким образом, чтобы обеспечить Атлантическим штатам превосходство в органах власти страны». «Новые штаты», — сказал Моррис, — будут меньше знать об общественных интересах, чем Атлантические штаты; их интересы во многих отношениях будут другими; в особенности они будут проявлять мало стараний к тому, чтобы не вовлекать сообщество в войны, тяжесть и ведение которых выпадут на долю приморских штатов. Поэтому должны быть выработаны правила, которые не допускали бы, чтобы приморские штаты впредь оказались в меньшинстве при голосовании». Он добавил, что районы Запада «не смогут выдвигать столь же просвещенных людей, способных принимать участие в управлении нашими общими интересами. Оживленные собрания людей, занятых делом, а не отдаленная дикая местность — вот настоящая школа политических талантов. Если жители Запада возьмут власть в свои руки, они погубят интересы Атлантических штатов. Представители от внутренних штатов всегда энергично выступают против самых лучших мероприятий». Дополните эти высказывания страстным протестом Джосайи Куинси, члена Конгресса США от Массачусетса, во время дебатов в палате представителей о принятии в состав Союза Луизианы. Имея в виду обсуждение в ходе Конституционного конвента вопросов рабства и Запада, он заявил: «Предположим, в таком случае, что имелось ясное предвидение того, что в дополнение к действиям этой важности все население мира, находящееся за р. Миссисипи, было бы включено в эту и другую часть законодательной власти, чтобы оно формулировало наши законы, контролировало наши права и принимало решения о нашей судьбе. Сэр, можно ли делать вид, что патриоты тех времен хоть на миг стали бы слушать это?.. Они не получали свои ученые степени в больнице для идиотов. <...> Да ведь, сэр, я слышал уже о шести штатах и некоторые говорят, что не в столь отдаленном будущем их будет еще несколько. Я также слышал, что устье р. Огайо будет находиться гораздо восточнее центра предполагаемой империи. <...> У вас нет никаких полномочий на то, чтобы бросать права и собственность нашего народа в “сборную солянку”, перемешав нас с дикими людьми с Миссури или со смешанной, хотя и более respectable расой англо-испано-галло-американцев, которые нежатся на песочке в устье р. Миссисипи. <...> Неужели вы полагаете, что народ Северных и Атлантических штатов будет — или должен — терпеливо смотреть на то, как эту и другую

палату Конгресса заполняют конгрессмены и сенаторы с рек Ред-Ривер и Миссури и станут управлять делами побережья, находящегося, по меньшей мере, за полторы тысячи миль от их домов, и у них будет большинство на тех форумах, на которые, согласно Конституции, их никогда нельзя было бы допускать?»

Эхом страхов, выразившихся Востоком в конце XVIII в., звучат слова тамошнего выдающегося литератора², выступившего в конце XIX в. с таким предупреждением в отношении жителей Запада: «Материалистические по своему душевному складу, имея мало облагораживающих идей, мало знающие об уроках истории, находящиеся в безопасности от прямых бедствий и физических ужасов войны, с неразвитым воображением и состраданием, они образуют несчастное и опасное сообщество, вследствие обладания властью, не имея при этом должного ощущения связанной с властью ответственности; сообщество, в котором легко возбудить страсть к войне как воображаемому средству, коим можно наглядно доказать свое величие и удовлетворить свое честолюбие. <...> Какая-нибудь случайная искра может зажечь прерии».

Вот такова проблема Запада, какой она выглядела в глазах властителей дум Новой Англии в начале и в конце этого века. Изначально осознавалось, что вдаль от побережья возникает общество нового типа и что придет время, когда судьба страны окажется в руках Запада. Расхождения этих обществ стали ясными в ходе борьбы из-за ратификации федеральной Конституции. Сельскохозяйственные внутренние нагорные районы, общины, имевшие задолженности и желавшие бумажных денег, за некоторыми исключениями на Западе, выступали против этого документа; но территории, где велась активная торговля и имелась крупная земельная собственность, победили.

Поэтому важно понять, каковы были некоторые идеалы этой ранней демократии Запада. Каким образом житель фронта отличался от поселенца побережья?

Наиболее очевидный факт относительно жителя западных вод заключался в том, что он находился под воздействием влияний, разрушительных для многих завоеваний цивилизации. Оторванный большими расстояниями от возможностей получения систематического образования, сменивший социальные удобства городской жизни на бревенчатую хижину на лесной вырубке, он страдал от невзгод и лишений и вел жизнь, примитивную во многих отношениях. Он тяжело трудился, в одиночку покоряя леса и не имея для этого в достатке ни звонкой монеты, ни капитала. Его интересы совпадали с интересами класса должников. На каждом этапе своего продвижения на Запад поселенец выступал за увеличение денежной массы. Пионер был безгранично уверен в будущем своей общины, и когда наступали перио-

ды снижения финансовой активности и депрессии, он, полностью доверявший развитию Запада и воевавший с дикарями, чтобы обзавестись домом, был склонен обвинять во всем консервативные секции и классы. Для объяснения этого антагонизма требуется больше, чем просто осуждать нечестность, невежество и грубость как фундаментальные черты Запада. Законодательству Соединенных Штатов пришлось иметь дело с социальными условиями двух совершенно различных видов. В некоторых частях страны были собраны крупные богатства, которые существуют и сейчас, и первые роли играют заинтересованные круги крупных собственников; в других местах наблюдается нехватка капиталов, преобладают более примитивные условия, совершенно иные экономические и социальные идеалы, и на первом плане стоит удовлетворенность среднего человека. Было бы трудно продемонстрировать, что правительство всегда вело себя одинаково по отношению к этим двум идеалам.

Разобщение жителя Запада с побережьем и всем, что с ним было связано, сделало его в большей мере независимым от европейских прецедентов и сил. У него были независимые взгляды, он мало считался с лучшим опытом Старого Света и не ценил его. У западного поселенца не было идеала философской, эклектичной нации, которая должна продвигать цивилизацию «путем сношений с иностранцами и знакомства с их точкой зрения и готовности к принятию всего, что есть лучшего и наиболее подходящего в их идеях, манерах и привычках». Для него идеал скорее представлял собой сохранение и развитие того оригинального и ценного, что было в его новой стране. Вступление старого общества на свободные земли означало для него возможности нового типа демократии и новых популярных идей. Запад не был консервативным: его отличительными составными чертами являлись бьющая через край уверенность в себе и самоутверждение. В своем росте Запад усматривал не меньше, чем новый социальный и государственный порядок. В этой концепции были элементы зла и добра.

Однако фундаментальным фактором для характеристики этого нового общества было его отношение к земле. Профессор Баутми сказал следующее о США: «Их единственной, первоначальной и главенствующей целью является возделывать и заселить все эти прерии, леса и обширные пустые земли. Поразительная и характерная черта американского общества заключается в том, что это не столько демократия, сколько огромная коммерческая компания для открытия, возделывания и капитализации своей громадной территории. Соединенные Штаты — это, прежде всего, коммерческое общество и только затем страна». Конечно, здесь допущено серьезное заблуждение. Именно

вследствие самого факта постановки упомянутой здесь задачи на Западе выработались широкие идеалы государства и общества, а вместе с ними и лояльность стране, представляющей эти идеалы. Однако формулировка г-на Баутми затрагивает весьма значительный факт, а именно: основополагающие характеристики колониста внутренних районов были обусловлены наличием свободных земель на Западе. Они привлекли его внимание к великой задаче подчинения их целям цивилизации, задаче повышения своего экономического и социального статуса в новой демократии, которую поселенец помогал создавать. Искусство, литература, утонченность, научно обоснованное управление — все должно было отступить перед этим титаническим трудом. Судьбой нового американца стали энергия, безостановочная деятельность. Путешественник времен Эндрю Джексона свидетельствует: «Америка подобна огромной мастерской, на дверях которой укреплена надпись огненными буквами: “Вход воспрещен, кроме тех, кому по делу”». Запад наших дней напоминает Дж. Брайсу «о толпе, которую Ватек увидел в зале Эблиса^{*}, где люди метались во всех направлениях, спеша с озабоченными выражениями на лицах, устремляясь туда и сюда, полные воодушевления. Кажется, что им не хватает времени для всех дел, которые им надо сделать, и результат никогда не достигает того, чего они желают».

Но свободные земли и осознание того, что своим трудом можно повлиять на свою социальную участь, достигли большего, чем только обратили человека Запада к материальным интересам и сделали его существование беспокойным. Они способствовали распространению равноправия среди поселенцев Запада и выполняли роль барьера на пути аристократических влияний Востока. Там, где каждый мог обзавестись фермой почти даром, легко установилось экономическое равенство, а это связано с политическим равенством. Этот идеал человек Запада отдал не без борьбы, и он многое объясняет в причинах сегодняшнего беспокойства в отдаленных районах региона.

Демократия Запада предусматривала индивидуальную свободу и равноправие. Житель фронта терпеть не мог ограничений. Он знал, как сохранять порядок даже в отсутствие легальной власти. К похитителям скота применялся суд Линча — скорый и эффективный; каролинские регуляторы были предшественниками ассоциаций лиц, выдвигавших требования в Айове, и комитетов бдительности в Калифорнии. Но индивидуум не был готов подчиниться сложным

* Речь идет о халифе Ватекке и демоне ада Эблисе — персонажах готического романа английского писателя, политического деятеля и путешественника Томаса Уильяма Бекфорда «Ватек» (1782), написанного первоначально на французском языке.

правилам. Население было редким, не существовало множества сталкивающихся между собой интересов, как в более старых поселениях, которые требовали бы детально разработанной системы личных ограничений. Общество стало атомистическим. Воспроизводилась примитивная идея правосубъектности закона, преступление являлось больше преступлением против личности, чем нарушением законности. Идеалом поселенца из внутренних районов было реальное правосудие, обеспечиваемое самым прямым путем. Его выводили из терпения тончайшие различия или шепетильность метода. Если дело следовало сделать должным образом, то лучше всего подходил самый быстрый, грубый, но энергичный и эффективный путь.

Следствием отсутствия организованной политической жизни, атомистических условий общества глубинки являлось то, что индивидуум всячески превозносился и ему была предоставлена полная свобода. Слово «Запад» означало «возможности». Здесь находились рудники, которые можно было захватить, плодородные долины, на землю которых можно было претендовать по праву преимущественной покупки, все природные богатства лежат у ног самых проникательных и дерзких людей. Соединенные Штаты уникальны в том, до каких пределов простирается предоставленная индивидууму свобода действий, не сдерживаемая ограничениями старого общественного порядка или научно обоснованным управлением со стороны правительства. Человек, добившийся успеха своими собственными силами, был идеалом жителя Запада. Это был такой человек, которым мог стать каждый. Опираясь на свой опыт жизни в диких местностях, на опыт обладания свободой возможностей, он вывел формулу социального обновления — свободой индивидуума добиваться своих целей. Житель Запада не считал, что его положение было необычным и временным.

В подобных условиях быстро появляются лидеры. Их власть основывается на обладании такими качествами, которые больше всего подходят для молодого общества. В истории заселения Запада мы видим, что каждый укрепленный населенный пункт спланируется вокруг своего местного героя. Примерами этой тенденции в периоды, когда герои Запада становились национальными героями, были Г. Клей, Э. Джексон, У. Гаррисон, А. Линкольн.

Человек Запада верил в предначертание судьбы своей страны. На рубежах, мешая его продвижению, стояли индеец, испанец и англичанин. Он был преисполнен негодования в связи с проявлявшимся на Востоке безразличием и отсутствием сочувствия к его мнению об отношениях с этими людьми, а также в связи с близорукостью политики Востока. Закрытие р. Миссисипи Испанией и предложения обменять наше требование свободы плавания по этой реке на торговые

преимущества для Новой Англии чуть было не привели к отторжению Запада от Союза. Именно требования Запада привели к покупке Луизианы и качнули чашу весов в пользу объявления Войны 1812 г. Происходившее ежегодно расширение заселенных территорий, несмотря на враждебных индейцев и тяжелые природные условия, благоприятствовало развитию воинственных характеристик. Запад обрел видение континентальной судьбы страны. Генри Адамс в его «Истории Соединенных Штатов», описывает, как в 1800 г. американец в разговоре с иностранным визитером восклицает: «Посмотрите на мое богатство! Взгляните на эти нескончаемые горы соли и железа, свинца, меди, серебра и золота. Взгляните на эти великолепные города, широко разбросанные отсюда и до Тихого океана! Взгляните на мои кукурузные поля, шелестящие и раскачивающиеся под летним бризом от океана до океана, такие высокие, что не видно, как солнце встает над дальними горами, окаймляющими мои золотые моря. Посмотрите на мой континент, самый прекрасный из когда-либо созданных миров, на котором возлегает Америка, поворачиваясь так, чтобы солнце не переставало ласкать ее полные и щедрые груди, наполненные молоком для ста миллионов ее детей». Но все, что видел иностранец, были только унылые пустыни, населенные немногочисленными колонистами, страдающими от малярии, и дикарями. В городах не было ничего, кроме бревенчатых хижин и игорных притонов. Но мечта жителя фронтира оказалась пророческой. Несмотря на свою грубую и вульгарную натуру, этот ранний обитатель Запада был к тому же идеалистом. Он был мечтателем и ему являлись видения. Он придерживался веры в человека, надежды на демократию, уверенности в предназначении Америки и безграничного доверия к своей способности осуществить собственные мечты. В 1834 г. Гарриетт Мартино* писала: «Я смотрю на народ Америки как на еще не рожденного великого поэта, то задумчивого, то буйного, но добивающегося результатов, абсолютно преисполненных здравого смысла; беспокойного и непостоянного в своих действиях, но с глубоким миром в своем сердце; ликующего потому, что он осознал истинный дух прошлого и глубины лежащей перед ним будущности, где он создает нечто столь величественное, о чем мир еще и не начинал мечтать. Мы испытываем сильнейшую надежду на то, что эта нация способна на воодушевление идей».

Помнить об этом идеализме Запада — важно. Тот самый материализм, в котором упрекали Запад, сопровождался идеалами равнопра-

* *Гарриет Мартино* (1802–1876) — английская писательница, общественный деятель. Путешествовала по США в 1834–1836 гг. Опубликовала книгу «Общество в Америке» (1837).

вия, возвеличиванием простого человека, национальной экспансией. Поэтому было бы глубокой ошибкой писать об этом регионе так, как будто бы он был поглощен лишь сугубо материальными целями. Запад был и есть в первую очередь регионом идеалов, будь они ошибочные или нет.

Очевидно, что эти экономические и социальные условия оказались столь фундаментальными в жизни Запада, что они вполне могли доминировать среди пополнения, прибывавшего в ходе иммиграции из прибрежных секций или из Европы. Тем не менее Запад нельзя понять, если не иметь в виду, что он принял значительные потоки иммигрантов с Севера и Юга, р. Миссисипи заставила эти потоки смешаться. Именно здесь в первый раз секционализм уступил под напором единения. В конечном счете сталкивавшиеся идеи и институты старых секций вступили в борьбу за господство в этом районе, на что оказывали влияние силы, стремившиеся к единообразию. Однако это всего-навсего еще одна фаза той истины, что Запад должен стать единым, что он не может продолжать надеяться на секционные группировки. Борьба началась именно по этой причине. В период от Революции до окончания Войны 1812 г. демократия южных и срединных штатов являлась главным источником заселения Запада и социального влияния на него. Лидеры Новой Англии вскоре утратили политическую власть даже в Огайо. Демократический дух Срединного региона оставил свой неизгладимый отпечаток на Западе в этот период, который был для него временем формирования. После Войны 1812 г., когда Новая Англия утратила свое мировое лидерство в посреднической торговле, она превратилась в улей, из которого переселенцы пчелиным роем устремились в западную часть штата Нью-Йорк и в более отдаленные районы.

Эти люди распространили идеалы системы образования Новой Англии, ее характер и политические институты и сыграли весьма значительную стимулирующую роль на Северо-Западе. Но посчитать, что он подпал под безраздельное влияние Новой Англии, было бы ошибкой. Эти пионеры происходили не из класса, сохранявшего чистый и незамутненный тип Новой Англии. Они были представителями менее удовлетворенных и менее консервативных слоев общества. Более того, в ходе своего передвижения в районы Среднего Запада с ними происходили перемены, а когда поселенцы достигали наиболее отдаленных местностей Запада и начинали жить в лесах, крайне резко изменялся их образ жизни и деятельности. Подвергшись влиянию Запада, житель Новой Англии больше не был представителем той секции, которую он покинул. Он становился теперь менее консервативным и провинциальным, легче приспосабливавшимся к новой обстановке и более доступным, меньше придерживался своих пури-

танских идеалов, меньше являлся человеком культуры, а больше — человеком действия.

Поэтому, как и можно было ожидать, население Запада в «эру доброго согласия»* было по составу в значительной своей части однородным на всем протяжении Долины р. Миссисипи и начало формироваться как новый национальный тип. Возглавляемые Генри Клеем западные поселенцы призвали федеральное правительство сломать горный барьер, осуществив внутренние улучшения, и таким образом дать возможность вывоза их продукции на побережье. Под его руководством они обратились к властям США с просьбой принять протекционистский тариф, чтобы создать внутренний рынок. Группа штатов фронта вошла в состав Союза, имея демократические положения в законодательстве относительно избирательных прав и выражая преданность стране, которая дала им их земли, построила их дороги и каналы, управляла их жизнью в период пребывания в статусе территорий и сделала их равноправными в братской семье штатов. В конечном счете эти западные силы агрессивного национализма и демократии овладели правительством в лице Эндрю Джексона — человека, который являлся их наилучшим воплощением. Эта новая демократия, захватившая страну и разрушившая идеалы искусного управления государственными делами, возникла не из мечтаний какого-то теоретика, жившего в германских лесах. Стойкая, мощная и полная жизненных сил она вышла из американских лесов. Но триумф этой демократии Запада также обнаружил, что она могла призвать себе на помощь классы трудящихся побережья, к тому моменту только начинавшие обретать самосознание и организованность.

На следующем этапе развития Запада проявились силы расхождения между северной и южной частями Запада. С распространением хлопка в регион пришли рабовладельческая система и крупные плантации. Мелкий фермер со своей бревенчатой хижиной, выращивавший различные сельскохозяйственные культуры, был вытеснен плантатором, возделывавшим хлопок. Производственная организация приморской зоны овладела всеми районами Юго-Запада, за исключением горных местностей. Единство внутренних районов оказалось сломлено и сформировался единый Юг. На Северо-Западе это время было эпохой строительства железных дорог и каналов, открытия региона все возраставшему потоку переселенцев из Средних штатов и Новой Англии, а также усиления противодействия рабству. Карта расселения на Северо-Западе выходцев из Новой Англии, — это одновременно карта тех графств, где Партия фрисойлеров обладала наи-

* Годы правления администрации президента Дж. Монро (1817–1825).

большим количеством сторонников. Таким же образом коммерческие связи Северо-Запада изменили свое направление с появлением железных дорог. В 1852 г. автор статьи в журнале «Де Боус Ревью» описывал результаты этого следующим образом:

«Что такое сейчас Новый Орлеан? Куда подевались его мечты о величии и славе?.. Пока он спал, враг насадил плевелы на его самых плодородных полях. Энергичный, предприимчивый и нестигаемый духом, этот враг, применив систему смелых, мощных и непрерывных усилий, смог обратить вспять сами законы природы и Бога природы — могучие воды р. Миссисипи и тысячи впадающих в нее рек и речушек потекли в обратном направлении и ныне ее устье, в смысле практическом и коммерческом, находится более в Нью-Йорке или Бостоне, чем в Новом Орлеане».

Запад оказался расколот и началась ожесточенная борьба из-за того, какая социальная система возобладает на землях за р. Миссисипи. В Гражданской войне Северо-Запад выдвинул из своих рядов национального героя — А. Линкольн был красой и гордостью воспитания и идеалов фронта. Северо-Запад также взял в свои руки всю власть федерального правления. Еще до окончания войны выходцами с Запада были президент, вице-президент, председатель Верховного суда, спикер палаты представителей, министр финансов, министр почт, генеральный прокурор, командующие сухопутными войсками и военно-морским флотом. Запад дал основных генералов этой войны. Это был регион действия, и в обстановке кризиса он взял бразды правления в свои руки.

За триумфом нации последовала новая эра развития Запада. Общественные силы распространили свое влияние через прерии и равнины. Железные дороги, строительству которых способствовали правительственные займы и выделение земель, открыли путь к заселению, направив поток иммигрантов из Европы и неутомных пионеров из всех секций Союза на государственные земли. Армия США отбросила индейцев. Территории — эти прямоугольные пространства на карте — были преобразованы в шахматную доску штатов, являвшихся детищами федерального правительства без истории, физико-географического единства и каких-либо особых идей. Жители фронта на последнем этапе его существования опирались на сильное плечо общенациональной мощи.

А на Юге в это время происходила революция. Плантация, основанная на рабстве, уступила место ферме, джентри — демократическим элементам. Так же как на Западе, здесь, будто по мановению волшебной палочки, возникли новые отрасли индустрии — горнорудная и промышленное производство. Новый Юг, подобно Новому Западу,

был районом строительства, должников и беспокойства; он также научился тому, какими способами можно использовать федеральное законодательство в своих целях.

Тем временем Старый Северо-Запад³ переживал экономическую и социальную трансформацию. Запад в целом стал регионом, через который прокатились, сменяя одна другую, волны экономического развития. Висконсин, в настоящее время очень похожий на какую-нибудь часть штата Нью-Йорка, был на раннем периоде своего существования схож с нынешней Небраской; некоторое время здесь преобладали движение грейнджеров и Партия гринбекеров; а в северных графствах штата, где население было более редким и еще продолжался процесс заселения, сохранялось сочувствие классу должников. Так, Старый Северо-Запад представляет собой регион, в некоторых частях которого сохраняются условия жизни более раннего фронта и где происхождение унаследованных от прежних времен взглядов в основном прослеживается к тем дням, когда здесь существовало пограничье. И одновременно это регион, который во многих отношениях ассимилирован с Востоком. Он понимает обе секции. Старый Северо-Запад не совсем удовлетворен существующей структурой экономического общества в тех секциях, где аккумулировалось богатство и где корпоративные организации являются весьма мощными; но он также и не считает, как кажется, что его интересы заключаются в поддержке программы прерий и Юга. В ходе работы Конгресса США 53-го созыва Старый Северо-Запад голосовал за подходящий налог, но отверг требование неограниченной чеканки серебряных монет. Он все еще в большей степени находится под влиянием идеала человека, обязанного всем самому себе, нежели идеала индустриального национализма. Этот регион является более американским и менее космополитичный, чем побережье.

Теперь мы в состоянии ясно видеть некоторые из факторов, связанных с проблемой Запада. Ибо почти три столетия господствующим аспектом американской жизни являлась экспансия. С заселением Тихоокеанского побережья и занятием свободных земель это движение приостановилось. Было бы слишком поспешным предсказывать, что эта энергия экспансии больше не будет действовать. Требования проведения сильной внешней политики, строительства межокеанского канала, возрождения нашей морской мощи, распространения американского влияния на прилегающие острова и соседние страны — все это признаки того, что движение будет продолжено. Цитадель, из которой выдвигаются эти требования, находится к западу от Аллеган.

В более отдаленных местностях Запада поднявшаяся волна переселения с грохотом разбилась о засушливые равнины. Свободных

земель больше нет, континент пройден, и вся эта энергия напора уходит в каналы агитации. Неудачи в одной местности больше не могут быть компенсированы занятием территорий на новом фронтире; условия жизни в обществе заселенных местностей возникают внезапно и порождают сумятицу. Запад был построен на заемном капитале, и вопрос стабильности золота как стандарта при отсроченных платежах, активнейшим образом обсуждается населением этого региона-должника, глубоко неудовлетворенных теми экономическими условиями, с которыми они столкнулись, и побуждаемых присущими фронтиру прямоотой и неукоснительностью принять меры для исправления положения. В большинстве случаев люди, которые создали Запад на лежащих за р. Миссисипи территориях и которые теперь руководят агитацией⁴, прибыли в качестве пионеров из Старого Северо-Запада в те дни, когда его развитие только выходило из стадии секции фронтира. Например, сенатор У.В. Аллен из Небраски, президент проходившего недавно общенационального популистского конвента, представляющий тип политических лидеров своей секции, родился в Огайо в середине века, в юности уехал в Айову, а вскоре после Гражданской войны поселился в Небраске. Мальчиком он видел, как поселенцы истребили бизонов, как индейцы отступают под натиском пионеров. Его воспитал Старый Запад времен фронтира. А теперь возможности пограничья больше не существуют. Недовольные требуют расширения правительственной деятельности в их интересах. Эти требования сближают их с находящимися в трудном экономическом положении сельскохозяйственными классами и рабочими Юга и Востока. Проблема Запада больше не проблема этой секции — это социальная проблема общенационального масштаба. Большой Запад, простирающийся от Аллегана до Тихого океана, нельзя рассматривать как единое целое; необходимо проанализировать отдельные его регионы и классы. Но размеры его территории, населения и материальных ресурсов лишь подкрепили бы его утверждения, что если в стране есть секционализм, то это секционализм Востока. А Старый Запад, объединившись с Новым Югом, создаст не новый секционализм, а новый американизм. Он будет означать не секционное разъединение, по поводу которого кто-то предавался спекуляциям. Это может означать решительное утверждение общенационального правительства и имперской экспансии под руководством популярного героя.

Итак, реальная ситуация выглядит следующим образом: народ, состоящий из разнообразных элементов, имеющий различные, конфликтующие друг с другом идеалы и социальные интересы, выполнив задачу заполнения пустых мест континента, теперь отброшен в исходное положение и стремится к равновесию. Различающиеся между со-

бой элементы сливаются в общенациональном единстве. Действуют бурные силы преобразований и нация бурлит как ведьмин котел.

Но у Запада есть собственные центры деловой жизни и культуры, похожие на центры Востока. Здесь есть университеты штатов, не уступающие по уровню консервативного и научного экономического образования университетам любой другой части Союза, и граждане Запада чаще посещают Восток, чем жители с Востока приезжают на Запад. С ходом времени промышленное развитие Запада приведет его к большей гармонии с Востоком.

Более того, Старый Северо-Запад удерживает баланс сил и является полем битвы, на котором эти вопросы американского развития должны быть разрешены. У него больше общего со всеми другими частями страны, чем у какого-либо другого региона. Старый Северо-Запад понимает Восток, тогда как Восток не понимает Запад. Уайт-Сити, недавно поднявшийся на берегах озера Мичиган, должным образом олицетворяет развивающуюся культуру этого региона и его потенциал к еще более значительным достижениям. Сложная и характерная экономическая организация и связи в сфере бизнеса Старого Северо-Запада, его решимость прочно удерживать все, что есть своеобразного и хорошего в собственном опыте освоения Запада, готовность изучать и принимать результаты, к которым на своем опыте приходят другие секции и нации, делают Старый Северо-Запад непредубежденным и надежным арбитром американской судьбы.

В долгосрочном плане «Центру Республики» может быть доверено выработать мудрый баланс между борющимися идеалами. Но он не обманывает себя; он знает, что проблема Запада означает что-то не меньшее, чем проблема создания самобытных социальных идеалов и социального урегулирования для американской нации.

Примечания

¹ *Atlantic Monthly*, September, 1896. Перепечатывается с разрешения.

² Нортон, Чарлз Элиот.

³ Нынешние штаты Огайо, Индиана, Иллинойс, Мичиган и Висконсин.

⁴ [Написано в год первой президентской кампании Уильяма Брайана.]

Глава VIII. Доминирующие силы в жизни Запада¹

Само название — Старый Северо-Запад — говорит о следах, оставшихся после того, как процесс заселения прошел через американский континент. Новый Северо-Запад смотрит на водный лабиринт залива Пьюджет-Сапунд и ждет своей судьбы на Тихом океане. Старый Северо-Запад — историческая Северо-Западная территория — стал теперь новым Срединным регионом Соединенных Штатов. Сто лет назад это была дикая местность, где имелись только редко разбросанные французские поселения и беспорядочно раскинувшиеся американские деревушки по берегам р. Огайо и ее притоков, в то время как Моузес Кливленд только что привел небольшую возглавляемую им группу колонистов в Коннектикутский резервный район на берегах озера Эри. Сегодня это краеугольный камень Американского Содружества. С 1860 г. основная масса населения Соединенных Штатов сосредоточена в его пределах, и центр всей промышленности страны находится в 8 милях от дома президента У. Маккинли в Огайо. Из семи человек, избранных в США на пост президента страны после 1860 г., шестеро являлись жителями Старого Северо-Запада, а седьмой был из схожего с ним региона западной части штата Нью-Йорк. В Конгрессе представителей от этих пяти штатов Старого Северо-Запада уже больше, чем от старых Срединных штатов, и вдвое выше, чем численность конгрессменов от Новой Англии.

Поэтому вполне заслуживают изучения те аспекты, которые способствовали развитию цивилизации данного региона. Чтобы знать штаты, из которых состоит Старый Северо-Запад — Огайо, Индиана, Иллинойс, Мичиган и Висконсин, — необходимо понять их социальное происхождение.

Старшим из этого братства штатов, является Огайо. Новая Англия дала импульс для его организации благодаря той роли, которую сыграла «Огайо компани». Основав Мариетту и Кливленд, Массачусетс и Коннектикут учредили прочные центры пуританского влияния. В это же время Нью-Джерси и Пенсильвания послали своих колонистов осваивать территорию, приобретенную в результате покупки Симмса, где главная роль принадлежала г. Цинциннати. Тогда же жители Виргинии стремились получить земли в виде награды за военную службу в районе г. Чилликот. Срединные штаты и Юг с их демократическими идеалами представляли собой господствующий элемент в политике Огайо в начальном периоде его истории. Это доминирование проявилось в происхождении членов легислатуры штата, избранных в 1820 г.: выходцами из Новой Англии, в основном из Коннектикута, были 9 сенаторов и 16 членов палаты представителей, уроженцами Нью-Йорка, Нью-Джерси и Пенсильвании, главным образом последней, — 17 сенаторов и 21 член палаты представителей; в то же время на Юге родились 9 сенаторов и 27 членов палаты представителей, большинство из которых являлись виргинцами. Пять членов палаты представителей происходили из Ирландии, предположительно были ольстерскими шотландцами. Таким образом, в сенате Огайо представителей от Срединных штатов было столько же, сколько от Новой Англии и Юга, вместе взятых, тогда как в палате представителей численность южан ненамного превосходила выходцев из Срединных штатов. Всего же эмигранты-демократы с Юга и из Срединного региона преобладали над федералистски настроенными выходцами из Новой Англии в соотношении 3 : 1. Хотя по широко распространенному мнению Огайо считается детищем Новой Англии, ясно, что в годы его формирования как самостоятельного штата в сообществе доминировали другие силы.

В 1820 г., к концу этого первоначального периода, заселенные районы покрывали территорию штата более или менее равномерно, за исключением северо-западной части. Началось формирование Индианы. Здесь, как и в Огайо, было уже много пришельцев с Юга. Но в то время, как южане, переселявшиеся в Огайо, направлялись сюда из Виргинии, Индиану осваивали жители Северной Каролины; и эти люди большей частью были из более бедных классов. В заселении Индианы выходцами с Юга участвовало два различных элемента: миграция квакеров из Северной Каролины, уезжавших в основном из-за своих убеждений, настроенности против рабства; и поток «белых бедняков», состоявший отчасти из непоседливых охотников и неудачливых пионеров, бродивших без каких-то определенных честолюбивых замыслов, а отчасти из представителей других классов, на-

пример бывших надсмотрщиков, уезжавших на новые территории с твердыми намерениями добиться лучшей жизни.

Эти составные части иммигрантского населения сформировали ярко выраженные особенности вклада Юга в образование Индианы, что объясняет, почему ее называли «Штатом верзил»; но ни в коем случае не следует считать, что все иммигранты-южане были выходцами из этих классов или что они были обычным явлением для развития сегодняшней Индианы. На Северо-Западе, где миграция между штатами происходила в течение длительного времени и получила широкое распространение, совершенно очевидным образом отсутствуют какие-либо присущие этим штатам особенности, и исследователь, изучающий общество, подобен заезжему путешественнику в своих усилиях как-то отличить одну местность от другой и испытывает сильнейшее искушение к тому, чтобы преувеличивать странные и исключительные аспекты жизни, придающие тому или другому штату его неповторимый колорит. Индиана отчасти пострадала от подобной тенденции, однако не подлежит сомнению, что эти особенности происхождения штата оставили на нем глубокий и неизгладимый отпечаток. В 1820 г. поселения были сосредоточены в основном в южных графствах Индианы, где преобладало влияние штатов Юга и Средних штатов. Оба сенатора, представлявшие Индиану в Конгрессе США, были уроженцами Виргинии, а членом палаты представителей от этого штата являлся выходец из Пенсильвании. Южный элемент продолжал оставаться столь сильным, что один исследователь происхождения жителей Индианы подсчитал, что в 1850 г. уроженцы обеих Каролин и их дети в первом поколении составляли треть населения штата. И лишь за несколько лет до Гражданской войны северный элемент стал оказывать на Индиану решающее влияние. Здесь не было таких озерных портов, как в других братских штатах Северо-Запада, а распространение поселений в глубь штата из портов, подобных Чикаго, прерывалось менее привлекательной местностью северо-западной части Индианы. Добавьте к этому тот геологический факт, что известняковые горные хребты и лучшие почвы тянулись почти перпендикулярными поясами на север от р. Огайо, и вы убедитесь, что обстоятельства складывались так, чтобы уменьшать в штате влияние Севера и благоприятствовать воздействию Юга в период до развития железнодорожного строительства.

В Иллинойсе приток иммигрантов на первых порах также шел преимущественно с Юга. Но здесь было меньше поселенцев с Атлантического побережья. Кентукки и Теннесси являлись щедрыми донорами этого штата, однако многие выдающиеся лидеры прибыли сюда из Виргинии. Следует отметить, что в 1820 г. два сенатора в Конгрессе

США от Иллинойса имели мэрилендские корни, а конгрессмен от этого штата в палате представителей был кентуккийцем по происхождению. В 1820-х гг. толпы людей, стремившихся обзавестись землей, продвигались вверх по р. Иллинойс и расселялись по пространству между этой рекой и р. Миссисипи. Именно в то время отец А. Линкольна, который перебрался из Кентукки в Индиану, снова оставил свою бревенчатую хижину и на воловьей упряжке вместе с семьей переехал в популярное тогда графство Сангамон в Иллинойсе. Здесь Линкольн расщеплял свои знаменитые рейки, чтобы огородить собственный участок, и вырос под влиянием этой миграции пионеров-южан в прерии. Они не принадлежали в большинстве своем к плантаторам; однако в результате ожесточенной борьбы, разгоревшейся в 1824 г. из-за предложения разрешить в Иллинойсе, рабство дело свободы победило очень незначительным большинством.

Глядя на то положение, в котором находились три штата — Огайо, Индиана и Иллинойс — перед 1850 г., мы понимаем, насколько был важен здесь голос Юга, и тем легче мы можем ощутить раннюю связь Северо-Запада с его братскими штатами, расположенными южнее западных вод. Свой смысл имелся и в том, что предложение о Миссурийском компромиссе исходило от Иллинойса и что эти штаты с огромным энтузиазмом последовали за Г. Клеем в его политике относительно Войны 1812 г. Объединение Юга, западной части Средних штатов и Долины р. Миссисипи обеспечило победу демократических идеалов последователям Джефферсона, оставив почти на 50 лет Новую Англию в положении ослабленной и изолированной секции. Многие наиболее характерные особенности американской жизни в первой половине столетия были обязаны своим появлением этими отношениями между Югом и Зааллеганским регионом. Но даже на этой, столь ранней стадии, Северо-Запад проявил сильнейшее предпочтении экономическим идеалам Севера, противопоставлявшимся характерным институтам Юга, и эта тенденция усиливалась с ростом иммиграции из Новой Англии.

Два самых северных штата в братской семье штатов Северо-Запада имели ту особенность, что они были первыми, на территории которых вошли французы, но последними, куда пришли английские поселенцы. С первого взгляда нелегко понять, почему Мичиган не был оккупирован переселенцами из колонии Нью-Йорк на более ранней стадии. Может быть, причинами неспешного занятия этой области были неблагоприятные доклады землемеров, обследовавших внутренние районы штата, их частичная географическая изолированность, отсталый характер французских поселенцев. Но факты таковы, что в то время, когда в южный ярус штатов уже устремились огромные

толпы поселенцев, Висконсин и Мичиган все еще оглашались песнями канадских лодочников, и вояжеры плавали в своих каноэ из березовой коры по рекам этой глуши, торгуя с дикарями. До окончания Войны 1812 г. здесь господствовала Великобритания, а центр реальной власти находился в Канаде.

Однако после того как был прорыт канал Эри, началось освоение Мичигана. В 1830-е гг. население штата резко возросло с 31 тыс. до 212 тыс. человек, несмотря на то, что сильнейшая задолженность штата и кризис 1837 г. отвратили от его границ многих экономных, ненавидящих долги немцев. В огромном большинстве своем поселенцы прибывали из штата Нью-Йорк. Мичиган — это совершенно явное дитя Имперского штата*. Франко- и англоканадцы продолжали приезжать сюда по мере того, как в регионе развивалась лесная отрасль. К 1850 г. в Мичигане насчитывалось почти 400 тыс. жителей, занимавших южную половину штата.

Но к этому времени его активным конкурентом в борьбе за поселенцев стал Висконсин. Две силы привлекали в этот регион население в предыдущий период. Одну из них составляли фактории торговцев пушниной Грин-Бей, Прери-дю-Шин и Милуоки, и здесь французское влияние сохранялось. Район свинцовых месторождений в юго-западном углу штата стал центром притяжения для пионеров из Иллинойса и с Юга. Солдаты, прошедшие в 1832 г. по тропе Черного Ястреба**, сообщили о богатых почвах, после чего началась эпоха иммиграции. В порт Милуоки прибывали мигранты, как из западной части штата Нью-Йорк, так и из Новой Англии, расселяясь по южному ярусу графств зоны прерий, пока они не встретились в районе свинцовых месторождений с поселенцами, приезжавшими с Юга. Так же как в Огайо и Иллинойсе, многие из политических споров в штате в первый период его существования были связаны с антагонизмом между секциями, которые сошлись вместе на этом ограниченном пространстве.

Другую силу формирования Висконсина составляли немцы, только начинавшие свою массивную иммиграцию в Соединенные Штаты. Это штат не имел долгов; его конституция была исключительно либеральна в отношении иностранцев; и вместо того чтобы беречь принадлежащие ему школьные земли или использовать их для внутренних улучшений, Висконсин продавал участки почти даром, чтобы привлечь иммигрантов. В результате бережливые немцы, которым очень нравились низкие налоги и дешевые лесные земли, устремились в Вискон-

* Официальное прозвище штата Нью-Йорк.

** Вождь племени сок, воевавший с федеральными войсками в Иллинойсе и Висконсине в 1831–1832 гг.

син, дав еще один пример *Völkewanderung**. Милуоки был главным пунктом, откуда их поселения распространялись на север по берегу озера Мичиган, а позже по лесному поясу в северную часть центральной области штата. Столь значительной оказалась численность этих пришельцев, что такой экономист, как Вильгельм Георг Фридрих Рошер, писал о реальности превращения Висконсина в немецкий штат. «Они могут посадить виноградники на холмах, — восклицал в 1847 г. Франц Лээр, — и пить, весело распевая и танцуя; у них могут быть немецкие школы и университеты, немецкие литература и искусство, немецкие наука и философия, немецкие суды и законодательные собрания; короче говоря, они могут сформировать немецкий штат, в котором немецкий язык будет таким же популярным и официальным языком, каким сейчас является английский, и где будет господствовать немецкий дух». К 1860 г. уроженцы Германии составляли 16% жителей штата. Однако иммиграционный поток из Нью-Йорка и Новой Англии оказался шире и стабильнее в эти предвоенные годы. Население Висконсина выросло с 30 тыс. человек в 1840 г. до 30 тыс. в 1850 г.

Тот контингент из Новой Англии, который расселялся в Висконсине, возможно, типичен и для поселенцев, обосновавшихся в соседних с ним штатах. На это следует обратить особое внимание. Большой частью эти люди не были выходцами с побережья Массачусетса, которые столь часто воспринимаются в массовом сознании как типичные представители Новой Англии. В своей значительной части они принимали участие в миграции вдоль долин Коннектикута и центральной части Массачусетса, пересекавших холмистую местность по дороге в Вермонт и Нью-Йорк; т. е. это были пионеры почти с самого начала их существования. Вермонтские колонисты явно превосходили по численности массачусетских переселенцев и в Мичигане, и в Висконсине. В других штатах Северо-Запада их также было гораздо больше, чем в самом Вермонте. Вместе с ними прибыли и жители западной части штата Нью-Йорк. Эти люди являлись, главным образом, потомками того же пионерского населения Новой Англии, продолжающими в отдаленных местностях Запада то движение, которое привело их родителей в штат Нью-Йорк. Таким образом, слившийся воедино поток мигрантов из Новой Англии и штата Нью-Йорк составлял заметно модифицированное население Новой Англии и совершенно явно был господствующим местным элементом в Мичигане и Висконсине.

В 1840-х гг. быстро росла Айова. Хотя она и не является частью Старого Северо-Запада в политическом отношении, исторически этот

* От *Völkewanderung* (нем.) — Великое переселение народов в Европе в IV–VII вв. н.э.

штат тесно связан с данным регионом. Рост населения Айовы не был столь же стремительным, как Висконсина, из-за меньшей доли иностранной иммиграции. В то время как в 1850 г. люди, родившиеся за границей, составляли более одной трети населения Висконсина, в Айове эта пропорция не превышала $\frac{1}{10}$ части. Основной приток в Айову шел за счет Средних штатов, Иллинойса и Огайо; но южане были также хорошо представлены, особенно среди политических лидеров.

Середина столетия стала поворотным пунктом в передаче контроля над Северо-Западом. В графствах, расположенных южнее линии Старой Национальной дороги, которая проходила через города Колумбус, Индианаполис, Вандалиа и Сент-Луис, поселения стали стабильными; отчасти из-за южного происхождения населения, а также благодаря естественному стремлению новых общин к джексоновским идеалам, жители этих графств в подавляющем большинстве являлись сторонниками Демократической партии. Однако миграция с Юга повернула в сторону хлопковых районов Юго-Запада, и развитие сети железных дорог и каналов покончило с исторически сложившимся коммерческим господством р. Миссисипи; Новый Орлеан уступил скипетр Нью-Йорку. Волна миграции с Севера покатила по этим вновь открывшимся каналам и залила малолюдные графства, расположенные севернее Национальной дороги. В таких городах, как Колумбус и Индианаполис, где оба потока текли бок о бок, объединение разных элементов наблюдалось очень четко, но на Северо-Западе в целом сложилось разнородное по своему составу население. Этот регион, казалось, представлял и понимал различные части Союза. Конгрессмен от Огайо С.Ф. Винтон обращал внимание именно на этот аспект, когда в своей замечательной речи в Конгрессе США он призывал принять Айову в состав Союза. Винтон ссылаясь на миссию Северо-Запада как посредника между секциями и носителя единства нации, выступая с такой силой и пафосом, что даже Джон Куинси Адамс был взволнован.

Но есть такие вопросы, которые нельзя урегулировать компромиссом, такие тенденции, одна из которых должна возобладать над другой. Таковым стал вопрос, поставленный рабством, но поставленный слишком поздно для того, чтобы получить поддержку в верхней половине бассейна р. Миссисипи. Северный и южный элементы оказались противостоящими друг другу. «И если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот»*, — сказал Авраам Линкольн, лидер Севера, но уроженец Юга. Стивен Дуглас, возглавлявший силы Юга, будучи выходцем из Новой Англии, заявил, что ему безразлично, проголосуют ли на западных территориях за или против рабства. Истори-

* В действительности это слова из Евангелия от Марка (Мк. 3:25).

ческие дебаты между этими двумя лидерами сторон, каждый из которых отстаивал свое дело, открывают всю сложность условий, возникших на Северо-Западе, и приобретают новое значение, если их рассматривать в свете противостояния между северным и южным элементами. Штат, столь склонный к компромиссу, в конечном счете оказался полем боя, а места, выбиравшиеся для различных дебатов Авраама Линкольна и Стивена Дугласа, являлись твердынями и аванпостами антагонистических сил.

В то время ясно раскрылось родство жителей западных графств штата Нью-Йорк и господствующей части населения Северо-Запада. Выступая с позиций сил, борющихся против рабства, в г. Мадисон (Висконсин) в 1860 г. У. Сьюард сказал: «Северо-Запад далеко не так мал, как вы можете подумать. Я выступаю перед вами потому, что чувствую, что я один из вас, и всю мою взрослую жизнь я был одним из вас. Хотя я из Нью-Йорка, я также гражданин Северо-Запада. Северо-Запад простирается в восточном направлении до подножия Аллеганских гор, а разве весь запад штата Нью-Йорк не находится западнее Аллеганских гор? И откуда исходит все фрисойлерское воодушевление, которое распространяется столь жизнерадостными голосами по всем равнинным просторам? Ну, конечно, из Нью-Йорка, который западнее Аллеганских гор. Люди, собравшиеся передо мной, — кто вы, если не жители Нью-Йорка и в то же время жители Северо-Запада?» В Гражданскую войну западная часть штата Нью-Йорк и Северо-Запад были мощными и в дебатах, и в битвах. Миллион солдат дали те штаты, которые согласно Ордонансу, принятому голосами Юга, были преданы свободе.

Это было время первого сурового испытания для Северо-Запада, во многом способствовавшего тому, что в конечном счете регион обрел однородность и самосознание. Но по окончании войны здесь по-прежнему преобладало сельское хозяйство, развитое лишь наполовину; по-прежнему осваивались новые земли в северных лесах; сюда по-прежнему стекались массы людей, радикально изменяющих социальные организации региона и переживающих экономические изменения, почти революционные по своей скорости и размаху. Перемены, произошедшие после войны, имеют более важное социальное значение во многих отношениях, чем те, которые осуществлялись в годы, обычно называемые периодом становления. В результате, Северо-Запад снова оказался между противоборствующими силами, разделяя интересы и Востока и Запада, как когда-то раньше интересы Севера и Юга, и вынужденным высказываться по вопросам, имеющим равное значение для судьбы республики.

В годы преобразований после 1860 г. штат Огайо, найдя волшебный талисман, открывший сокровищницы запасов полезных ископа-

емых, газа и нефти под своими полями, одним рывком оказался в первом ряду промышленных штатов Союза. Развивая потенциал Великих озер с помощью портов Толедо и Кливленда, подключившись в Цинциннати к торговой артерии р. Огайо, будучи тесно связанным с огромным материальным развитием верховий этой реки в западной части Пенсильвании и Западной Виргинии, штат Огайо теперь очевидным образом стал частью социального организма Востока, во многом похожим на Пенсильванию. По-прежнему сохраняется сложность происхождения этого штата. В Огайо нет преобладающего социального центра; многочисленность его колледжей и университетов свидетельствует о разнообразии тех составных частей населения, которые создали штат. У трети здешних жителей родители — иностранцы (один или оба из них родились за границей). В Цинциннати сильно чувствуется немецкое влияние, в то время как в Кливленде в большей мере сосредоточен новоанглийский элемент. Влияние Новой Англии по-прежнему весьма ощутимо, но здесь это Новая Англия, имеющая природный газ, железную руду и уголь и сформированная взрывами и ковкой. Над будущими судьбами Огайо будут доминировать идеалы Среднего штата.

Что касается буколической Индианы, то и она за последнее десятилетие стала обладательницей газовых месторождений и усилила разработку своих угольных запасов до таких объемов, что сейчас, как представляется, ее судьба — стать таким же образцом промышленного развития, каким является Огайо. Как в сказке, на месте деревень возникают города. Но в Индиане гораздо меньшая доля иммигрантов-иностранцев, чем в любом другом штате Старого Северо-Запада, и ее по-прежнему отличает от соседей существование южан в составе населения. И в то время, как в политических лидерах Огайо все еще видна пуританская миграция, в Индиане пожимают руки лидеров Юга.

Южные элементы также продолжают проявляться в поддержке Демократической партии юго-западными графствами Иллинойса, сгруппировавшимися подобно широкой дельте р. Иллинойс, в то время как в северном Иллинойсе проживала более значительная часть потомков выходцев из Средних штатов и Новой Англии. Около половины населения штата — люди иностранного происхождения, из которых самую большую часть составляют немцы, ирландцы и скандинавы. Это великий сельскохозяйственный и великий промышленный штат, связующее звено между р. Миссисипи и Великими озерами. Крупнейший город Иллинойса — Чикаго — олицетворяет наиболее типичное в развитии Северо-Запада, как хорошее, так и плохое. Это воплощение сложного национального состава Северо-Запада. Современный автор, исследуя перепись школ Чикаго, указы-

вает, что «только в двух городах Германской империи, в Берлине и Гамбурге, численность немецкого населения выше, чем в Чикаго; а в Швеции только в двух городах, Стокгольме и Гётеборге, больше шведов, чем в Чикаго; и только в двух городах Норвегии, в Христиании и Бергене, больше норвежцев»; в то же время значительна также численность ирландцев, поляков, выходцев из Богемии* и голландцев. Но, несмотря на скорость, с которой шел рост Чикаго, и многообразии национального состава горожан, этот город предстает перед нами, как воплощение силы воли и гения действия Среднего Запада. Иллинойс станет для следующего поколения полем боя за социальные и экономические идеалы.

Мичиган — это два штата. Северный полуостров отрезан от южного в географическом и промышленном отношениях и имел свою историю заселения. Могло бы показаться, что его естественная судьба — быть с Висконсином или каким-нибудь возможным новым штатом, включившим бы районы добычи железной и медной руды, лесопереработки и судоходства Мичигана, Висконсина и Миннесоты на озере Верхнем. Южный полуостров Мичигана является детищем штата Нью-Йорка, и более 12% нынешнего населения Мичигана родились в том штате. Особенности Мичигана — это черты, присущие Нью-Йорку. Более 50% населения штата имеют иностранное происхождение — из них на Канаду и Англию вместе приходится половина, а немцы по численности превосходят любую другую отдельно взятую национальность. В Мичигане происходило устойчивое промышленное развитие за счет эксплуатации его северных рудников и лесов, расширения деревообрабатывающей отрасли с центром в г. Сагино, выращивания фруктов в расположенных по берегам озер графствах, производства зерна в центральной части — в графствах, лежащих между заливом Сагино и южным берегом озера Мичиган. Университет штата — предмет его особенной гордости, ставший образцом университетов штатов, и является вкладом Северо-Запада в образовательную деятельность страны.

Будущее Висконсина зависит от влияния большой доли его населения, на три четверти состоящего из людей иностранного происхождения. Поэтому здесь самый низкий процент «местного» населения из всех штатов, образованных на территории Старого Северо-Запада. В этой доле иностранцев к настоящему моменту самую большую часть составляют немцы, а на втором месте идут скандинавы. Что касается американцев, родившихся за пределами Висконсина, то они в основ-

* Богемия — название в 1526–1918 гг. Чехии (без Моравии). Находилась в составе Габсбургской империи, преобразованной в Австро-Венгрию (1867–1918).

ном приехали из штата Нью-Йорк. По контрасту со штатами, расположенными у р. Огайо, здесь нет выходцев с Юга. Если Мичиган отличают канадцы и англичане в составе населения и производство фруктов, то по контрасту с этим среди жителей Висконсина значительно больше лиц иностранного происхождения и лучше развито молочное животноводство. Отношения Висконсина с Западом более активные, чем у Мичигана, из-за его связей с р. Миссисипи и штатами прерий. Населения иностранного происхождения здесь немного меньше, чем в Миннесоте, где скандинавы занимают такое же место, как немцы в Висконсине. Способности скандинавов к тому, чтобы перенять дух американского Запада и ассимилироваться со своими соседями, гораздо выше, чем у немцев, и поэтому, как представляется, Висконсин предлагает больше возможностей для неанглийского влияния, чем его западный собрат. Экономическое развитие Миннесоты до сих пор самым тесным образом зависело от производства пшеницы в прериях. В то же время начало работы железорудных бассейнов в Месаби и Вермильоне одновременно с развитием городов Сент-Пол и Миннеаполис, Дулут и Уэст-Сьюпириор, а также перспектива развития глубоководных путей сообщений с Атлантическим побережьем предвещают этому штату, как кажется, новую и имперскую индустриальную судьбу. Висконсин, к северо-западу от которого намечается это колоссальное экономическое будущее, а на юго-востоке — огромный рост Чикаго, сам может превратиться в срединный сельскохозяйственный регион, в первую очередь развиваясь как штат молочного животноводства. Во времена политического возбуждения и предложений о социальных изменениях он находится под мощным воздействием консервативных тенденций своего немецкого населения.

Некоторые социальные модификации в этом штате более или менее типичны для важных процессов, происходящих в соседних штатах Старого Северо-Запада. На севере люди, создавшие в Висконсине деревообрабатывающую отрасль экономики, основавшие города с лесопилками, окруженные пнями, оставшимися от сосновых лесов, которые они срубили для продажи на рынках прерий, разбогатели и приобрели политическое влияние. Во многих северных общинах можно увидеть просторные и хорошо обставленные дома основателей городов лесорубов, стоящие в окружении менее претенциозных жилищ механиков и торговцев, причем их социальные различия подчеркиваются еще и национальными различиями. Несколькими годами раньше этот капитан индустрии был, возможно, активно вовлечен в поиски наилучших «сорока акров» в лесу или руководил работой своих перевозчиков лесоматериалов. Его жена и дочери путешествуют

по Европе, сыновья отправляются учиться в университеты, сам он, скорее всего, приобретает политическое положение или занимается спасением своего города от экономического упадка из-за вырубки лесов, преобразуя его в центр производства более сложной продукции. А другие жители продолжают свою работу в лесах Юга. Эта социальная история лесных районов Висконсина оставила четкие следы в развитии отличающегося характерными особенностями политического руководства в северной части штата.

В южных и центральных графствах штата, первоначально заселенных рожденными в США фермерами-пионерами, проявляется тенденция к тому, чтобы разделять фермы и продавать их экономным немцам или сдавать эти хозяйства арендаторам. В то же время фермер переезжает жить в деревню по соседству и, возможно, открывает маслозавод и развивает молочный бизнес. Результатом становится происходящая смена национального состава. Города и даже графства, где когда-то доминировали фермеры-американцы из штата Нью-Йорк, теперь оказались заселены немцами или европейцами других национальностей. В руки немцев также переходит большое количество предприятий розничной торговли, тогда как урожденные граждане США уезжают в большие города, становятся ремесленниками или служащими больших торговых фирм. Иностранцы склонны проживать группами. Одной из наиболее поразительных иллюстраций этого факта является община Нью-Гларус в Висконсине, созданная благодаря тщательно организованному переезду из г. Гларус в Швейцарии, в чем оказывали помощь власти одноименного кантона. В течение нескольких лет эта община была по своему социальному устройству и обычаям миниатюрным швейцарским кантоном, но с недавних пор она начала становиться все более ассимилированной с американским типом и оставила свой след, преобразовав графство, в котором находилась, из региона, производящего зерно, в регион молочного животноводства.

Милуоки является центром распространения весьма заметного влияния немцев на социальные обычаи и идеалы Висконсина. В этом городе есть много характерных особенностей немецкого города, и он стал бастионом сопротивления усилиям урожденных граждан США по осуществлению жесткого антиалкогольного законодательства, законов, регулирующих деятельность приходских школ, и другим подобным попыткам подогнать немецкий тип под социальные идеи американских пионеров. На последних президентских выборах населенные немцами районы штата не поддержали Демократическую партию, а их противодействие ограниченной чеканке серебряной монеты стало решающим фактором победы республиканцев в Висконсине подавляющим большинством голосов. Несмотря на все имею-

щиеся доказательства стойкости сохраняющегося влияния национальности, тем не менее очевидно и то, что с каждым десятилетием в штате усиливаются ассимиляция и однородность. Но результатом является компромисс, а не победа какой-либо национальности.

Штаты Старого Северо-Запада дали Уильяму Маккинли перевес в более 367 тыс. голосов при общем количестве голосовавших около 3734 тыс. человек. Новая Англия и Срединные штаты, вместе взятые, принесли ему большинство в 979 тыс. голосов при примерно таком же числе голосовавших, в то время как более отдаленные штаты Запада дали решающее общее большинство Уильяму Брайану. Таким образом, кажется, что Старый Северо-Запад занял политическую позицию промежуточного региона между Востоком и Западом. Значение такой позиции становится очевидным, если вспомнить, что эта секция является детищем Востока и матерью популистского Запада.

Оккупация западных прерий была предопределена силами, схожими с теми же, которые заселяли Старый Северо-Запад. В предвоенное десятилетие Миннесота заняла то место, которое принадлежало Висконсину десятью годами раньше — место Мекки для поселенцев. Самая большая часть американцев, родившихся за пределами Миннесоты, — это выходцы из Висконсина и штата Нью-Йорк. В первую послевоенную декаду заселение Канзаса и Небраски шло наиболее быстрыми темпами, причем среди иммигрантов-американцев была значительна доля солдат. Около одной трети уроженцев США, обосновавшихся в этих штатах, происходили из Иллинойса и Огайо, однако в Канзасе было больше пришельцев из штатов Юга, чем в Небраске. В этих двух штатах была чрезвычайно высокая доля коренных белых иммигрантов по сравнению с соседними штатами прерий. В Канзасе, например, около 26% жителей составляли иностранцы по рождению, тогда как в Небраске их доля была приблизительно 42%, в Айове — 43, в Южной Дакоте — 60, в Висконсине — 73, в Миннесоте — 75 и в Северной Дакоте — 79%. Развитие последней шло наиболее активно в 1880-х гг. Уроженцы США прибывали в Северную Дакоту в основном из Висконсина, за которым шли, в убывающем порядке, иммигранты из Нью-Йорка, Миннесоты и Айовы. Рост Южной Дакоты продолжался в течение двух десятилетий перед переписью населения 1890 г., и этот штат принимал американских граждан, приезжавших сюда из Айовы, Висконсина, Иллинойса и Нью-Йорка.

Вследствие значительной миграции со Старого Северо-Запада на целинные земли этих штатов прерий во многих графствах штатов-доноров в 1880-х гг. произошло заметное снижение темпов роста. Важным является тот факт, что (за исключением Айовы) эти штаты прерий — колонии Старого Северо-Запада — отдали голоса на президент-

ских выборах 1896 г. У. Брайану в пропорции, соответствующей доле уроженцев США в составе населения. Северная Дакота, где было наибольшее число жителей иностранного происхождения, отдала победу У. Маккинли, а Южная Дакота, где таких избирателей было гораздо меньше, поддерживала Брайана. Канзас и Небраска шли наравне с Огайо по доле коренного населения, и они были центром популизма в зоне прерий. Конечно, имелись и другие важные местные экономические и политические причины этого соотношения, но, как кажется, в нем заключена основа реального значения. Несомненно то, что лидеры движения за неограниченную чеканку серебряных монет вели свое происхождение от американцев, приехавших из Старого Северо-Запада. Первые популисты в легислатуре Канзаса 1891 г. были уроженцами различных штатов, а именно: Огайо — 12 человек; Индианы — 6; Иллинойса — 5; Нью-Йорка — 4; Пенсильвании — 2; и по одному — из Вермонта, Коннектикута и Мэна; всего 32 человека представляли северный поток иммиграции. Что касается остальных 18 членов легислатуры штата, то из них 13 человек были выходцами с Юга, и по одному — из Канзаса, Миссури, Калифорнии, Англии и Ирландии. Почти все они были методистами и бывшими членами Республиканской партии².

Если взглянуть на движение сторонников неограниченной чеканки серебряных монет более широко, то мы обнаружим, что из представителей Канзаса в Конгрессе США 54-го созыва уроженцем Канзаса был один человек, а остальные родились в Индиане, Иллинойсе, Огайо, Пенсильвании, Западной Виргинии и Мэне. Все конгрессмены от Небраски — члены палаты представителей — являлись выходцами из Старого Северо-Запада или Айовы. Биографии двух членов палаты представителей от штата Вашингтон — интересная история сама по себе. Их привезли в зону сосновых лесов Висконсина детьми, они приобрели там участки государственных земель, работали на фермах и в сосновых лесах. Один из них уехал в Небраску и обзавелся там гомстедом, а затем перебрался в штат Вашингтон. И таким образом они опережали социальную трансформацию Запада на одну ступень. Такова обычная подготовка политиков Запада. Если читателю захочется увидеть портрет типичного популиста из Канзаса, пусть он изучит семейные портреты фермера из Огайо середины XIX в.

Одним словом, популист — это американский фермер, опережавший экономические и социальные трансформации, которыми оказались охвачены люди, остававшиеся в покинутых им местах. И если изучение происхождения популистов и «приверженцев серебра», которые приехали в прерии из Старого Северо-Запада, несомненно, выявит большую долю уроженцев Юга, тем не менее, кажется, что недовольство сосредоточено в рядах иммигрантов из Новой Англии

и штата Нью-Йорк. Если Новая Англия внимательно посмотрит на этих людей, она может узнать в них знакомые лица выстроившихся в боевой порядок фермеров, выстрелы которых отозвались эхом по всему миру. Непрерывавшееся продвижение пионеров Новой Англии сохранило для нас первоначальный тип первого поселенца фронта Новой Англии.

Я не оставляю за пределами рассмотрения преобразующее воздействие на этих колонистов условий дикой местности с того момента, когда они покинули районы первого фронта и пошли по долинам западного Коннектикута, Массачусетса и Вермонта, достигли запада Нью-Йорка, проникли в Огайо, в Айову и добрались до засушливых равнин западного Канзаса и Небраски; я также не пренебрегаю в своем исследовании особенностями экономических условий штатов прерий. Однако я желаю настаивать также и на другой истине, а именно, что эти устремлявшиеся в западном направлении иммигранты, на поколения опережавшие силы производственной и социальной трансформации, которые произвели столь огромную революцию в старых регионах Востока, из которых они ушли, неизбежно сохраняли в себе важные черты старого фермерского типа. И, дойдя до засушливых районов Запада, пионеры остановились и, обернувшись, обнаружили, что нация изменилась и социальные идеалы переменялись. Они видят резкий контраст между своими традиционными представлениями об Америке как земле возможностей, земле человека, который всем обязан самому себе, свободного от классовых различий и власти богатства — и существующей Америкой, столь несхожей с прежним идеалом. Если мы проследим прошлый путь продвижения пуританского фермера, то увидим, насколько чутким он всегда был к всевозможным «измам» и как упорно сопротивлялся любым покушениям на собственные идеалы индивидуальных возможностей и демократии. В Канзасе перед Гражданской войной он — пророк «высшего закона». Он — сторонник запрета спиртных напитков в Айове и Висконсине, выступающий против немецких обычаев как покушения на его традиционные идеалы. В Висконсине он — грейнджер, который принимает законодательство, ограничивающее деятельность железнодорожных компаний. Он аболиционист, антимазон, миллерит*, сторонник предоставления женщинам равных с мужчинами избирательных прав, спирт, мормон, он — уроженец западной части штата Нью-Йорк. В своем доме в Новой Англии этот человек переживал бурные времена восстания Д. Шейса, борьбы из-за бумажных денег, законодательства об отсрочке судебного производства и об уплате долгов, споров вокруг земельных банков. Радикалы среди

* Последователь баптистского проповедника Уильяма Миллера (1782–1849).

этих фермеров Новой Англии ненавидели адвокатов и капиталистов. «Я бы им не доверял, — заявил Эйбрахам Уайт, выступая на конвенте Массачусетса по ратификации Конституции США в 1788 г., — если бы даже каждый из них был бы Моисеем». «Эти адвокаты, — восклицал Эймос Синглтэри, — и ученые люди, и люди с деньгами, которые так красиво говорят и так искусно все объясняют, чтобы заставить нас, людей бедных и неграмотных, проглотить пилюлю, они рассчитывают сами попасть в Конгресс! Они собираются прибрать все деньги к своим рукам, а потом они проглотят всех нас, маленьких людей, как Левиафан, господин председатель: да, вот именно, как кит проглотил Иону».

Если нынешний житель Новой Англии сочтет хриплым голос Мэри Эллен Лиз, в то время как для слуха канзасского фермера это нежная музыка, то пусть этот житель Новой Англии поразмыслит над упомянутыми заявлениями фермеров фронта периода Революции; и если у него все еще остаются сомнения относительно этого духовного родства, пусть он прочитает слова левеллеров и сектантов армии Кромвеля.

Истории жизни политических лидеров, оставшихся там, где они родились, и принявших участие в происходивших там политических переменах, отличаются от биографий тех, кто, уйдя на Запад, продолжил существование старого социального типа в новом пространстве. В рядах шотландцев, переехавших в Америку из Ольстера, которые во второй четверти XVIII в. поселились в нагорной части обеих Каролин, шли предки Дж. Кэлхуна и Э. Джексона. Оставшись жить в этом регионе, Кэлхун принял участие в преобразованиях внутренних районов Южной Каролины. На его глазах они превратились из территории пионеров-фермеров в район крупного плантаторского хлопководства, основанного на рабском труде. Этим объясняется и трансформация самого Кэлхуна, превратившегося в 1816 г. из националиста и протекциониста в сторонника суверенитета штатов и свободы торговли. С другой стороны, Джексон покинул регион в тот период, когда он еще был районом фронта, стал жить жизнью порубежья в Теннесси и превратился в выразителя демократических и националистических настроений своего народа. Генри Клей жил в родном штате Кентукки достаточно долго, чтобы увидеть, как из района фронта он превратился в заселенную местность, и его взгляды в отношении рабства были отражением меняющейся истории этого штата. С другой стороны, А. Линкольн, родившись в Кентукки в 1809 г., когда штат еще жил в условиях пограничья, в 1816 г. мигрировал в Индиану, а в 1830 г. — в Иллинойс. Дух пионеров его общины во многом сформировал жизнь Линкольна, и преобразование неотесанного жителя фронта в государственного деятеля было в чем-то сходно с превращением, через

которое прошел его собственный штат. Политические лидеры, испытывавшие на себе развитие Северо-Запада в более поздний период, такие как Дж. Гарфилд, Р. Хейс, Б. Гэрисон и У. Маккинли, ясно демонстрируют продолжающиеся преобразования секции. Но в те дни, когда Северо-Запад еще не сложился окончательно, он посылал своих сыновей в новые края Запада, чтобы они хранили взгляды на жизнь и политику тех еще не отошедших от обычаев фронта регионов, которые покидали.

В настоящее время Северо-Запад, предки которого — на Востоке, а потомки — на Западе, сам частично похожий и на Восток, и на Запад, находится в положении до странности схожем с тем, что было во времена борьбы с рабством, когда из-за своего происхождения он испытывал чувство «разделенного морального обязательства». Но в отношении этих проблем не стоит тот же неумолимый вопрос: «С кем?», как это было при выборе позиции либо против рабства, либо в его поддержку.

При взгляде на Северо-Запад в целом видишь, что по направлению своей экономики и составу населения на востоке он идентифицируется с той зоной штатов, которая включает Срединный регион и Новую Англию. Хлопок и негры составляют четкую линию раздела между Старым Северо-Западом и Югом. И, тем не менее в важных исторических идеалах — в процессе экспансии, сохранении сельскохозяйственных интересов, импульсивности, империалистическом образе мыслей о предназначении Америки, преклонении перед героями, новизне своей нынешней социальной структуры — Старый Северо-Запад имеет много общего с Югом и Дальним Западом.

За его плечами старое прошлое первых поселенцев, отличавшееся простыми демократическими условиями и свободой возможностей для всех. Перед его глазами — величественное промышленное развитие, великолепие успеха, свидетельством чего являются огромная численность населения, накопленное богатство и мощь секции.

Примечания

¹ Atlantic Monthly, April, 1897. Публикуется с разрешения.

² Этой информацией я обязан профессору Ф.Ч. Блэкмару из Университета штата Канзас.

Глава IX. Вклад Запада в американскую демократию¹

В период Французской революции политическая мысль склонялась к тому, чтобы рассматривать демократию как абсолютную систему, применимую ко всем временам и ко всем народам, систему, которая должна была создаваться действием самого народа, основывающегося на философских принципах. За время, прошедшее после этой эпохи, у некоторых авторов, пишущих о демократии, имелась склонность делать упор на аналитическом и теоретическом рассмотрении этого вопроса в ущерб основополагающим факторам исторического развития.

Если же, однако, мы рассмотрим условия, лежащие в основе событий, и силы, создающие демократический тип правительства и время от времени вступающие в противоречие с внешними формами, к которым применяется определение «демократия», то мы обнаружим, что под этим названием появлялось огромное множество политических типов, в действительности радикально отличающихся друг от друга.

Поэтому внимательный исследователь истории должен начать поиски с объяснения форм и изменений политических институтов в тех социальных и экономических силах, которые решающим образом влияют на них. Знать, что в какой-то момент какую-то страну можно назвать демократией, аристократией или монархией, не столь важно, как знать то, каковы в этом государстве социальные и экономические тенденции. Вот они и есть те жизненно важные силы, которые действуют под поверхностью и доминируют над внешними формами. Изменения в экономической и социальной жизни народа — вот что мы должны изучать для выявления сил, которые в конечном счете создают органы политического действия и изменяют их. На это время адаптация политической структуры может быть не полной или скрытой. Старые органы будут использоваться новыми силами в своих целях,

и перемены будут столь постепенными и незаметными, что их с трудом можно будет распознать. Известными примерами такого типа являются псевдodemократии во Флоренции при Медичи и в Древнем Риме при Августе. А с другой стороны, если политическая структура — жестка, неспособна реагировать на изменения, внесения которых требует развитие, экспансивные силы социальных и экономических преобразований могут довести их до катастрофы, подобной Французской революции. Во всех таких изменениях действуют как сознательные идеалы, так и бессознательная социальная перестройка.

Эти явления известны исследователям, и все же нет уверенности, что они были полностью учтены в связи с американской демократией. Вот уже, по крайней мере, в течение ста лет для американцев стало общепринятым упоминать «славную Конституцию» при объяснении причин стабильности и процветания нашей демократии. Мы как страна были уверены, что другим народам надо только захотеть иметь наши демократические институты, чтобы повторить наш успех.

При рассмотрении вклада Запада в демократию жизненно важно помнить о тех факторах, которые я только что отметил. Каким бы этот вклад ни был, мы в настоящее время оказываемся в эпохе столь глубоких экономических и социальных перемен, чтобы поставить вопрос о воздействии этих изменений на демократические традиции Соединенных Штатов. В течение последних десяти лет в нашем национальном развитии произошли четыре разительные перемены, которые, взятые вместе, означают революцию.

Во-первых, иссяк запас свободных земель и прекратилось наступление на Запад как эффективный фактор американского развития. Первоначальное грубое завоевание диких местностей завершилось, и эти великие запасы свободных земель, которые год за годом работали на усиление демократических влияний в Соединенных Штатах, исчерпались. Верно, что большие пространства государственных земель по-прежнему остаются незанятыми, но они находятся в горных и пустынных регионах, из которых можно будет покорить только малую часть, и то лишь при помощи капиталов и совместных усилий. Свободных земель, создавших американского пионера, больше нет.

На втором месте стоит тот факт, что одновременно была достигнута такая концентрация капитала, контролирующего самые главные отрасли промышленности, что это говорит о новой эпохе в экономическом развитии США. Железо, уголь и крупный рогатый скот — все это попало в руки немногих мощных корпораций, имеющих совместные интересы, и через быстро проведенное объединение важных железнодорожных систем и паровозных линий во взаимодействии с теми же самыми силами теперь таким же образом в некоторой степени контро-

лируются продовольственные товары и промышленные изделия страны. В основном это произошло за последние десять лет. Развитие величайших железных рудников на озере Верхнем развернулось в начале девяностых годов, и тогда же произошло объединение, в ходе которого уголь и кокс страны, а также транспортные системы, связывающие их с железными рудниками, были поставлены под начало нескольких сконцентрированных управлений. Бок о бок с этой концентрацией капитала шло объединение труда в тех же самых огромных производствах. Одно в определенном смысле сопутствует другому, но это движение приобретает дополнительное значение из-за того, что на протяжении последних 15 лет рабочий класс рекрутировался из иммигрантов-иностранцев в такой степени, что сейчас он в основном состоит из лиц иностранного происхождения, и линии раздела, которые начинают появляться в США между капиталом и трудом, усиливаются национальными различиями.

Третьим феноменом, связанным с двумя только что упомянутыми, является политическая и коммерческая экспансия Соединенных Штатов в заморские страны. Цикл американского развития завершился. Вплоть до окончания Войны 1812 г. США были вовлечены в судьбы европейской системы государств. Первая четверть столетия нашего национального существования представляла собой почти непрерывную борьбу за то, чтобы не дать втянуть себя в европейские войны. После завершения этой эры конфликтов Соединенные Штаты обратили свой взор на Запад. Началось заселение огромных внутренних районов страны и их улучшение. Здесь лежало поле нашей колонизации и политической активности. Этот процесс завершился, и нет ничего странного в том, что мы обнаруживаем, что США вновь вовлечены в мировую политику. Революцию, которая произошла четыре года назад, когда Соединенные Штаты нанесли поражение той древней нации, под эгидой которой был открыт Новый Свет, до сих пор понимают крайне поверхностно. Островные трофеи войны с Испанией — Пуэрто-Рико и Филиппины, — а также проблемы, которые создают Гавайские острова, Куба, Панамский канал и Китай — все они являются показателями нового курса государственного корабля, и пока мы, таким образом, обращаем свое внимание за моря, наша сконцентрированная индустриальная мощь придала нам поразительную силу, направленную против европейской торговли и уже породившую ужас в Старом Свете. Завершив завоевание диких местностей и консолидировав свои капиталы, мы начинаем рассматривать отношения между демократией и империей.

И в-четвертых, политические партии Соединенных Штатов теперь склонны расходиться во мнениях относительно социализма. Подъем

Популистской партии за последнее десятилетие и принятие столь многих ее принципов Демократической партией под руководством У. Брайана самым разительным образом показывают рождение новых политических идей, изменение направлений политического конфликта.

Я не уверен, что в американской истории было какое-нибудь другое десятилетие, когда бы раскрывались более значительные факторы нашего роста. За борьбой пионеров-фермеров, стремившихся освоить засушливые земли Великих равнин в 1880-е гг., последовало официальное объявление в 1890 г. о прекращении существования полосы фронта. Драматический исход Чикагского конвента 1896 г.* обозначил приход во власть сторонников популистских перемен. Через два года произошла битва в Манильской бухте**, которая покончила со старой изоляцией страны и вывела ее на путь к цели, которую не сможет предсказать ни один человек; и, наконец, всего лишь два года назад достигнута концентрация экономики. Ее двумя примерами колоссальной важности являются «Стальной трест» с объемом капитала в 1,5 млрд долл. и объединение северных трансконтинентальных железных дорог. В таком случае разве не является очевидным, что любой исследователь, ищущий объяснения демократии в социальных и экономических силах, лежащих в основе политических форм, должен изучить условия, которые создали наши демократические институты, если он хочет оценить эффект этих огромных изменений? В качестве вклада в подобное изучение давайте сейчас обратимся к рассмотрению вопроса о той роли, которую в формировании нашей демократии сыграл Запад.

С самого начала заселения Америки регионы фронта неуклонно стремились к демократии. В Виргинии, если взять лишь один пример, она может быть прослежена в столь раннее время, как период восстания Натаниела Бэкона, за сто лет до провозглашения нашей Декларации независимости. Мелкие землевладельцы и арендаторы, видя, что власть постепенно переходит в руки богатых плантаторов, контролировавших церковь, государство и землю, подняли бунт. Поколением позже при губернаторе Александре Спотсвуде мы обнаруживаем столкновение между поселенцами фронта и землевладельческим классом побережья. Демократия, с которой Спотсвуду пришлось бороться и на которую он так горько жаловался, представляла собой демократию мелких землевладельцев и арендаторов, недавних иммигрантов, законтрактованных слуг, которые после истечения срока своих

* Речь идет об общенациональном конвенте Демократической партии 7–11 июля 1896 г., выдвинувшим кандидатом в президенты США У. Брайана.

** 1 мая 1898 г.

договорных обязательств, уходили во внутренние районы, чтобы обзавестись там земельным участком и заняться фермерством в качестве первых поселенцев. «Война регуляторов», разразившаяся буквально накануне Американской революции, показывает непреклонное упорство, с которым велась борьба между классами внутренних районов и побережья. Декларация жалоб, которую в это время составили жители отдаленных графств обеих Каролин против аристократии, доминировавшей в политике этих колоний, демонстрирует борьбу между демократией фронта и утвердившимися у власти классами, которые распределяли места в легислатуре таким образом, чтобы сохранить за собой эффективный контроль над правительством. И действительно, в канун Американской революции можно выявить четко определяемый пояс демократической территории, простиравшийся от внутренних районов Новой Англии и далее через западную часть штата Нью-Йорк, Пенсильванию и Юг².

В каждой из колоний этот регион находился в конфликте с господствующими классами побережья. До Революции он составлял квази-революционное пространство и являлся фундаментом, на котором позднее была образована Демократическая партия. Таким образом, именно на Западе в период до провозглашения Декларации независимости впервые проявилась открытая борьба за демократическое развитие, и именно в этом регионе уже появились основополагающие идеи американской демократии. Такое противостояние можно отметить и во времена Революции и Конфедерации. В районах фронта Новой Англии вдоль западных рубежей Пенсильвании, Виргинии и обеих Каролин, а также в общинах за Аллеганскими горами поселенцы требовали организовать независимые штаты, основанные на демократических положениях. В своих неудержимо энергичных петициях они добивались самоуправления в соответствии с теорией, согласно которой каждый народ имеет право создавать собственные политические институты на отвоеванной у дикой природы территории. Эти революционные принципы, основанные на естественных правах, за которые выступали прибрежные колонии, были восприняты с энергией фронта при попытке применить их к районам Запада. Читая петиции жителей пограничья, в которых они осуждают власть, осуществляемую богатыми владельцами крупных земельных имений побережья, ссылаются на свои заслуги по завоеванию диких местностей и требуют права владения теми землями, за которые они воевали с индейцами и которые с помощью топоров привели в цивилизованное состояние, невозможно не увидеть в этих общинах фронта колыбель воинственной демократии Запада. «Глупец может иногда сам лучше надеть на себя свое пальто, чем мудрый человек мог бы

это сделать для него», — такова философия этих петиционеров. В этот же период происходили выступления во внутренней сельскохозяйственной части Новой Англии против торговцев и крупных землевладельцев побережья, из которых восстание Даниела Шейса наиболее известный, хотя и не единичный случай.

Ко времени Конституционного конвента эта борьба за демократию привела к достаточно очевидно выраженному разделению на партии. Хотя на первых порах эти партии не осознавали связи между собой в различных штатах, имелись схожие проблемы, по которым происходил раскол почти во всех штатах. Требования эмиссии бумажных денег, отсрочки исполнения судебных приговоров в отношении должников, освобождения от чрезмерного налогообложения выдвигались во внутренних аграрных районах каждой колонии. Подъем этого важного движения вызвал опасения богачей, и в ходе дебатов в Конституционном конвенте в 1787 г. об основах избирательного права для проведения выборов в палату представителей лидеры консерваторов без колебаний потребовали сохранения имущественного ценза, что дало бы побережью превосходство над внутренними районами. В результате этих споров вопрос о праве на участие в выборах конгрессменов был оставлен на усмотрение штатов. Тем самым фактически во всей стране в целом вводился имущественный ценз, и только по мере развития внутренних районов эти ограничения постепенно были заменены прямым избирательным правом для мужчин.

Томас Джефферсон в период президентства Дж. Вашингтона объединил все эти разрозненные демократические тенденции в созданной Демократической республиканской партии. Джефферсон был первым пророком американской демократии, и когда мы анализируем основополагающие особенности его доктрины, становится ясно, что доминирующим элементом было влияние Запада. Он родился в середине XVIII в. на виргинском фронтире у подножия Голубого хребта. Его отец был первым поселенцем. Джефферсоновские «Заметки о штате Виргинии» со всей ясностью раскрывают концепцию автора о том, что демократия должна иметь сельскохозяйственный базис и что развитие промышленности и городская жизнь опасны для чистоты политического организма. Простота и экономия в управлении, право на революцию, свобода индивидуума, вера в то, что те, кто завоевывает свободные земли, имеют право формировать собственное правительство по своему усмотрению, — все это части платформы политических принципов Джефферсона, и все они являются элементами, весьма характерными для демократии Запада, в условиях которой он родился.

В период Революции Джефферсон осуществил серию мер, направленных на то, чтобы отдать власть в Виргинии в руки поселенцев вну-

трених районов, а не аристократии побережья. Отмена законов о майоратном наследовании и праве первородства разрушила бы огромные поместья, на которых основывала свою мощь плантаторская аристократия. Отмена положений о государственной церкви еще более сократила бы влияние партии побережья, усилив тем самым диссидентские секты внутренних районов. Джефферсоновская программа всеобщего государственного образования отражала ту же тенденцию, а требование запрещения рабства было характерно для представителя Запада, а не для старой приморской аристократии. Полное согласие Т. Джефферсона с экспансией на Запад достигло кульминации в покупке Луизианы. Короче говоря, тенденциями джефферсоновского законодательства являлись замена господства плантаторской аристократии доминированием тех сил внутренних районов, которые безрезультатно пытались добиться своих свобод в период восстания Натаниела Бэкона.

Тем не менее Джефферсон был Иоанном Крестителем демократии, а не ее Моисеем. Лишь по мере медленного распространения поселений все дальше в глубь территории демократическое влияние приобрело достаточную силу для того, чтобы реально подчинить себе правительство. Период с 1800 по 1820 г. был временем постоянного усиления этих тенденций. Богатые и влиятельные классы Новой Англии и Юга начали испытывать тревогу. Возможно, лучше всего проиллюстрировать дурные предчувствия старого консерватора-федералиста могут приведенные ниже высказывания Тимоти Дуайта, президента Йельского колледжа, содержащиеся в опубликованной им в тот период книге о дорожных впечатлениях:

Класс пионеров не может жить в регламентированном обществе. Они слишком праздные, слишком говорливые, слишком необузданные, слишком расточительные и слишком ленивые, чтобы обзавестись либо собственностью, либо характером. Они терпеть не могут ограничений, налагаемых законом, религией и моралью, и ропщут из-за налогов, при помощи которых содержатся Правители, Священники и Школьные учителя. <...> После того как они изобличат несправедливость, учиненную общиной, не направившей персон столь высоких достоинств на государственные посты, после произнесения бессчетных красноречивых речей на кухнях у очага, во всех кузницах и на всех уличных углах, увидев, что все их усилия безрезультатны, они в конце концов разочаровываются и под гнетом нищеты, страха попасть в тюрьму, понимая, что народ их презирает, покидают место, где родились, и отправляются в дикие местности.

Таковы были впечатления консерватора о том движении пионеров Новой Англии, которые в тот период, о котором он писал, по долине р. Коннектикут прошли в Нью-Гэмпшир, Вермонт и западную часть Нью-Йорка, а затем завладели и Северо-Западом. Федерализм Новой Англии с содроганием воспринимал демократические идеи тех, кто отказывался признавать установленный порядок. Но тогда в Союз вошло братство штатов фронта — Огайо, Индиана, Иллинойс, Миссури, — где положения об избирательном праве привели к полной демократии.

Эта тенденция проявилась даже во вновь организованных штатах Юго-Запада. Ветер демократии задувал столь сильно с Запада, что даже в более старых штатах, таких как Нью-Йорк, Массачусетс, Коннектикут и Виргиния, были созваны конвенты, либерализовавшие их конституции за счет усиления демократической основы штатов. В то же время рабочие в городах начали показывать свою силу и настаивать на получении доступа к управлению. Эта демократия фронта, которая теперь овладела страной, персонифицировалась в Эндру Джексоне. Он родился в глухих местностях обеих Каролин, где тогда бурлила демократия, предвосхитившая Революцию, и вырос на фронтире штата Теннесси. В глубинах этого региона, с непрестанной межличностной враждой и идеалами, как их понимали в пограничье, он быстро выдвинулся на позиции лидера. Появление этого жителя фронта в стенах Конгресса США стало весьма значительным предзнаменованием. В Филадельфии он оказался в последние дни деятельности администрации Дж. Вашингтона, проскакав верхом почти 800 миль. Сам человек Запада, А. Галлатин так описывает появление Джексона в залах Конгресса: «Высокий, худой, неотесанный тип, с лицом, обрамленным длинными локонами и с косичкой, перевязанной на спине полоской кожи угря; странно одетый; с повадками грубого выходца из диких лесов». А вот свидетельство Т. Джефферсона: «Когда я был президентом сената, он был сенатором и никогда не мог выступать из-за своей чрезмерной возбудимости. Я видел, как он раз за разом пытался это сделать и каждый раз задыхался от ярости». Наконец-то фронтир нашел себе место во власти в лице своего типичного представителя. Этот выходец из глуши, шести футов ростом, с голубыми глазами, которые при случае могли загораться огнем, этот холерический, порывистый, своенравный вождь народа — потомок шотландцев из Ольстера, непревзойденный дуэлянт, всегда готовый к бою, олицетворение упорного, неистового, индивидуалистского Запада — он вошел в политику, чтобы остаться в ней. Демократия американского фронта того времени обладала инстинктами шотландского горца эпохи войны на пограничных рубежах Шотландии. Сколь

бы яростной и цепкой ни была демократия, как бы рьяно ни бился каждый местный житель со своим соседом за добычу в этой новой стране, открывшейся перед ними, — все эти люди испытывали уважение к человеку, в котором нашли свое самое яркое воплощение их устремления и идеи. Каждое сообщество имеет своего героя. В годы Войны 1812 г. и последовавших за ней войнах с индейцами Джексон заслужил преданность народа не только Теннесси, но и всего Запада — и даже всей страны. Он нес в себе основные черты фронта Кентукки и Теннесси, находившегося под влиянием европейских идей и институтов. Люди «западного мира» отвернулись от Атлантического океана и, полагаясь только на самих себя, с суровой энергией начали строить общество, свободное от господства старинных форм.

Человек Запада, он сам защищал себя, и его возмущали правительственные ограничения. Дуэли и кровная месть нашли для себя благодатную почву в Кентукки и Теннесси. Идея правосубъективности закона часто преобладала над организованным механизмом осуществления правосудия. Хорош был тот метод, который оказывался самым непосредственным и эффективным. Житель глубинки терпеть не мог людей, споривших о мелочах или проявлявших нерешительность при выборе способа достижения справедливости. Одним словом, беспрепятственное развитие индивидуума явилось существенно важным результатом этой демократии фронта. Она стремилась выразить себя скорее путем выбора человека из народа, чем формируя замысловатые правительственные институты.

И потому что Эндрю Джексон воплощал в себе эти фундаментальные черты Запада, став президентом, он превратился в идола и глашатая воли народа. Критикуя Банк* как орудие аристократии, осуждая нуллификацию, он прямо приступал к делу с безжалостной энергией жителя пограничья. К формальному закону и тонкостям государственного суверенитета Джексон испытывал презрение выходца из диких мест. Имеет значение и то, что этот типичный представитель новой демократии всегда будет ассоциироваться с триумфом системы «дележа добычи» в общенациональной политике. Для новой демократии Запада государственная должность представляла человеку возможность осуществлять свои естественные права как равноправного гражданина общества. Ротация на таких должностях не только позволяла добившемуся успеха человеку наказывать своих врагов и вознаграждать друзей, но она также обучала реальному руководству политическими делами, а это каждый американец считал своим неотъемлемым правом. Такая система могла су-

* Речь идет о Втором банке США (1816—1836).

ществовать, не приводя к разрушению государства, лишь в примитивной демократии того типа, который был в США в 1830 г. Федеральное правительство в тот период не было сложной и превосходно отлаженной машиной, и было далеко до того, чтобы пороки системы стали полностью очевидными.

Триумф Эндрю Джексона обозначил конец старой эры президентов, подготовленных к этой должности государственных деятелей. С него началась эпоха народных героев. Даже Мартин Ван Бюрен, о котором мы думаем в связи с Востоком, родился в бревенчатой хижине в условиях, очень похожих на те, которые существовали в ряде более старых частях Запада. У.Г. Гаррисон был героем Северо-Запада так же, как Э. Джексон — Юго-Запада. Джеймс Полк являлся типичным жителем Теннесси, страстно стремившимся к расширению территории страны, а Даниел Уэбстер называл Закари Тейлора «полковником фронта». В период, последовавший после эпохи Джексона, власть от региона Кентукки и Теннесси перешла на границу р. Миссисипи. Однако естественные демократические тенденции, которые ранее проявились в штатах Мексиканского залива, были уничтожены распространением хлопка и развитием в этом регионе крупных плантаций. То, что было типично для демократии фронта во времена Революции и Эндрю Джексона, теперь можно было увидеть в штатах между реками Огайо и Миссисипи. И так же как Джексон является типичным демократом региона Кентукки и Теннесси, так и Авраам Линкольн является самым полным воплощением периода первых поселенцев на Старом Северо-Западе. Он — истинное олицетворение демократии Запада. О нем можно говорить только словами великой «Оды, прочитанной на годовом акте в Гарварде» (1865)* Дж.Р. Лоуэлла:

Штампы Старого Света отшвырнув,
 Для него она выбрала глину чистейшую
 Из груди богатейшего Запада
 Из лучшего материала
 Она вылепила героя
 Мудрого, стойкого, Богом вдохновенного, честного.

.....
 Его ум не высился, как
 Одинокий пик гор
 Над редкими полосками облаков,
 То видно его из морей, то пропадет
 он из вида.

* Ode Recited at Harvard Commemoration, July 21, 1865.

Нет, это как прерии, радушные,
 ровные,
 Плодородные и дружбу несущие
 всему человечеству,
 Но близкие к нему и любимые самыми
 далекими звездами —
 Ничего общего с Европой,
 Или с Европой, которая смотрит
 на восток,
 Прежде чем имена рабов и лордов
 Оказались стерты
 Замыслом природы о равенстве.
 Это новое порождение нашей новой
 земли —
 Первый американец.

Образ жизни первых поселенцев, который вел Линкольн, в своих важных аспектах отличался от демократии фронта, олицетворением которой был Эндрю Джексон. Джексонская демократия была индивидуалистичной, пронизанной спорами и стремилась к идеалу местного самоуправления и экспансии. Авраам Линкольн представляет скорее слои пионеров, которые вступили в леса великого Северо-Запада, чтобы построить себе дом и обеспечить себе лучшую долю в обстановке неуклонно развивающейся индустрии. В демократии Юго-Запада промышленное развитие и городская жизнь были незначительными факторами, но для демократии Северо-Запада они составляли саму суть ее жизни. Расширить район лесной вырубке, бороться с другими поселенцами за овладение промышленными ресурсами богатых провинций, дать своим детям возможность получения образования, улучшения своего экономического положения, такого улучшения жизни, которого сам пионер был лишен из-за тяжелейших условий своего существования, — таковы были некоторые идеалы региона, куда переехал Линкольн. Местные жители строили сообщество и индустрию. В то время как боец был типом героя Юго-Запада, на Северо-Западе им являлся промышленник. Именно в окружении этих «простых людей», как Линкольн любил их называть, он вырос и возмужал. По словам Р.У. Эмерсона: «Он — истинная история американского народа его времени». Юность Линкольна совпала со временем, когда демократия Северо-Запада завязала борьбу с институтом рабства, которое угрожало стать непреодолимым препятствием для распространения демократического образа жизни пионеров на Западе. В своем очерке «Пять вкладов Америки в цивилизацию» пре-

зидент [Гарвардского университета] Ч.У. Элиот выделяет как одно из величайших испытаний, выдержанных американской демократией, ее позицию относительно рабства. Но если она сделала мудрый выбор и эффективно действовала для того, чтобы найти решение этой проблемы, то мы должны помнить, что инициативу проявила демократия Запада. Дровосек сам стал президентом страны в момент этой жестокой борьбы, и армии, в которых служили лесные жители и фермеры-пионеры, рекрутированные на Старом Северо-Западе, освободили «отца всех вод», маршем прошли по Джорджии и помогли довести борьбу до победного завершения в Аппоматоксе*. Свободная демократия первых поселенцев разбила рабовладельческую аристократию, наступавшую на Запад.

Последняя глава в развитии демократии Запада знаменуется завоеванием обширных пространств нового Запада. На каждой новой стадии развития региона народу приходилось осваивать все более обширные территории, иметь дело со все более крупными союзами. Ветераны маленькой колонии Массачусетс, поселившиеся в Мариетте, получили земельное пожалование, равное по площади всему штату Род-Айленд. Отряд пионеров Коннектикута, который пошел с Моузесом Кливлендом в Западный резервный район Коннектикута, занял регион, равный по размеру материнскому штату. Область, заселенная потомками уроженцев Новой Англии в прериях северного Иллинойса, превысила площадь Массачусетса, Коннектикута и Род-Айленда, вместе взятых. Люди, привыкшие к узким долинам и маленьким городкам Востока, вдруг оказались на безграничных просторах Запада. Здесь они имели дело с земельными участками таких размеров, по сравнению с которыми все, что они видели раньше, казалось крохотным. Великие озера, прерии, Великие равнины, Скалистые горы, реки Миссисипи и Миссури создали новые стандарты измерения достижений этой промышленной демократии. Индивидуализм начал уступать место сотрудничеству и деятельности государства. Обращенные к правительству требования поддержки в осуществлении внутренних улучшений раздавались даже в более ранние времена демократического завоевания диких местностей, но этот новый Запад продемонстрировал растущую тенденцию взывать к помощи мощной руки федеральных властей. После Гражданской войны огромные площади государственных земель были розданы индивидуальным фермерам, штатам — на цели образования и железным дорогам — для строительства путей сообщения.

* 9 апреля 1865 г. в здании суда г. Аппоматокс (Виргиния) командующий армией Конфедерации генерал Р.Э. Ли сдался главнокомандующему армией Союза У.С. Гранту.

Более того, в последние 15 лет с приходом демократии на Великие равнины новые природные условия ускорили развитие социальной тенденции демократии Запада. Пионер-фермер во времена Авраама Линкольна мог посадить свою семью в лодку-плоскодонку, забраться в глубь лесов, расчистить участок и с небольшим количеством денег или совсем без капитала заняться достижением экономической независимости. Даже в прериях Запада владельцу гомстеда было вполне возможно добиться для себя такой же независимости, хотя фактор транспортных перевозок уже создавал все более серьезные препятствия к свободной реализации им своего индивидуального успеха. Но когда поселенцы достигли засушливых земель и месторождений полезных ископаемых Дальнего Запада, то уже их завоевание старыми методами пионеров-одиночек оказалось невозможным. Здесь должны были быть построены дорогостоящие ирригационные сооружения, для использования источников воды следовало действовать совместно и требовались капиталы в размерах, недоступных мелкому фермеру. Одним словом, физико-географические условия местности этих районов сами по себе диктовали, чтобы судьбы этого нового фронта были общественными, а не индивидуальными.

Масштабность социальных достижений — вот девиз демократии за время, прошедшее после Гражданской войны. Крохотные поселки, поставленные в болотистых местностях, выросли в города, огромность и промышленная мощь которых стали чудом нашего времени. Были созданы идеальные условия для появления капитанов индустрии. Традиционное демократическое восхищение людьми, которые всеми своими успехами обязаны сами себе, столь же традиционное уважение к правам конкурентного индивидуального развития, соединенные с колоссальными природными ресурсами, открывшимися для завоевания самыми проникательными и сильными людьми, создали такие условия мобильности, которые дали возможность роста больших корпоративных промышленных предприятий, что в нынешнее десятилетие стало характерно для Запада.

Таким образом, я вкратце обрисовал основные фазы развития демократии Запада в различных районах, которые она завоевывала. Происходило постоянное развитие промышленного идеала и постепенное усиление общественной тенденции в этом движении демократии Запада последнего времени. В то время как индивидуализм фронта, столь очевидный на ранних этапах наступления на Запад, был сохранен в качестве идеала, все большее число этих индивидуумов, которые боролись друг с другом, осваивая все более и более обширные территории и сталкиваясь со все возрастающими трудными

проблемами, сочли необходимым объединяться под руководством сильнейших. Этим объясняется появление выдающихся капитанов индустрии, гений которых сконцентрировал капитал для контроля фундаментальных ресурсов страны. Если теперь, суммируя вышеизложенное, мы попытаемся выделить из влияний, которые способствовали созданию демократии Запада, факторы, составляющие итог этого движения, то должны будем упомянуть, по крайней мере, следующее:

Наиболее важным было то, что пространства свободных земель постоянно находились на западной границе заселенных районов Соединенных Штатов. Когда бы социальные условия ни приобретали на Востоке тенденцию к кристаллизации, когда бы капитал ни приобретал тенденцию к тому, чтобы оказывать давление на рабочих или добиваться политических ограничений, чтобы сдерживать свободу масс, — во всех этих случаях можно было убежать на вольный фронт. Эти свободные земли способствовали развитию индивидуализма, экономического равенства, свободы для улучшения своего места в жизни, демократии. Люди могли не соглашаться с низкими зарплатами и постоянным положением социальной подчиненности, когда эта земля обетованная свободы и равноправия была вполне доступна. Кто продолжал бы мириться с положениями угнетающего законодательства, когда ценой небольших усилий можно было перебраться в другие края и стать там участником создания свободных городов и свободных штатов в соответствии со своими идеалами? Одним словом, свободные земли означали свободные возможности. Их существование стало отличием американской демократии от тех демократий, которые ей предшествовали, потому что в то время как на Востоке она приняла форму высоко специализированного и сложноустроенного промышленного общества, на Западе демократия соприкасалась с примитивными условиями; действие и противодействие этих двух сил сформировало нашу историю.

Далее, эти свободные земли и эта сокровищница промышленных ресурсов были рассредоточены на столь огромных пространствах, что они потребовали от демократии увеличения всеохватности целей и полномочий для их осуществления. Контраст между демократией Запада и демократией всех других времен состоит в величии задач, выполнении которых она занялась, и в ее громадных достижениях в деле контроля над природой и политикой. Было бы трудно переоценить важность этого опыта для демократии. Еще никогда во всемирной истории демократия не существовала на столь громадных пространствах и не вела дело в целом с таким успехом, с такой всеохватностью планов и с таким мастерством владения средствами их

осуществления. Короче говоря, на Западе США демократия научилась решать проблему крупномасштабности. Старые исторические демократии были всего лишь маленькими государствами с примитивными экономическими условиями.

Но сама по себе задача работы с огромными ресурсами, на огромных пространствах, в условиях свободной конкуренции, поставленная Западом, привела к появлению тех капитанов индустрии, успех которых в консолидации экономической мощи теперь ставит вопрос о том, сможет ли выжить демократия в таких условиях. Ибо лидеры Запада, старого военного типа, такие как Джордж Роджерс Кларк, Эндрю Джексон и Уильям Генри Гаррисон, были сменены лидерами промышленности, подобными Джеймсу Дж. Хиллу, Джону Д. Рокфеллеру и Эндрю Карнеги.

Императивный вопрос, таким образом, состоит в том, какие идеалы этого демократического опыта Запада сохраняются и приобрели ли они достаточный импульс силы, чтобы поддерживать себя в условиях, столь радикально изменившихся по сравнению с временем их возникновения? Другими словами, становится уместным вопрос, поставленный в начале обсуждения. Развивается ли на самом деле в формах американской демократии такая концентрация экономической и социальной мощи в руках сравнительно небольшого числа людей, которая может превратить политическую демократию из реальности в видимость? Свободных земель больше нет. Материальные источники, дававшие жизнь демократии Запада, исчезают. В наши дни влияние Запада на демократию мы должны искать в сфере духа, в области идеалов и законодательства.

Демократия Запада с момента своего зарождения была идеалистической. Самим фактом своего существования дикие местности привлекали людей как беспристрастный чистый лист, на котором нужно было написать новую главу истории борьбы человека за высший тип общества. Дикие местности Запада от Аллеганских гор до Тихого океана представляли собой самый богатый бесплатный подарок, который когда-либо доставался цивилизованному человеку. Крестьянину и ремесленнику Старого Света, скованному цепями общественного класса, столь же старыми, как обычаи, и столь же неизбежными, как судьба, Запад предлагал свободную жизнь и большее материальное благосостояние среди природных богатств, для освоения которых требовалось много усилий и которые взамен давали шанс неограниченного подъема по шкале социальной мобильности. «Каждому человеку он дарил то, что тот хотел». Подобная возможность никогда более не сможет появиться у рода человеческого. Она была совершенно уникальной, и все эти события все еще так близки нам, составляют

столь большую часть наших жизней, что мы не в силах даже осознать их значение полностью. Существование этой страны возможностей делало Америку целью идеалистов со времен отцов-пилигримов. При всем материализме передвижений пионеров, всегда совершенно явно присутствует эта идеалистическая концепция свободных земель как возможности создания нового образа жизни. Ее выразил Р. Киплинг в «Песне англичан» (“Song of the English”):

Мы так жадно мечтали! Из городов, задыхающихся от людей,
Нас, изжаждавшихся, звал горизонт, обещая сотни путей.
Мы видели их, мы слышали их, пути на краю земли,
И вела нас Сила превыше земных, и иначе мы не могли.

Как олень убегает от стада прочь, не разбирая пути,
Уходили мы, веря, как дети, в то, что сумеем дойти.
Убывала еда, убегала вода, но жизнь убивала быстрей,
Мы ложились, и нас баюкала смерть, как баюкает ночь детей.

Здесь мы лежим: в барханах, в степях, в болотах среди гнилья,
Чтоб дорогу нашли по костям сыновья, как по вехам, шли сыновья!
По костям, как по вехам! Поля Земли удобрили мы для вас,
И взойдет посев, и настанет час — и настанет цветенья час!*

Таково было видение, заставляющее припомнить Роджера Уильямса — эту «пророческую душу, обольщенную правдой, освобожденного от телесной оболочки», который «не в силах идти на соглашения со своим окружением» и вынужден уйти в дикие местности. «О, как прекрасна, — писал Уильям Пенн из своего лесного убежища, — тишина этих мест, не знающих бед и затруднений несчастной Европы». И здесь он разработал, по его словам, «Священный эксперимент в управлении».

Даже если позднейший Запад демонстрирует не столь много таких поразительных примеров связей дикой местности с идеалистическими проектами и даже если некоторые из таких проектов были фантастическими и закончились неудачей, тем не менее это влияние является фактом. Вряд ли найдется хоть один штат Запада, который не стал бы Меккой для той или иной секты или группы социальных реформаторов, горевших желанием осуществить в реальности свои идеалы на свободных землях, вдали от сдерживающего воздействия

* Перевод Н. Голя. См.: Киплинг Р. Песнь мертвых // Киплинг Р. Рассказы, стихотворения / Пер. с англ. Л., 1989.

установившихся форм общественной организации. Вспомните о данкерах, икарийцах, фурьеристах, мормонах и подобных им идеалистах, устремлявшихся на дикие просторы Запада. Однако влияние идеалистов не ограничивается концепциями нового государства, зародившимися в умах мечтателей. Идеалистическое влияние наделяло пионера-фермера и строителя городов неукротимой энергией, способностью к быстрой оценке обстановки и мгновенному действию, верой в свободу, наличием возможностей и готовностью оказывать сопротивление классовому господству. И все это заряжало индивидуумов — атомов этой демократической массы — жизненной силой и энергией. Пионер еще обитал на участке со множеством пней, оставшихся от только что срубленных деревьев, но уже представлял очертания нового общественного устройства. В своем воображении он оттеснял кромку леса к пределам могучего Содружества; он желал, чтобы бревенчатые хижины стали величественными зданиями больших городов. Первый поселенец решил, что его дети в наследство от него получат возможность стать образованными людьми, жить в комфорте и условиях общественного благоденствия, и ради достижения этого идеала он вел тяжелую борьбу в глуши, покрывавшую его шрамами. Обуреваемый этой идеей, пионер облагородил свою задачу и заложил глубокие основы демократического государства. И ни в коей мере этот идеализм не ограничивался одними лишь американскими пионерами.

К прежним демократическим уроженцам США присоединилась огромная армия новобранцев из Старого Света. Из общего количества в 7 млн лиц немецкого происхождения, проживающих по всей стране, 4 млн человек поселились на Среднем Западе. И там же живут более 1 млн людей со скандинавскими корнями. На демократию нового Запада оказывают глубокое влияние идеалы, которые принесли с собой эти иммигранты из Старого Света. Америка для них не была всего лишь новым местом проживания; это была страна возможностей, свободы и демократии. Для них, как ранее для американских пионеров, она означала возможности разбить оковы социальных каст, которыми эти люди были опутаны на своей прежней родине, построить для себя в новой стране судьбу, соответствующую тем силам, которыми наделил их Господь, шанс добиться лучших условий для своих семей и достигнуть для себя большего здесь, чем в той жизни, от которой они уехали. Тот, кто верит, что даже полчища недавних иммигрантов из Южной Италии привлечены к нашим берегам всего лишь скучным и слепым материализмом, не проник в суть проблемы. Идеализм и ожидания этих детей Старого Света, надежды, которые они питают на новую и более свободную жизнь за океаном, выглядят почти жалкими, когда

подумаешь, как же далеки они от того, чтобы сбыться. Когда вы будете оценивать американскую демократию, то не должны забывать о громаде человеческих устремлений и идеалов, которые иммиграция внесла с собой в население США.

В таком контексте мы должны также помнить, что эти демократические идеалы существовали на каждом из этапов наступления фронта и оставили после себя глубокое и постоянно действующее воздействие на мышление страны в целом. И долгое время после того, как в том или ином регионе Соединенных Штатов заканчивался период существования фронта, в умах народа сохраняются оставшиеся от него концепции общества, его идеалы и порожденные им устремления. Переход большей части США от условий жизни, присущих пограничью, к укладу, характерному для заселенной местности, произошел так недавно, что значительная территория страны лишь на одно поколение отстоит от примитивных условий Запада. Действительно, если не мы сами были пионерами, то ими были наши отцы, и унаследованные от них манера смотреть на окружающий мир, фундаментальные принципы американского народа сформировались этим опытом демократии в эпоху ее похода на Запад. Этот опыт вошел в глубинную основу американской мысли.

Даже те хозяева индустрии и владельцы капиталов, которые достигли мощи, завоевав западные ресурсы, вышли из глубин этого общества и по-прежнему следуют его принципам. Джон Д. Рокфеллер родился на ферме в штате Нью-Йорк и начинал свою карьеру молодым бизнесменом в Сент-Луисе. Маркус Ханна в возрасте 20 лет был клерком в бакалейной лавке в Кливленде. Сахарный король Клаус Спрекелс приплыл в 1848 г. в США из Германии на пароходе пассажиром 4-го класса. Маршалл Филд был мальчишкой на ферме в Конуэ (Массачусетс), пока не уехал в Чикаго, где вырос вместе с городом. Эндрю Карнеги десятилетним ребенком привезли из Шотландии в Питтсбург, который в ту пору являлся ярко выраженным городом Запада. Карнеги создавал свое богатство, работая последовательно до тех пор, пока не стал господствовать в великой металлургической промышленности и не проложил путь к своему колоссальному достижению — «Стальному тресту». Каковы бы ни были тенденции этой корпорации, в демократических идеалах самого г-на Карнеги не приходится сомневаться. Он раздал своей щедрой рукой миллионы долларов по всем Соединенным Штатам на строительство библиотек. Вряд ли возможно переоценить воздействие этого библиотечного движения для увековечивания демократии, творимой разумным и уважающим себя народом. В своем труде «Торжествующая Демократия» (1886), стальной король Э. Карнеги сказал о полезных ископае-

мых США: «Хвала Господу, что эти сокровища находятся в руках разумного народа — Демократии — для того, чтобы быть использованными во имя всеобщего блага, а не стать добычей монархов, придворных и аристократии для удовлетворения низменных и эгоистичных целей привилегированного дворянского класса». Было бы трудно найти более точное утверждение демократической доктрины, чем прославленное высказывание, приписываемое тому же Карнеги, что он считал бы для себя позором умереть богатым.

При перечислении заслуг американской демократии президент Гарвардского университета Ч.У. Элиот назвал корпорацию одним из достижений демократии. Он заявил, что «свобода корпорации, хотя более и не является исключительно демократическим фактором, но оказала значительную поддержку институтам демократии». В некотором смысле это, несомненно, справедливо, так как корпорации стали одним из средств, с помощью которых небольшие капиталы могут объединяться в эффективно действующую организацию. Авторы-социалисты уже давно любят указывать на то, что эти различные концентрации капитала мостят дорогу к контролю над обществом и делают его возможным. С этой точки зрения есть вероятность того, что хозяева индустрии могут оказаться не столько зарождающейся аристократией, сколько людьми, пролагающими демократии пути к тому, чтобы привести мир промышленности в состояние системной консолидированности, подходящей для демократического контроля. Великие гении, создавшие современную концентрацию индустрии, были подготовлены в толще демократического общества. Они являются продуктом демократических условий жизни. Свободная возможность подняться по социальной лестнице сама по себе была условием появления таких людей. А последуют ли за ними другие, которые прибегнут к эксплуатации масс и смогут сохранить эти огромные ресурсы под эффективным контролем, — это один из вопросов, с которыми нам придется иметь дело.

По крайней мере, ясно одно: американская демократия в основе своей является продуктом опыта американского народа, приобретенного на Западе. Демократия Запада на протяжении всего своего раннего периода являлась результатом жизни такого общества, наиболее отличительной характеристикой которого была имевшаяся у индивидуума свобода улучшить свое положение в условиях социальной мобильности, и в цели этого общества входили свобода и благосостояние масс. Эта концепция придавала жизненную силу всей американской демократии и представляла собой резкий контраст по сравнению с другими исторически существовавшими демократиями, а также с усилиями нынешней Европы установить искусственный демократи-

ческий порядок путем принятия законодательства. Проблемой Соединенных Штатов является не создание демократии, а сохранение демократических институтов и идеалов. На позднейшем этапе своего развития демократия Запада получала опыт в решении проблемы общественного контроля. Она неуклонно расширяла сферу его действия и усиливала инструменты его всемерного укрепления. Через свою систему муниципальных учебных заведений, от начальных классов до аспирантуры великих университетов, Запад создал более многочисленную, чем где-либо в мире вообще, единую общность простых людей, получивших образование. Его политические тенденции, рассматриваем ли мы демократию, популизм или республиканизм, совершенно явным образом направлены на увеличение общественного контроля и сохранение старых демократических идеалов.

Этих идеалов Запад придерживается с еще более страстной решимостью. Если в деятельности по овладению ресурсами внутренних районов страны он создал тип лидера индустрии, столь могущественного, что он вызывает восхищение мира, то, тем не менее, еще не ясно, представляют ли сами эти люди угрозу демократическим институтам или же наиболее эффективный фактор приспособления демократического контроля к новым условиям.

Каков бы ни был исход броска современных великих промышленных США в поисках своего места среди государств мира, формирование в стране демократии Запада всегда останется одной из прекрасных страниц в истории человечества. Некогда первая слабая струйка европейских колонистов просочилась в наш огромный, сплошь покрытый лесами континент. Посреди просторов дикой природы Америки оказались европейцы, их институты и идеи, и великий американский Запад приблизил их к себе как друзей, научил смотреть на удел простого человека по-новому, подготовил к тому, чтобы приспособливаться к условиям Нового Света, создавать новые институты, которые удовлетворяли бы новые потребности; и по мере того, как общество на восточных границах развивалось и начинало походить на Старый Свет своими общественными формами и промышленным укладом, оно начинало утрачивать веру в идеалы демократии. А Запад открывал новые просторы и наделял новые демократии в своих самых отдаленных владениях материальными сокровищами и тем облагораживающим влиянием, которое вдохновляло пионера через неистовую любовь к свободе, ту силу, которую ему придавала возможность создать собственный дом, построить школу и церковь и обеспечить лучшее будущее для своей семьи.

Запад дал миру такие фигуры, как фермер Томас Джефферсон с его Декларацией независимости, статутом о религиозной терпимости*

и покупкой Луизианы. Запад дал нам Эндрю Джексона, этого неистового выходца из Теннесси, который сломал традиции консервативного правления, отбросил в сторону секретность чиновников и их привилегии и, как готский вождь, открыл храм страны для простого народа. Запад дал нам Авраама Линкольна, чья сухопарая фигура жителя фронтира и грубые крупные руки говорили о его сражениях с лесом, чье присущее первому поселенцу искусство владения топором не уступало твердости, с которой он удерживал штурвал государственного корабля, преодолевавшего моря Гражданской войны. Запад снабдил эту новую демократию своими месторождениями полезных ископаемых, по сравнению с которыми меркнут минеральные богатства Старого Света. Провинции Запада были гораздо больше по размерам и продуктивности, чем территории большинства стран Европы. Эти сокровища создали страну, промышленная конкуренция которой встревожила Старый Свет, и хозяева ресурсов Запада распоряжаются теперь такими богатствами и властью, каких нет у королей. Но превосходнее всего то, что Запад дал — не только Америке, но и несчастным и угнетенным жителям всех стран — видение надежды, уверенность в том, что в мире есть место, где высока вера в человека, где есть воля и власть, дающие ему возможность вырасти в полную меру своего потенциала. Новые сыновья ее лона — великие и могущественные люди, но Республика более великая, чем они. Тропы пионеров превратились в широкие магистрали. Поселки на лесных вырубках стали богатыми городами. Давайте позаботимся о том, чтобы идеалы первого поселенца, жившего в бревенчатой хижине, преобразовались в духовную жизнь демократии, где будет господствовать гражданская власть, а достижения отдельных индивидуумов станут использоваться для общего блага.

Примечания

¹ Atlantic Monthly, January, 1903. Перепечатывается с разрешения.

² См.: Глава III.

* Вероятно, речь идет о написанном Т. Джефферсоном в 1779 г. Виргинском статуте о религиозной свободе, ставшим законом штата Виргиния в 1786 г.

Глава X. Идеалы пионеров и Университет штата¹

Идеалы народа, его устремления и убеждения, надежды и замыслы, мечты и решения являются активами цивилизации, столь же реальными и важными, как доходы на душу населения или производственные навыки.

Американская нация сформировалась под влиянием идеалов первых поселенцев. В течение трех столетий, прошедших после того, как капитан Джон Смит начал наступление на леса Америки на восточной оконечности континента, пионеры покидали заселенные местности и уходили в дикие, устремляясь поколение за поколением на новые фронтиры. Их деятельность оказала сохраняющееся до сих пор влияние на национальные идеи и цели. И действительно, даже те районы, которые были освоены раньше, во многом сформировались под глубоким воздействием того факта, что вся страна была первопроходческой, а Восток сам участвовал в развитии Запада.

Завоевание было первым идеалом пионера. В его задачу входила борьба с природой, чтобы получить шанс на существование. Не так, как в более старых странах, где эта борьба проходила в мифическом прошлом, описываемом в фольклоре и эпических сказаниях. Она шла непрерывно вплоть до наших дней. Взору каждого нового поколения пионеров открывался незавоеванный континент. Необозримые леса преграждали путь, мешали неприступные горы; безлюдные, заросшие травами прерии, бесплодные степные океаны холмистых равнин, аридные пустыни и свирепая раса дикарей — со всеми ними нужно было сойтись в бою и победить. Ружье и топор — вот символы первого поселенца отдаленных внутренних районов. Они означали школу агрессивной смелости, господства, непосредственного поступка, разрушительных действий.

Для пионера лес не являлся дружественным ресурсом, сохраняемым для вечности, а также объектом рачительной бережливости. Первый поселенец должен был вести на этих землях рукопашные бои, вырубать и выжигать небольшие пространства, чтобы озарить солнечным светом дюжину акров с невероятным трудом отвоеванной территории, и год за годом расширять свою вырубку, продвигаясь в глубь леса, преодолевая упорное сопротивление вековых деревьев и тесно переплетающихся корней. Он воевал с землей, отличавшейся низким плодородием. Было совершенно пустым занятием ожидать, что пионер воздержится от своей обычной манеры вести дела и займется фермерством на научной основе, пока рядом с ним лежали новые миры целинных земель. И действительно, как заявил министр Уилсон*, в таком случае пионер выращивал бы пшеницу, которую никто не захотел бы есть, кукурузу, которую пришлось бы оставить на ферме, и хлопок, который не имело бы смысла убирать с полей.

И вот так, воодушевленный идеалом подчинения себе диких местностей, разрушающий все на своем пути первый поселенец с боем прокладывает себе дорогу через континент. Уверенный и расточительный, он совершал каждый следующий шаг с целью захвата того, что было рядом, наслаждаясь своей грубой силой и плодами своеволия.

Однако даже этот житель глухих внутренних районов был чем-то большим, нежели только разрушителем. Он мечтал. Он был открывателем в такой же мере, как и воином, прокладывая новые дороги для цивилизации и изобретая новые способы. Хотя в стихотворении Редьярда Киплинга «Первопроходец» («Foreloper»)² говорится об английском первом поселенце в землях под созвездием Южного Креста, но качества, описываемые в стихотворении, присущи также и американскому пионеру:

Застонут чайки над кормой, волнам ответит дрожью
 Смоленый борт, — ты будешь тверд, свершая волю Божью.
 Созвездий новых вспыхнет луч в нездешних небесах,
 Судьбой маним, плывешь ты к ним на рваных парусах.
 Ты голодом вооружен и жаждою наживы —
 В песчаный зной голубизной сердца такие живы!
 Ты от соседей прочь бежишь до самых дальних мест,
 Где чист ручей, и дым ничей глаза не ест.

* Речь идет о министре сельского хозяйства США Дж. Уилсоне (1897–1913).

Ты быть хотел один — смотри: в лесистое безлюдье
 Твоей тропой идут толпой сограждане и судьи.
 К едва остывшему костру назад ты повернул,
 Но лагерь смят, кирки гремят, каменоломен гул.
 В имперский спор и твой топор вмешался отныне,
 Пока последний аванпост не встанет у пустыни*.

Это стремление к неизвестному, этот порыв, куда «звал горизонт, обещая сотни путей», составляют глубинную сущность пионера — жителя глухих внутренних районов, даже если он и не осознавал духовное значение этого порыва.

Для первого поселенца школой становился его собственный опыт. Он узнавал, что сельскохозяйственные культуры одних мест не годятся для нового фронта, что применявшуюся им на лесных вырубках косу в прериях должна сменить жатка. Этот человек был вынужден использовать старые орудия труда в новых целях; приспособлять прежние привычки, институты и идеи к изменяющимся обстоятельствам и находить новые способы действий, когда привычное оказывалось неподходящим. Он строил новое общество и в то же время осваивал новые земли; он следовал идеалу бунтарства и перемен. Он восставал против обычного.

Помимо идеалов завоевания и открытия, пионер следовал идеалу личного развития, свободного от социальных и правительственных ограничений. Он пришел из цивилизации, основанной на конкуренции индивидуумов, и эту концепцию он принес с собой в дикие местности, где богатства природы и неисчислимы возможности придали этой концепции новые масштабы. Добыча доставалась самым сообразительным и сильным; их собственностью становились земли в речных долинах, лучшие лесные угодья, лучшие источники минеральной воды, самые богатые рудные месторождения, и не только эти природные ископаемые, но и возможности, возникавшие в процессе формирования общества. Места размещений лесопилок, поселки, районы прохождения путей сообщения, создание банковских центров, возможности, открывавшиеся законодательством и политикой, — все эти разнообразные шансы на успех появились в быстро развивавшемся обществе, где все дороги были открыты для тех, кто знал, как воспользоваться представившейся возможностью.

Скваттер добивался реализации своих притязаний на землю, даже если право собственности на нее принадлежало правительству, ис-

* Перевод Р. Дубровкина. См.: Киплинг Р. Стихотворения / Пер. с англ. М., 1990. С. 312–313.

пользуя незаконные комбинации и насилие. Без малейших колебаний он прибежал к суду Линча. Скваттер не мог терпеть каких-либо правительственных ограничений его индивидуального права на ведение дел в диких местностях.

В наши дни мы иногда слышим о конгрессменах, отправленных в тюрьму за нарушение земельного законодательства, но в эпоху пионеров настроения были другими. Их можно проиллюстрировать речью Г. Сибли, депутата от Территории Миннесота в Конгрессе США в 1852 г. В силу того что он затем стал первым губернатором штата Миннесота, членом совета попечителей Университета этого штата, президентом местного исторического общества и доктором права Принстонского университета, мы можем предположить, что этот человек был столпом общества. Вот что он сказал:

Правительство следило за своими землями ревнивым взором, и сейчас в ваших сводах законов есть такие, которые касаются лиц, нарушающих право владения этими землями, и предусматривающие, что эти люди должны исчезнуть как позор для страны и девятнадцатого столетия. С особенно неослабной свирепостью преследуют того, кто осмелился нарушить молчание девственного леса ударами американского топора. В качестве жертв главным образом выделяются отважные лесорубы, которые дошли до дальних диких мест Северо-Запада, чтобы затем с огромным трудом доставить из этой глухомани материалы для строительства поселков и городов в великой долине р. Миссисипи. Они претерпели все лишения и подвергали себя всем опасностям, связанным с их занятием; они месяцами трудились, чтобы своей честной работой сделать удобнее жизнь своих соотечественников и увеличить богатства страны. И вот после всего они внезапно оказываются в когтях закона за то, что нарушили право владения на государственных землях. Плоды их долгих зимних трудов отторгаются у них и выставляются на публичные торги для блага отечески заботящегося о них правительства ... а лесорубов, объект этого угнетения и несправедливости, продолжают изматывать, осуществляя против них сутяжнические судебные процедуры.

Протест Сибли в Конгрессе против этих «оскорблений», в ходе которых северных лесорубов «изматывали» за их труды и которые сейчас были бы названы кражей леса из государственных лесных угодий, не вызвал протеста у его коллег. Никто из президентов не назвал этого конгрессмена нежелательным гражданином и не отдал его в руки правосудия.

Итак, многие пионеры, следуя своему идеалу права индивидуума на улучшение своей жизни, подчиняли права нации и последующих

поколений собственному желанию «развития» страны и достижения успеха индивидуумом при минимальном вмешательстве государства. Доктрины скваттерства и индивидуализм оставили глубокий след в американских концепциях.

Но так же глубоко, как идеал индивидуализма, в уме пионера был утвержден и идеал демократии. Он страстно ненавидел аристократию, монополию и особые привилегии; он верил в простоту, экономику и народовластие. Верно, что первый поселенец почитал добившихся успеха людей и что он всеми средствами сам пытался добиваться успеха. Но Запад был настолько свободен и настолько огромен, а препятствия на пути к индивидуальным достижениям были столь далеки, что пионер вряд ли осознавал, что вследствие его конкурентной борьбы за природные богатства может возникнуть какая-либо опасность для равноправия. Он считал, что демократия — это некоторым образом итог деятельности наших политических институтов, и не понимал, что она в первую очередь являлась результатом наличия свободных земель и огромных возможностей, возникавших перед ним. Время от времени, даже в ходе первых обсуждений вопроса о государственных землях, государственные деятели высказывали ту мысль, что американская демократия основывается на изобилии незанятых территорий.

Это раннее признание влияния земельного изобилия на формирование экономических условий американской демократии имеет особое значение сегодня ввиду практически полного исчерпания запасов дешевых государственных земель, пригодных для возделывания и доступных бедным людям, и одновременным развитием профсоюзов, имеющих целью поддержание достаточного уровня заработной платы.

Совершенно определенно, что демократические движения черпали силу в основном в регионах, где обитали пионеры. «Наши правительства чересчур склонны к демократии, — писал Р. Изард из Южной Каролины Т. Джефферсону в 1785 г. — Ремесленник считает, что ему надо пройти период ученичества, чтобы стать мастером в своем деле. Но наши выходцы из внутренних районов придерживаются того мнения, что политиком можно родиться, точно так же как поэтом».

Революционные идеи, конечно, придали значительный импульс демократии, и практически в каждой колонии произошли две революции — одна во имя независимости и другая — ради свержения контроля со стороны аристократии. Но в долгосрочном плане эффективной силой, стоявшей за американской демократией, являлось наличие практически свободных земель, куда люди могли бе-

жать, спасаясь от угнетения или неравенства, от которых они страдали в прежних местах своего жительства. Эта возможность заставляла прибрежные штаты либерализовать избирательное право и препятствовала формированию господствующего класса, будь он основан на собственности или на обычаях. Среди пионеров каждый имел столько же прав, сколько и его сосед. У первых поселенцев были одинаковые шансы; условия были простые и свободные. Экономическое равноправие порождало и политическое. На Западе преобладала оптимистическая и бодрая вера в ценности простых людей, благочестивая вера в человека. Демократия стала для пионера почти религией. Со страстной преданностью он следовал идее, согласно которой в условиях свободы он строит новое общество, основанное на самоуправлении и направленное во благо обыкновенного человека.

И тем не менее, даже провозглашая доктрину демократии, поселенец проявлял смутное опасение, что его время уходит, что равноправие может исчезнуть, что он может остаться в стороне от восходящего движения общества Запада. Это заставляло пионера с лихорадочной быстротой стремиться к приобретению преимуществ, как будто он не вполне верил в свою мечту. «Перед ними простирается почти безграничный континент, — писал А. де Токвиль в те дни, когда демократия первых поселенцев переживала период своего триумфа при Э. Джексоне, — а они спешат так, словно боятся прийти слишком поздно и не найти места себе»*.

Еще при жизни Джексона лидеры профсоюзов и склонные к теоретизированию мыслители требовали принятия законодательства, вводящего ограничения на площадь земельного участка, который мог бы приобрести один человек, и предоставляющего бесплатно землю для ведения фермерского хозяйства. Токвиль увидел признаки перемен. «Рабочий и хозяин общаются часто, но между ними не устанавливаются никакие подлинные взаимоотношения. Говоря в целом, промышленная аристократия, набирающая силу на наших глазах, — одна из самых жестоких аристократий, когда-либо появляющихся на земле, однако в то же самое время ее власть весьма ограничена и не столь опасна. Тем не менее именно в эту сторону друзья демократии должны постоянно обращать свои настороженные взоры, ибо если устойчивым привилегиям и власти аристократии когда-либо вновь суждено подчинить себе мир, то можно предсказать, что войдут они через эту дверь»**. Но оздоровительное влияние

* Токвиль А. де. Указ. соч. С. 218.

** Там же. С. 408.

свободных пространств Запада было предназначено судьбой для улучшения положения рабочих, порождения новых надежд и новой веры в демократию пионеров и возможности отложить решение этой проблемы.

По мере того как колонисты продвигались в новые районы, размеры которых затмили старые секции, демократия первых поселенцев сама начала претерпевать изменения, как в своей структуре, так и в процессах экспансии. С окончанием Гражданской войны, когда поселения с небывалым напором распространялись за р. Миссисипи, роль колонистов, осваивавших территории, начали играть железные дороги. Их земельные участки, полученные от правительства и составлявшие в целом к 1871 г. площадь в 5 раз больше, чем весь штат Пенсильвания, нуждались в покупателях, и таким образом железные дороги проложили путь пионерам.

Закон о гомстедах поднял волну переселенцев еще выше. Усовершенствованное фермерское машинное оборудование дало возможность этим людям смело отправиться в прерии и эффективно обрабатывать там целинные земли на фермах таких размеров, по сравнению с которыми ранее возделанные жителями глухих районов участки на лесных вырубках казались маленькими огородиками. Эти условия, глубочайшим образом изменившие идеалы пионеров, привели к двум последствиям. Во-первых, для новой формы колонизации потребовалось возросшее использование капиталов; а быстрота образования поселков, скорость развития общества, заставляла поселенцев все с большей охотой брать банковские кредиты, чтобы вести дела на новом Западе. Это сделало пионера более зависимым от экономических сил Востока. Во-вторых, фермер, как никогда раньше, стал зависеть от транспортных компаний. В этом спекулятивном движении железнодорожные компании обнаружили, что они поспешили и забежали слишком далеко, что доходы по выпущенным ими акциям не оправдывались как инвестиции. Железные дороги вошли в столкновение с пионерами по вопросам тарифов и дискриминации. Возникли движения гринбекеров и грейнджеров, которые стали призывать правительство предотвратить то, что первый поселенец считал посягательством на его демократию.

По мере того как житель Запада начинал сталкиваться с проблемой огромности пространств в тех районах, которые он оккупировал; по мере того как он начинал приспособливать свою жизнь к современным силам капитала и сложным производственным процессам; по мере того как он начинал понимать, что, куда бы он ни отправился, его успех будет зависеть в целом от вопросов кредита, денег, транспортировки и сбыта, поселенец искал выход в законодательств-

ве. Он стал утрачивать свой примитивный индивидуалистский подход, правительство начало меньше походить на необходимое зло и больше — на инструмент для увековечивания его демократических идеалов. Короче говоря, оборонительная тактика пионера-демократа стала перемещаться от свободной земли к законодательству, от идеала индивидуализма к идеалу общественного контроля через регулирование посредством закона. Поселенец не выступал за радикальную реконструкцию общества путем социалистической революции; даже его альянсы с организованным рабочим движением, развивавшимся параллельно с организованным капиталом на Востоке, были лишены энтузиазма. Но его начинало тревожить будущее свободного демократического идеала. Нет необходимости обсуждать здесь мудрость его законодательства. Основное здесь состоит в том, что концепция поселенца о праве государства контролировать социальный процесс претерпела изменения. Он подходил к тому, чтобы считать законодательство инструментом общественного строительства. Индивидуализм пионера Кентукки 1796 г. уступал дорогу популизму первого поселенца Канзаса 1896 г.

Позднейший период демократии пионеров слишком хорошо известен, чтобы рассказывать о нем подробно. Но он весьма значителен. По мере того как доктрина первых поселенцев о свободной конкурентной борьбе за ресурсы страны раскрывала свои тенденции; по мере того как индивидуум, корпорация и трест, подобно пионеру, все более обращались к юридическим средствам, чтобы продвигать свои противоречившие один другому идеалы, природные богатства становились частной собственностью. Приток иностранных иммигрантов устремился в США, вытесняя старое американское население с рынка рабочей силы, снижая уровень жизни и усиливая давление населения на землю. Эти новички расселялись почти исключительно в дюжине крупнейших индустриальных центров. Они усилили там противоречия между капиталом и трудом, поскольку предложение рабочей силы все в большей мере обеспечивалось за счет лиц иностранного происхождения и рекрутировалось из национальностей, не вызывавших у капитала никаких симпатий и лишь совсем немного — у широкой общественности. Классовые различия подчеркиваются национальными предрассудками и тем самым происходит посягательство на демократию. Но даже в тупых мозгах огромных масс этих несчастных из Южной и Восточной Европы укоренилась идея Америки как страны свободы и возможности подняться в жизни, как страны демократических идеалов первых поселенцев. И если этой идее дать время и если она не обратится на революционный путь, то приведет к желаемому результату.

Когда американский пионер шел вперед непосредственно перед этой новой волной европейской иммиграции, он обнаружил, что запас земель становился все более ограниченным. Вместо прежних широких возможностей, когда поселенец мог застолбить себе участок в любом месте, где бы он ни пожелал, теперь тысячи пионеров судорожно мчались по вновь открытым для освоения индейским резервациям. Даже в 1889 г., когда для заселения открылась Оклахома, на ее границах толпилось 20 тыс. человек, как бегуны на старте, ждущие сигнала трубы, чтобы начать гонку по этой территории*. Сегодня, когда остающиеся клочки государственных земель выбрасываются для голодных поселенцев, в местах проведения правительственных земельных лотерей собираются огромные толпы.

Сотни тысяч пионеров Среднего Запада перешли государственную границу, страстно желая обрести фермы для своих детей на канадских пшеничных полях, хотя бы и под иностранным флагом. И наконец, правительство забрало себе значительные районы засушливых земель для их восстановления за счет осуществления дорогостоящих ирригационных проектов, чтобы впоследствии предоставить поселенцам пустынные участки по 20 акров на условиях тщательного регулирования прав на снабжение водой. Федеральные власти предоставляют капитал для огромных ирригационных плотин и водохранилищ и сами их строят. Они владеют карьерами, угольными шахтами и лесами и управляют ими для облегчения этих работ. В самых отдаленных уголках земного шара правительство отыскивает сельскохозяйственные культуры, подходящие для этих районов. Оно изучает почвы и указывает фермеру, что, когда и как сажать. Правительство даже рассматривало проект сдачи в аренду фабрикантам излишков воды, электроэнергии и пара, произведенных на государственных ирригационных предприятиях, и использования этой энергии для извлечения из воздуха нитратов для удобрения истощенных почв. Первый поселенец в засушливых регионах должен быть одновременно и капиталистом, и подопечным правительства.

Вдумайтесь: каков контраст между положением пионеров в начале и конце этого периода развития. Три столетия назад любящие приключения англичане начали наступление с побережья Виргинии на дикие местности. Три года назад президент Соединенных Штатов** созвал губернаторов 46-ти штатов, чтобы выступить перед ними с речью об опасности истощения природных богатств страны³.

* Заселение 22 апреля 1889 г. «ничейных земель» в центре Оклахомы несколькими десятками тысяч поселенцев путем «набега».

** Теодор Рузвельт.

Воздействие численности населения на продовольственное снабжение уже ощущается, и мы находимся только в начале этой трансформации. Очень важно, что в то самое время, когда американская демократия начинает осознать, что ее базис времен пионеров в виде свободных земель и малочисленного населения исчезает, она также поставлена лицом к лицу с потрясающими итогами собственных старых идеалов индивидуализма и эксплуатации в условиях конкурентной борьбы, не контролируемой правительством. Общество пионеров само по себе не было достаточно развитым для того, чтобы довести до логических результатов свою концепцию человека, обязанного своими успехами самому себе. Но капитаны индустрии, применив скваттерские доктрины к эволюции американского промышленного общества, сделали этот процесс столь ясным, что всякий это поймет. Борьба подразумевает и союзы, и вражду. Возрастающие размеры пространств, с которыми приходится иметь дело, и ситуации, когда время от времени возникает экономическая напряженность, дают основания для таких союзов. За паникой 1873 г. последовала беспрецедентная кампания различных объединений индивидуальных предприятий и партнерств в корпорации. Паника 1893 г. обозначила начало чрезвычайного развития корпоративных комбинаций, преобразовывавшихся в пулы, тресты, соглашения и поглощения, пока к моменту паники 1907 г. стало казаться, что исходом свободной конкуренции в соответствии с идеалом индивидуализма должна стать монополия на наиболее важные полезные ископаемые и процессы. Эту монополию должна осуществлять узкая группа людей, огромные состояния которых инвестированы в ассоциированные и зависимые предприятия таким образом, что они образуют господствующую силу в индустрии страны. Развитие крупномасштабного фабричного производства, выгоды объединений в условиях конкурентной борьбы и громадные преимущества концентрации для реализации еще не использованных возможностей были столь велики, что огромные сосредоточения капиталов стали нормальным способом ведения дел в промышленном мире. Почти в точном соотношении с сокращением запасов ресурсов, которыми еще никто не овладел, возрастали в размерах и эффективности захваты объединения капиталов. Одинокого лесоруба, машущего своим топором на краю необъятного леса, сменили компании с капитализацией в миллионы долларов, управляющие железными дорогами, деревообрабатывающими предприятиями и всем самым современным машинным оборудованием для переработки еще растущих деревьев⁴.

Перед нами разворачивается процесс нового развития страны при отсутствии ранее действовавшего предохранительного клапана

в виде обилия ресурсов, открытых для каждого, кто пожелает. Очертания классов становятся тревожно отчетливыми. С одной стороны существует требование, столь красноречиво высказанное г-ном Э.Г. Гарриманом, а затем и другими, что не должно делаться ничего такого, что мешало бы осуществлению идеалов первых поселенцев ранних эпох об эксплуатации и развитии богатств страны, что законодательство ограничительного и реформаторского характера ни в коем случае не должно даже на секунду препятствовать процветанию. Фактически мы в эти дни иногда слышим, как влиятельные люди заявляют о серьезных сомнениях в отношении демократии и полагают, что стране будет якобы лучше, если она добровольно подчинится правлению гениев, распоряжающихся экономическими силами нации и, как заявляется, способных гораздо эффективнее добиться процветания Соединенных Штатов, если им не будут мешать политики и народ.

С другой стороны, разноголосая группа реформаторов выступает с предупреждениями, что под угрозой находятся демократические идеалы и само общество Америки и на них уже посягнули те самые условия, которые и создают это кажущееся процветание; что экономические ресурсы перестали быть неограниченными и бесплатными; что национальное богатство возрастает ценой нанесения ущерба социальной справедливости и моральному здоровью американского народа в настоящее время и его благосостоянию в будущем. Пророками этого движения за реформы являются грейнджеры и популисты. Общее у демократа У. Брайана, социалиста Ю. Дебса и республиканца Т. Рузвельта состояло в том, что они обращали особое внимание на необходимость государственного регулирования экономических процессов в интересах простых людей и ограничения власти тех титанов бизнеса, которые стали победителями, выйдя из конкурентного индивидуализма, присущего Америке времен первых поселенцев. Проблемы традиционной американской демократии станут все более серьезными по мере роста стоимости земли, цен на мясо и хлеб, продолжения процесса промышленной консолидации и распространения экономических условий Востока на Запад.

Пришло время, когда университетские исследователи могут правильно понять идеалы пионеров, так как американское общество подошло к окончанию первого великого периода своего формирования. Оно должно изучить свое положение, поразмыслить над своим происхождением, рассмотреть вопрос о том, какие цели оно везло в своем багаже в длительном походе через континент, каковы были его амбиции, касающиеся судьбы человека, какую роль оно хотело бы играть в мире. Как нам сохранить то, что было лучшего в идеалах первых

поселенцев? Каким образом приспособить старые концепции к изменившимся условиям современной жизни?

Другие страны были и богатыми, и процветающими, и мощными. Но Соединенные Штаты верили, что их самобытный вклад в историю общества будет состоять в создании самоуправляемой, самоорганизованной, разумной демократии. Именно на Среднем Западе общество складывалось на началах, менее всего похожих на Европу. Если где-либо это и произойдет, то именно здесь американская демократия выступит против тенденции приспособиться к европейскому стилю.

Это соображение подчеркивает важность последнего вопроса, который я хотел бы обсудить, а именно: отношение университета к идеалам пионеров и изменяющимся условиям американской демократии. Не так давно президент Фонда Карнеги Г.С. Притчетт заявил, что ни в какой-либо другой форме массовой деятельности страна или штат не проявляют столь отчетливо свои идеалы или качество своей цивилизации, как в образовательной системе; и он обнаруживает, особенно в Университете штата, «концепцию образования, основанную на точке зрения всего народа». «Если бы нашу американскую демократию сегодня призвали представить доказательства своих конструктивных способностей, — говорит Притчетт, — самым сильным доказательством своего прекрасного состояния, которое она могла бы предъявить, были бы система муниципального школьного образования и венчающий ее Университет штата».

Можно, по крайней мере, допустить, что существенной чертой последнего является демократия в широком смысле. Положение конституции Индианы 1816 г., так хорошо знакомое всем вам, о «системе всеобщего образования, восходящей через ряд последовательных переходных ступеней от поселковой школы до Университета штата, где обучение должно быть бесплатным и в равной степени открытым для всех», выражает концепцию Среднего Запада, родившуюся в эпоху общества пионеров и, несомненно, находящуюся под глубоким воздействием джефферсоновской демократии.

Пожалуй, наиболее характерна для этих университетов, их неразрывная связь с бесплатными средними школами, в рамках которой перед учащимися остро стоит вопрос о том, пойдут ли они учиться в колледж или им открыта прямая дорога к высшему образованию. Благодаря этому штат предлагает всем классам общества способ получить образование и даже ведет пропаганду, чтобы побудить студентов к продолжению учебы. Он прокладывает глубокие шахты сквозь социальные слои, чтобы добыть золото реальных способностей в глубинных породах народных масс. Штат способствует развитию той

должной степени индивидуализма, наличие которой подразумевается в праве каждого человека иметь возможность продвинуться вверх по общественной лестнице в любом направлении, в каком позволят ему его личные способности в зависимости от благосостояния штата. Он сохраняет пути назначения на высшие посты и доступа к высшим почестям открытыми для самых бедных и незаметных юношей, если у них есть природные дарования, и в то же время штат способствует улучшению положения масс.

Ничто в истории нашего образования не поражает больше, чем постоянное давление демократии на университеты, заставляющее их приспособляться к потребностям всего народа. Университеты штатов Среднего Запада, сформировавшиеся в соответствии с идеалами пионеров, пошли на более полное признание научных исследований, особенно в областях прикладной науки, посвященных завоеванию природы; пересмотр традиционно требуемых учебных планов; объединение в одном и том же учебном заведении профессионального обучения и учебной программы колледжа; создание сельскохозяйственных и инженерных колледжей и курсов по ведению бизнеса; обучение адвокатов, управляющих, общественных деятелей и журналистов — все это скорее в соответствии с идеалом служения демократии, чем только ради личного успеха. Другие университеты делают то же самое, но источник и главное течение великого потока этой тенденции берут свое начало в краю первых поселенцев, в демократических штатах Среднего Запада. И сам народ через свои советы попечителей и легислатуры является апелляционным судом в последней инстанции по вопросам направлений и условий роста, а также источником доходов, которым эти университеты обязаны своим существованием.

Университет штата, таким образом, отличаются как необычная сила, поскольку он оказывает непосредственное влияние на весь народ, так и специфическая скованность из-за его зависимости от народа. Народные идеалы создают атмосферу, в которой развивается Университет, хотя он и сам может влиять на эту атмосферу. В этом заключены и источник его силы, и сфера трудностей. Ибо для того чтобы выполнить свою миссию постепенного подъема штата на все более высокий уровень, Университет должен, по словам г-на Дж. Брайса, «служить времени, не уступая ему»; он должен признавать новые потребности, не подчиняясь сиюминутной практичности и недалекновидной выгоде. Университет не должен жертвовать более высокой результативностью ради более очевидной, но более низкой эффективности. Он должен иметь мудрость нести расходы для получения результатов, которые многократно окупятся в виде обогащения цивилизации, но не проявляются немедленно и явно.

В условиях переходного периода американской демократии, который я попытался обрисовать, миссия Университета является весьма важной. Времена требуют образованных лидеров. Опыт общего характера и грубо эмпирическая информация недостаточны для решения проблем демократии, которая больше не владеет сберегательным фондом в виде неограниченных количеств нетронутых ресурсов. Научное земледелие должно увеличить урожай на полях, научное лесоводство должно экономно использовать леса, научные эксперименты и строительство с применением научных методов, проводившихся химиками, физиками, биологами и инженерами, должны быть применены ко всем силам природы в нашем сложном современном обществе. Для этого нового идеала завоевания понадобятся пробирка и микроскоп, а не топор и ружье. Научные открытия в таких областях, как общественное здравоохранение и производственные процессы, сделали необходимой зависимость от эксперта, и если ряды экспертов следует широко пополнять выходцами из демократических масс, так же как и из более состоятельных слоев, то Университеты штатов должны предоставлять, по меньшей мере, столь же либеральные возможности для проведения научных исследований и обучения, как и университеты, зависящие от частных пожертвований. Нет необходимости доказывать, что не в интересах демократии оставить подготовку экспертов всецело в руках учебных заведений, находящихся на частном финансировании.

Но ведь в сфере законодательства и общественной жизни в целом эксперт необходим так же, как и в промышленном мире. Экономические условия, которые формируют общество, слишком сложны, проблемы труда, финансов, социальной реформы слишком трудны для того, чтобы ими заниматься разумно и мудро без руководства со стороны высокообразованных людей, знакомых с законодательством и литературой по социальным вопросам, которые имеются в других штатах и государствах.

Осуществляя обучение в областях науки, права, политики, экономики и истории, университеты могут поставлять управляющих, законодателей, судей и экспертов — выходцев из рядов демократии — в комиссии, которые будут беспристрастно и разумно посредничать между борющимися интересами. Когда в Америке можно будет использовать и понимать слова «капиталистические классы» и «пролетариат», то совершенно явно настанет время готовить таких людей в духе идеала службы штату, способных обуздать силы этих столкновений, находить вопросы, в которых интересы спорящих сторон сходятся, и пользоваться уважением и доверием всех, кто искренне лоялен наилучшим американским идеалам.

Признаки такого развития уже заметны в экспертных комиссиях некоторых штатов, во все возрастающей доле выпускников университетов в законодательных собраниях, во влиянии людей с высшим образованием на деятельность федеральных министерств и комиссий. Вряд ли будет преувеличением сказать, что самая большая надежда на достижение разумного, основывающегося на твердых устоях прогресса в экономическом и социальном законодательстве и управлении этими областями состоит в усилении влияния американских университетов. Направляя этих непредубежденных экспертов, готовя высококвалифицированных законодателей, общественных лидеров и учителей, выпуская целые армии просвещенных граждан, для которых обычным делом является принцип объективного подхода к проблемам современной жизни, способных самостоятельно мыслить, которыми движут не невежество, предубеждения или импульсы, а знание, разум и благородство, — Университеты штатов тем самым гарантируют демократию. Противодействия со стороны демократии без таких лидеров и последователей могут породить революции, но они не смогут привести к экономическому и общественному прогрессу. Проблема Америки состоит в том, чтобы демократические идеалы не были введены насильственно, а были бы сохранены и упрочены путем мужественной адаптации их к новым условиям. Образованное руководство строит бастионы, как против яростных импульсов толпы, так и против зловещих замыслов тех, кто хотел бы подчинить общественное благосостояние алчности отдельных лиц. По-прежнему правдоподобно звучит прекрасное высказывание лорда Фрэнсиса Бэкона: «Обучение нескольких — это деспотизм; обучение многих — это свобода. А разумная и основанная на прочных устоях свобода — это слава, мудрость и власть».

В самой этой возможности заключена опасность для университетов. На первых порах демократия пионера не испытывала уважения к эксперту. Первый поселенец считал, что «дурак может надеть пальто лучше, чем это сделает для него мудрец». В этом убеждении содержится много истинного; и образованный лидер, даже такой, который выучился в условиях нынешнего университета, то есть в прямом контакте с окружающим миром, по-прежнему должен будет учитывать эту унаследованную подозрительность к экспертам. Однако если он хорошо подготовлен, достоин своего образования, наделен творческим воображением и является личностью, то он будет успешным лидером.

Более серьезная опасность возникнет тогда, когда университеты получают полное признание в качестве мощных факторов формирования жизни штата — не просто монастырей, далеких от его жизни, но влия-

тельного элемента. В таком случае легко может случиться, что дым поля боя политических и социальных противоречий затянет чистую атмосферу университета и что будут предприниматься усилия, направленные на ликвидацию какой-нибудь выдающейся доктрины и какого-нибудь выдающегося человека. Те, кто в университетских стенах ведет научные исследования и занимается преподаванием, должны осуществлять предписание церкви: «*Sursum corda*»*, возвышайте сердца к высоким мыслям и беспристрастному поиску чистой истины в интересах всего народа. Такова университетская чаша Грааля.

Так же как был свободен первый поселенец, университетам для осуществления своей деятельности должна быть сохранена свобода исследовать новые области и сообщать о сделанных открытиях; ибо, подобно пионеру, их идеал — исследование. Они стремятся к новым горизонтам. Университеты не связаны прошлым знанием; они признают, что во вселенной существует еще неисчислимое число тайн, что наука и общество не застыли, а по-прежнему развиваются и им все так же нужны первопроходцы. Можно ожидать новых и благотворных открытий в естественных науках, а также в области процессов и направлений роста общества, заменителей исчезающей материальной базы демократии пионеров, если университетским пионерам оставят свободу поиска новых путей.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Долг Университета — приспособить идеалы первых поселенцев к новым потребностям американской демократии. И этот долг еще более важен, чем те обязанности, о которых я говорил выше. Эти люди были индивидуалистами, стремившимися обнаружить неоткрытое; но они не понимали богатства и сложности жизни как единого целого, не осознавали полностью своих возможностей индивидуализма и открытия. Пионер стоял в величественном лесу, как иногда путешественник стоит в альпийской деревне, где все скрыто в тумане и видны лишь какая-нибудь убогая хижина, усеянное камнями поле и идущая через грязь тропинка. Но вдруг дуновением ветра уносит туман. Перед ним лежат громадные сияющие снежные поля и искрящиеся льды; у его ног взору открываются зияющие пропасти; и, подняв глаза, он видит не поддающийся человеческому воображению великолепный пик Маттерхорн, пронзающий разреженный воздух в необозримой выси. Новый, неведомый мир открылся перед ним и окружает его. И точно так же миссией Университета является открывать каждому индивидууму тайну и славу жизни как единого целого — открывать все царства разумного человеческого наслаждения и достижений; сохранять осознание прошлого;

* «Поднимайте сердца ваши» (лат.).

разворачивать перед человеком красоту вселенной; и широко раскрыть свои двери долга и власти для человеческой души. Университет должен чтить поэта и художника, писателя и учителя, ученого и изобретателя, музыканта и пророка праведности — всех гениев, облагораживающих нашу жизнь. Ему следует возродить, но для более утонченного использования, любовь пионера к творческому индивидуализму и создать для этого соответствующую атмосферу, способствующую развитию личности всеми духовно возвышающими способами. Университет должен препятствовать тенденции, направленной на то, чтобы при воздействии на недостаточно образованные народные массы чрезмерный упор делался на идеалы процветания и политики. Короче говоря, Университету следует мобилизовать всевозможные средства и способы в радостных и искренних усилиях, направленных на достижение благосостояния и духовного обогащения общества. Он должен пробудить в народе новые вкусы и устремления.

Свет этих университетских сторожевых башен должен лететь от одного штата к другому, пока американская демократия сама не осветится более высокими и широкими идеалами того, что служит интересам штата и человечества, является наградой и заслуживает похвалы и вознаграждения. До тех пор, пока накопление огромных богатств для увеличения могущества индивидуума является единственным или доминирующим мерилем успеха, до тех пор, пока материальное процветание без учета его последствий или того, во что превратится цивилизация в результате такого процветания, до тех пор, пока эти аспекты будут сохранять свое значение, американская демократия с ее верой в обычного человека, которая столь дорога пионеру, будет в опасности. Ибо сильнейшие будут неизменно добиваться тех целей, которые общество выдвигает как знак допускаемого превосходства. Есть ли другое, кроме Университета, учреждение, способное эффективно выращивать отборные пшеничные зерна идеалов? Где еще мы сможем найти лучших сеятелей?

Лесная вырубка пионера должна быть превращена в просторные наделы, где все, к чему следует приложить усилия человеческих рук, могло бы обрести плодородную почву для своего роста; и от гениев конструктивного бизнеса, которые обязаны своим подъемом свободе демократии первых поселенцев, Америка должна потребовать высочайшей верности и преданности общественному благу. Для того чтобы способствовать достижению такого результата и сгладить те трудности, без которых не выполнить эту задачу, у страны нет более перспективного учреждения, чем Университеты штатов, нет более надежных людей, чем их выпускники.

Примечания

¹ Речь на актовом дне в Университете штата Индиана (1910).

² [Текст дается по раннему варианту; позже стихотворение опубликовано в его сборнике "Songs from Books" (p. 93) под названием "The Voortrekker". Еще более глубокое проникновение в идеалистическую сторону фронта содержится его стихотворение "Explorer" в сборнике "Collected Verse" (p. 19).]

³ Написано в 1910 г.

⁴ Части текста, не вошедшие в оригинал, включены в последующие главы.

Глава XI. Запад и американские идеалы¹

Верные традиции Америки, согласно которой каждое следующее поколение должно жить в Республике лучше предыдущего, колледжи и университеты ежегодно призывают нацию один раз в год оторваться от рабочей рутины и проанализировать цели и достижения страны, бросить взгляд в прошлое и задуматься о будущем.

Эта позиция самоанализа совершенно не характерна для народа в целом. И особенно она не присуща американцу в прошлом. Он был скорее занят поисками и использованием благоприятных шансов, чем размышлениями об общих идеях. Судьба окунула этого человека в поток, который быстро понес его через такое богатство возможностей, что размышлять, взвешивать и планировать казалось пустой тратой времени. Он не знал, куда его несет река, но находился в пути, радуясь, проявляя оптимизм, занимаясь делом и излучая жизнерадостность.

Сегодня мы видим близость перемен, может быть не так легко различимых в новых регионах, чем в старых, но достаточно заметных, чтобы расширить университетский подход, применив его не к колледжу, а к стране в целом. Быстрое и неотвратимое течение в верховьях реки национальной истории вошло в более широкие берега и стало медленнее, что означает приближение моря. Кораблю, который больше не увлекают бурные воды, теперь необходимо определить свой курс в этом новом океане своего будущего, тщательно обдумать, какими будут его двигатель и рулевое устройство.

Не имеет особого значения, что те, кто выступает перед этими студентами и студентками университетов, рассказывая им о жизни, дают совершенно разные ответы на вопросы: откуда и куда? Остановиться, чтобы вспомнить, подумать и сильно пожелать чего-либо — это само по себе очень благотворно.

Даже если у американского народа усиливается самосознание, он чаще откликается на призыв действовать, исходя из осмотрительного выбора, мы будем излишне самоуверенными, поверив в то, что якобы даже в наши дни эти обзорные лекции, прочитанные в активные дни, трогают сердца широкой публики, либо что они будто бы оказывают прямое и немедленное влияние на образ мыслей и действий нации.

Но даже если мы сдерживаем свой энтузиазм, понимая мышление публики, мы должны набраться храбрости. Особенная привилегия и отличие Университета заключаются в том, что это не какой-то пассивный инструмент властей штата для высказывания их идей относительно текущего момента. Не его дело отражать тенденции. В миссию Университета входит порождать тенденции и направлять их. Его дело — руководство и идеалы. Он, разумеется, призван оправдывать поддержку, которую получает от общественности, работая в тесном и доброжелательном контакте с теми, кому он служит. Больше того, Университет утратил бы важный аспект своей силы, если бы он не признавал тот факт, что усовершенствования и творческое развитие часто порождаются самими массами, инстинктивно стремящимися к лучшей жизни. Выпускники должны быть подготовлены к тому, чтобы естественно и эффективно находить свое место в общем жизненном потоке своего времени.

Однако Университет призван в первую очередь оправдывать свое существование тем, чтобы наделять своих сынов и дочерей тем, что они не смогли бы обрести, живя обычной жизнью за его стенами. Это именуется служением своему времени, осуществляя независимые исследования и предаваясь оригинальному мышлению. А вот если бы Университет был всего лишь инструментом фиксации обычных мнений и заурядной информации, то было бы трудно понять, почему он вообще должен существовать. Быть в тесном контакте с обыденной жизнью, чтобы поднимать ее, быть сияющим центром, воспаляющим общество, в котором он находится, — таковы первостепенные обязанности Университета. Счастлив тот штат, который отпускает этот исследовательский дух на волю. Пусть он «оснащает старателей», охотящихся за интеллектуальными сокровищами, и посылает их вперед туда, где «кончаются тропы». Знаменитый ученый считает, что мировой эфир переносит витальные бактерии, которые, попадая в мертвый мир, оживляют его. По крайней мере, так обстоит дело в мире мысли, где заряженные энергией идеалы, отправленные в полет и переносимые повсеместно волнами и потоками интеллектуальной атмосферы, питают огромные бесплодные пространства.

На Университете, таким образом, лежит двойная обязанность. С одной стороны, он должен содействовать совершенствованию об-

шей экономической и социальной среды. Университет должен способствовать появлению научных открытий и помогать в налаживании таких экономических, политических и социальных условий существования, которые создадут более благоприятную и чуткую среду для возвышенной и лучшей жизни. Он обязан стимулировать расширение спроса у публики на надлежащее руководство. Университет должен активнее вести свою деятельность в народе и глубже проникать в слои общества, чтобы обнаруживать новые месторождения интеллектуального золота в тех народных толщах, которых еще никто не касался. И с другой стороны, он должен находить для выдвижения на руководящие позиции мужчин и женщин и готовить их для этого. Университет обязан способствовать появлению новых требований и удовлетворять их, обучая лидеров, у которых были бы новые мотивы и стимулы для честолюбивых устремлений, более высокие и широкие концепции того, что же составляет блага жизни, что такое успех. Университету следует заниматься подготовкой почвы и выращиванием посевов в агрикультуре человеческого духа.

Эффективность деятельности Университета не оценивается способностью подготовить инженеров бизнеса. Если это учебный корабль, то он уходит в плавание, несущее открытия и устремляющееся к новым горизонтам. Экономике потребления Университета можно правильно оценить только из будущего, которое станет обладать новыми царствами духа, открытыми в этих плаваниях. Если бы корабли Х. Колумба занимались лишь прибыльным каботажным плаванием между Палос-де-ла-Фронтера* и Кадисом, они, наверное, сэкономнили бы на парусине, но их кили никогда не врезались бы в берега Нового Света.

Неоткрытое очень притягательно в Америке. В течение трех столетий фундаментальный процесс ее истории состоял в движении на запад, открытии и оккупации огромных свободных пространств континента. Мы — первое поколение американцев, которые могут смотреть на эту эпоху, как на прошлое, потому что историческое движение теперь завершается. Другие поколения были в столь большой мере частью этого процесса, что они вряд ли могли осознавать его значение. Для них он казался неизбежным. Свободные земли и естественные богатства считались практически неисчерпаемыми. Те поколения также не осознавали того факта, что их самые фундаментальные характеристики, институты, даже идеалы были сформированы этим взаимодействием диких местностей и ими самими.

* Из этого испанского порта в 1492 г. вышли в море три каравеллы экспедиции Х. Колумба, в ходе которой была открыта Америка.

Американскую демократию не породила мечта какого-нибудь теоретика, ее не привезли в Виргинию на борту судна «Сара Констант»* или в Плимут на «Мейфлауэре»**. Она вышла из американского леса и набиралась новых сил каждый раз, когда соприкасалась с новым фронтиром. Не конституция, а свободные земли и обилие природных ресурсов, открытых для достойных людей, привели к созданию демократического типа общества в Америке в течение трех столетий, пока оно завоевывало пространство своей империи.

Сегодня мы, потрясенные, видим, как изменился мир. Проблема страны состоит теперь не в том, чтобы вырубать и выжигать огромные препятствия в виде густых и мрачных лесов; сейчас следует спасти остающийся строевой лес и разумно им распорядиться. Проблема теперь заключается не в том, как передать огромные массивы плодородных земель во влажных зонах прерий из рук государства в руки пионера; эти территории уже перешли в частную собственность. Отныне не существует вопроса, обойти ли Великие равнины и пустыни или пересечь их. Вопрос заключается в том, как завоевать отвергнутые ранее земли, используя новые агрономические методы и возделывая новые сельскохозяйственные культуры из семян, собранных в холодных сухих степях Сибири, жгучих песках Египта и далеких внутренних районах Китая. Это проблема того, как подвести драгоценные водные ручейки к солончакам и поросшим полынью землям. Численность населения растет быстрее, чем производство продовольствия.

Площадь новых обрабатываемых земель в фермерских хозяйствах больше не увеличивается каждое десятилетие в размерах, равных территориям европейских государств. В то время как темпы роста площади улучшенных земель снижаются, стоимость пригодной для обработки земли увеличивается, а цены на продовольствие скачкообразно возрастают, что меняет прежнее соотношение между ними в противоположную сторону. Призывы к научному ведению сельского хозяйства и сохранению естественных богатств пришли на смену прежних призывов к завоеванию диких местностей. К настоящему моменту мы отвоевали свой общенациональный дом, вырвали у природы первые щедрые сокровища и привлекли к нему внимание несчастных из других стран. Теперь мы уже вынуждены сравнивать себя с обустроенными государствами Старого Света. Раньше мы с презрительным безразличием относились к законодательству таких стран, как Германия и Англия. Вместо этого ныне даже штаты Запада, подобно Висконси-

* По другим источникам судно называлось «Съюзн Констант».

** Речь идет о судах, которые привезли в Виргинию (1607) и в Новую Англию (1620) первых британских поселенцев.

ну, отправляют комиссии для изучения их систем налогообложения, страхования рабочих, выплаты пенсий по старости и большого числа других лекарств от социальных болезней.

Если мы бросим взгляд на окраины страны, то везде увидим признаки того, что наш мир меняется. На улицах городов Северо-Востока, таких как Нью-Йорк и Бостон, до удивления много прохожих с лицами выходцев из Юго-Восточной Европы. Пуританская Новая Англия, превратившая свои капиталы в фабрики и заводы и привлекая на свои берега армию дешевой рабочей силы, некоторое время управляла этими людьми как правящий класс, как верхний социальный слой, без какой-либо смешивания с нижними стратами. Здесь не было такой эволюции к ассимилированному сообществу, какое мы наблюдаем, в сельскохозяйственных штатах Среднего Запада, где иммигранты и прежнее население, состоявшее из уроженцев США, объединились и построили однородное общество на принципе компромисса. Но вот теперь побережье Северо-Востока обнаруживает, что его политические и экономические судьбы ускользают из рук потомков пуритан. И ныне маленький еврейский мальчик, или грек, или сицилиец водит приезжего по историческим улицам, где сейчас живут эти пришельцы, показывает Старую Северную церковь, или дом Пола Ривери, или Чайную пристань, и рассказывает вам, по-своему странно выговаривая слова, историю революции против угнетения.

На всем побережье Атлантических штатов Юга и Мексиканского залива действуют силы социальных и индустриальных преобразований, несмотря на стабилизирующее влияние негров, присутствие которых всегда вело к сопротивлению переменам со стороны белых. Старая аристократия прибрежной зоны сдала свои позиции демократам из нагорных районов. Вдоль Аллеганских гор, как колонна наступающих войск, силы капитала Севера, текстильные фабрики и сталелитейные заводы год за годом расширяют свое вторжение в Нижний Юг. Новый Орлеан, некогда господин всей торговли в Долине р. Миссисипи, предается новым мечтам о мировой коммерции. На южной границе страны американский капитал предпринимает подобные вторжения в Мексику. В то же время с открытием Панамского канала осуществилась вековая мечта о проливе Аниан между Атлантическим и Тихим океанами. Четыреста лет назад Нуньес де Бальбоа поднял испанский флаг на берегу Западного моря*, и теперь мы готовимся отметить и эту годовщину, и прохождение через континент. Между

* Имеется в виду открытие в 1513 г. Тихого океана («Южного моря») испанским военным отрядом под командованием Васко Нуньесом Бальбоа, пересекшим Панамский перешеек.

Испанской Америкой и Соединенными Штатами были созданы новые отношения и мир наблюдает как Аргентина, Бразилия и Чили посредничают между борющимися силами Мексики и США. Снова нашим границам угрожают враждебные интересы иностранных государств, но мы больше не обращаемся к доктрине Монро, а посылаем наши армии, в которых служат жители фронта, и тотчас ликвидируются наши озабоченности. Мы совещаемся с европейскими государствами и с братством стран Южной Америки и предлагаем лекарство социальных преобразований вместо имперской воли и силы. Независимо от того, увенчаются успехом эти усилия или нет, это важный показатель исчезновения старого порядка, когда такое решение принимается президентом, происходящим из шотландских пресвитериан и родившимся в штате Виргиния*.

Если обратиться к северной границе, где мы вскоре будем праздновать столетие мирных отношений с Англией**, то можно увидеть, что там с опозданием происходит процесс, подобный тому, который имел место в нашей собственной истории, а именно: расселение пионеров, освоение новых районов в глуши, строительство новых городов, рост новой и сильной страны. Прежнее продвижение американского фермера-производителя пшеницы от р. Коннектикут на реки Мохок и Дженеси, из Большой долины Пенсильвании в Долину р. Огайо и прерии Среднего Запада к настоящему времени под воздействием инерции собственного движения и под влиянием канадских гомстедов и высокой цены на пшеницу перешло через государственную границу на некогда пустынные равнины, которые пересекали лишь собачьи упряжки Компании Гудзонова залива, мчавшиеся через снежные безлюдья дикого Севера. На Тихоокеанском Северо-Западе эпоха формирования еще не завершена, но она идет столь быстрыми темпами, что мы уже можем видеть окончание эры первых поселенцев. Аляска уже манит к себе на севере и, указывая на свое богатство природных ресурсов, спрашивает страну о том, на каких новых условиях новый век будет иметь с ней дело. А на другом берегу Тихого океана просматриваются неясные очертания Азии, которая больше не представляется отдаленным видением и символом неизменности, а простирается миражом вблизи наших берегов и ставит серьезные вопросы об общей судьбе тихоокеанских народов. Мечты Т. Бентона и У. Сьюарда о возрожденном Востоке, когда долгий путь цивилизации в западном направлении замкнет свой круг, кажется, вот-вот осуществляются. Начинается век Тихого океана, таинственный

* Вероятно, речь идет о президенте США Вудро Вильсоне (1913–1921).

** Речь идет о Гентском договоре от 24 декабря 1814 г.

и непроницаемый в отношении его значения для нашего собственного будущего.

Обратившись к рассмотрению наших внутренних районов, мы видим ту же картину изменений. Когда федеральный суперинтендант по переписи населения объявил в 1890 г., что пределы фронта больше не прослеживаются, только что состоялся набег на Оклахому. Сюда, где были собраны разрозненные остатки индейских племен с Востока и где обитали более воинственные туземцы Юго-Запада, хлынула волна пионеров, стремившихся завладеть землей. Почти мгновенно исчезла старая Индейская территория*, возникли многолюдные города, а в скором времени фонтанирующие нефтяные скважины создали новую эпоху внезапно возникшего богатства. Сельскохозяйственные земли Среднего Запада, полученные как бесплатные гомстеды или купленные за сущие гроши, настолько возросли в цене, что все больше первоначальных владельцев либо продавали свои фермы, чтобы реинвестировать средства в новые, более дешевые земли на Западе, либо переезжали в города, а ведение хозяйства оставляли фермерам-арендаторам. Рост количества земельных участков, владельцы которых на них не жили, приводит к серьезной проблеме в бывших центрах грейнджерского и популистского движений. На Старом Северо-Западе Великие озера становятся новым Средиземным морем, соединяющим королевства пшеницы и железной руды, которые находятся на одном конце региона, с углем и домнами Долины р. Огайо, где расположился самый активный и обширный центр индустриальной деятельности. Городская жизнь, подобная существующей на Востоке, с промышленным производством и концентрацией капитала, как кажется, воспроизводит в центре Республики те же тенденции, которые уже столь очевидны на Атлантическом побережье.

Через Великие равнины, где когда-то царили бизоны и индейцы, одна за другой катятся индустриальные волны. Свободные неогороженные пастбища сменились ранчо, вместо последних появились гомстеды, а сейчас в некоторых районах засушливых земель гомстеды уступают место фермам площадью 10 или 20 акров, на которых при помощи искусственного орошения выращивают фрукты. Время дешевой земли, дешевых кукурузы и пшеницы, дешевого скота ушло безвозвратно. Федеральное правительство осуществило огромные патерналистские проекты по мелиорации пустынных территорий.

* Организована в 1830 г. Второго мая 1890 г. официально была образована Территория Оклахома.

В Скалистых горах, где во время Гражданской войны первые заметные случаи золотой и серебряной «лихорадок» повернули движение фронта вспять, т. е. в восточном направлении, произошли наиболее изумительные преобразования. Здесь, где золотоискатели прокладывали новые тропы и вели дикую вольную жизнь горцев, здесь, где человеческий дух, казалось, был способен достичь наивысшей степени индивидуальной свободы и где судьба улыбалась обычному человеку, произошли революции, вызванные потребностью в организованной промышленности и капитале. Мы видели, что в регионах, где процветали народные трибуналы и свободная конкурентная борьба, закон и порядок были подорваны в ходе яростных столкновений крупных группировок капитала между собой и с трудящимися, организованными социалистами. Забастовки в Криппл Крик, стычки в Бьютте, толпы в Голдфилде, недавнее сражения в Колорадо — все это одинаковые истории о мощном воздействии борющихся сторон в тех районах, где никогда не получали полного развития гражданская власть и лояльность штату. Подобно Большому каньону, длительная геологическая история которого написана в ослепительно ярком свете столь большими письменами, что никто не может не прочитать ее, так и Скалистые горы дали возможность всем увидеть опасности современных тенденций индустриального развития Америки.

Когда на пути в Сиэтл мы пересекали Каскадные горы, один из пассажиров был растроган этим зрелищем и объяснил нам свои чувства, вызванные великолепием вида залива Пьюджет-Саунд по сравнению со всей остальной видимой частью вселенной. Он сделал это прекрасно, несмотря на саркастические реплики других путешественников, которые были верными детьми Востока, и в конечном счете разразился пламенной тирадой: «Как же мне не любить Сиэтл! Он вытащил меня из трущоб Атлантического побережья, меня, бедного шведского парня, у которого хорошо, если в кармане было пятнадцать долларов. Он дал мне дом у прекрасного моря; он развернул перед моим взором панораму заснеженных горных вершин и ласково улыбающихся полей; он дал изобилие и новую жизнь мне и моим детям, и я люблю его. Я люблю его! Если бы я был мультимиллионер, я бы нанимал железнодорожные вагоны и привозил бы трудящихся из перенаселенных жилищ и шумных улиц городов Востока и Старого Света и выпускал бы их на волю в наших необъятных лесах и горах, где добывают руду, и пусть они узнают, что такое настоящая жизнь!» И меня тронули его слова и волновавшийся лесной океан и горные пики, мимо которых мы проезжали.

Но пока я смотрел перед собой и слушал его страстную речь, я вспомнил слова Шарля Мориса Талейрана, эмигранта-епископа

Отенского*, сказанные в период деятельности администрации Дж. Вашингтона. Когда он смотрел с возвышенности недалеко от Филадельфии на дикую местность, которая с тех пор стала центром огромного промышленного общества, где населения больше, чем жизненных средств, даже у бесчувственного и циничного Талейрана при виде этих безлюдных холмов и лесов, вспыхнуло видение будущих просек, мирных, залитых солнцем ферм и пасущихся стад, которые здесь появятся, густо населенных городов, которые будут построены, новой и лучшей социальной организации, которая здесь возникнет. А потом я вспомнил зал в Гарвардском музее социальной этики, через который я прохожу в аудиторию, когда читаю лекции об истории продвижения на Запад. В этом зале развернута выставка о работе сталелитейных заводов Питтсбурга и о перенаселенных жилищах. Таблицы и диаграммы экспозиции повествуют о продолжительном рабочем дне, показателях смертности, распространенности брюшного тифа в трущобах, куда съехалась беднота из всей Юго-Восточной Европы, чтобы создать цивилизацию в этом центре американской промышленной энергии и огромных капиталов, что является социальной трагедией. Пройдя через этот зал, я в своих лекциях рассказываю о молодом Дж. Вашингтоне, возглавлявшем отряд проживавших на фронтире виргинцев, который направлялся в великолепные леса у рукавов р. Огайо. Там, где когда-то Э. Брэддока и его солдат, «вырезающих крест на окраине дикого мира», поразило зрелище раскрашенных дикарей в девственных лесах, теперь огромные доменные печи постоянно изрыгают огонь, а немцы, болгары, поляки и сицилийцы борются за шанс заработать на пропитание и ведут горькое и униженное существование. И сами по себе возникли в сознании незабываемые слова Т.Г. Гексли:

Даже самые лучшие современные цивилизации, как мне кажется, про-
являют такое состояние человечества, которое не только не олицетворяет
каких-либо достойных идеалов, но и не обладает достоинствами
стабильности. Я не поколеблюсь здесь выразить то мнение, что, если
нет какой-то надежды на значительное улучшение состояния большей
части рода людского; если верно, что ни рост знаний, ни завоевание
большого господства над Природой, являющегося следствием уве-
личения знаний, ни рост богатства, являющегося следствием этого
господства; если все это не внесет каких-либо изменений в размах
и остроту Нужды, со всей сопровождающей ее физической и мораль-

* Полное имя: Шарль Морис де Талейран-Перигор (1754—1838) — французский государственный деятель, дипломат, епископ Отенский (1789). Находился в США в эмиграции в 1794—1796 гг.

ной деградацией среди народных масс, то я приветствовал бы появление какой-нибудь доброжелательной кометы, которая смахнула бы все это долой, что и стало бы желательным концом.

Но если появились разочарование, потрясение и страх при осознании нами этих изменений, то для сильных духом мужчин и женщин в этих переменах также заключены и вызов, и вдохновение. На месте бывших фронтиров дикой местности перед нами возникли новые рубежи — непокоренные области науки, способные принести пользу человечеству; перед нами лежат все еще неисследованные фронтиры улучшения социальных условий. Будем же крепки в нашей вере, храбрости и творческом порыве. Будем мечтать, как мечтали наши отцы, и давайте добьемся осуществления наших мечтаний:

Дни лицемерные, как дочери Фортуны,
Закутавшись, безмолвной вереницей
Идете, словно дервиши босые,
Держа в руках венки, сухие прутья.
Для всех у вас достойные дары —
Хлеб, королевства, звезды, свод небесный,
Набрел и я в заглохших кущах сада
На торжество... Забыв желанья утра,
Взял трав и сладких яблок. Дочь Фортуны
Безмолвно удалилась... Слишком поздно
Насмешку я прочел на сумрачном челе*.

Каковы были «желанья утра» Америки? С самого начала долгого похода американского народа на Запад она никогда не была страной лишь одних всем удовлетворенных материалистов. Америка неустанно искала новые пути и мечтала об усовершенствованном типе социального устройства.

В XV в., когда европейцы стали иметь дело с Новым Светом, открытым Х. Колумбом, преобладал идеал открытий. И здесь перед людьми, чьи горизонты раньше были ограничены Атлантикой, открылись новые неисследованные миры. Америка превратилась в землю европейской мечты, Блаженными островами, вдруг обретшими реальность. Здесь, как мнилось старой Европе, можно было найти мир, счастье, богатство и вечную юность. Сэру Эдвину Сэндису и его друзьям из Лондонской компании Виргиния предоставляла возмож-

* Перевод И. Копостинской. См.: Эмерсон Р.У. Дни // Поэзия США / Пер. с англ. М., 1982. С. 130.

ность создать Республику, к которой они тщетно стремились в Англии. Для пуритан Новая Англия была новой страной свободы, где они могли бы воплотить в жизнь Божьи институты в соответствии со своими верованиями. Когда к концу XVII в. прежнее видение Виргинии постепенно исчезло, оно было возрождено пламенным Натаниелом Бэконом, поднявшим восстание, чтобы установить истинную демократию вместо правления плантаторской аристократии, сформировавшегося на побережье. Вскоре после того, как он потерпел поражение, демократический идеал в XVIII в. был возобновлен неисполненными силами жителей фронта, которые отеснили его с побережья Новой Англии в районы Беркширских холмов, вверх по долинам Зеленых гор Вермонта. Первые поселенцы, имевшие шотландско-ирландское и немецкое происхождение, прошли в Нагорный Юг по Большой долине из Пенсильвании. В обоих случаях и колонисты-янки, и пресвитериане-шотландцы из Ольстера находились под непреодолимым влиянием кальвинистской концепции важности индивидуума, связанного свободным соглашением с другими людьми и с Богом, и весь опыт их жизни в условиях диких местностей приводил лишь к усилению воздействия идеалов открытия новых путей, предоставления большей свободы индивидууму и создания демократического общества.

Когда жители пограничья пересекли Аллеганские горы, между ними и Атлантическим побережьем образовался барьер, который, как казалось, отделил их от региона, ставшего слишком похожим на ту Европу, из которой они уехали. Двигаясь вверх по долинам рек, впадавших в р. Миссисипи, они назвали себя «людьми западных вод», а их новый дом в Долине р. Миссисипи стал «миром Запада». К 1830-м гг. здесь расцвела джексоновская демократия, сильная своей верой во врожденное превосходство простого человека, его право завоевывать себе место в мире и в его способность участвовать в управлении. Выдвигая подобные требования, джексоновская демократия была также лояльна к руководству, что следует из самого ее названия. Она была готова до последнего предела идти за тем человеком, которому доверяла, будь ее герой бойцом фронта или президентом, и она даже осуждала и ограничивала собственных представителей в законодательных органах, а также отзывала сенаторов, когда те вступали в противоречия с избранным ими президентом. Джексоновская демократия была в основе своей сельской. Она покоилась на дружеских отношениях между людьми и искренними социальными чувствами фронта, где классы и неравенство в распределении богатства не играли большой роли. Но равных условий и не требовалось, поскольку существовали избытки природных ресурсов и уверенность в том, что человек, добивший-

ся успеха благодаря собственным усилиям, имеет право на успех в результате свободной конкуренции, которую допускал уклад жизни Запада, — настолько была сильна любовь к демократии. Однако сторонники джексонской демократии относились к ограничениям со стороны государства с подозрением, как к покушению на их право создавать собственную индивидуальность.

Они испытывали инстинктивную антипатию к банковским институтам и капиталистам Востока. Эти люди уже опасались того, что «власть денег», как Э. Джексон называл ее, намеревалась превратить простой народ в людей, рубящих дрова и черпающих воду.

Эта точка зрения нашла единомышленников среди лидеров рабочих Востока, которые в этот же период начали борьбу за улучшение условий жизни людей, работающих по найму. Эти «локо-фоко»* были первыми американцами, потребовавшими провести фундаментальные социальные изменения в пользу городских рабочих. Как и пионеры Запада, они протестовали против монополий и особых привилегий. Но их платформа включала и конструктивные меры, согласно которым демократический характер общества должен был сохраняться путем бесплатного предоставления государственных земель с тем, чтобы излишняя рабочая сила не конкурировала бы друг с другом, но могла найти применение на Западе. Таким образом, и для теоретика рабочей силы, и для реального первого поселенца существование неистощимых, как тогда казалось, запасов дешевой земли и никому не принадлежащих ресурсов было условием демократии. В 1830—1840-е гг. демократия Запада приняла свои отличительные формы. Путешественники, такие как А. де Токвиль и Г. Мартино, приезжали, чтобы ее изучать и отправлять восторженные отчеты в Европу.

Бок о бок с этой маршировавшей на Запад армией индивидуалистически настроенных свободолюбивых демократических жителей глубинки, севернее продвигался другой поток пионеров, которые исповедовали похожие идеи, но дополняли их желанием создавать новые промышленные центры, строить фабрики и железные дороги и развивать страну, основывая города и расширяя зону процветания. Они были готовы обращаться за помощью в этом деле к легислатурам, покупать акции, становиться держателями франшиз, способствовать развитию банковских услуг и требовать внутренних улучшений. Это были виги — последователи другого лидера Запада — Генри Клея, и на первых порах их силы сосредоточивались в Долине р. Огайо, особен-

* Партия «локо-фоко» («Спичечная партия»), прозвище радикальной фракции Демократической партии в г. Нью-Йорк, состоявшая главным образом из ремесленников и рабочих. Получила свое название от фосфорных спичек (*loco-foco matches*), которые использовались для освещения самочинного собрания 29 апреля 1835 г.

но среди состоятельных слоев. На Юге этих людей поддерживали аристократы «королевства хлопка».

У обеих данных групп — как у виггов, так и у демократов — один идеал был общим: желание оставить своим детям наследство лучше того, какое было получено ими самими, и обе группы горели преданностью идеалу строительства в этом Новом Свете дома, более подходящего для человечества. И те и другие были готовы разорвать с прошлым, смело прочертить новые линии социальной деятельности. Обе группы верили в американскую экспансию.

Еще до того как эти тенденции исчерпали себя, возникли три новые силы. При внезапном расширении наших границ, достигших в 1840-е гг. побережья Тихого океана, страна обрела такую огромную территорию, что ее ресурсы стали казаться беспредельными. Казалось также, что общество способно избавиться от всех своих болезней, просто обладая этими гигантскими новыми пространствами. И тогда же происходила великая кампания строительства железных дорог в Долине р. Миссисипи, что сделало эти земли доступными и привлекло внимание к развитию экономики. В-третьих, влияние оказывал вопрос о рабстве. Становясь все более острым, он формировал американские идеалы и порождая дискуссии в обществе на протяжении жизни почти целого поколения. При рассмотрении с одной точки зрения он затрагивал великий вопрос национального единства. С другой же позиции вопрос о рабстве вел к обсуждению отношений между трудом и капиталом, демократией и аристократией. Огромное значение имел тот факт, что Авраам Линкольн стал самым типичным представителем американской демократии первых поселенцев, впервые адекватно и стихийно продемонстрировавшей миру, что демократия способна породить человека, который принадлежит вечности.

После войны энергия нации вновь вырвалась на свободу. Внимание жителей Запада было поглощено новым строительством и развитием по мере того, как они оккупировали прерии, Великие равнины и горы. Демократия и капиталистическое развитие не казались антагонистами.

С уходом фронта в прошлое социальные и политические идеалы Запада обрели новую форму. Концентрация капитала начала происходить в еще больших объемах. Он предпринимал все больше попыток ввести процессы экономического развития в систему и подчинить их своему контролю. Труд параллельно этому организовывал свои силы с тем, чтобы разрушить старую систему конкуренции. Неудивительно, что пионеры Запада встревожились за свои идеалы демократии в момент, когда стал очевидным исход ничем не ограниченной борь-

бы за национальные ресурсы. Эти люди поддержали государственное вмешательство.

Это была новая проповедь, так как радикалы Запада стали считать, что они должны пожертвовать своими идеалами индивидуализма и свободной конкуренции для сохранения собственного идеала демократии. Исходя из этого убеждения, популисты пересмотрели концепцию первых переселенцев относительно государства. Теперь они видели в нем не что-то постороннее, а сам народ, вершивший собственные дела. Поэтому популисты потребовали расширения полномочий государства в интересах их исторического идеала демократического общества. Они требовали не только неограниченной чеканки серебряной монеты, но и государственной собственности на средства связи и транспорт, введения подоходного налога, учреждения почтово-сберегательного банка, предоставления кредитов для ведения сельского хозяйства, создания более эффективных способов выражения воли народа, выдвижения кандидатов в ходе праймариз, прямых выборов, законодательных инициатив, референдума и отзыва народных избранников. Иначе говоря, капитал, труд и пионер Запада — все они расстались с идеалом конкурентного индивидуализма для того, чтобы организовать свои интересы более действенным образом. Исчезновение фронта, окончание эры, отмеченной влиянием Запада как формы общества, несет с собой новые проблемы социального приспособления, новые требования, предъявляемые к изучению наших идеалов прошлого и сегодняшних нужд.

Обратимся к условиям международных отношений вдоль наших границ, к опасностям, которые поджидают нас, если мы не сумеем объединиться для решения внутренних проблем. Давайте вспомним эти внутренние свидетельства разрушения нашего старого социального порядка. Если мы примем это предупреждение близко к сердцу, то должны будем также вновь изучать наши исторические идеалы, оценить наши цели, фундаментальные начала американского духа и значение Америки в мировой истории.

Прежде всего существовал идеал открытия, мужественная решимость прокладывать новые пути, равнодушие к догме, согласно которой институт или какие-либо условия должны сохраняться и в дальнейшем, если они уже существуют. Весь опыт Америки толкал ее на рождение духа нововведений, он в нашей крови и его не обуздать.

Далее, существовал идеал демократии, идеал свободного самоуправляемого народа, легко реагирующего на лидерство при формировании программ и их осуществлении, но настаивающего на

том, чтобы использовались процедуры свободного выбора, а не принуждения.

Но, кроме того, существовал еще и идеал индивидуализма. Это демократическое общество не было некоей дисциплинированной армией, где все должны шагать в ногу и где коллективные интересы уничтожают индивидуальную волю и индивидуальную работу. Скорее это была подвижная масса свободно циркулирующих атомов, где каждый сам искал свое место и находил применение собственным силам и собственной, присущей только ему одному инициативе. Мы не можем переоценить значение этого аспекта, ибо в нем заключена сердцевина всего американского движения. Мир должен был стать лучше на примере демократии, при которой индивидуум был свободен, а жизненная сила и мобильность порождали оригинальность и разнообразие.

Учитывая весьма глубокое влияние прекращения действия фактора неограниченных ресурсов, открытых для использования всеми и каждым, и оценивая ужас простых людей, увидевших результаты конкурентной борьбы за эти ресурсы в момент, когда почти на всей территории страны запасы подошли к концу, мы сможем понять, как возникла реакция против индивидуализма и поддержка решительного введения полномочий государства. Место свободных земель как средства сохранения идеала демократии заняло законодательство. Но в то же время оно угрожает другому идеалу пионеров, а именно: идеалу творческого и конкурентного индивидуализма. Оба указанных идеала являлись жизненно важными и образовывали лучшее из того, что составляет вклад Америки в историю и прогресс. Они должны быть сохранены, если страна останется верной своему прошлому и намерена исполнить свое высочайшее предназначение. Было бы огромным несчастьем, если бы этот народ со столь богатым опытом, уверенностью в себе, устремлениями, творческим гением вернулся к каким-то порядкам Старого Света в виде социализма, плутократии или деспотического правления — будь то класса или диктатора. Нас также не вынудят к принятию этих альтернатив. В конечном счете одержат победу наши стародавние надежды, наша мужественная вера, заключенная в основе этого, хорошее настроение и любовь к честной игре. Будут широко использоваться компромиссы. Руководство окажется беспристрастным, лояльным лучшим американским идеалам. Наиболее вероятно, что такое руководство может появиться среди подготовленных Университетами выпускников, сознающих ожидания прошлого и возможности будущего. Времена требуют новых честолюбивых устремлений и новых мотиваций.

Г-н Э. Годкин в своем побуждающем глубоко задуматься эссе* о проблемах современной демократии писал:

Г-н де Токвиль и все его последователи считают само собой разумеющимся, что самым большим стимулом к достижению совершенства во всех странах, где оно встречается, является покровительство и поощрение со стороны аристократии; что демократия в общем и целом удовлетворяется посредственностью. Но где доказательства этого? Наиболее широко распространенным, наиболее постоянным и наиболее мощным стимулом к напряженным усилиям во всех их проявлениях во всех цивилизованных странах является желание заслужить почет и награду; и они могут заключаться либо в стремлении к славе, либо в жажде богатства, а может быть, и того и другого. В том, что касается литературы и искусства, как и в науке, иногда сильнее всего влияет любовь к тому предмету, которым занимаешься. Но можно сказать с уверенностью, что ни для одного человека, который когда-либо работал на каком-либо высоком поприще, для кого аплодисменты и благоприятная оценка его коллег не были высшей наградой за его усилия...

Что же есть такого, зададимся мы вопросом, в природе демократических институтов, что заставит этот мощный родник действий заглохнуть, что лишило бы славу всего ее блеска, что усыпило бы честолюбивые устремления? И разве, напротив, не является общеизвестной истиной то, что одной из наиболее ярко выраженных особенностей демократического общества или общества, развивающегося в направлении демократии, является бушующий в нем огонь конкурентной борьбы, лихорадочная активность, которая овладевает всеми людьми, живущими в таком обществе, чтобы возвыситься над тем однообразным ровным уровнем, пределами которого закон вечно стремится их ограничить, и каким-то блестящим усилием сделаться насколько-то выше и заметнее, чем их собратья? Секрет этой великой неутомимости, которая представляет собой одну из наиболее неприятных особенностей жизни в демократических странах, на деле объясняется страстным желанием всех и каждого добиться тех наград, шансы получить которые в аристократических государствах есть лишь у очень немногих. И ни в каком другом обществе успех не ценится столь высоко, нигде больше так широко не восхваляют и ласкают людей, отличившихся в любом виде деятельности...

* Речь идет о рецензии на книги А. де Токвиля и Дж.С. Милля под названием "Aristocratic Opinions of Democracy," первоначально опубликованной в журнале. См.: The North American Review. 1865. Vol. 100. January. N. 206. P. 194-232. Эта работа вошла позднее в сборник. См.: Godkin E.L. Problems of Modern Democracy: Political and Economic Essays. N.Y., 1896 (2nd ed. 1897. P. 1-67).

Фактически в демократических обществах совершенство дает первостепенное право на награды и отличия, в аристократических же странах есть два или три других, гораздо сильнее, и они должны быть сильнее, иначе аристократия не могла бы существовать. В ту секунду, когда вы признаете, что самое высокое общественное положение должно быть наградой для самого талантливого человека, вы делаете невозможным существование аристократических институтов.

Все, что было жизнерадостного и творческого в американской жизни, было бы утрачено, если бы мы отказались от уважения к ярким личностям и духовного разнообразия гениев и ориентировались бы на ровное однообразие общераспространенных стандартов. Стать «социализированными до посредственности» и поставленными «под опеку масс», как недавно выразился один автор, было бы невозможной утратой. Да для этого в демократии и нет необходимости, как убедительно показывают эти приведенные выше слова Э. Годкина. А что необходимо — так это умножение мотивов для честолюбивых устремлений и открытие новых направлений для достижения успеха сильнейшими. По мере того как мы отходим от задачи первоначального грубого завоевания континента, перед нами возникает огромное богатство нетронутых ресурсов в царстве духа. Искусство и литература, наука и улучшение социальных условий, лояльность и политическая служба во имя общественного благосостояния — эти и тысяча других сфер деятельности открыты для людей, которые прежде под воздействием стимулов добиться отличия накоплением огромного богатства считали успехом только лишь его материальные проявления. Новые и более блестящие карьеры станут открываться для честолюбивых людей, как только общественное мнение начнет увенчивать лаврами славы тех, кто возвысится над своими соотечественниками на этих новых поприщах трудов. Ведь не золото захватило воображение наших капитанов индустрии, а процесс овладения им. Их истинное удовлетворение состояло не в роскоши, которую им принесло богатство, а в созидательной работе и в том положении, которым общество их вознаградило. Новая эра настанет в том случае, если школы и университеты смогут расширить интеллектуальные горизонты народа, помочь заложить основы лучшей индустриальной жизни, показать им новые цели жизненной деятельности, вдохновить их на более разнообразные и высокие идеалы.

Дух Запада должен был помочь в достижении новых и более благородных успехов. Улисс — вот Символ этого духа, достигшего совершенства. Говоря словами Альфреда Теннисона:

Бродяга ненасытный, повидал
 Я многое...
 Я сам — лишь часть своих воспоминаний;
 Но все, что я увидел и объял,
 Лишь арка, за которой безграничный
 Простор — даль, что все время отступает
 Пред взром странника. К чему же медлить,
 Ржаветь и стынуть в ножнах боязливых?
 ...Позор и стыд — беречься,
 Жалеть себя и ждать за годом год,
 Когда душа изныла от желанья
 Умчаться вслед за падучею звездой
 Туда, за грань изведенного мира!
 ...О друзья,
 Еще не поздно открывать миры, —
 Вперед! Ударьте веслами с размаху
 По звучным волнам. Ибо цель моя —
 Плыть на закат, туда, где тонут звезды
 В пучине Запада. И мы, быть может,
 В пучине канем — или доплывем
 До Островов Блаженных...*

Примечание

¹ Commencement Address, University of Washington, June 17, 1914. Перепечатано с разрешения из журнала *The Washington Historical Quarterly*, October, 1914.

* Перевод Г. Кружкова. См.: Поэзия народов мира (от древнейших времен до рубежа XIX–XX веков). М., 1986. С. 111–113.

Глава XII. Социальные силы в американской истории¹

Изменения, которые США претерпевают в наши дни, настолько глубокие и далеко идущие, что вряд ли станет преувеличением сказать, что мы являемся свидетелями рождения в Америке новой нации. Революция, произошедшая в социальной и экономической структуре нашей страны за последние два десятилетия, сравнима с тем, что случилось, когда была провозглашена независимость и создана Конституция, или с теми изменениями, принесенными эрой, которая началась полстолетия тому назад, — эрой Гражданской войны и Реконструкции Юга.

Эти преобразования долго подготавливались и являются частично результатом действия всемирных сил реорганизации, сопряженной с веком пара и крупной промышленности, а частично результатом окончания периода колонизации Запада. Они были предсказаны, и даже ход развития событий был отчасти описан исследователями развития Америки; но все же народ Соединенных Штатов испытал потрясение, начав осознавать, что фундаментальные силы, которые формировали его общество вплоть до сегодняшнего дня, исчезают. Двадцать лет назад, как я уже ранее имел случай отметить, федеральный суперинтендант по переписи населения объявил, что полоса фронта, которую изображали на цензовых картах десятилетие за десятилетием на протяжении похода нации на Запад, впредь не подлежит описанию. Сегодня мы должны добавить, что к концу подходит эпоха свободной конкуренции между индивидуумами за никому не принадлежащие ресурсы страны. Меньше, чем жизнь одного поколения, потребовалось времени, чтобы написать главу, начавшуюся с исчезновения фронта, — эту последнюю главу истории колонизации США, заключительный эпизод в анналах демократии первых поселенцев.

Это прекрасная глава — этот финальный напор американской энергии на остававшиеся дикие местности. Даже сухие статистические данные становятся красноречивыми при описании новой эпохи. Ее значение отныне не в демонстрации того, что огромная часть государственных земель передана под сельскохозяйственное использование, что территории дикой местности, равные по размерам странам Европы, каждое десятилетие преобразовывались в фермерские регионы Соединенных Штатов. И действительно, в 1870—1880 гг. фермы страны получили территорию, равную по площади Франции, а в 1880—1900 гг. — равную соответственно Франции, Германии, Англии и Уэльса, вместе взятых. Данные за 1910 г. еще не опубликованы, но, каковы бы они ни были, они не будут столь значительными, как цифры, показывающие скачкообразный рост богатства, организации и концентрации индустриальной мощи на Востоке за прошедшее десятилетие. Последние провинции империи Запада были покорены для осуществления целей цивилизации, добыча из этих провинций была получена, районы действия великих промышленных корпораций расширились, заселенные области Америки продвинулись еще дальше, а производство и богатство возросли в невиданных ранее объемах.

В нынешнем десятилетии общие суммы депозитов во всех банках страны возросли более чем в 3 раза; с 1890 г. удвоился объем денег в обращении. Поток золота затрудняет измерение полного значения невероятного увеличения стоимости, поскольку за десятилетие, закончившееся в 1909 г., только в Соединенных Штатах было добыто более 41,6 млн унций золота. Начиная с 1905 г. ежегодно добывалось свыше 4 млн унций, в то время как с 1880 по 1894 г. ни в один год не было произведено более 2 млн унций. В результате этого увеличивающегося потока золота, кредитного инструментария и множества других причин начали подниматься цены, пока их высокий уровень не стал одной из наиболее характерных черт и влиятельных факторов американской жизни, приводящих к социальным переменам и эффективно воздействующих на революции в партийной жизни.

Но если мы не станем пользоваться статистикой, требующей дополнительного анализа из-за изменений стандартов ценности, то по-прежнему установим, что то десятилетие занимает исключительное место в американской истории. За десять лет, прошедших с 1897 г., в США было добыто больше угля, чем за весь предыдущий период существования страны². Пятьдесят лет назад на-гора выдавалось менее 15 млн длинных тонн угля*. В 1907 г. добыча составляла почти 429 млн тонн. В настоящее время, согласно оценкам, запасы угля будут исто-

* 1 длинная тонна = 1,016 кг.

щены за такой же период, который сейчас отделяет нас от времени принятия Конституции. Железо и уголь являются мерилем промышленной мощи. Страна добыла втрое больше железной руды за последние 20 лет, чем за всю свою предыдущую историю; производство за последние 10 лет вдвое превысило результаты предшествующего десятилетия. Изготовление чушек из чугуна считается отличным барометром производства и перевозок. До 1898 г. оно никогда не превышало ежегодного общего уровня в 10 млн длинных тонн. Но за 5 лет, начиная с 1904 г., его средний уровень был вдвое выше. К 1907 г. по общему производству чугуна и стали США превзошли Великобританию, Германию и Францию, вместе взятые. В том же десятилетии одна крупная корпорация установила свое господство над железными рудниками и производством стали Соединенных Штатов. Не является случайным совпадением тот факт, что «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», общая стоимость акций и облигаций которой составила 1,4 трлн долл., была организована в начале нынешнего десятилетия. Бывшие дикие местности около озера Верхнего, особенно за последние два десятилетия, утвердили свое положение как не имеющее себе равных, преобладающее и в настоящее время, и в перспективе источник железной руды в США — сокровищница, из которой Питтсбург в эти годы черпал богатства и создавал все расширяющуюся, не имеющую параллелей индустриальную империю. Громадная энергия, освобожденная таким образом в этом центре промышленной мощи Соединенных Штатов революционизировала методы производства в целом и многими косвенными путями глубоко повлияла на жизнь страны.

Железнодорожная статистика также демонстрирует беспрецедентное развитие в условиях формирования нового индустриального общества. В 1890–1908 гг. более чем удвоилось количество пассажиров, перевезенных на расстояние в 1 милю; грузовые перевозки на такое же расстояние за тот же период почти утроились, а за прошедшее десятилетие удвоились. Производство сельскохозяйственной продукции говорит об ином. Урожай кукурузы поднялся с примерно 2 млрд бушелей в 1891 г. до 2,7 млрд в 1909 г.; производство пшеницы с 611 млн бушелей в 1891 г. возросло только до 737 млн в 1909 г., а хлопка примерно с 9 млн кип* в 1891 г. до 10,3 млн кип в 1909 г. Численность населения Соединенных Штатов увеличилась с почти 62,5 млн человек в 1890 г. до 75,5 млн в 1900 г.; в 1910 г. она превысила 90 млн человек.

Из этих статистических данных ясно, что темпы увеличения в стране производства реального богатства путем чрезвычайно уси-

* 1 кипа хлопка (США) = 500 фунтов = 226,8 кг.

лившейся эксплуатации еще остающихся природных ресурсов в огромной мере превосходят темпы роста численности населения и в еще более поразительной степени превышают скорость увеличения производства сельскохозяйственной продукции. Численность населения США уже оказывает давление на запасы продовольствия, пока капитал консолидирует свои организации стоимостью в миллиарды долларов. «Торжествующая демократия», достижения которой праздновал стальной магнат, стала более впечатляющей, чем он мог предвидеть, но еще меньше этот человек осознавал то, какими окажутся изменения в самой демократии и какие преобразования произойдут в условиях ее существования, сопровождавших этот материальный рост.

Колонизовав Дальний Запад, освоив его внутренние ресурсы, страна в конце XIX и начале XX в. обратилась к Дальнему Востоку, к участию США в мировой политике в регионе Тихого океана. Продолжив свою историческую экспансию на земли старой Испанской империи успешным завершением недавней войны, Соединенные Штаты стали хозяевами Филиппин тогда же, когда они завладели Гавайскими островами и приобрели контролирующее влияние в зоне Мексиканского залива. В текущем десятилетии была осуществлена связь между Атлантическим и Тихим океанами. Прорыв канал через Панамский перешеек, США стали имперской республикой, с зависимыми территориями и протекторатами — конечно же новой мировой державой с потенциальным правом голоса в решении проблем Европы, Азии и Африки.

Распространение мощи, принятие на себя серьезной ответственности в новых областях, вступление в братство мировых держав не были изолированными событиями. Это поистине являлось в некоторых отношениях логическим результатом похода страны к Тихому океану, результатом усилий, предпринимавшихся в ходе оккупации свободных земель и эксплуатации ресурсов Запада. Когда Соединенные Штаты достигли нынешнего положения среди государств земного шара, появилась также необходимость внести изменения в Конституцию, возникших в связи с отношениями между федеральным правительством и приобретенными территориями. Они обязаны были пересмотреть вопросы прав человека и традиционных американских идеалов свободы и демократии в свете задачи управления другими рамами, политически неопытными и неразвитыми.

Если мы обратимся к рассмотрению воздействия на американское общество и внутреннюю политику страны в эти два переходные десятилетия, то найдем осязаемые свидетельства вмешательства старых порядков демократии пионеров. В ряду таких свидетельств очевиден

эффект от иммиграции беспрецедентных размеров, снабдившей центры экономической жизни мобильной армией дешевой рабочей силы. За последние 10 лет, начиная с 1900 г., в США приехало более 8 млн иммигрантов. Как писал один исследователь в 1908 г., за 8 лет, начиная с 1900 г., новичков хватило бы на то, чтобы «вновь полностью заселить все пять старых штатов Новой Англии в их нынешнем виде; или же, если их должным образом направлять в более новые части страны, то ими можно было бы заселить не меньше девятнадцати штатов Союза в их нынешнем виде». В 1907 г. «вновь прибыл миллион с четвертью человек. Они могли бы полностью заселить два из наших старейших штата — Нью-Гэмпшир и Мэн». «Можно было бы основать новый штат из вновь прибывших в этом году, и он был бы многолюднее, чем двадцать один существующий штат». Пополнение населения из Европы не только было столь необычайных размеров, но во все более возрастающей мере оно прибывало из Южной и Восточной Европы. Профессор У.З. Рипли³, которого я цитирую, классифицировал новичков в соответствии с физическим типом. Оказалось, что четверть из них принадлежит к средиземноморской расе, еще одна четверть — к славянам, одна восьмая — евреям, только одна шестая — к альпийской расе и одна шестая — к тевтонской. В 1882 г. количество приехавших немцев составило 250 тыс. человек, в 1907 г. их заменили 330 тыс. иммигрантов с юга Италии. Таким образом, очевидно, что этнический состав США претерпел разительные изменения; и вместо того чтобы распространяться по всей стране, эти пришельцы в течение прошедшего десятилетия концентрировались в городах и крупных промышленных центрах. Это оказало глубокое воздействие на структуру рабочего класса и его отношение к заработной плате и к работодателям — гражданам США; на взаимопонимание предпринимателей и трудящихся оказало неблагоприятное влияние давление со стороны большого числа иммигрантов-иностранцев с более низким уровнем жизни.

Знакомые факты сосредоточения масс населения в городах и происходящее одновременно с этим усиление мощи городов, а также концентрация капитала и производства во все меньшем количестве огромных производственных единиц со всей определенностью свидетельствуют о революции. «Мысль, слишком очевидная, чтобы ее нужно было особо разъяснять, — писал в 1827 г. министр финансов США Ричард Раш, — что создание капитала скорее затрудняется, нежели ускоряется, рассеиванием малочисленного населения по большим пространствам»⁴. За тридцать лет до того как он написал эти слова, А. Галлатин заявил в Конгрессе, что «если бы кто-то взялся изучать причины счастья нашей страны, то он выяснил бы, что наши гражда-

не счастливы в равной мере как от того, что у нас очень много земли в пропорциональном отношении к численности населения, так и от мудрости наших политических институтов». Возможно, оба этих пенсильванских финансиста были правы для своего времени; но не меньшее значение имеет то, что капитал и труд вступали в новую эру по мере того, как заканчивались свободные земли. Современник Галлатина в Конгрессе, отвечая на аргументы о том, что дешевые земли приведут к оттоку населения с Атлантического побережья, заявил, что если бы были составлены такие законы, которые мешали бы свободному доступу к западным землям, это бы означало то же самое, что сказать, что есть некий класс людей, которые должны будут оставаться на месте «и по закону обязаны служить другим за такую плату, которую те соизволят им выдать». Переход годной для возделывания государственной земли в частное владение опять поставил этот вопрос, хотя и в новой форме, и породил новые ответы. Характерной особенностью новой эры стало то, что конкурентный индивидуализм на фоне огромных возможностей в связи с никому не принадлежавшими ресурсами сменился таким положением, когда высоко сконцентрированный капитал стал монопольно владеть основными промышленными производствами, а свободные земли исчезли. Все тенденции крупномасштабного производства XX в., все направления сосредоточения капиталов в крупных объединениях, вся энергия века пара исключительно свободно действовали в Америке и получили для этого территорию, равную площади всех государств Западной Европы. Здесь они достигли своего наивысшего развития.

Десятилетие, последовавшее за 1897 г., отмечено деятельностью Э. Гарримана и его конкурентов по организации из различных железных дорог нескольких крупных компаний в ходе процесса, зашедшего настолько далеко, что перед своей кончиной он строил честолюбивые планы подчинить все железные дороги своему единоличному контролю. Ведущие финансисты под руководством Дж.П. Моргана постепенно достигли концентрации крупнейших промышленных предприятий в трестах или объединениях и добились общности своих интересов и интересов нескольких доминирующих банков, ассоциированных страховых компаний и трестов. В г. Нью-Йорк сосредоточились, как никогда раньше, финансовые резервы страны и через финансовое управление капиталом и спекулятивные операции возник объединенный контроль над деловой жизнью США. Появились колоссальные частные состояния. Доход на душу населения больше не является реальным показателем процветания обычного человека. С другой стороны, демонстрируя все возрастающее самосознание, трудящиеся объединяются в союзы и выдвигают повышенные требо-

вания. Одним словом, старый индивидуализм первых поселенцев исчезает, а в то же время силы социального единения проявляют себя как никогда ранее. Человек, обязанный своим успехом самому себе, стал часто называться угольным бароном, стальным королем, нефтяным королем, скотоводческим королем, железнодорожным магнатом, хозяином финансов, монархом трестов. Мир еще не видел таких огромных богатств, совместно контролирующих экономическую жизнь народа, и такую роскошь, которая появилась в Америке в процессе конкурентной эволюции, ставшей результатом индивидуалистической демократии пионеров Америки.

Одновременно хозяева промышленности, которые контролируют интересы, представляющие миллиарды долларов, не признают собственного разрыва с идеалами первых поселенцев. Они рассматривают себя как пионеров, действующих в изменившихся условиях, продолжающих прежнюю деятельность по использованию природных богатств страны, вынуждаемых творческой лихорадкой, — даже будучи больными или достигнув преклонных лет и уже добившись богатств, которыми они не в силах наслаждаться — искать новые дороги действий и власти, вырубать новые просеки, торить новые тропы, расширять горизонты деятельности нации и раздвигать границы своего владычества. «Наша страна, — сказал покойный Э. Гарриман в интервью несколько лет назад, — была создана прекрасными людьми, преисполненными энтузиазма, воображения и спекулятивных наклонностей. <...> Они были замечательными пионерами. Они видели будущее и приспособлялись к имеющимся возможностям. <...> Задушите этот энтузиазм, убейте это воображение и запретите эти спекуляции ограничительным и создающим препятствия законом, и вы встанете на путь создания умирающего и консервативного народа и страны». Это обращение к историческим идеалам американцев, которые смотрели на республику как на стражу индивидуальной свободы конкуренции в борьбе за контроль над природными богатствами нации.

С другой стороны, мы слышим голос всколыхнувшегося Запада, недавно выразившийся в новом национализме бывшего президента Теодора Рузвельта, требующего расширения полномочий федеральных властей по ограничению особых интересов, мощных организаций промышленников и монополий во имя сохранения наших естественных ресурсов и американской демократии.

В течение прошедшего десятилетия мы были свидетелями чрезвычайных усилий федеральных властей по сдерживанию индивидуальной и корпоративной свободы на благо общества. Тогда проводились съезды сторонников охраны природы, была организована Служба охраны лесов и Служба мелиоративных работ. Все эти события сами по

себе обозначают новую эпоху, так как в результате проводившейся политики в резерв земель, закрытых для посещения и продажи, выведены более 300 млн акров, — а это территория, превышающая площадь всех штатов, участвовавших в создании Конституции без учета их претензий на западные территории; и эти резервные земли отведены для более целесообразного использования всей страной находящихся там лесов, полезных ископаемых, засушливых участков и прав на воду. Еще одним примером является расширение полномочий министерства сельского хозяйства, которое, проникая в самые отдаленные регионы земного шара, ищет там сельскохозяйственные культуры, годные для возделывания в районах, где государство проводит мелиоративные работы, составляет карты почв и анализирует их состав, занимается улучшением семенного материала и пород домашнего скота, указывает фермерам, когда, как и что им сажать, занимается защитой растений и животных от болезней, борется с насекомыми-вредителями. Недавно принятое законодательство о чистоте пищевых продуктов и проверке качества мяса и весь регулирующий закон, принятый в соответствии с положением Конституции о торговле между штатами, также иллюстрируют эту тенденцию.

Два основополагающих для традиционной американской мысли идеала появились в эру пионеров. Первый — идеал скваттера — означал индивидуальную свободу неограниченной конкуренции за ресурсы континента. Для пионера правительство являлось злом. Второй — идеал демократии — определялся как «власть народа, волей народа, для народа»*. Эти идеалы действовали одновременно с переходом свободных государственных земель и природных богатств Соединенных Штатов в частную собственность. Но американская демократия была основана на изобилии свободных земель; именно эти условия определили ее развитие и сформировали ее основополагающие черты. Итак, как показало время, оба эти идеала демократии первых поселенцев имели элементы взаимной враждебности и содержали в себе семена саморазрушения. В настоящее время они заняты приспособлением своих старых постулатов к новым условиям и все больше обращаются к государству с целью сохранения своей традиционной демократии. Неудивительно, что социализм показывает значительное усиление своих позиций на идущих одни за другими выборах; что партии формируются на новых линиях фронта; что расширяются требования, касающиеся праймериз, прямых выборов сенаторов, законодательной инициативы, референдума и отзыва депутатов; и что в ре-

* Слова из Геттисбергского послания президента США А. Линкольна от 19 ноября 1863 г.

гионах, когда-то являвшихся центром демократии пионеров, данные тенденции проявляются самым ярким образом. Это усилия, направленные на поиск замены бывшему гаранту демократии, а именно — исчезающим свободным землям. Они появились в результате исчезновения фронта.

Далее необходимо отметить, что в обстановке, определяемой всей этой национальной энергией и одновременно с тенденцией обращаться к федеральному правительству в поисках защиты демократии, имеются ясные свидетельства стойкости и развития секционализма⁵. Рассматриваем ли мы распределение голосов в Конгрессе и на всеобщих выборах или организации лидеров бизнеса и их заявления, или ассоциации ученых, церковей либо других представителей духовного мира, мы обнаруживаем, что в американской жизни не только усиливается ее общенациональная интенсивность, но и происходит интегрирование по секциям. Отчасти это вызвано фактором больших пространств, которые делают организацию по секциям, а не на федеральном уровне, линией наименьшего сопротивления; но отчасти это также является выражением особых экономических, политических и социальных интересов и самостоятельной духовной жизни в различных географических провинциях или секциях. Этот факт иллюстрируют голосования по тарифам и в целом расположение бастионов поддержки Прогрессивного республиканского движения. Другой пример — это трудность общенационального приспособления железнодорожных тарифов к отличающимся друг от друга интересам различных секций. Не пытаюсь вступить в более обширную дискуссию о секционализме, я просто хочу указать, что имеются свидетельства того, что теперь, как и раньше, у сепаратных географических интересов есть свои лидеры и представители, что большая часть законодательства, принимаемого Конгрессом, определяется борьбой, победами или компромиссами между конкурирующими секциями и что реальные федеральные отношения в США формируются путем взаимодействия секционных сил с общенациональными, а не отношениями между отдельными штатами и страной в целом. Со временем и в связи с тем, что страна прочнее приспосабливается к условиям составляющих ее и различающихся между собой географических секций, они приходят к новому самосознанию и возрождают уверенность в себе. Наш национальный характер сформировался как сложная смесь черт этих секций⁶.

Очевидно, что при попытках указать даже на часть значительных особенностей нашей недавней истории мы были вынуждены учитывать целый комплекс сил. Эти времена столь близки к нам, что наше внимание неизбежно привлекают отношения между событиями и тенденци-

ями. Нам приходилось заниматься связями между географией, индустриальным ростом, политикой и правительством. При этом следует учитывать изменяющийся социальный состав, унаследованные верования, традиционные отношения народных масс, психологию нации в целом и отдельных секций, а также лидеров. Мы должны видеть, как эти лидеры формируются частично своим временем и своей секцией. Но они являются людьми оригинальными и творческими отчасти благодаря собственному гению и инициативе. Мы не можем оставлять вне поля нашего внимания моральные тенденции и идеалы. Все они — части одного и того же явления и не могут быть должным образом поняты в отрыве одна от другой так же, как движение в целом нельзя понять, если вы не будете обращать внимание на некоторые из этих важных факторов или станете ограничивать себя использованием какого-то одного исследовательского метода. В чем бы ни состояла истина в отношении европейской истории, американскую историю главным образом составляют социальные силы, формирование и переформирование которых происходит в условиях страны, которая и сама изменяется в ходе процесса приспособления к своей окружающей среде. И эта среда все время открывается в своих новых аспектах, оказывает новые воздействия и требует создания новых социальных органов и функций.

Я предпринял этот беглый обзор недавней истории с двумя целями. Во-первых, потому, что мне казалось важным подчеркнуть значение развития Америки за период, прошедший с момента окончания движения фронта, и во-вторых, потому, что анализ нынешних условий может помочь нам в изучении прошлого.

Известно утверждение о том, что каждый век заново исследует историю на основе интересов, определяемых духом времени. В каждом веке считается необходимым пересмотреть взгляды, по крайней мере, на некоторую часть прошлого с тех точек зрения, которые появляются в результате новых условий, открывающих влияние и значение сил, недостаточно известных историкам предыдущего поколения. Бесспорно, что каждый исследователь и автор находятся под воздействием времени, в котором они живут. Хотя этот факт предрасполагает историка к предвзятости, в то же время он снабжает его новым инструментарием и новым проникновением в суть изучаемой проблемы.

Если в таком случае недавняя история придает новый смысл событиям прошлого, если ей приходится рассматривать подъем на командные позиции сил, происхождение и развитие которых могли быть недостаточно описаны или даже игнорировались историками предыдущего поколения, то важно изучать настоящее время и недавнее прошлое, не только ради них самих, но также и как источник новых гипотез, новых направлений исследований, новых критериев

перспектив изучения более отдаленного прошлого. И более того, для создания справедливого общественного мнения и исследования сегодняшних проблем подобающим государственно мыслящим людям образом необходимо видеть их исторические связи, дабы история могла освещать путь консервативных реформ.

Когда с высоты нынешнего времени мы смотрим на события прошлого, каким же новым светом они озаряются! Когда мы думаем о том, чем Долина р. Миссисипи стала в жизни Америки, и когда мы размышляем, чем еще она станет, то пересекающий покрытые снегами дебри, чтобы предъявить французам требование покинуть подступы к Великой Долине, молодой Дж. Вашингтон становится герольдом империи. Когда перед нашим мысленным взором встает огромная промышленная мощь, центр которой находится в Питтсбурге, тогда поход Э. Брэдока к рукавам р. Огайо приобретает новый смысл. Даже потерпев поражение, он открыл дорогу к тому, что превратилось ныне во всемирный центр индустриальной энергии. Значение изменений границы США на Северо-Западе от Лесного озера до р. Миссисипи, которые Англия в 1794 г. предложила Дж. Джею, несомненно, как ему казалось, состояло только в том, что это было принципиально и касалось сохранения или утраты территорий бобрового промысла. Историки на эти предложения почти не обращают внимания. Но в действительности они касались владения наиболее богатыми и весьма обширными месторождениями железной руды в Америке, крайне важным источником сырья для ведущей отрасли промышленности Соединенных Штатов и возможности подъема некоторых наиболее значительных сил нашей эпохи.

Какова оказывается последовательность и важность событий, происходящих в наши дни вследствие движений незначительных политических партий и агитации за проведение реформ! Историком они часто казались всего лишь любопытными побочными завихрениями, раздражающими необходимостью отвлекаться от главного направления его литературных занятий, по которому он двигался, прослеживая основное течение исторической тенденции. И тем не менее настоящее время нередко открывает то, что казалось побочными завихрениями, зачастую являлось замаскированными выходами к основному течению, а поток, представлявшийся ранее главным руслом, вел в тупики и застойные воды, которые были важны в свое время. Но теперь он отрезан, подобно слепым рукавам реки, от мощного течения исторического прогресса более долговременными и непреодолимыми силами ручьев, которыми ранее пренебрегали.

Мы можем проследить борьбу между капиталистом и демократом-пионером, которая велась с первых дней колониальной истории. Она

оказывала влияние на партии во времена колоний. Эта борьба видна в яростных протестах жителей фронта Кентукки в посылавшихся ими одна за другой петициях, адресованных Континентальному конгрессу, против «набобов» и богачей, которые завладевали правами на землю ферм первых поселенцев, пока те обороняли свои хозяйства от индейцев и не смогли должным образом оформить заявки на землю. Она прослеживается в позиции сторон в Долине р. Огайо в те дни, когда там действовали жители глубинки еще до образования партии вигов, как, например, в 1811 г., когда Генри Клей выступил с осуждением Банка США* как корпорации, процветавшей благодаря особым привилегиям, как «особой ассоциации привилегированных индивидов, живущих изолированно от подавляющего большинства членов общества, наделенных исключительными льготами и окруженных иммунитетом и привилегиями». Прошло 20 лет, и проявлением той же борьбы стали высказывания Т. Бентона, осуждавшего Банк** за то, что это

компания частных лиц, многие из которых являются иностранцами, и множество их обитают в отдаленном и маленьком уголке Союза, никакими добрыми чувствами не связанном с плодородными регионами Великой долины, где природная мощь нашего Союза, мощь огромного числа людей будут достигнуты задолго до того, как истечет срок действия возобновленной второй хартии.

«И где, — спрашивал он, — окажется центр всей этой мощи и денег? В великих городах Северо-Востока, которые в течение сорока лет, и то благодаря силе федерального законодательства, были логовом льва для денег Юга и Запада — логовом, куда вели все следы; и никто еще ни разу не увидел следов хотя бы одного единственного доллара, возвратившегося оттуда».

Заявляя в выражениях, которые звучат очень современно, что банк способствовал умножению числа набобов и нищих, и что «мощь больших денег благоприятствует крупным капиталистам, поскольку принципом капитала является благоприятствовать капиталу», Бентон воззвал к тому факту, что страна имеет огромные размеры и что различия между секциями препятствуют общенациональному объединению капитала.

Какие условия для конфедерации штатов! Какие основания для тревоги и ужасных предчувствий, когда в конфедерации, отличающейся

* Речь идет о Первом банке США (1791–1811).

** Второй банк США.

столь громадной территорией, наличием столь многих конкурирующих торговых городов, столь сильной межсекционной зависти, столь склонных к насилию политических партий, столь ожесточенной борьбы за власть, есть лишь один трибунал — трибунал денег. И перед ним должны предстать все соперничающие и борющиеся силы.

Слова Эндрю Джексона, датированные 1837 г., были еще более яростными. «Теперь ясно, — писал он, — что денежная аристократия немногих будет вести войну против демократии многих, чтобы [преуспевшие] при помощи системы кредитов и бумажных денег могли превратить честных тружеников в рубящих дрова и черпающих воду».

Администрацию М. Ван Бюрена обычно поспешно минуют, лишь бегло упомянув о его плане независимого казначейства и более подробно обсуждая дискуссию по вопросу рабства. Но в годы, когда президентами США были Э. Джексон и М. Ван Бюрен, начались некоторые из наиболее важных процессов американской социальной и политической истории. Прочитайте требования, выдвигавшиеся на страницах малоизвестных профсоюзных газет и репортажи с митингов трудового люда под открытым небом, и вы обнаружите в высказываниях так называемых профсоюзных фантазеров и защитников выдвинутого Партией «локо-фоко» лозунга «равные права всем, а особые привилегии никому», таких как Дж.Г. Эванс и М. Жак, Ф. Бердсолл и У. Леггетт, то, что все их заявления представляют собой потоки, которые сейчас являются основными в нашей истории; вы найдете в них некоторые важные пункты платформ современных партий-победительниц. Как показал в своих исследованиях и опубликованных им документах по истории рабочего движения профессор Дж. Коммонс, в период между 1830 и 1850 гг. возникло идеалистическое, но массовое и влиятельное гуманитарное движение, поразительно схожее с движением нашего времени, озабоченное проблемами социальных сил в американской жизни, вдохновленное желанием использовать государственные земли для совершенствования процессов, происходивших в обществе, страстно стремившееся найти новые формы демократического развития. Но половоде борьбы против рабства на некоторое время унесло все эти движения в своем мощном потоке. После войны другие влиятельные факторы замедлили возрождение этого движения. После 1850 г. железные дороги открыли обширные прерии и облегчили доступ к ним, и десятилетие за десятилетием новые секции осваивались для целей цивилизации, к выгоде как простых людей, так и для создания огромных личных состояний. Интересы страны сосредоточились на освоении Запада. И только теперь эта великая гуманитарная демократическая волна снова поднялась до уровня прежних лет. Но тем временем появлялись яс-

ные свидетельства постоянства этих сил, хотя иногда они имеют странное обличье. Прочитайте политические платформы Гринбекеро-рабочей партии, грейнджеров, Популистской партии, и вы обнаружите в них, — дискредитированных и не принимавшихся во внимание крупнейшими партиями того времени, — основные положения Демократической партии, принятые после произошедшей в ней революции под руководством У. Брайана, и Республиканской партии, после того как Т. Рузвельт провел в ней революцию. Бунтарское движение столь явно связано с теми районами и элементами, которые укрепили это прогрессивное утверждение старых демократических идеалов новыми средствами, что оно должно рассматриваться, как организованный отказ этих постоянно проявляющихся тенденций от ограничений со стороны защитников более умеренных мер.

Я рассмотрел эти эпизоды истории партий, разумеется, не для того, чтобы высказывать о них суждения с позиций сегодняшнего дня, но чтобы подчеркнуть на конкретном материале тот факт, что события настоящего времени по-новому раскрывают значение этой борьбы между радикальной демократией и консервативными интересами; что они скорее являются постоянным выражением глубинных сил, чем отрывочными и спорадически появляющимися экспонатами исторического музея.

Если бы мы изучали историю нашей страны с подобных позиций, рассматривая отношения между законодательством и управлением государственной собственностью, с одной стороны, и структурой американской демократии — с другой, то это принесло бы результаты гораздо больше тех, что предлагает нам формальный подход к этой теме в большинстве наших исторических трудов. В доктринах и практике скваттеров, в захвате лучших земель, а также государственных лесов на основе той теории, что затраченный труд дает на это право, мы найдем ценный материал для понимания атмосферы и идеалов, под влиянием которых крупные корпорации развивали Запад. Такие люди, как сенатор Т. Бентон и делегат Г.Г. Сибли, позднее даже защищали совершавшиеся первыми поселенцами и лесопромышленниками нарушения границ государственных лесных угодий и осуждали патерналистское правительство, «изводившее» этих людей, занимавшихся, как мы это должны назвать, воровством государственного леса. Очевидно, что в какое-то время между серединой XIX в. и нынешним временем, когда к тюремному заключению приговариваются конгрессмены, уличенные в таких нарушениях земельного законодательства, в американском сознании произошли изменения и гражданские идеалы были модифицированы. Когда мы пишем историю деятельности наших великих промышленных кор-

пораций, важно помнить, что их развитие происходило в обстановке этой смены идеалов.

Мы также обнаружим, что не сможем понять земельный вопрос, если не уясним себе его связи с борьбой секций и классов, выступающих друг против друга, причем наиболее важной статьёй политических торгов была государственная земля. Мы также обнаружим и то, что заселение совершенно не похожих географических районов в ходе развития страны внесло изменения в воздействие земельных законов, что система, разработанная для прерий с достаточным увлажнением, не годилась для пастбищ, угольных месторождений и лесов в эпоху крупномасштабной эксплуатации их корпорациями, распорядившимися громадными капиталами. Следовательно, чтобы понять направление законодательства и политики в этой области, мы должны рассматривать изменяющиеся географические факторы, так же как и изменяющийся характер сил, занимавших государственные земли⁷. Радует, что уже начали появляться глубокие исследования, касающиеся демократии и земельной политики.

Еще предстоит внести важный вклад в изучение всей проблематики сельского хозяйства Америки под углом зрения его отношения к экономической, политической и общественной жизни страны. Если, например, мы изучим карты, показывающие переход Пшеничного пояса с Востока на Запад по мере того, как целинные земли были завоеваны и превращены в новые базы для разрушительной конкуренции со штатами — старыми производителями пшеницы, то мы увидим, как глубоко они воздействовали не только на стоимость земли, строительство железных дорог, перемещение населения и поставки дешевых продуктов питания. Мы также обнаружим, как регионы, которые когда-то занимались только выращиванием пшеницы, были вынуждены заняться ведением разнообразного и интенсивного сельскохозяйственного производства и многоотраслевым промышленным производством. Кроме того, мы увидим, как эти преобразования повлияли на партийную политику и даже идеалы американцев в тех регионах, где произошли такие перемены. Перепроизводство пшеницы в столь быстро колонизованных провинциях, излишняя добыча серебра в горных областях, где рудники стали разрабатываться в тот же период, дадут нам важные разъяснения появления той самобытной формы, которую приняла американская политическая жизнь в период, когда У. Брайан стал лидером Демократической партии. Точно таким же образом в открытии новых месторождений золота, последовавшем сразу после этого, и в окончании эпохи почти бесплатных целинных земель, годных для возделывания пшеницы, кроется объяснение недавнего периода,

когда высокие цены придавали новую энергию и агрессивность требованиям новой американской индустриальной демократии.

Итак, можно считать, что достаточно было сказано, чтобы сделать ясным то положение, которое я стремлюсь разъяснить, а именно: чтобы понимать сегодняшние Соединенные Штаты, рост и прогресс сил, которые сделали их тем, чем они сейчас являются, мы должны заново пересмотреть нашу историю под новыми углами зрения, которые нам позволяет нынешнее время. Если это будет сделано, то, например, мы увидим, что ход борьбы между Севером и Югом из-за рабства и освобожденных негров, которая вызывала первостепенный интерес в Америке в течение двух десятилетий после 1850 г., была в конечном счете лишь одной из проблем того времени. Страницы протоколов дебатов в Конгрессе, газеты тех лет, государственные документы за то двадцатилетие остаются сокровищницей для тех, кто станет искать истоки движений, доминирующих в наши дни.

И последнее, к чему я хочу привлечь ваше внимание при обсуждении проблемы социальных сил в американской жизни, касается способов исследования и отношения этих исследований к связям и цели истории. Выдающиеся ученые, занимавшие пост, который я оставляю, создали прецедент, согласно которому излагается концепция зависимостей между историей и другими родственными дисциплинами. При этом даже поднимался вопрос об отношении историка к законам термодинамики. Кроме того, они стремились найти ключи к решению проблем исторического развития или исторической деградации. Не всем дано согнуть лук Улисса. Я поставлю перед собой более скромную цель.

Мы можем поучиться у представителей точных наук. Они обогатили отрасли знания, особенно за последние годы, тем, что смело пошли в наступление на сферы неразгаданного, остававшегося таковым из-за слишком жесткого разграничения областей деятельности. Их новые завоевания были достигнуты в первую очередь за счет соединения старых наук. Физическая химия, электрохимия, геофизика, астрофизика и множество других союзов наук привели к появлению дерзких гипотез, настоящих озарений прозорливости, открывающих новые области деятельности для поколения исследователей. Более того, они способствовали такой деятельности, создавая новые инструментарии научного исследования. Сейчас в некоторых отношениях существует аналогия между геологией и историей. Современный геолог стремится динамично описывать неорганическое строение земли в терминах закона природы, применяя химию, физику, математику и даже ботанику и зоологию в той степени, в которой они касаются палеонтологии. Но он не настаивает на том, чтобы, до того как этот

ученый применил методы и данные этих наук к исследованию интересующей его проблемы, была бы определена относительная важность физических или химических факторов. И действительно, он узнал, что область геологии — дело чересчур сложное для того, чтобы ее можно было свести к какому-либо одному объяснению. Он отказался от одной гипотезы в пользу многих других предположений. Ученый создает целое семейство возможных объяснений данной проблемы и таким образом избегает искажающего воздействия приверженности к какой-то простой теории.

Не есть ли это иллюстрация того, что является возможным и необходимым для историка? Не было бы разумнее до того, как пытаться решать, нуждается ли история в экономическом, психологическом или каком-нибудь еще окончательном истолковании, признать, что действующие в человеческом обществе факторы являются многообразными и сложными; что исследователь политической истории, изучающий свой предмет в изоляции, обязательно упустит из виду фундаментальные факты и зависимости в своем подходе к определенному веку или стране; что историк-экономист подвергается такой же опасности; и так будет со всеми, кто проводит специализированные исследования?

Те, кто настаивает, что история — это просто попытка изложить факты, рассказать о явлении точно так, как оно происходило, сталкиваются с той трудностью, что факт, который они хотели бы представить, не укоренен в твердой почве неизменных условий. Он находится в гуще быстро сменяющих друг друга течений, и сам является их частью, подвергается сложным и взаимодействующим влияниям времени, приобретая собственное значение как факта благодаря своим связям с более глубинными движениями века, идущим столь постепенно, что зачастую лишь ход времени может открыть истину о факте и его праве занять место на страницах исторических трудов.

Опасность для историка-экономиста состоит в том, что он проводит анализ и делает заключение о законе, исходя из современных условий, а к истории обращается за материалом для подтверждения своих выводов. Видный американский экономист недавно изложил свою концепцию «полноправных отношений между экономической теорией, статистикой и историей» в следующих словах:

Принцип формулируется объяснением *a priori* относительно фактов, установленных обычным опытом; затем они подвергаются опробованию методами статистики и возводятся в ранг известной и признанной истины; иллюстрации ее действия отыскиваются затем в описательной истории и, с другой стороны, экономический закон становится средством интерпретации исторических документов, которые в ином слу-

чае были бы запутанными и относительно бесполезными. Сам закон получает свое окончательное подтверждение на тех примерах его действия, которые содержатся в исторических документах. Но, по крайней мере, столь же важное значение имеет тот параллельный факт, что закон предоставляет решающее доказательство правильности утверждений о причинах и следствиях событий прошлого. А второй натурой историков являются выступления с такими утверждениями, которыми они, историки, неизменно уснащают свои повествования⁸.

В этом заявлении есть много такого, из чего историк может извлечь пользу. Но он может также сомневаться в том, должно ли прошлое всего лишь выступать в роли «примера» для подтверждения закона, выведенного из обычного опыта путем объяснения *a priori*, проверенного статистическими данными. На самом же деле путь истории усыпан обломками «известных и признанных истин» экономического закона. Это стало результатом не только ущербного анализа и ненадежной статистики, но и игнорирования методов критического исторического исследования, недостаточного исторического мышления, неспособности уделить должное внимание относительности и быстротечности тех условий, из которых экономист выводил свои законы.

Но вот какой аспект я хотел бы подчеркнуть. Экономист, политолог, психолог, социолог, географ, литературовед, искусствовед, религиовед — все эти союзники в исследовании общества, — вносят ценный вклад в оснащение историка. Этот вклад имеет форму отчасти материала, отчасти инструментария, отчасти новых углов зрения, гипотез, предположений об отношениях, причинах и расстановке акцентов. Каждому узкому специалисту угрожает некая опасность предубежденности, ибо в силу особой точки зрения он будет склонен видеть именно то, чем в первую очередь интересуется. А также на него будет оказывать влияние собственное желание выводить универсальные законы своей особой науки. С другой стороны, историк подвергается опасности при изучении комплексных и взаимодействующих социальных сил определенного периода или какой-либо страны, если подходит к ним с позиций какого-то одного угла зрения, к которому он склоняется в силу своей специальной подготовки или интереса. Сказать по правде, историк должен настолько хорошо ознакомиться с работой смежных дисциплин и вооружить себя, обучившись этим наукам, чтобы, по меньшей мере, иметь возможность использовать их результаты и, до некоторой разумной степени, освоить важнейшие методы, применяемые ими. А специалисты в этих отраслях науки должны таким же образом изучать сами и ознакомить своих студентов с работой истори-

ков и применяемыми ими методами исследований и сотрудничать при решении трудных задач.

Необходимо, чтобы американский историк ставил своей целью овладение этими приемами, но не для того, чтобы он мог обладать ключом к истории или быть удовлетворенным постижением ее верховных законов. В настоящее время у него иная задача. Он должен видеть американское общество с его огромными пространствами; секциями, равными по территории европейским государствам; географическими влияниями; коротким периодом развития; многообразием национальностей и рас; необычайным индустриальным ростом в условиях свободы; институтами, культурой, идеалами, социальной психологией и даже его религиями, возникающими и изменяющимися прямо на наших глазах, одну из богатейших сфер наблюдения, когда-либо предлагавшихся для предварительного узнавания и исследования сил, которые влияют на процесс создания общества и взаимодействуют между собой.

Примечания

¹ Президентская речь, произнесенная в Индианаполисе 28 декабря 1910 г. на ежегодном собрании Американской исторической ассоциации. Перепечатывается с разрешения журнала "The American Historical Review", January 1911.

² Van Hise, "Conservation of Natural Resources," pp. 23, 24.

³ *Atlantic Monthly*, December 1908, vii, p. 745.

⁴ [Хотя формулировки этих великих дебатов по земельному вопросу приводятся выше, в главе VI, они повторяются здесь в связи с тем, что проливают свет на данную проблему.]

⁵ [Я освещал эту тему в различных очерках, в том числе в статьях "Sectionalism" in Mc Laughlin and Hart "Cyclopedia of Government," "Sections and Nation," in *Yale Review*, October 1922].

⁶ [Нельзя исключать возможность того, что они в конечном счете могут заменить штаты в качестве важных административных и законодательных единиц. Есть серьезные указания на такую тенденцию, в частности, как организация округов Федеральной резервной системы и предложения об управлении железными дорогами по регионам.]

⁷ [См.: R.G. Wellington, "Public Lands, 1820–1840;" G.M. Stephenson, "Public Lands, 1841–1862"; J. Ise, "Forest Policy."]

⁸ Professor J.B. Clark, in Commons, ed. "Documentary History of American Industrial Society," i, 43–44.

Глава XIII. Демократия пионеров Среднего Запада¹

Во время войны, когда под угрозой оказалось все, что символизирует наша страна, все, во что она страстно верит, мы встретились, чтобы торжественно открыть этот прекрасный дом истории.

Данное событие исполнено символизма. Ведь мы воюем за исторические идеалы. Если эта страна — та, за которую мы готовы отдать свои сбережения, отложить в сторону свои разногласия, голодать и даже отдать свои жизни, то не потому, что она богатая, обширная, откормленная и густо населенная. А потому, что с самых первых дней истории Америка настойчиво продвигалась вперед к своей цели; что она следовала идеалу, идеалу демократии, развивающейся в условиях, не схожих с условиями никакого другого века и никакой иной страны.

Мы воюем не за идеал Старого Света, не за абстракцию, не за философскую революцию. Сколь широко и великодушно бы ни было наше доброжелательство, столь же обширное по своему происхождению, как и наш народ, сколь остро бы мы не ощущали зов родства и глубокое сочувствие страдающим государствам на другой стороне Атлантики, мы воюем за исторические идеалы Соединенных Штатов, за сохранение существования того типа общества, в который верим, ибо мы доказали его благо, поскольку оно влекло выходцев из Европы к нашим берегам и вдохновляло надежды пионеров.

Мы воюем за то, чтобы история США, богатая устремлениями к высоким человеческим целям, веры в предназначение простого человека в условиях свободы, наполненная обещаниями лучшего мира, не стала бы утраченной и трагической историей тщетной мечты.

Да, мы сражаемся за американский идеал и американский пример; но в этом идеале и этом примере заключено лекарство для исцеления

наций. Это лучшее, что мы должны дать Европе, и жизненно важно, чтобы мы отстояли и сберегли нашу мощь для служения всему миру и не были поглощены потоком империалистической силы, которая желает смерти демократии и поработит свободного человека. Сколь бы ни было жизненно важно наше участие в виде богатства, работы наших ученых, труда наших фермеров и наших рабочих на фабриках и верфях, сколь бесценен бы ни был поток американских юношей, которых мы направляем, чтобы остановить поток, устремившийся расплавленной лавой через зеленые поля и мирные городки Европы к морю и превращающий в пепел и смерть все на своем пути, — в целом наши формы содействия имеют более глубокий смысл в духе Америки и порождены любовью к демократии.

В давнюю пору Уолт Уитмен раскрыл значение жертв, которые мы приносим сегодня, своим пророческим словом:

Счастливого плавания, корабль Демократии,
Твой груз необходим всей Земле
Не только в настоящем, ты ведь гружен и прошлым,
И на твою карту поставлена не только твоя судьба,
и не только судьба всего Западного полушария,
Земля, вся Земля рискует вместе с тобой, и плывет вместе
с тобой, и зависит от расположения твоих звезд,
С тобою воистину путешествует само Время, нации прошлого
плывут с тобой, если нейдут ко дну,
С тобою плывут их древние распы, деяния, подвиги, эпосы,
войны, ты гружен земным шаром,
И все, что считалось принадлежащим им, ничуть не в меньшей
степени принадлежит тебе, и ваша общая цель —
гавань триумфа...*

Незадолго до начала Гражданской войны великий немец, изгнанный из его родной страны за любовь к свободе, приехал из своего нового дома, который он обрел среди пионеров Среднего Запада, чтобы выступить в Бостоне в Фэнл-холле, этой «колыбели свободы», и изложить собственное видение возникавшей на Западе молодой Америки, этой «последней сокровищнице надежд всех истинных друзей человечества». Говоря о контрасте между переселением в Долину р. Миссисипи и миграциями в Старом Свете в другие эпохи, он сказал:

* Перевод В. Топорова. См.: Уитмен У. Листья травы / Пер. с англ. М., 1982. С. 386.

Теперь это не варварские полчища, набросившиеся на старые и обветшалые империи, не яростный все сотрясающий удар диких племен, сопровождаемый всеми ужасами всеобщего разрушения, но мы видим энергичных выходцев из всех стран... мирно собирающихся и действующих совместно на целинных землях...; привлеченных неотразимым притяжением свободных и широких принципов; стремящихся открыть новую эру во всемирной истории, не разрушая при этом результаты прогресса, достигнутые в прошлом; желающих основать космополитическую нацию, не маршируя при этом по мертвым телам погубленных миллионов.

Если бы Карл Шурц дожил, чтобы увидеть, к чему пришла та Германия, откуда он был изгнан в те дни, когда прусские штюки разогнали законодательные собрания и растоптали начала демократического правления на его бывшей родине, смог бы он лучше обрисовать контраст между духом Пруссии и духом Америки? Он сказал далее:

Так была основана *великая колония свободного человечества*, метрополией которой стала не только одна лишь старая Англия, но и *весь мир*. И в колонии свободного человечества, метрополия которого — весь мир, они учредили Республику равных прав, где право на звание человека дает право на гражданство. Друзья мои, если бы я мог говорить тысячей языков и голосом, гремящим, как гром небесный, и тогда бы мне этого не хватило, чтобы довести до ваших умов все величие этой идеи, все затмевающей славы этого достижения. С самого начала времен это была мечта самых верных друзей человека; за нее была пролита благороднейшая кровь мучеников; за нее человечество прошло морями крови и слез. И вот она здесь сейчас; здесь она возвышается, это благородное сооружение во всем великолепии реальности.

Итак, мы собрались здесь в священный и вдохновляющий момент, чтобы торжественно открыть это здание, и наша церемония отвечает духу времени. Мы можем видеть теперь, как никогда раньше, более глубокое значение, более широкий смысл, который несли в себе пионеры, чьи простые жизни и безыскусные хроники прославляются как часть повествования о построении лучшей системы социальной справедливости в условиях свободы, более широкого и — как мы страстно надеемся — более прочного основания для благосостояния и прогресса в условиях индивидуальной свободы простого человека, образца федерации, мирных приспособлений друг к другу посредством ком-

промисса и уступок в самоуправляемой Республике, где секции — как страны, а Союз — такой же большой, как Европа, где вместо войн между государствами идут партийные дискуссии и где *Pax Americana* является примером для лучшего мирового устройства.

И так же как наши предки — первые поселенцы собирались в своей округе, чтобы всем вместе построить бревенчатую хижину и освящали ее, называя домом, жилищем идеалов пионеров, мы собрались, чтобы отпраздновать сооружение этого дома, этого храма исторической жизни Миннесоты. Он символизирует убежденность, что прошлое и будущее нашего народа связаны воедино; что это Историческое общество является хранителем документов замечательного движения в прогрессе человечества; что данные документы — не нечто бессмысленное и древнее, а, наоборот, даже в малых своих подробностях они заслуживают сохранения, ибо относятся к началу общества в недрах страны, захваченной мечтой о лучшем будущем для мира в целом.

Позвольте мне повторить слова Гарриет Мартино, которая описывала Америку 1830-х гг.:

Я смотрю на американский народ как на великого еще не рожденного поэта, — то задумчивого, то буйного, — но добывающегося результатов, абсолютно преисполненных здравого смысла; беспокойного и непостоянного в своих действиях, но с глубоким миром в своем сердце; ликующего потому, что он осознал истинный дух прошлого и глубины лежащей перед ним будущности, где он создаст нечто столь величественное, о чем мир еще и не начинал мечтать. Мы испытываем сильнейшую надежду на то, что эта нация способна к тому, чтобы воодушевиться идеей.

А вспомните о ее призыве к американскому народу «дорожить своими высокими демократическими надеждами, своей верой в человека. Чем старше они становятся, тем больше они должны чтить мечты своей юности».

Мечты их юности! Здесь они будут храниться, а также достижения, равно как и устремления, людей, создавших этот штат и заложивших его основание; тех, кто обладал широким кругозором и мощью действий; множества менее значительных людей; лидеров, преданно служивших штату и стране. Здесь будут храниться документы людей, не обладавших широким видением и нетерпеливо действовавших в узких, корыстных или классовых целях, а также тех, кто обладал терпением и благожелательностью и склонностью к взаимным уступкам, с готовностью приспособливая и подчиняя свои непосредственные

интересы более широкому благу и ближайшим интересам безопасности страны.

В богатых фондах архива столь старого учреждения, как Историческое общество штата Массачусетс, где находятся документы, относящиеся даже к истокам пуританской колонизации, исследователи не могут не найти доказательства того, что Историческое общество штата — это Книга Судного дня, в которой запечатлевается вся жизнь народа и его лидеров. То же самое произойдет со временем и с коллекциями этого Общества как кладезь материалов, которые будут сохранять память жителей штата (Миннесота). Каждая из секций нашей обширной и разнообразной страны имеет собственное, присущее только ей прошлое, свою особую форму общества, характерные черты и собственных лидеров. Вызывало бы сожаление, если бы какая-нибудь секция оставила бы свои документы исключительно в руках коллекционеров где-то в отдаленных регионах, и вызывало бы также сожаление, если бы такие собрания не превратились бы в печатные издания документов и в монографии, которые могли бы быть разосланы в библиотеки всех частей Союза и таким образом дали бы возможность исследователям видеть всю страну как единое целое в ее прошлом и настоящем.

Особой областью деятельности этого Общества является великий штат Среднего Запада. Он столь молод с исторической точки зрения, что его коллекция документов к настоящему времени пока состоит в основном из бумаг, касающихся первых поселенцев. Но Миннесота так быстро развивается, что эра пионеров уже стала лишь частью ее истории. Мы уже в состоянии рассматривать прошлое объективно, смотреть на него в перспективе. Но для исследователя нынешних условий это невозможно.

Исходя из отмеченных фактов, я избрал главной темой своей речи демократию пионеров Среднего Запада, отдельные значительные моменты которой я кратко изложу. В основном я коснусь поколения, действовавшего до Гражданской войны, поскольку в ходе последовавшей колонизации более новых частей Долины р. Миссисипи именно эти пионеры придали ей те особенности, которыми она отличается. А отправились осваивать эти территории многие из первых поселенцев Среднего Запада.

Север центральных штатов в целом — это регион, сравнимый со всей Центральной Европой. Среди этих штатов, составлявших значительную часть Старого Северо-Запада, а именно в Огайо, Индиане, Иллинойсе, Мичигане и Висконсине, а также у их братьев за р. Миссисипи, таких как Миссури, Айова и Миннесота — везде в середине XIX в. преобладало общество пионеров. Многие жители еще помнили, как Висконсин назывался «Дальним Западом», а в Минне-

соте обитали индейцы и действовали торговцы пушниной, и она была диким краем лесов и прерий за пределами «рубежа возделываемых земель». Та часть этого великого региона, которая к 1850 г. еще находилась в периоде освоения поселенцами-пионерами, сама по себе была столь же обширна, как старые 13 штатов или как Германия и Австро-Венгрия, вместе взятые. Регион был огромным географическим лекалом для нового общества, скроенного природой в масштабе Великих озер, Долины р. Огайо, верховьев рек Миссисипи и Миссури. Простой и величественный в своих громадных очертаниях, он был выгравирован столь разнообразно, что каждая его деталь также включала величие в свой узор. От Великих озер простирался массивный ледниковый пласт, накрывавший этот громадный бассейн чехлом и усеявший его недра залежами полезных ископаемых. Безбрежные сосновые леса произрастали в его северной зоне, переходя по мере приближения к степным океанам прерий в лиственные леса с преобладанием твердых пород и дубравы. И затем снова леса простирались вдоль Долины р. Огайо, за которой на западе лежит ровная гладь Великих равнин. В земле таились нетронутые сокровища — залежи угля, свинца, меди, железа в такой форме и в таких количествах, которые должны были совершить революцию в промышленном производстве всего мира. Но открытия природы идут по нарастающей. Чудесная почва, как нельзя лучше подходящая для выращивания кукурузы и пшеницы, сильнее привлекла пионеров в эту землю обетованную и открыла новую эру колонизации. В единении многообразия этой империи первых поселенцев и на ее широких равнинах мы видим перспективу для ее общества.

Первыми сюда пришли с топором и ружьем в руках уроженцы внутренних глухих районов Юга. Они расчищали делянки в лесах, ставили свои бревенчатые хижины, воевали с индейцами и к 1830 г. приблизились к кромке прерий по Долинам рек Огайо и Миссури. Большая часть бассейна Великих озер осталась незанятой ими.

Эти лесорубы, эти самодостаточные пионеры, выращивавшие на небольших полях кукурузу и разводившие скот только для своего пропитания, жившие разбросанно и уединенно, на первых порах не интересовались городской жизнью или местом на рынке. Они были страстно преданны идеалу равноправия, но такому идеалу, который подразумевал, что в условиях свободы, посреди неограниченных ресурсов, однородное общество пионеров обязательно *должно* привести к равноправию. Они возражали против произвольно устанавливаемых препятствий, искусственных ограничений свободы, против того, чтобы кому-либо из этой массы жителей фронта мешали строить свою жизнь без страха или чьего-либо благоволения. Эти люди инстинк-

тивно выступали против появления различий, монополии на использование возможностей и установления такой монополии правительством или обычаями общества. Дорога должна быть открытой для всех. Следовало играть по правилам. Не должно было быть искусственного удушения равенства возможностей, двери не должны закрываться для способных, честная игра не должна прерываться, пока ее не сыграли до конца. Более того, существовало, может быть, и невысказанное, но при этом вполне реальное ощущение того, что сам по себе успех в игре, в которой более способные люди оказывались в состоянии выигрывать, не давало никакого права тем, кому повезло, смотреть сверху вниз на своих соседей, никакого неотъемлемого права утверждать свое превосходство, гордиться им и умалять равные права и достоинства менее успешных людей.

Если даже такая демократия пионеров Юга, эта джексоновская демократия, была на самом деле, как ее называли критики-социалисты, демократией «уповающих капиталистов», то она отличалась от того, что ожидали или допускали счастливчики, полагая, что имели право преобразовать свои триумфы в правление привилегированного класса. Короче говоря, если действительно верно, что демократия колонистов, пришедших из внутренних глухих районов, была основана на равенстве возможностей, то так же верно и то, что она негодовала по поводу концепции, будто результатом использования шансов в условиях конкуренции должно стать не оставляющее никому надежд неравенство или классовое правление. Всегда должен был оставаться шанс расчистить новую делянку. А поскольку дикие просторы представлялись нескончаемыми, угрозы осуществлению этого идеала, казалось, приходилось бояться скорее от внутренней или внешней власти, чем от действия внутренней эволюции.

С самого начала стало очевидным, что эти люди имели возможности дополнять свою индивидуальную деятельность созданием неформальных союзов. Одним из феноменов, поражавших всех первых путешественников по Соединенным Штатам, была готовность американцев к образованию не подпадавших под действие закона добровольных ассоциаций². Это было вполне естественно; по всей Америке мы можем исследовать процесс, в ходе которого на новых землях формируются социальные привычки, кристаллизуясь в законы. Мы можем даже видеть, как лидер масс становится правительственным чиновником. Эта способность вновь прибывших пионеров объединяться для осуществления общих задач без какого-либо вмешательства со стороны государственных институтов была одной из ярких характерных особенностей первых поселенцев. Взаимная помощь соседей при постройке бревенчатой хижины или дома либо в лушении

кукурузных початков, чистке яблок; скваттерские ассоциации для защиты от спекулянтов и обеспечения собственных прав на лесные вырубки на государственных землях; лагеря, где происходили массовые богослужения; станы старателей, комитеты бдительности, ассоциации скотоводов, «джентльменские соглашения» — вот лишь небольшой перечень подобных проявлений. Мы можем с полным основанием подчеркивать эту американскую особенность, потому что она стала в модифицированном виде одной из наиболее характерных и важных специфических черт сегодняшних США. Америка посредством неформальных объединений и договоренностей между отдельными людьми делает многое из того, что в Старом Свете осуществляется — и может быть сделано — только в результате вмешательства и принуждения властей. Эти объединения появились в Америке не потому, что таковы были древние обычаи племени или деревенской общины. Они возникли как добровольные без какого-либо предварительного планирования.

Действия подобных ассоциаций обладали авторитетом, близким к статусу закона. Они, как правило, были не столько признаками проявления неуважения к закону и порядку, сколько единственным путем реального поддержания закона и порядка в регионе, где поселения и само общество появились раньше учреждения государственных институтов власти и до применения ими инструментов воздействия на местных жителей.

Благодаря наличию этих элементов индивидуалистической конкуренции и силе спонтанных объединений, пионеры легко реагировали на лидерство. Уроженцы внутренних глухих районов знали, что существование в условиях свободы дает возможность более способным людям проявить себя, и шли по этому пути. На основании своего свободного выбора, а не по принуждению, на основании спонтанной импульсивности, а не под гнетом касты, они спланивались вокруг какого-нибудь дела и выступали в поддержку какого-нибудь предмета спора. Первые поселенцы подчинялись принципу управления по согласию и ненавидели доктрину автократического правления еще до того, как ей дали такое название.

Они ожидали дальнейшего распространения этих американских принципов на Старый Свет и испытывали самые дурные предчувствия в связи с возможностью расширения системы деспотизма Старого Света, его классовых войн, соперничества и интервенций, которые уничтожили бы свободные штаты и демократические институты, которые были созданы в лесах Америки.

Если мы дополним эти аспекты ранней демократии жителей отдаленных глухих районов их духовными качествами, нам будет легче

понять этих людей. Они были эмоциональными. По мере того как пионеры отвоевывали свои делянки у лесов и окрестных дикарей; по мере того как они расширяли свои вырубки и на их глазах начинали возникать местные общины там, где до этого обитали только маленькие группы людей; и по мере того как эти общины смыкались одна с другой вдоль берегов великой Миссисипи, они преисполнились оптимистическим энтузиазмом и уверенностью в непрерывном расширении этой демократии. Поселенцы верили в себя и свою судьбу. И эта оптимистическая вера способствовала их уверенности в своих способностях управлять и в страсти к экспансии. Они смотрели в будущее. «Другие обращаются к истории: американец обращается к предсказаниям; и с книгой Мальгуса в одной руке и картой внутренних регионов — в другой он смело вызывает нас на то, чтобы сравниться с Америкой, какой она станет», — писал лондонский журнал в 1821 г. Может быть, из-за того, что обычные дни они проводили уединенно, в те моменты, когда поселенцы собирались группами, будь то на молебнах в лагерях или на политических собраниях, эти люди ощущали влияние общих для всех эмоций и энтузиазма. Независимо от того, были ли это шотландские пресвитериане из Ольстера, баптисты или методисты, они насыщали свою религию и политику эмоциями. И пень, и кафедра проповедника становились энергетическими центрами, электрическими элементами, способными раздуть гигантский пожар. Они *ощущали* и свою религию, и свою демократию и готовы были идти за нее в бой.

Такая демократия создавала реальное чувство социального товарищества среди ее многочисленных приверженцев. Судья Дж. Катрон из Теннесси, который стал членом Верховного суда во время президентства Э. Джексона, заявил: «Жители Нового Орлеана и Сент-Луиса — близкие соседи, и если мы хотим знать о человеке в любом уголке Союза, мы спросим о нем у нашего близкого соседа, кто еще только вчера жил рядом с ним». Каким бы это ни было преувеличением, для Среднего Запада это, тем не менее, было в поразительной степени верно, ибо р. Миссисипи являлась великой артерией, вниз по течению которой пионеры, такие как Авраам Линкольн, плыли на плотах и плоскодонках, сбывая небольшое количество излишков продукции своей округи. А после того как в западных водах появились пароходы, торговцы и переезжавшие на новое место жительства фермеры начали путешествовать вниз и вверх по рекам; люди стали устанавливать контакты друг с другом на очень больших пространствах.

Эта территориально расширявшаяся соседская демократия определялась не вынужденным признанием того, что в соответствии с законом один человек так же хорош, как любой другой. Она была осно-

вана на «добром товариществе», сочувствии и понимании. Более того, пионеры были такими людьми, которые устремлялись на новые тропы и были готовы идти туда, куда вели эти тропы, они были новаторами в делах общественных и открывателями новых земель.

К 1830 г. напор волны с Юга ослабел и нахлынула волна с Северо-Востока, используя канал Эри и пароходы на Великих озерах, чтобы занять зону, до которой не дошли переселенцы-южане. Этот новый поток разлился вдоль берегов Великих озер, достиг дубовых лесов и небольших участков прерий в южном Мичигане и Висконсине, прошел по полосам плодородных заселенных земель вдоль рек далеко в прерию, и к концу 1840-х гг. начал предпринимать попытки проникновения на окраины открытых прерий.

В 1830 г. на Среднем Западе насчитывалось немногим больше 1,5 млн человек; в 1840 г. — больше $3\frac{1}{3}$ млн; а в 1850 г. почти 5,5 млн жителей. Хотя в 1830 г. Северо-Атлантические штаты имели перевес населения в 3–4 раза, по сравнению со Средним Западом, тем не менее, за эти два десятилетия число его жителей реально увеличилось на несколько сот тысяч человек, в отличие от старой секции. Население графств в новых штатах менее чем за 5 лет выросло с нескольких сот человек до 10–15 тысяч. Внезапно, с поразительной скоростью и в изумляющих масштабах начал возникать новый народ, разнообразные национальности, идеалы и институты которого собрались сюда со всей Америки и из Европы. Перед ними встала проблема приспособить различные национальности, обычаи и привычки к своему новому дому.

Особенность оккупации северной зоны Среднего Запада по сравнению с Долиной р. Огайо заключалась в том, что здесь поселились уроженцы США, проживавшие ранее в основном в более старых районах самого Среднего Запада, а также в штате Нью-Йорк и в Новой Англии. Но подавляющая часть этих людей приехала из центральных и западных графств штата Нью-Йорк и из западных и северных частей Новой Англии, т. е. из тех сельских областей, где стали сокращаться доходы от ведения сельского хозяйства.

Таким образом, влияние Среднего Запада достигло Северо-Востока и привлекло внимание фермеров, уже страдавших от конкуренции с Западом. Силу в этом соперничестве дали обилие плодородных и дешевых земель, более высокая доходность сельского хозяйства и особенно возможности для молодежи добиться успеха во всех ремеслах и профессиях. Эта конкурентная борьба глубоко и навсегда изменила Новую Англию.

Переселенцы-янки привезли с собой навыки общинной жизни, являвшейся контрастом в сравнении с индивидуалистической демо-

кратией выходцев с Юга. Колонизировавшие Запад земельные компании, города, школы, церкви, чувство локального единства — все это были выражения инстинктивной тяги к общине. Этот инстинкт способствовал появлению крупных городов, производству излишков продукции для продажи на рынке, налаживанию связей с торговыми центрами Востока, эволюционному возникновению более сложного и в то же время более интегрированного индустриального общества, чем то, в котором жили пионеры-южане.

Однако переселенцы-янки не оставили неизменными институты и характерные черты Новой Англии. Они приехали в такое время и были людьми, менее довольные старым порядком, нежели их прежние соседи, оставшиеся на Востоке. Это были инициативные и неудовлетворенные молодые люди. Особенно сильное воздействие радикализма демократии Партии «локо-фоко», которая и сама являлась результатом протеста против установленного порядка, испытывали выходцы из штата Нью-Йорк.

Ветры прерий чуть ли не мгновенно сдували прочь многие старые привычки и предвзятые мнения. Вот что писал один из этих пионеров в письме друзьям на Востоке:

Если вы цените спокойную жизнь больше, чем деньги или процветание, то не приезжайте. <...> Здесь не хватает рабочих рук для всех дел, домов для проживания и дней, чтобы справиться со всей каждодневной работой. <...> Далее, если вы не сможете перенести зрелище того, как ваши прежние идеи, которые вы привезете из Новой Англии, образ действий и жизни, а фактически все старые добрые привычки янки здесь поставлены вверх дном и переделаны или не принимаются в расчет, так как они не подходят к нашему климату, тогда не попадайтесь здесь никому. Но если вы в силах переносить беду с улыбкой, можете примириться с таким выбором мест для ночлега, как ровная сторона доски у костра (а может быть, постель в виде трех досок, если уж мы говорим о ночлеге), и разные другие места вроде этого или еще похуже; если вы никогда не растеряетесь в случае необходимости самому без каких-либо инструментов сделать то, что смастерить вообще невозможно — так вот, если вы можете делать все это и еще больше, то приезжайте. <...> У нас здесь действует правило без исключений — помогать друг другу, и о собственных интересах каждый заботится сам.

Эти поселенцы знали, что оставили в своих прежних домах многих дорогих и близких людей, отказывались от многих удобств жизни, жертвовали тем, что для оставшихся дома являлось слишком важ-

ной стороной цивилизации, чтобы от нее можно было отказаться. Но они не были лишь материалистами, готовыми пожертвовать всем ради немедленной выгоды. Сами по себе эти люди являлись идеалистами, жертвующими спокойной жизнью для себя в ближайшем будущем ради благосостояния собственных детей, убежденными в возможности помочь в создании лучшего социального устройства и более свободной жизни. Их следует считать социальными идеалистами, основавшими свои идеалы на вере в простого человека и на готовности приспособливаться, а не на правлении доброжелательного деспота или господствующего класса.

Притягательная сила этого нового дома дошла также до Старого Света, дала новые надежды и создала новые побуждения у народов Германии, Англии, Ирландии и Скандинавии. Миграцию того времени из Германии вызывали как влияние экономики, так и революционное недовольство; экономические причины привели в Америку больше людей, но лидеров, многие из которых являлись немецкими политическими изгнанниками, влекло стремление к свободе. Они настаивали с разной степенью энтузиазма на том, чтобы в новой среде их роль сохранялась, а некоторые мечтатели даже говорили об образовании в рамках федеральной системы немецкого штата. В то же время весьма заметными были приспособление эмигрантов 1830—1840-х гг. к условиям Среднего Запада; реакция на возможность создать новый тип общества, в котором бы все отдавали и все получали и никто не оказывался в изоляции. Общество было пластичным. В гуще более или менее откровенных антагонизмов между «южанами с ножами Буи»*, «янки-пуританами, молочниками», «немцами — любителями пива» и «бешеными ирландцами» происходил процесс взаимного обучения и взаимных уступок. Несмотря на медленность, с которой шла ассимиляция в условиях, когда различные группы были внутренне сплоченными и изолированными одна от другой, несмотря на определенную стойкость унаследованных *нравов (morale)*, результатом стало создание нового типа общества, который оказался ни суммой всех его составных частей, ни полным слиянием в плавильном котле. Эти люди были американскими пионерами, а не заброшенными вдаль осколками Новой Англии, Германии или Норвегии.

Немцы особенно компактно проживали в Долине р. Миссури, в г. Сент-Луис, в Иллинойсе напротив Сент-Луиса, на побережье Великих озер, в графствах восточного Висконсина к северу от г. Милуо-

* Популярными у первых поселенцев универсальные самодельные ножи длиной до 30 см, ковавшиеся из напильников.

ки. Их было много и в Цинциннати, и в Кливленде. Почти в половине графств штата Огайо примерно половину всей рабочей силы составляли немецкие иммигранты и пенсильванские немцы. Ирландцы, приезжая, сначала становились рабочими в основном на строительстве трактов, каналов и железных дорог и продолжали работать в этих областях позднее или же перебирались в растущие города. Скандинавы, большей частью норвежцы, создали свои колонии в северном Иллинойсе, южном Висконсине у р. Фокс и в верховьях р. Рок-Ривер. Оттуда они в последующие годы продолжили движение в Айову, Миннесоту и Северную Дакоту.

К 1850 г. около $\frac{1}{6}$ части населения Среднего Запада были уроженцами Северо-Атлантических штатов, около $\frac{1}{8}$ — уроженцами штатов Юга и примерно столько же жителей имели иностранное происхождение. Из них число немцев вдвое превышало ирландцев, а скандинавы лишь слегка превосходили валлийцев, но уступали шотландцам. В Миннесоте жила всего лишь дюжина скандинавов. Уроженцев Британских островов вместе с представителями Британской Северной Америки на Среднем Западе насчитывалось почти столько же, сколько выходцев из германских княжеств. Но в 1850 г. почти $\frac{3}{5}$ населения составляли уроженцы самого Среднего Запада и больше $\frac{1}{3}$ населения жили в Огайо. Особенно смешанным был национальный состав горожан. В пяти крупнейших городах секции урожденные граждане США и иностранцы проживали почти в равных количествах. В Чикаго число ирландцев, немцев и американцев из Северо-Атлантических штатов почти равнялось друг другу. Но во всех других городах немцы в разной степени превосходили ирландцев. В Милуоки их соотношение составляло 3 : 1.

Дело было не просто в том, что секция быстро росла и включала в себя различные национальности с многочисленными разнообразными культурами, как секционными, так и европейскими; важнее то, что эти элементы не оставались в виде отдельных слоев, подчиненных установленному порядку правления, как это было, особенно в Новой Англии. Средний Запад принимал всех и все, здесь население смешивалось и входило в состав формировавшегося и впитывавшего его пластичного общества. Эта характерная особенность секции как «хорошего миксера» прочно закрепилась за ней еще до начала крупномасштабной иммиграции 1880-х гг. Фундамент Среднего Запада был прочно построен тогда, когда иностранные элементы оказались особенно вольны и преисполнены желанием работать на пользу нового общества и проникнуться духом страны, предложившей им свободу, которой они были лишены за границей. Этот факт важен, и он оказал влияние на решение нынешних проблем Америки, но еще существен-

нее то, что в течение последнего десятилетия перед Гражданской войной южный элемент на Среднем Западе уже на протяжении жизни двух поколений был прямо связан с северным элементом, а в конечном счете оказался поглощен волной переселенцев с Северо-Востока и из Старого Света.

В этом обществе пионеров люди научились отказываться от прежней национальной вражды. Один из путеводителей для иммигрантов 1850-х гг. призывал новичков забыть свою расовую враждебность. «Американец смеется над этими спорами пассажиров четвертого класса», — писал автор.

Так, Средний Запад давал урок национального взаимообогащения вместо национальной вражды, возможности новой и более богатой цивилизации не путем сохранения старых составляющих элементов в неизменности или в изоляции, но, сметая разграничительные перегородки, погружал индивидуальную жизнь человека в общий результат — этот новый продукт, обещавший всемирное братство. Если пионеры отдавали предпочтение различным партиям — вигам, демократам, фрисойлерам или республиканцам, — то из этого не следует, что западный виг был похож на восточного. Во все партии проникали качества, присущие Западу. Западный виг поддерживал У.Г. Гаррисона в основном из-за того, что тот был пионером, а не в силу его принадлежности к вигам. Запад видел в этом человеке законного наследника Эндрю Джексона. Кампания 1840 г. по выборам президента страны напоминала огромных масштабов богослужение в лагере на Среднем Западе. Символами триумфа идей этой секции были бревенчатая хижина, сидр и енотовая шкурка, а купцы, банкиры и фабриканты Востока пользовались ими с опаской. Подобно этому крыло Демократической партии на Среднем Западе настолько же отличалось от южного крыла, как С. Дуглас отличался от Дж. Кэлхуна. У этих западных сторонников демократов было мало общего с рабовладельческими классами южан, даже если и ощущалась близость пионеров к жителям Нагорного Юга, от которых вели родство многие обитатели Запада.

В конце 1840-х — начале 1850-х гг. большинство штатов Среднего Запада приняли конституции. Дебаты на их конвентах и результаты, воплотившиеся в самих конституциях, раскрывают нам их политические идеалы. Конечно, они были основаны на праве участвовать в голосовании, исходя принципа избирательного права для мужчин. Но они также предусматривали избираемость судей; ограничения возможностей штатов брать займы, чтобы не подпадать под контроль власти денег, которую они боялись. В нескольких случаях были предусмотрены ликвидация эмиссионных банков или жесткая регламентация их деятельности. В ряде конституций гомстеды освобождались

от принудительной продажи за долги; юридические права замужних женщин активно обсуждались в ходе дебатов на конвентах. Висконсин начал с того, что позволил голосовать иностранцам, проживавшим в штате в течение одного года. Этот штат приветствовал вновь прибывшего, приглашая его пользоваться свободой и иметь обязанности гражданина США.

Хотя данное общество пионеров было преимущественно аграрным, оно быстро осознало, что одного лишь фермерства для жизни недостаточно. Здесь развивались промышленность, торговля, горное дело, свободные профессии. Становилось ясно, что в прогрессивном современном штате можно переходить из одной отрасли в другую, и все связаны воедино. Но важно то, что в материалах переписи населения 1850 г. в Огайо из населения в 2 млн человек сообщалось только об 1 тыс. слуг, в Айове — только о 10 слугах при населении в 200 тыс., а в Миннесоте, с ее 6 тыс. жителей, — о 15 слугах.

Эта новая демократия уже показывала признаки перспектив оригинальных проявлений интеллектуальной жизни, даже в условиях тяжелого труда и трудной жизни пионера.

Если в сельской местности выходила газета, то ее редактор становился лидером своей общины. Это был не хроникер светской жизни, а энергичный и независимый мыслитель и журналист. Городских подписчиков на газеты в пропорциональном отношении к численности населения здесь было больше, чем в штате Нью-Йорк, но немного меньше, чем в Новой Англии, хотя такие восточные газеты, как например «Нью-Йорк трибюн», широко расходились по всему Среднему Западу. Сельскохозяйственная печать предполагала в своих статьях и материалах более высокий уровень общего развития и интересов читателей, чем наблюдался у последовавших поколений фермеров секции, по крайней мере, до нынешних дней.

Фермерские сыновья шагали за плугом, держа в одной руке книгу, так что иногда забывали поворачивать коней в конце борозды. Были и такие мальчишки, как, например, молодой Уильям Хауэллс, который «ковьялял босиком рядом со своим отцом, следя за коровой, в то время как мысли были заняты Сервантесом и Шекспиром».

Как цветы в прериях, расцветали и увядали журналы. Несколько лучших поэм Р.У. Эмерсона впервые были напечатаны в одном из этих журналов Долины р. Огайо. Однако большей частью литература данного региона в тот период была подражательной или полной размышлений о простых вещах в обычной манере. Среднему Западу пришлось дожидаться, когда его жизнь и идеалы смогут выразить его дети; этого не добился погруженный в труды первый поселенец, со-

здававший свою ферму в прерии или новую общину. Неграмотность была на самом низком уровне среди пионеров-янки и на самом высоком — у переселенцев-южан. Когда в переписи 1850 г. появляются карты неграмотности с указанием процентов, мы видим две контрастирующие зоны: одна простирается из Новой Англии, а другая — с Юга.

Влияние первой было сильным в районах Среднего Запада, населенных янки. Миссионеры и представители обществ, занимавшихся распространением образования на Западе, как в обычных школах, так и в религиозных колледжах, проникли во все уголки региона и оказали глубокое воздействие на все эти штаты. В 1830—1840-е гг. твердо установилась концепция, согласно которой Запад — поднимающаяся сила в Союзе, что в его руках находится судьба цивилизации, и поэтому враждующие между собой секты и секции стремились по-своему влиять на регион. Но дело кончилось тем, что Средний Запад придал всем этим образовательным воздействиям ту форму, которая соответствовала его собственным потребностям и идеалам.

Университеты штатов этой секции большей частью были созданы в результате агитации и предложений людей, которые происходили из Новой Англии. Но они стали характерным порождением общества Среднего Запада, где эти институты поддерживала община в целом, а не богатые благотворители. В конечном итоге направление их деятельности определяла община в соответствии с общераспространенными идеалами. Университеты проникали в массы обычных людей глубже, чем это удавалось колледжам в Новой Англии или в Средних штатах; они делали больший упор на то, что очевидно полезно, рано ввели совместное обучение. Такое господство идеалов общины было опасным для Университетов, поскольку они были призваны возвышать идеалы и указывать новые пути, а не подчиняться.

Пионеры бросали вызов пространствам Запада, их потрясала та скорость, с которой, прямо на их глазах, возникало новое общество. Нет ничего удивительного, что эти люди были склонны к преувеличениям и их видение своей судьбы было оптимистическим. Если раньше у первого поселенца имелся участок земли на лугу в небольшой долине, то теперь перед ним лежала прерия, просторы которой уходили за горизонт и терялись из виду.

Все находилось в движении и изменялось. Неутомимость была всеобщей. На протяжении одной жизни люди уезжали из Вермонта в Нью-Йорк, оттуда в Огайо, из Огайо в Висконсин, из Висконсина в Калифорнию и далее на Гавайские острова. Как только кора на перилах изгороди домов переселенцев начинала коробиться, они слышали голос, зовущий к переменам. Эти люди сознавали мобильность

своего общества и упивались ею. Они порвали с Прошлым и были намерены создать нечто более прекрасное, подходящее для человечества, и более благотворное для обычного человека, чем все, что мир когда-либо видел.

«С Прошлым нам буквально нечего делать, — сказал Б. Грац Браун в торжественной речи 4 июля 1850 г. в Миссури, — кроме как мечтать о нем. Его уроки утрачены, и оно молчит. Мы сами находимся во главе и на переднем плане всего политического опыта. Прецеденты утратили свою ценность, и весь их авторитет исчез. <...> Опыт может быть нам пригоден, только если он оберегает нас от отживших заблуждений».

«Гнет мнения, — писал У.Э. Чаннинг другу на Западе, имея в виду Новую Англию, — это тяжелый гнет, часто уничтожающий индивидуальность суждения и действия», и добавлял, что привычки, правила и критика, с которыми он рос, не оставляли ему свободы и мужества, необходимых для такого стиля, который лучше всего подходит для обращений к жителям Западе. Несомненно, что Чаннинг необоснованно выделил свободу Западе в этом отношении. Фронтир имел свои условности и предрассудки, а Новая Англия в то самое время, когда он писал свое письмо, ломала кору собственных обычаев и провозглашала новую свободу. Но представление Востока о Западе как о крае интеллектуальной терпимости, ставившей под вопрос старый порядок вещей и возводившей нововведения в положение символа веры, было правильным.

Запад делал упор на практической стороне и требовал, чтобы идеалы использовались для полезных целей; идеалы проверялись через их прямой вклад в улучшение жизни обычного человека, а не через создание человека исключительной гениальности и достоинств.

Конечно же целью Среднего Западе являлось благосостояние обычного человека — не только выходца с Юга или Востока, янки, ирландца или немца, но всех людей в едином содружестве. Это было мечтой их молодежи, той юности, когда Авраам Линкольн превратился из дровосека в сельского адвоката, из члена легислатуры штата Иллинойс вырос до конгрессмена и позднее был избран президентом страны.

Неудивительно, что в этой обстановке постоянного движения, свободы, новизны и обширных пространств пионер не слишком задумывался о необходимости дисциплинированной преданности власти, которую он сам создал и осуществил. Но имя Линкольна и реакция поселенцев на обязанности, вызванные Гражданской войной — жертвы и ограничения свободы, имевшие место в годы его президентства, — напоминают нам, что они знали, как участвовать в общем деле,

хотя им при этом и было известно, что условия войны губительны для многого из того, ради чего эти люди трудились.

Существуют два вида дисциплины власти: одна проистекает из свободного выбора в убеждении, что ограничения индивидуальных или классовых интересов необходимы для общего блага; другая навязывается господствующим классом подчиненному и беспомощному народу. Эта последняя есть прусская дисциплина, дисциплина жесткой, машиноподобной, логической организации, основанной на правлении военной автократии. Она предполагает, что если вы первым не раздавите своего противника, он раздавит вас. Это дисциплина страны, которой правит ее генеральный штаб, считающий войну нормальным состоянием народов и с безжалостной логикой стремящийся распространить свои операции, чтобы уничтожить демократию, где бы она ни была. Сразиться с прусской дисциплиной можно только при помощи дисциплины народа, который использует свое правительство для благородных целей, который сохраняет в обществе индивидуальность и мобильность и уважает права тех, кто следует требованиям гуманности, честной игры и принципам взаимных уступок. Прусская дисциплина — это дисциплина Тора, бога войны, противопоставленная дисциплине Белого Христа.

Демократии пионеров пришлось извлекать уроки из собственного опыта: первый урок состоял в том, что правительство, основанное на принципах свободной демократии, может осуществить много такого, о возможности чего люди середины XIX в. даже и не догадывались. Им пришлось в определенной мере пожертвовать своей страстью к отсутствию ограничений для индивидуума; им пришлось узнать, что правительству нужны специально подготовленные люди, люди, подходящие для исполнения работы благодаря полученному образованию и имеющемуся опыту либо в научной области, либо в сфере экономики; и что правление народа является эффективным и прочным только в том случае, если в организацию этого правления включаются обученные специалисты или в роли посредников между борющимися интересами, или в качестве действенного инструмента в руках демократии.

После эпохи свободных земель организованная демократия поняла, что, для того чтобы добиться успеха, народное правительство не только должно быть законным выбором всего народа; что не только посты в этом правительстве должны быть открыты для всех, но что в жесткой борьбе стран на поле экономического соревнования и на поле боя, спасение и сохранение республики зависят от признания того, что специализация правительственных органов, выбор для занятия правительственных должностей наиболее достойных и способных

людей поистине столь же важен, как и расширение народного контроля. Когда мы утратили свободные земли и прекратилась наша изолированность от Старого Света, мы потеряли наш иммунитет от результатов своих ошибок, расточительности, неэффективности и неопытности нашего правительства.

Но сейчас мы также познаем еще один урок, который был лучше известен пионерам, чем их ближайшим потомкам. Мы узнаем, что отличие, возникающее из преданности интересам государства, является более высоким отличием, чем простой успех в экономическом соперничестве. Сейчас Америка воздает почести тем, кто жертвует своим триумфом в конкуренции бизнеса, чтобы поставить на службу делу свободолюбивой нации, успеха ее идеалов свое богатство и гений. Эта страсть добиться отличия, которая некогда побуждала людей накапливать огромные богатства и демонстрировать свою власть над промышленными процессами в стране, теперь находит новый выход в стремлении отличиться на поприще службы Союзу, в удовлетворении от применения своего великого таланта во благо республики.

И во всей стране в добровольных организациях помощи правительству демонстрируется принцип первых поселенцев, касавшийся объединений и выразившийся в «сборе соседей для постройки дома». Его демонстрируют Красный Крест, Ассоциация молодых христиан, Рыцари Колумба, советы и управления по вопросам науки, торговли, труда, сельского хозяйства; и все другие бесчисленные формы общественных организаций, от ассоциаций женщин, которые на своих кухнях, следуя рекомендациям руководителя управления по вопросам продовольствия, возрождают скромный образ жизни пионеров, до бойскаутов, воспитывающих основы внутренне дисциплинированного и мужественного поколения, достойного пойти по тропам, проложенным первопроходцами. Это вдохновляющее предсказание возрождения старой концепции пионеров об обязательствах и возможностях добрососедства, расширенной до общенационального и даже международного масштаба. Это надежда на «возлюбленную общину», как называл ее мудрый философ Джосая Ройс, об уходе которого мы сожалеем. В духе «сбора соседей для постройки дома», как во времена первых поселенцев, лежит спасение Республики.

Вот что составляет наследие пионеров: страстная вера в возможность демократии, которая должна оставлять человеку шанс сыграть свою роль в свободном обществе, а не делать его винтиком в машине, управляемой сверху; которая верит в простого человека, в его терпимость, способность с бодростью переносить трудности, и создание

типичного американца из представителей всех стран — образца, достойного того, чтобы за него стали бороться против тех, кто вынудит американцев взяться за оружие, и ради которого они во время войны пойдут на жертвы, даже на временное ограничение индивидуальной свободы, и отдадут свои жизни, лишь бы не утратить ее навеки.

Примечания

¹ Речь, произнесенная при торжественном открытии здания Исторического общества штата Миннесота 11 мая 1918 г. Печатается с разрешения Общества.

² Смотрите интересные высказывания А. де Токвиля относительно этого американского явления.

Фредерик Дж. Тёрнер

Фронтир в американской истории

Ответственный редактор: *д.и.н., проф. В.В. Согрин*

Научный редактор: *к.и.н. Л.М. Троицкая*

Редактор: *Е.Л. Чеканова*

Художник: *А.А. Арештейн*

Верстка: *Е.А. Поташевская*

Корректор: *В.К. Ячковская*

Подписано в печать 06.10.2009

Формат 60 x 90 ¹/₁₆ Гарнитура NewtonС

Печ. л. 19,0. Изд. № 17/06-и

Заказ № В-1513.

ООО Издательство «Весь Мир»

Адрес: 117342, Москва,

ул. Бутлерова, д. 176

Тел.: (495) 739-09-71

Факс: (495) 334-85-91

E-mail: info@vesmirbooks.ru;

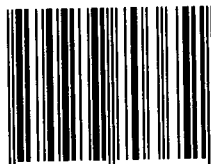
<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано в ОАО ПИК «Идел-Пресс»

в полном соответствии с качеством предоставленных материалов

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

ISBN 978-5-7777-0365-1

9 785777 170365 1

Фредерик Джексон Тёрнер (14 ноября 1861 г. – 14 марта 1932 г.) родился в г. Портидж (Portage), штат Висконсин. Окончил в 1884 г. Университет штата Висконсин в г. Мадисон. Являлся членом братства “Phi Kappa Psi”. Докторскую степень по истории получил в Университете Джонса Гопкинса, защитив диссертацию о пушной торговле в Висконсине (1890). Профессор Университета штата Висконсин (1890–1910) и Гарвардского университета (1910–1924). Президент Американской исторической ассоциации (1910). В 1920 г. им была опубликована книга «Фронтир в американской истории». За труд «Значение секций в американской истории» ученый получил посмертно Пулитцеровскую премию за лучшую книгу по истории (1933). С 1924 г. вплоть до своей смерти Тёрнер работал научным сотрудником в Калифорнии в Хантингтонской библиотеке.

Основные работы: “Rise of the West, 1819–1829” (1906); “The Frontier in American History” (1920); “The Significance of Sections in American History” (1932); “The United States 1830–1850: The Nation and Its Sections (1935)”.

Книга «Фронтир в американской истории» является собранием основных статей и выступлений Ф. Дж. Тёрнера с 1893 по 1918 г., в которых сформулирована и подробно разработана концепция «фронтира» («границы»). В центре внимания находится территориальная экспансия и американский Запад как ключевые, с точки зрения историка, факторы развития США в целом и роли демократических институтов страны в частности. Книга оказала большое влияние на развитие исторической науки XX в.

На русском языке публикуется впервые.